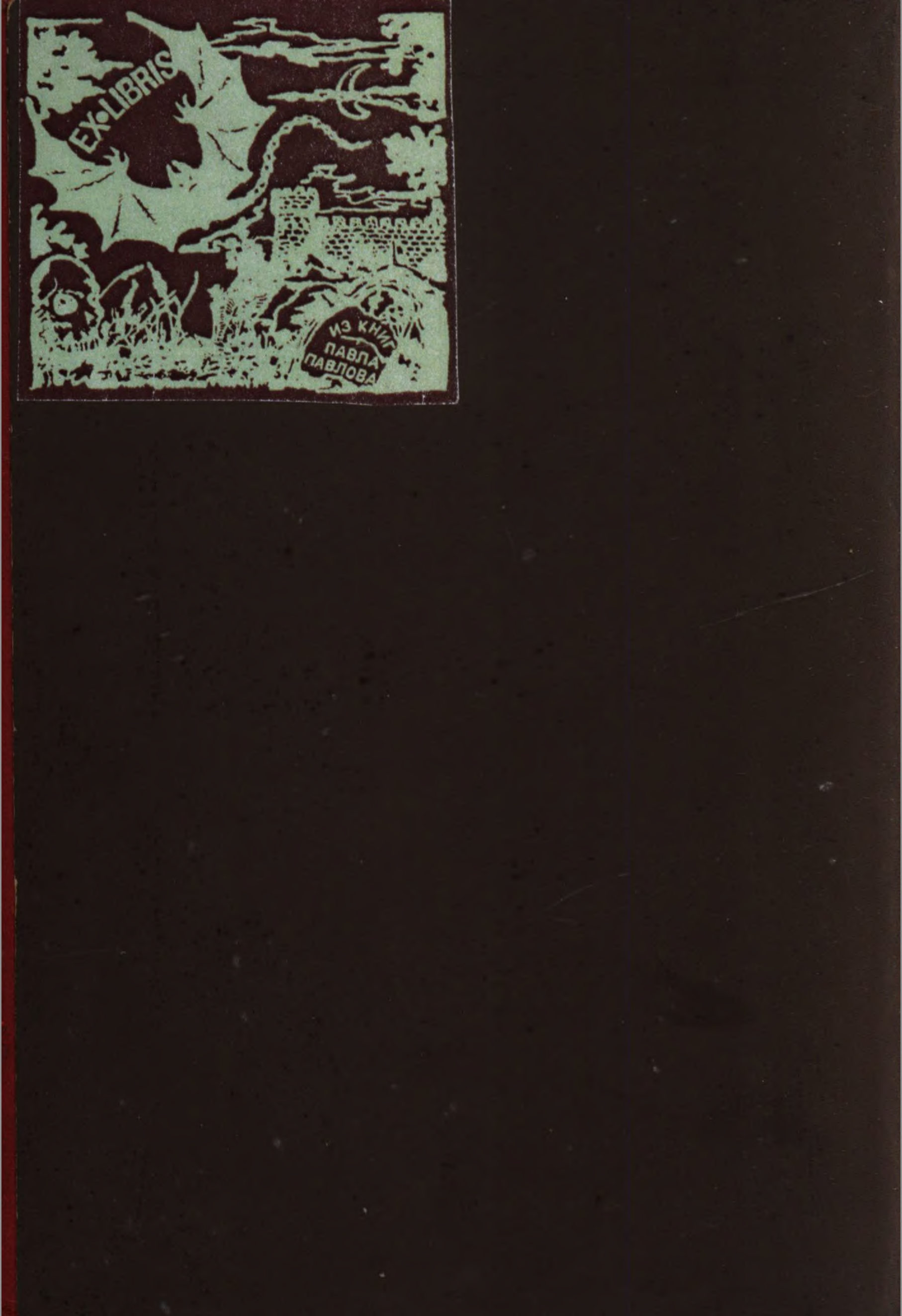
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ и МОСКВА.


EX•LIBRIS
ИЗ КНИГ
ПАВЛА
ПАВЛОВА

СОБРАНІЕ ВОЛЬФА

РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ

СОЧИНЕНІЯ
И. А. САЛОВА

ТОМЪ II

СОЧИНЕНІЯ

И. А. САЛОВА

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

ТОМЪ II

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ | МОСКВА

Гостиный дворъ, №№ 17 и 18 | Петровка, домъ Михалкова, № 5

1884

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. (Спб., В. О., 16 л., № 5).

МЕЛЬНИЦА КУПЦА ЧЕСАЛКИНА.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ А. В. ЗИМЕНКО)

Случалось ли вамъ когда-нибудь ловить или, по мѣстному выраженію, бить рыбу острогóй? Если не случалось, то я разскажу, какъ это дѣлается. Острогà есть нѣчто въ родѣ небольшихъ желѣзныхъ вилъ, на зубьяхъ которыхъ устраиваются бородки, какія дѣлаются на удочкахъ, чтобы рыба не соскакивала. Острогà имѣетъ три, четыре такіе зуба, смотря по величинѣ рыбы, которую намѣреваются бить, и насаживается на легкій шестъ, аршина въ четыре. Затѣмъ, на носу небольшой лодки пристраиваютъ желѣзную рѣшетку, на которую кладутъ смольё (такъ называютъ у насъ сухіе пни и корни сосновыхъ или еловыхъ деревъ)—и все готово. Ловлю рыбы острогóй производятъ по ночамъ, обыкновенно осенью, когда водяныя растенія падаютъ на дно и когда вода дѣлается совершенно прозрачною. Я пробовалъ охотиться и лѣтомъ, но выходило неудачно. Для охоты этой выбираютъ мѣста неглубокія; лучше всего большіе пруды, на которыхъ есть мельницы и вода которыхъ, вслѣдствіе этого, широко разливается по отлогимъ бе-

регамъ. На такихъ прудахъ или озерахъ, глубина которыхъ достигаетъ не болѣе двухъ-трехъ аршинъ, дно освѣщается великолѣпно, и вы отлично можете видѣть спящую рыбу. Пристроивъ острогу и лодку, вы берете съ собой человѣка, умѣющаго управлять весломъ, и, когда достаточно стемнѣетъ, разжигаете наложенное на рѣшетку смольё и тихо, осторожно выѣзжаете на добычу. Лодка должна плыть медленно, неслышно, чтобы шумомъ и плескомъ воды не разбудить рыбу. Тотъ, кто правитъ лодкой, садится на корму, а тотъ, кто съ острогóй, становится на носу возлѣ огня и, держа острогу наготовѣ, зорко смотритъ на освѣщенное дно... И вотъ, передъ вами раскрывается весь подводный міръ, со всѣми его мельчайшими подробностями. То же самое озеро, въ которомъ вы купаетесь каждый день, по камышамъ котораго чуть не каждый день охотитесь по уткамъ, словомъ—то самое озеро, которое разстилается широкой серебристой скатертью передъ окнами вашего деревенскаго дома и надъ поверхностію котораго цѣлыми стаями летаютъ бѣлыя чайки, ловко выхватывая изъ воды мелкую рыбу,—вдругъ преображается во что-то незнакомое, таинственное, и вы невольно восклицаете: — да что-же это!.. гдѣ-же я?.. Вы смотрите вверхъ — надъ вами черное осеннее небо, кажущееся еще чернѣе отъ пылающаго возлѣ васъ смолья. Вы оглядываетесь по сторонамъ,— и опять та-же непроглядная мгла. Лодка двигается медленно, но вамъ кажется, что двигаетесь не вы, а эти освѣщенные огнемъ камыши, тальники и водоросли. Иногда лодка врѣзывается въ густую группу камыша; вы подаете ее назадъ, и вдругъ загораживаетъ вамъ путь частый тальникъ. «Да гдѣ-же мы?»

говорите вы. Смотрите по сторонамъ, но мракъ окутываетъ васъ кругомъ. Вамъ видно только небольшое пространство, облитое пламенемъ, вы видите лицо своего спутника—багровое, съ блестящими глазами; видите лодку, чуть-чуть колыхающуюся воду, а внизу, тотчасъ-же подъ лодкой, освѣщенное дно. Вотъ проползло растеніе, похожее на эйхгорнію, листовые стебли вздуты, наполнены воздухомъ; цѣлый пучекъ корней пустило оно въ воду. Это растеніе постоянно плаваетъ... Вотъ на самомъ днѣ трава съ тупыми сердцевидными листьями, расположенными кистями, весьма похожая на ализму; вотъ корни бодяги, покрытые паразитами; вотъ цѣлая куча папоротниковъ и тутъ-же, возлѣ лодки, въ водѣ, что-то въ родѣ прямой палки, черное, неподвижное... всматриваетесь и убѣждаетесь, что это не палка, а спящая щука. Она стоитъ совершенно неподвижно, точно окаменѣлая, и кажется вамъ, что она почти на поверхности воды. Сердце ваше дрогнуло, руки затряслись, вы наводите острогу, осторожно погружаете ее въ воду, приближаете какъ можно ближе къ щукѣ, соразмѣряете силу удара съ пространствомъ, отдѣляющимъ рыбу отъ остроги, дѣлаете мгновенный толчекъ... Увы! на острогѣ нѣтъ ничего! Вы только зацѣпили и вытащили наружу водяную поросль, а щуки нѣтъ... Оказывается, что ударъ вашъ былъ невѣренъ; вашъ глазъ былъ обманутъ, и щука, которая казалась вамъ такъ близко стоявшею къ поверхности воды, на самомъ дѣлѣ стояла отъ нея аршина на полтора глубже. Ударомъ вашимъ вы произвели шумъ и переполошили все населеніе озера. Камыши заколыхались, закрякали утки, съ шумомъ поднялись съ ночлега, и темный мракъ

ночи наполнился торопливымъ свистомъ ихъ крыльевъ. Шарахнулась цапля, вскрикнула чайка, въ водѣ засуетились раки, метнула щука; цѣлая стая куличковъ-песочниковъ испуганно пролетѣла почти надъ нашей головой; замахалъ надъ вами чибизъ бѣлыми крыльями и въ ту-же минуту скрылся во мракѣ... Но вотъ, мало-по-малу, все снова затихаетъ. Вы слышали, какъ утки шлепнулись на воду, какъ опустилась цапля, какъ кулички просвистали, но уже далеко. Смотрите на воду, но и вода тоже успокоилась, круги улеглись, и снова она подъ вами раскинулась, какъ зеркало. Вы плывете на другое мѣсто. Подъ вами песчаное дно, все усыпанное раковинами; вы замѣчаете на пескѣ бороздки, разбѣгающіяся въ разныя стороны: это — слѣдъ переползавшихъ улитокъ. Вотъ задорно стоитъ цѣлая стайка ершей, но бить острогой ихъ не стóитъ, потому что рыба эта слишкомъ мелка; вотъ маленькій щуренокъ, неподвижно вытянувшійся, словно ткацкій челнокъ; а вотъ опять водяное растеніе, и на этотъ разъ передъ вами прелестная голубая роза. Это — одно изъ самыхъ роскошнѣйшихъ и красивѣйшихъ водяныхъ растеній. Длинные листья его плаваютъ по поверхности воды, и изъ средины ихъ высовываются самые цвѣтки. Но вы минуете ихъ такъ осторожно, такъ тихо, что даже не потревожили ни одного листка. Вотъ проползъ мимо камышъ, вотъ кустъ тальника, вотъ на днѣ, точно исполинская піёвра съ растопыренными мохнатыми лапами, черная какъ уголь, лежитъ каряга; вы дѣлаете знакъ гребцу, минуете это чудовище, смотрите зорко на дно и опять передъ вами щука... Снова дѣлаете гребцу знакъ, лодка останавливается, острогà пущена, и на этотъ

разъ она заметалась въ рукахъ вашихъ, вы чувствуете тяжесть на ея зубьяхъ, поспѣшно вынимаете острогу — и щука на днѣ вашей лодки!

Совѣтую вамъ поохотиться съ острогóй и, если не чужды вы восхищаться картинами природы и хоть сколько-нибудь любите поэзію, то скажете мнѣ большое спасибо.

На такую-то охоту звалъ меня однажды нашъ приходскій дьяконъ, Иванъ Ѳедоровичъ Космолинскій, торжественно объявивъ при этомъ, что наканунѣ ѣздилъ съ острогóй пономарь Демьянычъ и привезъ столько рыбы, что всѣхъ сосѣдей до отвала ухой накормилъ, да еще лещей насолилъ кадушки двѣ.

— Куда-же мы отправимся? — спросилъ я.

— Конечно, на Ильмень, — отвѣчалъ дьяконъ: — чего-же лучше! На Ильменѣ и Демьянычъ охотился...

Но надо прежде всего познакомить васъ съ дьякономъ.

Дьяконъ Космолинскій, котораго мы, прихожане, звали просто: отче, производилъ свою фамилію отъ греческаго *космосъ* — міръ и *лого* — говорю. Это былъ мужчина лѣтъ тридцати пяти, крѣпкаго сложенія, высокаго роста, сильный и ловкій (ухватистый, какъ говорятъ мужики) и весьма пріятной наружности. Носъ у него былъ прямой, правильный, глаза голубые, а надъ довольно полными губами, изъ которыхъ нижняя раздвоилась, красиво лежали бѣлокурые усы; борода у него была тоже красивая съ мягкими волосами. Но болѣе всего любилъ я дьякона за то, что онъ въ душѣ былъ страстный охотникъ. Онъ непритворно сокрушался, что санъ (слово это онъ произносилъ съ какой-то особенной важностію) не позволяетъ

ему охотиться съ ружьемъ, и всегда съ восторгомъ вспоминалъ то время, когда онъ, бывши еще учителемъ приходскаго училища, щеголялъ въ нанковомъ сюртукѣ и триковыхъ брюкахъ, и въ свободное время по цѣлымъ днямъ шатался съ ружьемъ. Нечего говорить, что дьяконъ любилъ разсказывать про свои охотничьи похожденія. Разсказывалъ, какъ однимъ выстрѣломъ убивалъ по нѣскольку утокъ, какъ однажды, стрѣляя по кулику, смертельно ранилъ волка, котораго недѣли черезъ двѣ мужики нашли околѣвшимъ гдѣ-то въ полѣ, только шкура ужь не годилась, потому что сильно подопрѣла и т. п. Страсть къ ружью онъ не утратилъ, даже сдѣлавшись дьякономъ. Чистить ружья и набивать патроны было для него величайшимъ удовольствіемъ. Какъ только увидитъ бывало ружье, такъ сейчасъ же начнетъ дуть въ стволы и осматривать капсюли.

— А ружьецо-то того... подгуляло, — проговоритъ бывало: — чистки требуетъ!

И снявъ поспѣшно рясу, засучивалъ рукава, завязывалъ узломъ волоса и, собственноручно притащивъ воды, начиналъ промывать ружье и только тогда, когда убѣдится, что ружье чисто, онъ ставилъ его на прежнее мѣсто, проговоривъ:

— Sat, satis!

Сопровождать на охоту въ качествѣ зрителя было тоже его первѣйшимъ удовольствіемъ. Онъ даже любилъ подавать убитую дичь, причемъ лазилъ въ воду и не боялся ни простуды, ни раковинъ, ни змѣй, ни остраго камыша.

— Да что вы не стрѣляете? — бывало спросишь его.

— Нельзя! — отвѣчалъ онъ глубокомысленно: — санъ

не дозволяетъ! Сказано: ни едина тварь да не погибнетъ отъ рукъ твоихъ.

— А рыбу-то ловить развѣ не все равно? тоже — тварь.

— Нѣтъ, это — дѣло десятое! Всѣ апостолы были рыбари.

И дѣйствительно, дьяконъ, по примѣру апостоловъ, былъ коренной рыбарь. Отправиться въ ночь куда-нибудь верстъ за десять съ цѣлой вязанкой удочекъ, съ цѣлію на излюбленномъ мѣстѣ встрѣтить зарю, было для него ни почемъ. Подоткнетъ, бывало, подъ кушакъ свое рыжее полукафтанье, надвинетъ на голову изодранную шляпенку — и маршъ.

— Далеко? — спросишь его.

— Подъ Шептаковку! Лещи икру начали метать, по камышамъ словно свиньи возятся,— самъ видѣлъ!

А воротится бывало съ пустыми руками.

— Гдѣ-же лещи-то? — спросишь бывало.

— Да что! Какая штука-то стряслась! вы послушайте-ка...

И начинаетъ бывало разсказывать, какая стряслась съ нимъ штука, а на повѣрку окажется, никакой съ нимъ штуки не стряслось, а просто не было рыбы, да и лещей, возившихся подобно свиньямъ, онъ самъ не видалъ, а повѣрилъ на слово какому-нибудь шутнику.

Тѣмъ не менѣе, однако, безъ отче и охота — не охота. И рыба не ловится, и дичи нѣтъ... Мѣста, гдѣ держится рыба, онъ зналъ какъ свои пять пальцевъ. Первый сообщалъ всегда о прилетѣ и отлетѣ птицъ. Подслушивалъ, гдѣ квохчутъ сомы, и сію же минуту летитъ съ донесеніемъ: «Пойдемте, говоритъ,

переметъ ставить въ Ѳедотовомъ затонѣ. Сомы квохчутъ!»

Во время рыбной ловли, тутъ-же на берегу варилъ уху и, надо сказать правду, варилъ великолѣпно, а главное, все это дѣлалъ живо. Живо дровъ наберетъ, котелокъ приладитъ, рыбу перечиститъ, живо все это пристроитъ, не переставая въ то-же время слѣдить за поплавками своихъ удочекъ, которыхъ набиралъ всегда во множествѣ.

— Ну, ну, бери, что-ли! — проговоритъ бывало, поглядывая на удочки: — а то соскучусь, уйду! — И, смотришь, уговорилъ-таки, тащитъ какую-нибудь рыбу.

— Ишь, повелъ! Ишь, повелъ! — шепчетъ бывало, поглядывая на удочки: — непремѣнно лещъ... Окунь, тотъ какъ собака хватаетъ, — съ налёту.

Словомъ, дьяконъ былъ молодецъ на все. Кромѣ рыбачества, онъ былъ мастеръ и мозоли вырѣзывать, и выправлять ногти на ногахъ, если растутъ неправильно и впиваются въ тѣло, умѣлъ стричь волосы *подъ гребешокъ* или *а ля полька;* комнаты оклеивать обоями, а ужь въ банѣ никто бывало не собьетъ такъ мыло, какъ онъ, никто такъ не нахлещетъ вѣникомъ и никто такъ не натретъ спину мочалкой, какъ онъ. Всѣ косточки порасправитъ, всѣ ребра переберетъ.

Бывало, засядешь съ нимъ гдѣ-нибудь на берегу рѣки подъ тѣнью ивы (онъ и сидѣнье умѣлъ отлично устраивать; расковыряетъ, бывало, пяткой мѣстечко для ногъ, нарветъ лопуховъ, раздвинетъ камышъ и садись), закинешь удочки, а онъ начнетъ разсказывать разные анекдоты про семинарію, про монаховъ, про поповъ, про дьячка, обвѣнчавшаго вокругъ пенька въ

лѣсу какую-то свадьбу, — и не видишь, какъ время пройдетъ. Жадности, свойственной сану, онъ не имѣлъ, а потому домъ его былъ постоянно неухиченъ; и скотины онъ не имѣлъ никакой, ни амбарчика, ни хлѣвушка, ничего подобнаго не полагалось, а былъ только одинъ плетень, которымъ онъ обнесъ свой дворъ, да и съ тѣмъ плетнемъ случился скандалъ. Дѣло было такъ: наколотилъ отче осенью ветловыхъ кольевъ и, не облупивъ ихъ, заплелъ плетень. Пришла весна, смотритъ: колья пустили побѣги, а къ осени сдѣлались пушистыми деревьями Пришла другая весна, деревья снова зазеленѣли роскошной листвой, и вмѣсто плетня оказался садъ, а плетень сталъ приподниматься. Взялъ дьяконъ топоръ и давай рубить плетень, а деревья и до сихъ поръ зеленой стѣной окружаютъ его хату и служатъ любимѣйшимъ пристанищемъ для хлопотливыхъ воробьевъ.

Краснорѣчіемъ дьяконъ обладалъ замѣчательнымъ и, начиная что-либо разсказывать, заторопится и такъ бывало все перепутаетъ, что ничего не поймешь. Однажды, какъ-то сообщилъ онъ мнѣ, какъ лихорадку лечить.— Какъ-же? — спрашиваю.— А вотъ какъ: надо взять полушубокъ, отрѣзать клочекъ шерсти и положить въ стаканъ воды, если шерсть потонетъ — значитъ, деготь хорошъ, потомъ взять и выпить этотъ стаканъ меду. И шабашь, какъ рукой сниметъ! — Разсказы свои онъ обыкновенно начиналъ такъ: — Прихожу домой, дьяконица чай пьетъ; тебѣ налить, что-ли, чайку-то? — спрашиваетъ. Я выпилъ три ли, четыре-ли чашки, не помню, потомъ взглянулъ такъ въ окошко и т. д.

Аппетитъ былъ у дьякона завидный. Побывать на

двухъ-трехъ поминкахъ, пропѣть послѣ блиновъ *чашу*, а затѣмъ раза два пообѣдать у *чистыхъ прихожанъ* (такъ называли приходскихъ дворянъ и купцовъ) — для него было сущимъ вздоромъ. «Ничего, сойдетъ!» скажетъ, бывало, и только губы у него пухли. Насчетъ возліянія тоже былъ не дуракъ и пилъ безъ разбору все, чтó бы подъ руку ни попалось, и безо всякой послѣдовательности. Послѣ хереса водку, потомъ опять хересъ, опять водку, затѣмъ коньякъ, пиво. Водку именовалъ онъ разными названіями: то называлъ ее: *розонбе*, то *гронзобель*, то *аква буянисъ*, то *брыкаловкой*, то просто *она*..

— Она манкà! одну выпьешь, сейчасъ и на другую потянетъ!

Увели какъ-то разъ у дьякона лошадь (какъ-то на грѣхъ завелъ). Утромъ спохватился — нѣтъ лошади! Началъ ее розыскивать, бросился къ сосѣдямъ. — Такъ и такъ, братцы, помогите, лошадь у меня послѣднюю увели: нельзя-ли какъ въ погоню по разнымъ дорогамъ! Поскакали мужики, скакали, скакали; къ вечеру вернулись домой. «Какъ въ омутъ канула! — говорятъ: — нѣтъ нигдѣ, измучились скакамши!» Дьяконъ послалъ за водкой; нельзя-же, надо было поблагодарить православныхъ. Роспили; дьяконица плачетъ, дьяконъ тоже призадумался. «Ты вотъ что, отче,— говорятъ мужики: — завтра, чѣмъ свѣтъ, катай въ Чапушку, къ Пузанку, онъ тѣ укажет, гдѣ твоя лошадь!» — На чемъ катать-то! — говоритъ уныло дьяконъ. «Вона,— галдятъ мужики: — да я съ тобой поѣду, да тотъ поѣдетъ!» На утро, дѣйствительно, къ дьяконовской хатѣ народу набрался цѣлый содомъ. Тотъ привелъ лошадь, другой — лошадь, третій — ло-

шадь — скачи на любой! Спорили, кричали; наконецъ, запрягли сани тройкой, усѣлись; дьячекъ Константинъ Иванычъ тоже присѣлъ, и поѣхали въ Чапушку. — Надо-бы выпить на дорожку! — молвилъ кто-то: — чтобы Господь счастья послалъ! — Можно,— говоритъ дьяконъ. Завернули къ кабаку, выпили и поѣхали. Въ Чапушкѣ никакого толку не вышло. Ставилъ-было дьяконъ Пузанку четверть, чтобы указалъ, гдѣ лошадь, но водку выпили, а про лошадь ничего не узнали. Роспили еще четверть, послали за третьей, да такъ всю ночь и прокружили, и только ужь на другой день воротился дьяконъ домой. Скачетъ тройкой съ колокольчиками, съ бубенчиками, дугу разукрасили красными платками, самъ дьяконъ стоитъ въ саняхъ, обнявшись съ дьячкомъ, машутъ платками, поютъ пѣсни. Да и не прямо домой поѣхали, а велѣли себя по улицамъ катать; народъ думалъ, что свадьба гуляетъ, а оказывается, что это дьяконъ лошадь розыскиваетъ. «Ну чтó, нашелъ, что-ли, лошадь?» — спрашиваютъ его, а дьяконъ и ухомъ не ведетъ. Рублей двадцать, говорятъ, стоилъ ему этотъ розыскъ, а лошадь, которой цѣна пять рублей, такъ и пропала, словно въ омутъ канула. И съ тѣхъ поръ дьяконъ лошадей не заводилъ.

Этотъ-то самый дьяконъ пришелъ приглашать меня на охоту съ острогóй и сулилъ чуть не горы разной рыбы, ссылаясь на удачную ловлю пономаря Демьяныча. Нéчего говорить, что, заручившись моимъ согласіемъ ѣхать съ нимъ на Ильмень съ острогóй, онъ принялся со свойственной ему энергіей рыбаря приготовляться къ охотѣ.

— Надо теперь, прежде всего, лодку гдѣ-нибудь разстараться, — проговорилъ онъ.

— У Демьяныча попросить; чего-же лучше?

— Захотѣли!

— А что?

— Во-первыхъ, онъ не дастъ, потому — собака, а во-вторыхъ, ѣхать въ ней все одно, что въ этой шляпѣ. Нѣтъ, я затоплюсь къ Данилѣ Сѣдову, у него челночекъ важный, легкій...

И отче стремительно бросился вонъ изъ комнаты; не прошло секунды, какъ онъ уже, широко размахивая руками, промелькнулъ мимо окна, крикнувъ мнѣ:

— Паклицы на всякой случай прикажите приготовить.

Не успѣли еще принести требуемой дьякономъ *паклицы*, идти за которой было не далеко, какъ я услыхалъ подъ окномъ какой-то странный шумъ: не то вихорь налетѣлъ, не то въ барабанъ барабанятъ; я оглянулся, а это дьяконъ уже лодку тащитъ.

— Вотъ и лодка! — крикнулъ онъ и вошелъ въ комнату.

Лицо у него было багровое, потъ катился ручьями.

— Зачѣмъ-же вы на себѣ притащили! — проговорилъ я: — можно было-бы работника съ лошадью послать.

— Покамѣстъ вашъ работникъ-то прособирается, я ее двадцать разъ на себѣ приволоку. Ну, гдѣ-же пакля?

— Послалъ, сейчасъ принесутъ.

— Кого?

— Карпа Галдина.

Дьяконъ бросился вонъ изъ комнаты.

— Вы куда?

— За паклей.

— Да вѣдь я послалъ.

— Карпа-то! — проговорилъ дьяконъ съ презрѣніемъ. И вышелъ вонъ изъ комнаты.

Минутъ черезъ пять, дьяконъ снова былъ уже возлѣ лодки. Подъ мышкой торчалъ у него пучекъ пакли, а въ рукахъ колотушка и конопатка. Слѣдомъ за нимъ, выпятивъ брюхо и переваливаясь съ боку на бокъ, шелъ кривоногій Карпъ. На немъ была изъ бѣлыхъ овчинъ шапка, изъ-подъ которой выбивались волосы безпорядочными прядами. По разинутымъ губамъ текли слюни; осовѣлые глаза глядѣли безсмысленно. Подойдя къ лодкѣ, онъ почесалъ въ затылкѣ и, молча, сѣлъ на землю, посматривая на дьякона.

— Прикажите-ка смолья набрать!—крикнулъ дьяконъ и, поплевавъ на руки, принялся конопатить лодку, а шляпу бросилъ на землю.

— Карпъ! — крикнулъ я.

Карпъ вздрогнулъ и началъ озираться кругомъ, не умѣя сообразить, кто и откуда зоветъ его. Наконецъ, увидавъ меня въ окно, снялъ шапку и всталъ.

— Карпъ, ты съ нами сегодня на Ильмень поѣдешь,— проговорилъ я: — лодку повезешь. Слышишь, что ли?

— Чую, — промычалъ Карпъ, почесывая животъ. И, немного подумавъ, добавилъ: — а я было сегодня къ дѣвкамъ хотѣлъ у тебя попроситься: давно не былъ, захотѣлось повидаться.

Дьяконъ захохоталъ во все горло.

— Какъ, къ дѣвкамъ! — удивился я. — Къ какимъ?

— Да къ дочерямъ своимъ.

— Нѣтъ, сегодня нельзя, завтра. А теперь ступай и приготовь смолья.

— Ну, ладно! — И Карпъ ушелъ.

Часовъ въ шесть вечера мы были уже на пути къ Ильменю. Лодка была взвалена на телегу, запряженную бѣлой лошадью, которую Карпъ велъ подъ уздцы, а мы съ дьякономъ шли позади. Вскорѣ были мы на мѣстѣ, но, такъ какъ не совсѣмъ еще стемнѣло, то пришлось ждать ночи.

Ильмень (названіе это въ нашей мѣстности дается всѣмъ большимъ прудамъ и озерамъ) былъ огромный прудъ, походившій скорѣе на озеро. Прудъ этотъ составлялся изъ нѣсколькихъ небольшихъ рѣчекъ и ключей и затоплялъ водой не менѣе десятинъ пятисотъ плоскихъ отлогостей, образовавшихся по берегамъ этихъ рѣчекъ. Большая и длинная плотина удерживала эту воду, заставляя ее далеко разливаться. На плотинѣ была мельница-крупчатка купца Чесалкина. Ильме́нь мнѣ былъ очень знакомъ. Его болотистые берега, покрытые камышемъ, кустарникомъ и лѣсомъ, служили пристанищемъ всевозможной дичи, и круглое лѣто были самымъ любимымъ мѣстомъ ружейниковъ, которыхъ, кромѣ меня да одного сельскаго учителя изъ семинаристовъ, не было никого. Мы были полными властелинами этой мѣстности и безсовѣстно стрѣляли съ самой ранней весны и до поздней осени. На прудѣ этомъ охотились мы и за кряковой уткой, безпоща́дно истребляя задорныхъ селезней, и по бекасамъ. Въ концѣ іюня, Богъ знаетъ, откуда налетали дупеля. «Осыпной дупель!» — какъ говаривалъ дьяконъ, такъ что убить 50 — 60 штукъ въ одно поле

считалось дѣломъ незавиднымъ. Но охота эта продолжалась, къ несчастію, всего дня три или четыре, а затѣмъ дупеля исчезали всѣ вдругъ, какъ по командѣ, неизвѣстно куда, такъ что еще вечерней зарей мы поднимали ихъ десятками, а пойдешь на слѣдующее утро, — ни одного. — Хоть бы перышко увидать! — говорилъ дьяконъ. Затѣмъ, начиналась охота по молодымъ уткамъ. Утокъ на Ильменѣ были милліоны, начиная съ самыхъ мелкихъ и проворныхъ чирковъ и кончая самыми тяжеловѣсными, неповоротливыми кряквами. Стоило, бывало, выстрѣлить, какъ утокъ цѣлыя тучи поднимались. Съ крикомъ и шумомъ начнутъ кружиться эти тучи надъ озеромъ, то поднимаясь, то опускаясь, и накружившись досыта, снова опускались въ камыши.

По мѣрѣ того, какъ ночь сгущалась и приближалась минута охоты съ острогóй, лицо дьякона принимало все болѣе и болѣе озабоченное выраженіе. Онъ то лодку осмотритъ, то пощупаетъ зубья остроги, то осмотритъ на небо.

— Дождикъ не пошелъ бы! — проговорилъ я.

— Ну, зачѣмъ онъ пойдетъ!

— Тучи что-то забродили.

— Тучи — не бѣда; это еще лучше, потому что темнѣе будетъ! Вотъ вѣтеръ бы не подулъ.

— А что?

— Волна будетъ — рябь.

— Вы водки не хотите ли выпить? — спросилъ я дьякона.

— *Же ве!* — отозвался дьяконъ октавой, и мы выпили.

Между тѣмъ, сумерки становились все гуще и гуще;

лѣсъ темнѣлъ и замолкалъ; черной массой разстилался онъ вдоль озера, и только деревья, стоявшія на опушкѣ, отдѣлялись отъ этого сплошнаго темнаго фона. Почернѣло тоже и озеро. Все затихло, замерло, заснуло, и только сдержанный шепотъ камыша да порой дикій крикъ цапли нарушали тишину. Даже лошадь, привезшая лодку, и та перестала фыркать и жевать и, повѣсивъ голову, предалась сладкой дремотѣ. Одна только она выдѣлялась своею бѣлой мастью на черномъ фонѣ, со всѣхъ сторонъ насъ окружавшемъ. Небо заволакивалось тучами все болѣе и болѣе, но зато вѣтра не было ни малѣйшаго, такъ что даже зажженная спичка не гасла.

— Ну, теперь можно ѣхать! — прошепталъ дьяконъ, какъ-будто боясь спугнуть эту мертвую тишину. — Карпъ, давай потихоньку лодку спустимъ.

Спустили лодку; что-то метнулось въ водѣ и плеснуло.

— Щука! — еще тише прошепталъ дьяконъ.

Наложивъ въ лодку охапки двѣ смолья, дьяконъ зажегъ спичку, вынулъ изъ кармана клочекъ бумаги и принялся разжигать смольё. Раздался легкій трескъ, взвился клубъ дыма, пахнуло смолой, и пламя охватило небольшой костеръ. И вотъ, среди этой тьмы, освѣтилось багровымъ свѣтомъ лицо дьякона, раздувавшаго смольё, его оборванная шляпа, безсмысленно-сонное лицо Карпа, носъ лодки; освѣтилась куртинка камышей съ наклонившимися початками, кусокъ берега... А зато кругомъ и небо, и вода, и лѣсъ, и деревья у опушки — все слилось въ одно черное, непроглядное, даже бѣлая лошадь исчезла...

Дьяконъ махнулъ мнѣ рукой и жестами, какъ бы

боясь разговаривать, указалъ мѣсто на кормѣ, поручая мнѣ управленіе лодкой, а про себя показывалъ, что онъ станетъ на носу съ острогóй. Такъ какъ я не умѣлъ еще владѣть острогóй, то поневолѣ, подчиняясь силѣ авторитета, повиновался и, взявъ весло, усѣлся на корму. Дьяконъ забрался на носъ.

— Ну, а мнѣ-то тутъ чаво дѣлать? — вдругъ буркнулъ Карпъ.

Дьяконъ даже плюнулъ.

— Спи! — зашипѣлъ онъ и, махнувъ мнѣ головой, замеръ.

Карпъ шагнулъ и пропалъ въ темнотѣ. Я оттолкнулъ лодку, и поплыли.

— Лѣво, лѣво! — шепталъ дьяконъ, снялъ шляпу и, перекрестившись, сталъ въ позицію.

Проѣхавъ нѣкоторое пространство по камышамъ, мы выбрались на чистое мѣсто. Лодка двигалась медленно, по-черепашьи; тишина кругомъ была мертвая, только смольё тихо потрескивало, обдавая насъ пахучимъ дымомъ. Дьяконъ пригнулся и зорко смотрѣлъ на дно, держа острогу наготовѣ. Я посмотрѣлъ вверхъ, посмотрѣлъ по сторонамъ — все черно, какъ-будто густой, черной дымкой завѣшено и ревниво закутано отъ любопытнаго взгляда. — «Нечего, молъ, смотрѣть сюда: тутъ нѣтъ ничего, тутъ все исчезло, тутъ только одинъ мракъ и больше ничего, а если хочешь видѣть что-нибудь, то смотри внизъ, — въ этотъ кругъ, освѣщенный огнемъ.» И невольно, взоръ опускался къ свѣту и жадно разглядывалъ таинственное подводное царство. Я смотрѣлъ въ воду, но дна не было видно; изрѣдка только попадались водоросли, чуть-чуть колыхавшіяся на длинныхъ стебляхъ и, ши-

роко раскинувъ плети, какъ гигантскія пауки, двигались онѣ, словно стараясь поймать что-то своими косматыми лапами.

— Пра̀во, пра̀во! — шепталъ дьяконъ. — Тутъ глубоко. Мы плывемъ по руслу Ольховки. Пра̀во!

Я повернулъ направо, и, когда мы проѣхали немного, передъ нами, словно по мановенію волшебнаго жезла, поднялась цѣлая стѣна камышей. Я остановился.

— Прямо, прямо! — командовалъ дьяконъ.

— Да куда же прямо! тамъ камыши.

— Камыши эти не густые... прямо, прямо.

Я толкнулъ весломъ, т. е., по совѣсти сказать, лопатой, замѣнявшей весло, и лодка врѣзалась въ камыши, отгибая ихъ направо и налѣво. Съ крикомъ, неподалеку отъ насъ, поднялась стайка чирковъ и, засвиставъ крыльями, улетѣла куда-то. Нѣсколько горящихъ щепокъ, зацѣпившись за камышъ, упали въ воду и зашипѣли; весло стало уже доставать тину, я уже не огребался, а упирался имъ. Но вотъ камышъ рѣдѣетъ, мы выплываемъ на чистое мѣсто, и на этотъ разъ дно освѣтилось со всѣми мельчайшими подробностями. Дьяконъ подложилъ въ огонь еще смолья, пламя на минуту уменьшилось, но огненные языки охватили новое смольё и свѣтъ разлился еще ослѣпительнѣе. Вдругъ дьяконъ пригнулся, зорко взглянулъ въ воду; острога метнулась у меня въ глазахъ, раздался плескъ и огромная щука была на днѣ лодки.

— На то я и дьяконъ въ Семеновкѣ, чтобы щука не дремала! — проговорилъ дьяконъ и на этотъ разъ уже не шепотомъ, а басомъ, и захохоталъ во все горло.

Всполошились утки, закричали цапли, засвистали кулички, зашлепала въ лодкѣ щука, и въ одну минуту все встрепенулось, проснулось и испугалось этого громкаго хохота среди могильной тишины.

— Штука дѣльная ввалилась! — продолжалъ дьяконъ и, снявъ съ остроги рыбу, свернулъ ей голову положилъ въ лодку.

— Ну, вы теперь такъ и держите все прямо!

Не успѣли проплыть мы и пяти саженей, какъ дьяконъ снова махнулъ острогóй и вытащилъ линя. Охота становилась интересною, рыба попадалась поминутно, и дьяконъ рѣдкій разъ дѣлалъ промахи. Онъ даже, желая щегольнуть искусствомъ, выхватилъ рака, но въ лодку его не положилъ, а, взявъ за клещу, отбросилъ далеко, такъ далеко, что даже не слышно было, какъ шлепнулся онъ въ воду. Мы все еще отдалялись отъ того мѣста, съ котораго начали охоту, и, судя по времени, отъѣхали отъ него, по крайней мѣрѣ, версты двѣ. Было уже десять часовъ вечера, и надо было подумать о возвращеніи домой, но дьяконъ до того увлекся удачей, что даже забылъ и думать объ этомъ.

— Что вы! Господь съ вами, съ этихъ поръ-то! Охота толко-что начинается, а вы домой! — говорилъ онъ. — Катайте, катайте налѣво...

Я каталъ весломъ, а дьяконъ острогóй и все лещей вытаскивалъ. Мы попали на такое мѣсто, гдѣ, кромѣ лещей, не было никакой рыбы, какъ-будто оно исключительно принадлежало имъ, введено было имъ во владѣніе, и никакая другая рыба не смѣла появиться въ ихъ царство. Важно насупившись, стояли они и какъ-будто нарочно подставляли свои жирныя, черныя

спины подъ зубья остроги. Даже мелкая рыбешка, до тѣхъ поръ цѣлой кучей слѣдившая за лодкой, отстала и не смѣла проникнуть въ этотъ захваченный лещами участокъ.

— Это — Харитоновъ затонъ, — говорилъ дьяконъ.

— Вы почему знаете?

— А потому, что лещъ одинъ.

— А затонъ этотъ далеко отъ нашей пристани?

— Съ четверть версты, не больше.

— Стало быть, мы ужь назадъ повернули.

— Эко спохватились! давнымъ-давно!

Прошло еще съ часъ, и лодка наша была почти полна рыбой. Мы порѣшили ѣхать домой или, лучше сказать, къ тому мѣсту, гдѣ ждалъ насъ Карпъ съ лошадью. Закуривъ папиросы, мы поѣхали быстро, но камыши безпрестанно загораживали намъ путь; приходилось ихъ объѣзжать, вслѣдствіе чего плаваніе наше значительно замедлялось. Громаднѣйшія стаи утокъ съ крикомъ и шумомъ поднимались изъ камышей и производили въ воздухѣ хаосъ. Подулъ вѣтерокъ, началъ накрапывать дождикъ. Прошло еще съ полчаса, а мы все еще блуждали по камышамъ, словно по какому-нибудь парку, дорожки котораго, разбѣгаясь въ разныя стороны, то выходили на открытую поляну, то снова поворачивали назадъ и вели Богъ знаетъ куда.

— Ужь такъ ли мы ѣдемъ? — спросилъ я. — Не плутаемъ ли?

— Ну, вотъ, отлично!

— Что-то долго...

— Да вѣдь еслибъ мы прямо ѣхали, а то вишь какъ колесимъ!

— А скоро доѣдемъ?

Дьяконъ пригнулся и внимательно посмотрѣлъ на дно.

— Сейчасъ, — проговорилъ онъ.

— Почему же это?

— Дно песчаное, вотъ почему.

— Такъ что жь?

— А то, что мы плывемъ теперь къ Гришовскому займищу. Вертите вправо, и сейчасъ пристань.

Я повернулъ, но пристани все не было. Между тѣмъ, вѣтеръ усиливался; тучи становились все чернѣе и спускались все ниже и ниже, такъ что зарево разведеннаго огня начало ихъ освѣщать, и онѣ, какъ облака дыма, неслись надъ нами. Камышъ началъ покачиваться... Прошло еще минутъ десять, а пристани все нѣтъ.

— Право, не плутаемъ ли, отче? — спросилъ я.

— Да нѣтъ же! Слава Богу, не въ первый разъ... Поди, озеро-то это я знаю вдоль и поперекъ.

— Да вѣдь ничего не видно.

— Постойте! — проговорилъ дьяконъ. И, ставъ на ноги, онъ приложилъ обѣ ладони ко рту и закричалъ страшнѣйшимъ басомъ.

— Ка-а-а-арпъ!

Но, вмѣсто Карпа, откликнулась стая гусей, съ шумомъ поднявшаяся изъ камышей.

— Карпъ! — продолжалъ кричать дьяконъ. Я остановилъ лодку.

— Ка-а-арпъ! Чортъ! откликнись.

Но Карпъ не откликался.

— Ка-а-а-арпъ! дьяволъ! Гдѣ ты? Провалился, что ли?

И дѣйствительно, Карпъ, должно быть, провалился, потому что отклика не было и только одинъ свистъ крыльевъ наполнялъ воздухъ.

— Непремѣнно спитъ, дьяволъ! — проворчалъ дьяконъ и снова принялся всматриваться въ дно.

— Вертите назадъ, — крикнулъ онъ, немного погодя.

— Зачѣмъ назадъ?

— Вертите.

— Куда же мы приплывемъ?

— Да вертите, знай. Видите, здѣсь глубь какая; мы опять по руслу рѣки плывемъ! Видите, вода назадъ течетъ, значитъ и намъ надо назадъ.

— Такъ ли?

— Господи Боже мой! — резсердился дьяконъ. — Неужто я не знаю!

— Не лучше ли намъ къ Макарову плыть, да тамъ на мельницѣ у Чесалкина переночевать.

— Вотъ это хорошо! Отсюда до Макарова, вы знаете, сколько будетъ?

— Не знаю.

— Ну то-то же и есть!.. Отсюда до Макарова верстъ семь будетъ.

— Такъ гдѣ же мы?

— Вертите назадъ — вотъ и все!

Я повернулъ, и на этотъ разъ дьяконъ уже не спускалъ глазъ со дна. Мы переплыли глубокое мѣсто и снова выѣхали на мелкое. Вдругъ дьяконъ махнулъ рукой, засуетился, схватилъ острогу и прошепталъ: сомъ!

Я остановилъ лодку, дьяконъ приподнялся на ноги, пригнулся, навелъ острогу, размахнулся, ткнулъ остро-

гбй въ воду, но острогà вдругъ переломилась, дьяконъ потерялъ равновѣсіе, лодка перекувырнулась, горѣвшее смольё зашипѣло, и мы очутились по поясъ въ водѣ. Огонь погасъ, мракъ окуталъ насъ со всѣхъ сторонъ.

— Сомъ! — проговорилъ дьяконъ, но тутъ ужь было не до сома. Я ухватилъ опрокинувшуюся лодку, какъ-то нечаянно наткнулся на весло, которое тоже забралъ, и рѣшительно не зналъ, что́ мнѣ дѣлать.

— Гдѣ мы? — спросилъ я.

— Въ водѣ!

— Да гдѣ, на какомъ мѣстѣ?

— А дьяволъ знаетъ гдѣ! — проговорилъ дьяконъ какимъ-то могильнымъ голосомъ. — Въ этакую темень, прости Господи, развѣ увидишь что-нибудь. Давайте-ка спичку, надо огонь развести.

— Спички-то въ карманѣ, а карманъ въ водѣ.

— Теперь и рыбу-то всю растеряешь! — и онъ началъ водить руками по водѣ, стараясь отыскать наловленную рыбу, но ея не было... Вдругъ раздался колоколъ. Мы притихли. Ударъ въ колоколъ повторился и какъ-будто въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ.

— Это въ Макаровѣ, — проговорилъ дьяконъ. — Колоколъ макаровскій!

Дѣйствительно, колоколъ былъ макаровскій.

— Ну, что же теперь дѣлать? — спросилъ я.

Но дьяконъ, вмѣсто отвѣта, схватилъ лодку, опрокинулъ ее на воду, выплескалъ всю воду, схватилъ меня въ охапку, посадилъ въ лодку, приказалъ перегнуться направо, а самъ съ лѣвой стороны влѣзъ въ лодку, усѣлся на корму и, взявъ весло, такъ началъ грести, что лодка мчалась какъ стрѣла. Минутъ черезъ пять, въ темнотѣ заблестѣлъ огонекъ, сначала ма-

ленькій, какъ булавочная головка, а, по мѣрѣ приближенія къ нему, все увеличивавшійся. Зачернѣли какія-то строенія, послышался шумъ падающей воды, стукъ колесъ... Мелькнуло мимо какое-то громадное дерево, другое, третье, послышался лай собакъ, и лодка наша, вылетѣвъ до половины на берегъ, врѣзалась въ песчаную отмель.

Мы были на мельницѣ купца Чесалкина.

— Ну, что? — спросилъ я дьякона. — Сколько верстъ до Макарова?

Но дьяконъ не отвѣчалъ. Онъ вытащилъ на берегъ лодку, пощупалъ, не осталось ли хоть сколько-нибудь рыбы и, убѣдившись, что въ лодкѣ рыбы не было, молча зашагалъ на свѣтившійся изъ окна огонекъ. Я пошелъ за нимъ. Немного погодя, мы были у Чесалкина.

— Господи Іисусе Христе! — воскликнулъ крестясь Чесалкинъ, встрѣтившій насъ въ прихожей со свѣчей въ рукѣ и смотря на наши жалкія фигуры. — Истинный Богъ, Мать Пресвятая Богородица, не узналъ! Что это? Откуда вы?

— Изъ воды! — отвѣтилъ я.

Чесалкинъ только голову опустилъ, схвативъ себя за бороду.

Въ прихожей въ одну минуту образовалась лужа воды. Дьяконъ былъ золъ. Молча усѣлся онъ на конникъ, повелъ кругомъ глазами и, увидавъ на вѣшалкѣ мерлушчатый халатъ и стоявшія въ углу резиновыя калоши, принялся стаскивать съ себя сапоги, брюки, полукафтанье, рубашку и, оказавшись совершенно голымъ, надѣлъ халатъ и калоши, а затѣмъ принялся выжимать свою одежу. Немного погодя и я очутился

въ купеческомъ платьѣ, а наше было отправлено въ кухню для просушки.

— Пожалуйте! пожалуйте! — говорилъ, между тѣмъ, Чесалкинъ, приглашая жестомъ руки войти въ залу, освѣщенную керосиновой лампой. — Чайку не прикажете ли, а покамѣстъ водочки — согрѣться. Истинный Богъ, это очень пользительно!

Дьяконъ крякнулъ.

— Эй, Матреша! — продолжалъ Чесалкинъ, отворивъ дверь въ сѣни: — поскорѣй самоваръ согрѣй, да принеси-ка сюда водочки, да огурчиковъ, что ли, накроши на закусочку... Скорѣй, скорѣй!... Ужь извините, — прибавилъ онъ, обращаясь къ намъ: — не взыщите, чѣмъ Богъ послалъ.

Мы вошли въ залу. Это была небольшая комната, теплая, свѣтлая, чистенькая. Брусяныя стѣны ея были нештукатурены, меблировка купеческая. Въ переднемъ углу — высокій кіотъ съ образами въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ и въ массивныхъ позолоченныхъ рамкахъ съ причудливой рѣзьбой; передъ иконами теплилась лампадка. Возлѣ кіота, по стѣнамъ, развѣшены картинки духовнаго содержанія: эпизоды изъ жизни Сергія Радонежскаго, какого-то схимника, принимающаго въ своей кельѣ императора Александра I, передъ отъѣздомъ его въ Таганрогъ; картинка, изображавшая старца Саровской пустыни Серафима, кормящаго въ лѣсу медвѣдя и проч. У лѣвой стѣны помѣщался длинный, неуклюжій диванъ, передъ нимъ овальный столъ, тяжелый, массивный, изъ краснаго дерева, накрытый пестрой салфеткой. Надъ диваномъ два масляные портрета: супруги Чесалкина, а сбоку масляный же портретъ какого-то фертомъ подбоче-

нившагося гусара, въ старинномъ гусарскомъ мундирѣ. Подальше, въ углу, шкафъ, сквозь стекляныя двери котораго выглядывала разная чайная посуда и нѣсколько серебряныхъ ложекъ. На окнахъ торчали: герань, бальзамины и, конечно, плющъ, расправленный по стѣнамъ. Въ комнатѣ пахло кипарисомъ и деревяннымъ масломъ, но зато въ ней было такъ тепло, что мы съ дьякономъ, прозябшіе и промокшіе, словно въ рай попали.

Семенъ Иванычъ Чесалкинъ былъ купецъ плотный, приземистый, съ коржавымъ лицомъ, почти сплошь заросшимъ волосами (у него даже на носу росли волосы), кудрявый съ просѣдью, носившій рядъ посрединѣ головы, но весьма рѣдко причесывавшійся и замѣнявшій гребенку руками. Узкіе глазки его, со складочками близъ угловъ, такъ и бѣгали въ разныя стороны и какъ-то особенно лукаво выглядывали изъ-подъ мохнатыхъ бровей (точно мышенокъ изъ норки). Сюртуки носилъ онъ длиннополые, всегда замасленные, штаны, однако, выправлялъ, какъ онъ выражался, *на улицу*. На шею накручивалъ большую, шелковую, грязную косынку чернаго цвѣта. Семенъ Иванычъ былъ настоящій православный, богомольный, усердный; въ церковь ѣздилъ всякій праздникъ и становился обыкновенно на лѣвомъ клиросѣ; крестное знаменіе начиналъ съ макушки и, перенеся руку на животъ, на мгновеніе пріостанавливался, крѣпко прижимая пальцы къ животу, затѣмъ быстро перемахивалъ справа налѣво, наклонялъ голову, а, немного погодя, поднималъ ее, смотрѣлъ на самые высокіе образа, что-то нашептывалъ и затѣмъ снова начиналъ съ макушки. Послѣ возгласа священника, во время

великаго выхода: «васъ и всѣхъ православныхъ христіанъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ», Чесалкинъ довольно громко говорилъ: — «священство твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ», причемъ наклонялъ голову и растопыривалъ руки, немного относя ихъ назадъ. Молебны и панихиды служилъ онъ безпрестанно, поминки справлялъ чуть ли не каждую недѣлю, причемъ съѣдалось и выпивалось всякой всячины видимо-невидимо; подъ конецъ же, достаточно понабравшись, онъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ, становился передъ иконами и пѣлъ *чашу*, при чемъ присутствующихъ обносили чашей съ сытбй изъ меда.

Нечего говорить, что все окрестное духовенство, которое, кромѣ того, снабжалось отъ него и мукой. и отрубями, чтило его и послѣ каждой обѣдни преподносило ему просфору. Вѣроятно, вслѣдствіе этой-то набожности, Чесалкинъ божился поминутно, и божбу эту произносилъ такъ: «истинный Богъ! Мать Пресвятая Богородица! Николай-угодникъ!» причемъ, когда былъ дома, указывалъ на кіотъ, въ которомъ помѣщались означенныя иконы въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ онъ ихъ поминалъ, крестился и какъ будто хотѣлъ этимъ выразить: «вотъ, дескать, и свидѣтели есть, если вы мнѣ не вѣрите».

Купечество тоже не менѣе святыхъ отцовъ уважало Чесалкина и, не смотря на то, что ему было за пятьдесятъ, называло его отличнымъ парнемъ, хозяйственнымъ человѣкомъ и всегда почти прибавляло при этомъ: — «*и чудакъ-голова!*» И дѣйствительно, Чесалкинъ былъ *чудакъ-голова*, по крайней мѣрѣ, умѣлъ при надобности прикинуться таковымъ. Кромѣ

мельничнаго дѣла, т. е. перемалыванія разныхъ сортовъ крупчатыхъ *мукъ*, Семенъ Иванычъ занимался прасольствомъ и ежегодно, передъ наступленіемъ весны, отправлялъ своихъ ребятъ, т. е. сыновей, въ орду или на Донъ для закупки рогатаго скота, который перегонялъ къ себѣ, нагуливалъ, а затѣмъ осенью или билъ его (это онъ называлъ свѣжевать скотину), или живьемъ отправлялъ въ Москву, и постоянно жаловался, что несетъ убытки и что годъ *надо-бы хуже, да некуда.*

— Истинный Богъ, Мать Пресвятая Богородица и Николай-угодникъ, убытки, вѣрно говорю вамъ убытки, *аперація* самая нестоющая. Истинный Богъ, доложу вамъ, скотина къ ножу пришла въ столько-то рублей! Вотъ и выручайте, какъ знаете. Говорю вамъ, истинный Богъ, все это бросить надоть — одно слово! Только вотъ привычка! Какъ мы мужики есть, словомъ дурачьё... вотъ одно!

Голосъ у Семена Иваныча былъ зычный, и потому на базарахъ, которые въ Макаровѣ бываютъ очень людны, какъ только Семенъ Иванычъ начнетъ божиться, такъ божба эта разлеталась по всѣмъ концамъ базарной площади, и тарханы, заслышавъ ее, скалили зубы: «ну, дескать, Семенъ Иванычъ пшеничку покупаетъ!» И дѣйствительно, смотришь, поймалъ Семенъ Иванычъ какого-нибудь мужичка и торгуетъ у него пшеничку. Въ это время, Чесалкинъ — самъ не свой. Машетъ руками, вспрыгиваетъ на воздухъ, кричитъ, божится, крестится, ругается, хлопаетъ мужика по ладони, называетъ его то православнымъ, то татариномъ, на которомъ креста нѣтъ, то роднымъ, то любезнымъ, то свиньей, снимаетъ при этомъ

шапку, съ сердцемъ бросаетъ ее объ землю, хватаетъ подъ уздцы лошадь, заворачиваетъ ее по направленію къ мельницѣ. Мужикъ и руками, и ногами,— не тутъ-то было. Чесалкинъ оборачиваетъ къ себѣ мужика спиной, отмѣчаетъ у него на полушубкѣ мѣломъ, за какую цѣну сладилъ пшеничку, и по затылку гонитъ его съ базара на мельницу.

— Вези, тамъ примутъ и разочтутъ! Мужикъ, съ цыфрами на спинѣ, отправляется на мельницу, а Чесалкинъ переходитъ къ другому возу, и повторяется та-же исторія, только потъ градомъ льетъ съ него, какой-бы морозъ ни былъ.

— Ну, ужь базаръ только задался! — проговоритъ, бывало, Чесалкинъ, возвратясь домой. — Сорокъ потóвъ съ пóтомъ сошло, истинный Богъ, сорокъ!

Между тѣмъ, Матреша, которая оказалась самой толстой Матреной съ рябымъ лицомъ и бельмомъ на глазу, какъ-будто въ глазу у нея торчала, вмѣсто зрачка, оловянная солдатская пуговица, успѣла уже поставить на столъ графинчикъ съ какой-то бурой настойкой и тарелку съ крупно накрошенными солеными огурцами. Чесалкинъ зажегъ двѣ стеариновыя свѣчи, чинно до того времени стоявшія на столикѣ передъ зеркаломъ, и поставилъ ихъ по бокамъ графина съ водкой.

— Пожалуйте-съ, — проговорилъ онъ, наливъ три огромныя рюмки, и жестомъ руки указалъ на нихъ.

Мы выпили.

— Майская, — проговорилъ Чесалкинъ. — На майскихъ травахъ настоенная, самая цѣлебная, отъ пятидесяти пяти недуговъ помогаетъ.

И затѣмъ у насъ пошла бесѣда.

Чесалкинъ говорилъ безъ умолку. Началъ разспрашивать насъ про нашу рыбную ловлю, много-ли наловили рыбы (при чемъ дьяконъ еще пуще разозлился), не было-ли особыхъ какихъ приключеній, какъ-будто злодѣй не видалъ, въ какомъ явились мы видѣ! Затѣмъ началъ разсказывать про свое житье-бытье, про убытки, про то, сколькихъ онъ родственниковъ лишился и похоронилъ на свой счетъ, не считая двухъ умершихъ женъ, которыхъ тоже похоронилъ благородно, какъ слѣдуетъ, ничего не требуя отъ ихъ родителей, которые, еслибы имѣли совѣсть, все-таки должны-бы были помочь. Какъ онъ мужиковъ любитъ, хотя ихъ, мерзавцевъ, по правдѣ сказать, и любить-то не за что, потому что готовы снять съ тебя послѣднюю рубашку (при чемъ взялъ себя за бортъ сюртука и показалъ, какъ это дѣлается), и, наконецъ, кончилъ тѣмъ, что слѣдуетъ опять выпить, и налилъ опять три рюмки.

— А что это у васъ за портреты? — спросилъ я, взглянувъ на два женскіе портрета.

Семенъ Иванычъ глубоко вздохнулъ и сложилъ руки крестообразно на груди.

— Это-съ — покойница первая супруга моя, Агаѳья Семеновна, — царство ей небесное!

— Оба портрета ея?

— Оба-съ. Вотъ на этомъ-съ онѣ были еще невѣстой. Вотъ, изволите видѣть, и надпись есть: *посягаю,* и онъ провелъ пальцемъ по надписи. А на эфтомъ-съ онѣ изображены уже послѣ бракосочетанія (должно быть, съ недѣльку опосля писанъ былъ) и по этому самому надпись: *посягнула.* Чесалкинъ опять вздохнулъ и добавилъ: — славная была дама! Истинный

Богъ, вотъ вамъ Мать Пресвятая Богородица и Николай-угодникъ, такихъ дамъ нынче не найти-съ. Пожалуйте еще по одной-съ. За упокой души, царство небесное!

Выпили и помянули.

— А гдѣ-же теперешняя жена ваша? — спросилъ я.

Чесалкинъ только рукой махнулъ.

— Тамъ, на другой половинѣ-съ! — проговорилъ онъ. — Да что! никакого толку нѣтъ, хвораетъ все. Все одно: что холостой, али вдовый! Истинный Богъ, все одно!

— Что-же съ ней? — спросилъ я.

Но Чесалкинъ, вмѣсто отвѣта, указалъ на дьякона.

— Вотъ спросите отца дьякона,— проговорилъ онъ.— Отче знаетъ, а мнѣ тяжело говорить. Истинный Богъ, Мать Пресвятая Богородица, тяжело, а вотъ спросите его. Онъ священный санъ носитъ и не солжетъ, а мнѣ тяжело, потому — конецъ мнѣ извѣстенъ.

— Чахотка съ ней, — промычалъ дьяконъ.

— Ну, вотъ-съ,— подхватилъ Чесалкинъ: — вѣрно-съ; и докторъ Бѣгучевъ тоже опредѣлилъ такъ-съ. А вотъ покойница, вторая супруга моя, Дарья Ѳедоровна — та, напротивъ того, отъ водянки скончалась. Все, значитъ, разными болѣзнями мрутъ. Одна худѣетъ, другая пухнетъ.

Чесалкинъ опять вздохнулъ и, посмотрѣвъ еще разъ на портретъ своей первой супруги, проговорилъ:

— А ужь до этой, до Агаѳьи Семеновны, обѣимъ супругамъ моимъ далеко, какъ кулику до Петрова дня! Истинный Богъ!

Потомъ, вдругъ обернувшись на одной ножкѣ къ дьякону, онъ добавилъ:

— Отецъ! ты и живописца-то знаешь, который эти самые патреты писалъ.

— Почемъ я знаю! — буркнулъ дьяконъ.

— Вотъ тѣ здравствуй! — подхватилъ Чесалкинъ. — Зубриловскаго-то живописца не знаешь, Ивана-то Ефимыча?

— О, знаю! — проговорилъ дьяконъ. — Его господа все Іоганіусъ Ефиміусъ зовутъ.

— Ну, вотъ, вотъ онъ самый. А вотъ это, — проговорилъ Семенъ Иванычъ, указывая на портретъ гусара: — это — покойникъ Алексѣй Семенычъ Хабебуловъ, князь... Турецкаго происхожденія, говорятъ, былъ, но добрѣйшій баринъ, царство ему небесное. Покойникъ здѣсь въ Макаровѣ постоянно жилъ и кости свои тутъ сложилъ. Ну, а сынки-то не полюбили что-то Макарово. Пріѣзжали года три тому назадъ, пробыли дня четыре и опять уѣхали. Одинъ изъ нихъ анженеромъ гдѣ-то служитъ, слышно, дорогу желѣзную ведетъ, а другой по судейской части, въ окружномъ, значитъ, судѣ гдѣ-то. Ловкіе хваты такіе. Пріѣхали, сейчасъ домъ продали на сломъ, роща передъ домомъ была хорошая липовая, дорожки по ней при покойникѣ были разбиты, бесѣдочки разныя настроены... рощу эту тоже на срубъ продали. Я было торговалъ ее, да не пришлось дѣло; а дороже всѣхъ давалъ, истинный Богъ, дороже всѣхъ!

— Отчего-же они вамъ не продали?

— Не пографилъ имъ маленько, они и не продали.

— Чѣмъ-же не потрафили?

— Да вотъ черезъ эту самую мельницу, чтобы ей пусто было! Показалось имъ, изволите видѣть, что я дешево арендую ее (мельница-то ихъ). Ну, они и

призвали меня къ себѣ. Такъ и такъ,— говорятъ,— дешево ты мельницу у отца снялъ; возьми,— говорятъ,— отсталого; нарушимъ контрактъ... А я говорю: какъ-же такъ? мнѣ вѣдь десять лѣтъ еще держать ее... И не согласился; они и осерчали.

— А вы сколько платите?

— Пять сотенныхъ.

— Ну, конечно, дешево!

Семенъ Иванычъ даже съ мѣста вскочилъ и подбѣжалъ къ образницѣ.

— Истинный Богъ, Мать Пресвятая Богородица и Николай-угодникъ! хотите вѣрьте, хотите нѣтъ... Самая эта мельница не стоитъ того, чтобы ею заниматься — пустое дѣло! А такъ, значитъ, привычка, — привыкъ къ здѣшнему мѣсту; опять и супруги здѣсь обѣ похоронены; ну, и храмъ Божій близко, участочекъ земли свой неподалеку... А кабы не это, бросилъ-бы все давно... пропади она пропадомъ! Вѣдь мнѣ и передъ князьями-то совѣстно было, отказать-то, то-есть, такъ стыдно было, истинный Богъ, стыдно! Ну, такъ стыдно, просто лучше-бы сквозь землю провалиться! Эхъ, года-то, сударь, не тѣ, что прежде были. Прежде мужикъ-то самъ съ хлѣбомъ набивался, а нонѣ ты самъ поѣзжай къ нему, да еще когда-то его, жида, съ печки стащишь! Истинный Богъ, правду говорю. Пшеничка-то,— глядѣть на нее не стоитъ, а онъ гнетъ цѣну, какъ за хорошую. Плюнешь да и пойдешь! — И Семенъ Иванычъ дѣйствительно плюнулъ и показалъ, какъ онъ отъ мужика уходитъ. Но, дойдя до двери, онъ быстро обернулся.

— Пожалуйте! — проговорилъ онъ, наливая рюмки.

Я отказался.

— Еще по одной-съ!

— Нѣтъ, благодарю, не могу.

— Ну, ты, отецъ! — проговорилъ Семенъ Иванычъ, обращаясь къ дьякону.

Дьяконъ вдругъ захохоталъ и подошелъ къ столу. Развеселился, значитъ.

— Ну, ужь доложу вамъ, ваше высокоблагородіе, — заговорилъ Семенъ Иванычъ, обращаясь ко мнѣ и показывая на дьякона рюмкой: — рѣдкостный дьяконъ у васъ, краса церкви, истинный Богъ, краса церкви. Хоть завидовать и грѣшно, а я завидую.

Дьяконъ захохоталъ еще громче и выпилъ рюмку.

— По мнѣ, — продолжалъ Чесалкинъ: — въ службѣ нѣтъ того пріятнѣй, какъ чтобы дьяконъ былъ басистый, да чтобы звонъ хорошій былъ... пѣвчіе тоже... Вотъ ужь насчетъ этого помянешь покойника князя! Любилъ онъ это, царство ему небесное! — И Семенъ Иванычъ выпилъ. — Да ты, отче, обратился онъ вдругъ къ дьякону: — засталъ что́-ли его, али нѣтъ?

— Еще-бы! Служилъ сколько разъ при немъ, — проговорилъ дьяконъ, окончательно забывшій уже про неудачу: — разъ онъ мнѣ даже какъ-то бычка подарилъ. Вотъ, — говоритъ, — у тебя голосъ какъ у быка, — такъ и дарю тебѣ бычка.

И оба захохотали.

— Чудакъ покойникъ былъ, царство ему небесное! — проговорилъ Семенъ Иванычъ, перекрестившись и подойдя ко мнѣ: — разъ какую, доложу вамъ, штуку отмочилъ.

Дьяконъ даже впередъ захохоталъ, какъ будто заранѣе зналъ, какую отмочилъ онъ штуку.

— Былъ онъ, доложу вамъ, охотникъ большой и борзыя собаки были у него рѣдкостныя.

— Это вы про охотничій праздникъ разсказать хотите? — перебилъ его дьяконъ.

— Да, да.

Дьяконъ опять захохоталъ.

— Ну, вотъ, хорошо-съ. Пришло первое сентября, а у охотниковъ день этотъ на манеръ праздника считается, потому что съ этого самаго числа начинаютъ съ собаками охотиться. Зазвалъ къ себѣ покойникъ сосѣдей. Ну, конечно, всѣ съѣхались; только видитъ у крыльца цѣлый табунъ мальчишекъ крестьянскихъ.— «Это — чтó такое?» — спрашиваютъ гости.— «А это,— говоритъ князь: — борзыя собаки будутъ...» Подали закуску, выпили на порядкахъ и начали собираться въ поле, и даже не замѣтили, что князя нѣтъ. Садятся на лошадей, а вмѣсто борзыхъ Илюшка — охотникъ былъ у князя, каждому на сворку по два мальчика далъ. — Чтó такое? думаютъ гости! Однако, выѣхали на зеленя и стали ровняться. Илюшка ѣдетъ съ боку. Вдругъ остановилъ лошадь и поднялъ арапникъ. — «Атту его! — кричитъ. — Ааа-ту его!» подозрилъ, значитъ, звѣря и махаетъ господамъ шапкой, чтобы заѣзжали, значитъ кругомъ. Господа окружили... Смотрятъ, бѣлѣется, что-то въ озимяхъ и таится. Илюшка подъѣхалъ къ этому мѣсту... «Ату его!» да какъ хлопнетъ арапникомъ — князь и выскочилъ! А это онъ, на мѣсто зайца, залегъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, съ позволенія сказать! Какъ пошелъ, какъ пошелъ по полю нашъ князь, мальчишки за нимъ, онъ отъ нихъ, бѣжитъ, бѣжитъ, да вдругъ къ верху махнетъ и опять пустится. Мальчишки начнутъ насти-

гать, совсѣмъ ужь схватить норовятъ, вдругъ князь бацъ на землю, мальчишки черезъ него кубаремъ, а онъ опять назадъ лупитъ! Илья на лошади скачетъ, «ату, ату, ату его!» — кричитъ! Ужь моталъ, моталъ князь этихъ мальчишекъ; наконецъ, сгрудили они его, повалили и давай тянуть кто за руку, кто за ногу, а Илья соскочилъ съ лошади, выхватилъ изъ-за пояса бутылку рому и прямо горлышкомъ князю въ ротъ, прикололь значитъ! А господа-то стоятъ и помираютъ со смѣху. Истинный Богъ, правду говорю!

Дьяконъ хохоталъ уже давно, поджавъ животъ руками, и почти къ колѣнамъ пригнулъ свое лицо.

— Вотъ какой былъ чудакъ покойникъ. А ужь собакъ любилъ до страсти; въ особенности одинъ кобель у него былъ, Полканомъ звали...

— Дымчатый! — подхватилъ дьяконъ.

— Разъ этого кобеля волкъ было утопилъ.

— Какъ такъ? — спросилъ я.

— Да такъ. Волка въ рѣку загналъ, вцѣпился ему въ горло, и пошла потѣха. То Полканъ окунетъ волка, то волкъ Полкана, то Полканъ верхомъ на волкѣ, то волкъ на Полканѣ... Брызги летятъ въ разныя стороны.— А покойникъ стоитъ на берегу, схвативъ себя этакимъ манеромъ за волосы, топаетъ ногами и кричитъ: — «Десяти тысячъ не возьму съ тебя, подлеца, коли утопишь Полкана!» — Однако, вытащилъ Полканъ волка на берегъ, пригнулъ къ землѣ, и князь зарѣзалъ его.

Вошла какая-то худая, блѣдная женщина, накрытая платкомъ, отперла шкафчикъ, погремѣла ложечками и, закашлявшись, опять ушла куда-то.

— Третья супруга моя! — проговорилъ Чесалкинъ,

кивнувъ головой на дверь, въ которую ушла женщина.

— Она очень худа, — проговорилъ я.

— А какая дама была! — вздохнулъ Чесалкинъ: — бѣлая, румяная, кровь съ молокомъ... Груди были, — вотъ!..—и Чесалкинъ показалъ, какія были у его третьей супруги груди. — А теперь куда все дѣвалось! А ужь какъ пѣла прекрасно, голосъ какой былъ, тоненькій да звонкій. Я, знаете, любитель пѣнія, истинный Богъ, любитель, а теперь вотъ лишился этого удовольствія... Изволили слышать, какъ кашляетъ? И кровью харкаетъ.

И онъ развелъ врозь руками, потомъ перекрестился, вздохнулъ и, указавъ на образа, проговорилъ:

— Покорюсь! Буди Его святая воля, покорюсь! истинный Богъ, покорюсь! потому, значитъ, ничего не подѣлаешь!

Вошла Матреша и подала чай.

— Передъ чаемъ-то? — проговорилъ Чесалкинъ, наливая водки.

Я отказался.

— Ну-ка, отче, протащимъ!

— За упокой, нешто, князя?

— Царство небесное! — проговорилъ Чесалкинъ, перекрестился и выпилъ. — Доброй души былъ человѣкъ, — началъ онъ, взявъ стаканъ чая: — никому, кажется, зла не сдѣлалъ, окромя того, какъ всѣмъ благодѣтельствовалъ! Огнемъ-ли Господь кого накажетъ, лошадь-ли у кого околѣетъ, сѣмянъ-ли нѣтъ у кого, — сейчасъ всего дастъ. «На, — говоритъ: — бери, собачій сынъ, поправляйся! Поправишься, — отдай смотри, а не отдашь, такъ подавись»... Истинный

Богъ, правду говорю! За то ужь и тужили всѣ, когда онъ померъ... Народищу этого привалило на похороны! Со всего, кажется, округа собрались... Да вѣдь ты; кажется, былъ, отецъ, на похоронахъ-то?

— Еще-бы! и первенствовалъ, и псалтырь надъ нимъ читалъ! — проговорилъ дьяконъ, съ достоинствомъ растопыривъ усы.

— Никакъ церквахъ въ пяти сорокоустъ былъ заказанъ.

— Въ шести! — перебилъ дьяконъ.

— И все больше мужики! Не повѣрите-ли, цѣлыми обществами заказывали! Ужь нечего, надо правду сказать, добрый былъ человѣкъ, даромъ, что чудакъ. Чего! — вдругъ вскрикнулъ Чесалкинъ: — меня было разъ арапникомъ выпоролъ, истинный Богъ, такъ; ужь кое-какъ отдѣлался!

— За что же? — спросилъ я.

Но Семенъ Иванычъ только рукой махнулъ: долго, дескать, разсказывать, а что было, то прошло!

Въ это время пробило двѣнадцать часовъ, глаза у меня закрывались. Я попросилъ позволенія лечь и дать мнѣ подушку. Но дѣло вышло не такъ. Семенъ Иванычъ бросился за перегородку, крикнулъ Матрешу, еще какого-то парня въ мукѣ, кинулся въ сѣни, и суматоха пошла на весь домъ! Семенъ Иванычъ воротился, отодвинулъ столъ, на которомъ стояла водка, при чемъ по дорогѣ выпилъ съ дьякономъ по рюмочкѣ (чтобы не расплескались, значитъ): парень въ мукѣ приставилъ къ дивану нѣсколько стульевъ; снова вошла супруга Семена Иваныча, позвенѣла ключами, пощелкала замками и ушла, а Матреша тащила, между тѣмъ, такой величины пуховикъ, что

насилу съ нимъ въ дверь пролѣзла; взвалила пуховикъ на диванъ, а Чесалкинъ, успѣвшій уже сбѣгать за перегородку, накрылъ пуховикъ чистой простыней, приказалъ Матрешѣ живой рукой тащить подушки и одѣяло, и вотъ, какъ-будто по волшебству, въ какихъ-нибудь пять минутъ, передо мною какъ изъ земли выросла постель, пуховикъ которой возвышался до самыхъ портретовъ Агаѳьи Семеновны съ надписями: «посягаю» и «посягнула».

— Чайку еще не прикажете ли? — приставалъ Чесалкинъ.

— Нѣтъ, благодарю.

— Ну, водочки на сонъ грядущій! Ужъ извините, больше просить нечѣмъ.

— Нѣтъ, и водки не хочу.

— Ну, а мы какъ, отче? — спросилъ Семенъ Иванычъ и подмигнулъ.

— Ничего.

— Значитъ, можно.

— Даже должно.

— Такъ давай, чокнемся.

Чокнулись и выпили.

— Мы теперь, дьяконъ, съ тобой пойдемъ спать на мою половину. Тамъ и тепло, и не дуетъ.

— Это ничего. Теперь недурно лечь на ложе безпечности и на подушку упованія!

— Только ты, никакъ, безъ сорочки?

— Какъ есть, въ чемъ мать родила!

— Ну, я тебѣ дамъ свою, пойдемъ... Графинчикъ-то захвати, можетъ, пригодится. Мы еще съ тобой *чашу* споемъ.

— И это можно, — проговорилъ дьяконъ, забирая графинъ и рюмки.

Семенъ Иванычъ потушилъ лампу и, пожелавъ мнѣ покойной ночи, ушелъ съ дьякономъ. Вошла Матреша, что-то сунула подъ диванъ и скрылась. Немного погодя, я лежалъ уже, какъ говоритъ дьяконъ, на ложѣ безпечности и на подушкахъ упованія и, откровенно сказать, ничуть не досадовалъ, что это ложе состояло изъ мягкаго пуховика и таковыхъ же подушекъ. Я потушилъ свѣчу, и все затихло. Только снаружи доносился шумъ падающей на колеса воды, да хлопанье мельничныхъ ситъ. Изрѣдка вскрикивали гуси.

Не смотря на усталость, я проснулся довольно рано, потому что, насколько купеческіе дома щеголяютъ пуховиками, настолько же диваны ихъ изобилуютъ клопами. Розыскавъ свое платье, которое, какъ оказалось, уже просохло, я одѣлся и вышелъ на воздухъ. Утро было восхитительное; туманъ разстилался надъ ильменемъ, то поднимаясь и выказывая зеркало воды съ разбросанными здѣсь и тамъ камышами, то опускаясь пеленой и закрывая все отъ любопытнаго взгляда. Мельница и вообще все мельничное строеніе, въ томъ числѣ и брусяной новенькій флигель, отлично покрытый соломой, съ рѣзнымъ крылечкомъ и зелеными ставнями, смотрѣли весело и уютно, прижимаясь другъ къ другу, чтобы теплѣе было въ это свѣжее осеннее утро. Громадныя старыя ветлы возвышались здѣсь и тамъ, далеко раскидывая въ воздухѣ свои чудовищныя вѣтви. Листъ на нихъ уже желтѣлъ и, падая на землю, покрывалъ ее желтымъ ковромъ.

Мужики, покрытые мукой, суетились вокругъ мельницы, то взбѣгая по лѣстницѣ на вышку, то спускаясь внизъ и исчезая въ растворенной мельничной двери. Колеса шумѣли, сита дружно и торопливо стучали, какъ-будто стараясь заглушить поспѣшный стукъ ковша. Возлѣ хлѣбныхъ амбаровъ, покрытыхъ желѣзомъ, стояли нѣсколько возовъ съ пшеницей; приказщикъ насыпалъ пшеницу въ мѣру, ставилъ на косяки мѣломъ кресты и палочки, и выкрикивалъ: пятая, шестая, седьмая! а мужики таскали пшеницу въ амбаръ.

Я пошелъ къ озеру и, немного погодя, былъ возлѣ нашей лодки; штукъ пять огромныхъ лохматыхъ собакъ стояли поодаль и лѣниво лаяли, посматривая на меня. Но что за великолѣпная картина была передо мною! Что за прелесть это громадное озеро, берега котораго покрыты густымъ лѣсомъ, а хвостъ котораго сливался съ горизонтомъ. Что за оригинальныя глинистыя, краснаго цвѣта, горы на лѣвой сторонѣ и какъ оригинально раскинулось на нихъ село Макарово съ старинной церковью. Но селенія собственно теперь не видно, оно задернуто туманомъ; зато церковь возвышается надъ нимъ и, кажется, будто стоитъ на облакахъ. На гравюрахъ, издаваемыхъ Кіевской лаврой, часто встрѣчаются такіе рисунки. Но вотъ туманъ исчезаетъ, и открывается село Макарово, изрытое оврагами и зеленѣющими садами. А вотъ, должно быть, и то мѣсто, на которомъ была когда-то усадьба князя Хабебулова. Именно это и должно быть оно, потому что виднѣется остатокъ какого-то флигеля съ одними стропилами, вмѣсто крыши, и съ окнами безъ рамъ, точно какой-то остовъ! Неподалеку отъ него кирпич-

ный фундаментъ, наполовину развалившійся, изъ средины котораго торчатъ три-четыре печи. Передъ фундаментомъ, по склону горы, на пространствѣ двухъ, трехъ десятинъ, торчали пни отъ срубленнаго парка, которымъ когда-то любовался и тѣшился этотъ князь-чудакъ, скакавшій зайцемъ и о которомъ мужики цѣлыми обществами служили сорокоусты.

— Чья это усадьба? — спросилъ я бабу, подошедшую къ озеру за водой, показывая ей на развалины.— Не князя ли?

— Яво! — отвѣчала баба и, почерпнувъ ведрами воды, подцѣпила ихъ коромысломъ, положила коромысло на плечо и, степенно переваливаясь, пошла по направленію къ мельницѣ, оставляя на пескѣ огромные слѣды лаптей.

Я тоже пошелъ за ней, но, едва только поднялся на плотину, какъ услыхалъ шумный говоръ мужиковъ, покрываемый зычнымъ голосомъ Семена Иваныча, кричавшаго что было мочи: истинный Богъ, Мать Пресвятая Богородица и Николай-угодникъ! — говорю вамъ—недосугъ, недосугъ, приходите вечеромъ, обиды не будетъ никакой!

— Нѣтъ, ты все-таки тово! — шумѣли мужики:— ерлычки намъ выдай!

— Истинный Богъ, говорю — вечеромъ.

Подойдя къ мельницѣ, я увидалъ Семена Иваныча въ мерлушчатомъ нанковомъ халатѣ, въ которомъ вчера щеголялъ дьяконъ, окруженнаго мужиками. Мужики галдѣли, шумѣли, а Семенъ Иванычъ посреди ихъ, оборачиваясь то на ту, то на другую сторону, божился, поднявъ руки кверху, и какъ-будто вскидывался на воздухъ. Дьяконъ стоялъ на крылечкѣ и,

прислонясь къ колонкѣ, грызъ подсолнечники, далеко отплевывая скорлупу.

— Истинный Богъ! — раздавалось въ воздухѣ.

— Нѣтъ, все-таки ты намъ тово, ерлычки выдай...

— Мать Пресвятая Богородица! галманы вы, проклятые, черти окаянные, истинный Богъ, черти! Говорятъ, вечеромъ!

И, увидавъ меня, Семенъ Иванычъ растолкалъ мужиковъ и подошелъ ко мнѣ.

— Пожалуйте-съ, — проговорилъ онъ: — самоварчикъ кипитъ.

— Что̀ это у васъ тутъ за шумъ? — спросилъ я.

— Да такъ, ничего-съ. Истинно говорю, кажется, никакого бы жалованья не взялъ, чтобы съ этими мужиками разговаривать. Вѣрите ли, вотъ вамъ истинный Богъ, даже въ глоткѣ пересохло!

Мужики все шумѣли.

— Да что̀ такое? — спросилъ я.

— Не стоитъ разсказывать, истинный Богъ, не стоитъ-съ, потому что мнѣ стыдно, вотъ вамъ Мать Пресвятая Богородица, стыдно безпокоить васъ этими самыми пустяками!

И, сложивъ на груди крестомъ руки, Семенъ Иванычъ наклонилъ голову и сдѣлалъ продолжительный поклонъ: — извините, дескать, за безпокойство! Но потомъ вдругъ, какъ бы опомнившись, схватилъ меня подъ руку и проговорилъ: — пожалуйте чай кушать, не стоитъ этими мужиками заниматься!

Но мужики все не унимались, залѣзли въ сѣни и подняли шумъ въ сѣняхъ, поминая все какіе-то ерлыки, и только тогда шумъ затихъ, когда Семенъ Иванычъ, выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія и совершенно

застыдившійся меня, приказалъ молодцамъ прогнать ихъ и объявить: — пускай, дескать, вечеркомъ зайдутъ.

Черезъ полчаса, напившись чаю, мы съ дьякономъ стали собираться домой. Семенъ Иванычъ предлагалъ намъ заложить *лошадку*, но, такъ какъ, утро было превосходное, то мы и предпочли плыть на лодкѣ. Нашу благодарность за ночлегъ Семенъ Иванычъ и слышать не хотѣлъ и, зажавъ уши, говорилъ: — Я, истинный Богъ, долженъ благодарить васъ, а не вы меня! я долженъ благодарить васъ, я, я, что не побрезгали мной-мужикомъ, вѣдь мы, — мужики-съ, чего мы понимаемъ! Вотъ вамъ Мать Пресвятая Богородица, ничего мы не понимаемъ, какъ есть мужики, право, не лгу.

И, сложивъ руки, сталъ съ нами раскланиваться и даже проводилъ насъ до лодки.

Немного погодя, мы плыли уже по озеру къ тому мѣсту, откуда вчера отправились на ловлю. Грести сталъ дьяконъ, и поэтому лодка наша неслась птицей.

— Ну, что, пѣли вчера *чашу?* — спросилъ я.

— Всего было! — отвѣчалъ онъ и захохоталъ.

— А розонбе?

— Нѣтъ, ужь мы послѣ на наливку налегли.

— Усердно?

— Ничего, бутылочки, должно быть, три, четыре разгрызли. Потомъ кизлярки, должно быть, съ полбутылки осушили!

— А голова не болитъ?

— Ну! мы чай ужь поправились сегодня.

— Какъ, успѣли ужь?

Но дьяконъ, вмѣсто отвѣта, опять захохоталъ.

— Да когда же? — допрашивалъ я его.

— Много на это времени надо! Вы когда на крыльцо-то вышли, мы ужь по четвертой протаскивали, а покамѣстъ у озера-то стояли, еще по двѣ чебурахнули! И опять дьяконъ захохоталъ.

— А изъ-за чего мужики-то шумѣли?

— Да видите ли, — началъ дьяконъ: — пшеницу они ссыпали, а за разсчетомъ онъ велѣлъ имъ вечеромъ придти — ну, они и просили, чтобъ онъ имъ ерлычки выдалъ покуда.

— Изъ этого только?

— Только и всего! И чудакъ только!

— Кто?

— Да этотъ Чесалкинъ! Вчера, какъ вступило ему въ чердакъ-то, онъ и давай жену съ постели подымать...

— Да вѣдь она больна?

— Ничего, — говоритъ: — вставай, поразвеселись, спой пѣсню!

— И пѣла?

— Пѣла. Пой, — говоритъ: — повинуйся, — я глава твоя!

— И что же?

— Ничего, одну пѣсню пропѣла, а другую ужь не могла, закашлялась очень, и кровь горломъ пошла... Вотъ, — говоритъ, — отецъ, смотри какое мое есть счастье на свѣтѣ! И заплакалъ. — Должно быть, — говоритъ, — это она послѣднюю пѣсенку съиграла! И опять заплакалъ, а ее на рукахъ вынесли.

— Да что же я не слыхалъ вашихъ пѣсенъ?

— Да вѣдь мы ушли въ прикащичій флигель!

— И жену туда?

— И ее туда.

Карпъ данный ему приказъ исполнилъ въ точности, т. е. преспокойно спалъ себѣ вверхъ брюхомъ на телегѣ и даже не слыхалъ, какъ мы подплыли къ берегу. Немного погодя, взваливъ лодку на телегу и заложивъ лошадь, мы отправились домой.

Прошло съ недѣлю послѣ описаннаго; входитъ ко мнѣ дьяконъ. Лицо его было озабоченно, даже что-то важное проглядывало въ немъ. Не подоздоровавшись, онъ подалъ мнѣ какую-то бумажку.

— Это что такое? — спросилъ я.

— Почитайте-ка.

Я развернулъ бумажку. Это была повѣстка мироваго судьи, которою вызывался я въ судъ въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу о неразсчетѣ купцомъ Чесалкинымъ крестьянъ деревни Потрясовки за купленную пшеницу.

— И мнѣ такая же! — проговорилъ дьяконъ, когда я прочелъ повѣстку. — Давайте ѣхать, разборо сегодня.

Я приказалъ заложить тарантасъ, и вскорѣ мы были уже у судьи, до камеры котораго было версты три.

Усадьба судьи была совершенно новенькая, съ иголочки, какъ говорится, да и самъ судья былъ тоже человѣкъ новенькій съ иголочки, такъ какъ недавно акклиматизировался въ нашей мѣстности, женившись на вдовѣ нашего землевладѣльца и вслѣдствіе этого получивши цензъ. Все въ усадьбѣ смотрѣло чисто, аккуратно. Всѣ крыши были выкрашены яркой красной краской и какъ-будто покрыты лакомъ (я и краску такую видѣлъ только на игрушкахъ). Соломенныхъ крышъ и плетней не полагалось. Домикъ судьи имѣлъ видъ шалé, тоже съ красной крышей и рѣзьбой на

карнизахъ и балкончикахъ, выкрашенной подъ дубъ. Надъ балкончиками, которыхъ было нѣсколько, были натянуты парусинные съ фестонами навѣсы, набрасывавшіе пріятную тѣнь. Передъ домомъ — садикъ, обнесенный зеленой рѣшеткой, съ правильно разбитыми, утрамбованными и усыпанными золотистымъ пескомъ дорожками и съ красиво остриженными деревцами. Здѣсь и тамъ пестрѣли клумбы цвѣтовъ. Передъ балкономъ небольшой фонтанчикъ, бассейнъ котораго окаймлялся кольцомъ изъ разноцвѣтныхъ дикихъ камней. Флигеля, конюшни и каретный сарай были покрыты финляндскими крышами (или, какъ здѣшніе плотники называютъ, ***вихляндскими***, вѣроятно, производя это названіе отъ глагола вихлять). Крыши эти тоже были окрашены красной краской и какъ-будто покрыты лакомъ. Неподалеку отъ дома были устроены качели и гимнастика. По двору ходили куры, превосходные брамапутры, и тоже какъ-будто были раскрашены. У колодца кучеръ въ бѣломъ чистомъ фартукѣ и шерстяной фуфайкѣ (какія въ Петербургѣ носятъ дворники) поилъ отличнаго сѣраго жеребца съ прочными ногами и энергичнымъ взглядомъ. Возлѣ каретника, другой кучеръ, тоже въ фартукѣ, мылъ щегольской, совершенно новенькій фаэтонъ съ ярко-блестящими фонарями. Словомъ, на что бы вы ни взглянули, на всемъ былъ отпечатокъ чистоты, опрятности и доброкачественности. На крышѣ флигеля, въ которомъ помѣщалась камера, красовалась вывѣска съ орломъ, гласившая золотыми буквами: *камера мироваго судьи 6-го участка*. Затѣмъ, на входныхъ дубовыхъ и покрытыхъ лакомъ дверяхъ, мѣдная блестящая дощечка съ надписью: *входъ въ камеру ми-*

роваго судьи. Въ сѣняхъ, вдоль стѣнъ, были разставлены выкрашенныя подъ дубъ скамьи, висѣло зеркало съ подзеркальнымъ столикомъ, но гребешка и щетки не было, по тому случаю, что ихъ постоянно воровали посѣтители. На стѣнахъ, въ хорошенькихъ дубовыхъ рамочкахъ, были развѣшаны разныя объявленія, между которыми особенно бросались въ глаза: *судебные сроки, такса о потравахъ, правила объ охраненіи лѣсовъ отъ пожара,* и затѣмъ, писанное прекраснымъ почеркомъ объявленіе: *пріемъ прошеній, кромѣ табельныхъ и праздничныхъ дней, ежедневный, равно и разборъ дѣлъ. Судъ правый, скорый и равный для всѣхъ.* Надъ дверью, ведущей изъ сѣней въ камеру, — опять дощечка, на которой по бѣлому фону написано голубой масляной краской и славянскимъ шрифтомъ: *камера.*

— Это онъ все самъ рисовалъ, — проговорилъ дьяконъ шепотомъ.

— Что? — спросилъ я.

— Да вотъ всѣ эти вывѣсочки и объявленьица, все самъ судья. Почеркъ у него великолѣпный, кисточекъ сколько разныхъ, красокъ...

Судья разбиралъ уже какое-то дѣло. Чесалкина не было, а мужики, которыхъ я видѣлъ на мельницѣ, сидѣли въ тулупахъ и сердито посматривали въ уголъ, ожидая очереди. Судья былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, съ прекрасными бакенбардами и довольно пріятнымъ лицомъ. Онъ былъ въ форменномъ фракѣ, изъ-подъ темнозеленаго воротника котораго выглядывали ослѣпительной бѣлизны воротнички сорочки. Знакъ на немъ былъ густо вызолоченъ и какъ-то особенно красиво лежалъ на его плечахъ. Говорилъ онъ ровно, баритономъ и смотрѣлъ прямо въ глаза

допрашиваемому. На судейскомъ столѣ стояла прекрасная чернильница съ часами и Ѳемидой, стаканъ со множествомъ карандашей и перьевъ, и судебные уставы съ 10-мъ томомъ. Прошло съ полчаса, явился и Чесалкинъ въ лисьей шубѣ. Войдя съ шумомъ въ камеру, онъ пріостановился, обвелъ кругомъ глазами и, увидѣвъ икону, засучилъ правый рукавъ и началъ креститься; затѣмъ, выйдя на средину камеры, сдѣлалъ глубокій поклонъ судьѣ, а потомъ, обернувшись, трижды поклонился публикѣ и сѣлъ на скамью. Увидавъ меня, онъ мигнулъ по направленію къ мужикамъ, помоталъ головой и, перекрестившись, пожалъ плечами. Удивляюсь, дескать, истинный Богъ, удивляюсь!

Дошла очередь и до насъ. Опросивъ насъ съ дьякономъ, не родня-ли мы тяжущимся, не имѣемъ-ли съ ними тяжебныхъ дѣлъ и проч., судья попросилъ насъ выйти въ свидѣтельскую комнату, на дверяхъ которой была вывѣсочка: *комната для свидѣтелей.* Несмотря, однако, на то, что дверь была затворена, голосъ Чесалкина раздался такъ-же ясно, какъ-будто онъ былъ въ одной съ нами комнатѣ. Мужики разсказывали, всѣ разомъ, какъ было дѣло, какъ ссыпали они пшеничку, по скольку каждый, какъ его степенство посулилъ разсчесть ихъ вечеромъ, какъ они просили его выдать имъ покамѣстъ ерлычки, чтобы не съ пустыми руками оставаться, какъ онъ отказалъ имъ въ этомъ при свидѣтеляхъ (причемъ помянули насъ), и какъ, наконецъ, приходили они вечеромъ на мельницу и не дополучили по 50 к. на каждую четверть. Разсказъ этотъ Чесалкинъ поминутно прерывалъ и кричалъ, что мужики все врутъ, что разсчелъ

онъ ихъ честно, благородно, что другихъ денегъ платить не намѣренъ. Какъ судья ни старался уговорить Чесалкина не перебивать крестьянъ, какъ ни предостерегалъ его, что въ противномъ случаѣ онъ будетъ оштрафованъ, Чесалкинъ даже и не слышалъ ничего: кричалъ, божился; кричали и мужики, и шумъ пошелъ такой, что судья хоть бросай все и бѣги вонъ. Наконецъ, призвали меня.

— Что вамъ извѣстно по этому дѣлу? — спросилъ судья. Но не успѣлъ я, какъ говорится, рта разинуть, какъ Чесалкинъ уже кричалъ:

— Разсчелъ, честно, благородно... Истинный Богъ, вотъ вамъ Мать Пресвятая Богородица и Николай-угодникъ! Я-бы съ нихъ тысячи рублей не взялъ, чтобы васъ безпокоить, и чтобы рядомъ стоять-то съ этими паршивцами...

— Чесалкинъ, предупреждаю васъ вторично... — началъ было судья, но Чесалкинъ продолжалъ:

— Тысячи рублей не взялъ-бы! Истинный Богъ, не взялъ-бы за срамоту за одну, за эту самую, что я рядомъ стою съ этими поганцами...

— Г. Чесалкинъ, я... — проговорилъ было судья.

— И что изъ-за нихъ, изъ-за плюгавыхъ, — перебилъ его Чесалкинъ: — благородныхъ людей безпокоятъ... Истинный Богъ, тысячи рублей не возьму! И Чесалкинъ, обратясь лицомъ къ публикѣ, а къ судьѣ спиной, началъ жаловаться публикѣ на паршивцевъ, которымъ и цѣна-то вся — грошъ желѣзный.

— Г. Чесалкинъ! я штрафую васъ на 30 к., — поторопился проговорить судья: — за нарушеніе тишины въ камерѣ.

Чесалкинъ обернулся къ судьѣ и, приложивъ руку къ сердцу, почтительно поклонился.

— Благодарю васъ, г. мировой судья,— проговорилъ онъ. — Истинный Богъ, благодарю за ваше ученье, потому что такъ и надо учить насъ, мужиковъ. И, доставъ два пятиалтынныхъ, положилъ ихъ на столъ: — «въ разсчетѣ-съ!» — проговорилъ онъ.

А мужики всѣ разомъ кричали: — Всѣ знаютъ, какъ ты разсчитываешься! Знаютъ всѣ, кого ни спроси! Ты и здѣсь-то вонъ какъ орешь, слова никому не дашь выговорить, а тамъ, у себя, на мельницѣ-то ты — воинъ!

Наконецъ судья кое-какъ водворилъ порядокъ; всѣ замолкли, и очередь дошла до меня. Я разсказалъ, что зналъ. Затѣмъ былъ вызванъ дьяконъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и на вопросъ судьи, что онъ знаетъ по настоящему дѣлу, началъ разсказъ свой съ того, какъ мы поѣхали на рыбную ловлю, сколько наловили рыбы, какъ увидѣлъ онъ сома, какъ обломилась острога и мы полетѣли въ воду. Какъ ни уговаривалъ его судья перейти къ дѣлу, дьяконъ продолжалъ повѣствованіе, какъ мы попали на мельницу купца Чесалкина (умолчалъ только о выпитой водкѣ и наливкѣ) и, наконецъ, добравшись до дѣла, объявилъ, что онъ ничего не знаетъ.

— Вѣрно, вѣрно, истинный Богъ, вѣрно! — зашумѣлъ Чесалкинъ: — вотъ отецъ дьяконъ — санъ священный носитъ, онъ не покривитъ душой. Разсчитался честно, благородно, всѣхъ до копѣечки разсчиталъ. Вотъ вамъ Пресвятая Богородица, истинно не лгу, разсчитался, какъ слѣдуетъ.

Мужики загалдѣли, Чесалкинъ началъ кричать, и

шумъ опять поднялся страшный. Судья опять принялся унимать.

— Какія-же у васъ есть доказательства? — спросилъ онъ мужиковъ. — Купецъ Чесалкинъ должнымъ себя не сознаетъ.

— Не сознаю, это вѣрно-съ! — перебилъ его Чесалкинъ: — потому я разсчелся...

— Есть у васъ какіе-нибудь ерлычки, что-ли? — допрашивалъ судья.

— Не далъ онъ намъ ерлычковъ... Вотъ и свидѣтели...

— Да зачѣмъ-же мнѣ вамъ ерлычки давать, — закричалъ Чесалкинъ: — коли я вамъ денежки выдалъ!

— Росписокъ нѣтъ-ли какихъ-нибудь? — продолжалъ судья.

— Есть и росписки! — закричали мужики и обернулись къ судьѣ спинами.

— Это что-же такое? — спросилъ онъ.

— А то, что на спинѣ отмѣчено у каждаго, сколько пшеницы ссыпано.

— По спинѣ, значитъ, росписывался! — съострилъ кто-то въ публикѣ, и въ камерѣ раздался дружный хохотъ.

— Смотри, ребята, какъ-бы съ васъ пошлинъ гербовыхъ не присудили за то, что росписка не на гербовой бумагѣ писана, съострилъ еще кто-то, и хохотъ увеличился еще болѣе.

— Прошу не нарушать тишины! — проговорилъ судья, возвысивъ голосъ, и потомъ спросилъ: — вы миромъ не покончите ли дѣло?

— Я съ большимъ моимъ удовольствіемъ! — закричалъ Чесалкинъ: — я съ ними и не ссорился, истин-

ный Богъ, не ссорился и даже сейчасъ не серчаю... Что-жь, я готовъ простить ихъ.

— Мы готовы мириться! — кричали мужики: — пусть отдастъ намъ наши деньги — вотъ-тѣ и миръ будетъ!

— Нѣтъ, ужь это вы не хотите-ли вотъ чего! — прокричалъ Чесалкинъ и, помусливъ большой палецъ правой руки, показалъ имъ кукишъ: — нѣтъ, ужь это — покорно благодаримъ. Этакъ то вы больно богаты будете... облопаетесь неравно!

— Садитесь! я пишу рѣшеніе! — объявилъ судья. Тяжущіеся сѣли, но угомонились не скоро и продолжали перебранки. Наконецъ, устали и замолчали. Въ камерѣ водворилась тишина, и только торопливый скрипъ судейскаго пера нарушалъ ее. Чесалкинъ сидѣлъ, облокотясь на колѣна, и помахивалъ шапкой; потъ катился съ него ручьями. Наконецъ, судья пригласилъ всѣхъ встать и прочелъ рѣшеніе, которымъ опредѣлилъ: — По неимѣнію у истцовъ никакихъ доказательствъ, въ искѣ имъ отказать. Затѣмъ, объявилъ о правѣ обжалованія рѣшенія апелляціоннымъ порядкомъ и о срокахъ.

Мы вышли изъ камеры.

— Вотъ-съ видѣли! слышали! — кричалъ на дворѣ Чесалкинъ. — Вотъ они каковы-съ! Истинный Богъ, Мать Пресвятая Богородица, всѣхъ подлецовъ до копѣечки разсчелъ, а они въ камеру тащатъ, отрываютъ отъ умирающей супруги... Они, галманы паршивые, того и знать не хотятъ, что теперича, по ихней милости, мнѣ, можетъ, съ женой проститься не придется.

— Развѣ жена ваша плоха очень? — спросилъ я.

— Исповѣдали и причастили, а сюда поѣхалъ — соборовать стали.

И онъ пошелъ по дорогѣ къ селу.

Вслѣдъ за нимъ пошли и мужики.

— Креста на тебѣ нѣтъ! — шумѣли они.

— Мерзавцы вы паршивые! галманы пустоголовые! — гремѣло въ воздухѣ.

Вышелъ судья изъ камеры, съ сигарой въ зубахъ и въ войлочной, послѣдняго фасона, шляпѣ.

— Какъ поживаете, отецъ дьяконъ? Давно я васъ не видалъ! И любезно приподнявъ передо мною шляпу, онъ направился къ дому. На встрѣчу выбѣжали изъ дома дѣти.

— Папочка, ты кончилъ судить? — прозвенѣли ихъ тоненькіе голосочки.

— Кончилъ, друзья мои, кончилъ! — проговорилъ судья и вмѣстѣ съ дѣтьми вошелъ въ домъ.

Мы сѣли въ тарантасъ и отправились домой, и только когда мы выѣхали въ поле, на душѣ стало легче. Вотъ роскошное зеленое поле, засѣянное рожью, вотъ загонъ съ копнами овса, которыхъ замучившійся полевыми работами мужичекъ не успѣлъ еще убрать на гумно; вотъ блеснула рѣка, вотъ показалась рощица, восхитительная березовая рощица съ бѣлыми стволами деревьевъ и съ темно-зелеными листьями... Такъ-бы и смотрѣлъ все на эту картину! Такъ-бы и дышалъ все этимъ воздухомъ.

Дня черезъ три умерла жена Чесалкина. Онъ отгадалъ, сказавъ дьякону, когда пировали они въ прикащичьемъ флигелѣ, что она послѣднюю пѣсенку съиграла.

ГРЫЗУНЫ.

РАЗСКАЗЪ.

Грызуны обитаютъ частію на деревьяхъ, частію на поверхности земли и даже въ землѣ; нѣкоторые же живутъ въ домахъ, по темнымъ угламъ. Многіе, живущіе въ домахъ, наносятъ значительный вредъ человѣку.

(Естественная исторія для первоначальнаго ознакомленія съ природою.)

Въ концѣ сентября, погода, послѣ долго продолжавшагося ненастья, установилась великолѣпная. Утренніе морозы, доходившіе до шести, семи градусовъ Реомюра, живо подсушили землю, а солнце, свѣтившее не хуже лѣтняго и обильно осыпавшее землю искристыми лучами, оживляло природу и такъ хорошо нагрѣвало воздухъ, что можно было выходить безъ теплой одежи. Мужики засуетились. На гумнахъ застучали цѣпы; пошла молотьба и вѣйка, и каждый торопился воротить упущенное по случаю ненастья. Грязныя дороги накатались и, сдѣлавшись словно свинцовыми,

ярко свѣтились на солнцѣ. Загремѣли по нимъ телеги и далеко въ воздухѣ разносился стукъ колесъ.

Въ одно именно такое-то утро, рано проснувшись и увидавъ ворвавшіеся въ окна лучи солнца, а главное замѣтивъ, что дымъ изъ трубъ поднимался совершенно прямыми столбами (что́ означало отсутствіе даже малѣйшаго вѣтра), я рѣшился, въ ту же минуту, воспользоваться этой восхитительной погодой и отправиться на охоту за зайцами по *узерку*. Наскоро одѣвшись и напившись чаю, я взялъ ружье, перекинулъ черезъ плечо патронташъ и отправился въ графскій боръ. Такъ назывался боръ, принадлежавшій графу Иксъ.

Охотой по *узерку* въ нашей мѣстности называется то время, когда заяцъ выцвѣтетъ, то есть перемѣнитъ свою грязно-сѣрую шерсть и, нарядившись въ зимнюю шубу, дѣлается совершенно бѣлымъ. Пока снѣгъ еще не выпалъ, бѣлая шуба эта выдаетъ зайца и даетъ охотнику возможность *поддзрить* его на далекомъ пространствѣ. Косой таится, поджимаетъ уши, но охотникъ, замѣтивъ добычу, идетъ къ нему смѣло и, если принадлежитъ къ числу *шкурятниковъ*, то прямо бьетъ его лежачаго, а если къ числу таковыхъ не принадлежитъ, то спугиваетъ и бьетъ на бѣгу. Охота эта очень веселая, въ особенности въ чистыхъ сосновыхъ лѣсахъ, въ которыхъ видно кругомъ далеко.

Графскій боръ раскинулся на десятки верстъ и, соединяясь съ казенными лѣсами, представляетъ богатое убѣжище для зайцевъ и бѣлокъ; въ немъ даже изрѣдка попадаются медвѣди, забирающіеся полакомиться медомъ на пчельники, лѣпившіеся по опуш-

камъ бора. Я очень люблю сосновые лѣса. Чтó за прелесть эти прямыя сосны, словно колонны поддерживающія зеленый шатеръ вѣтвей, и какъ роскошенъ и величественъ этотъ шатеръ, сквозь который даже солнце съ трудомъ пробиваетъ свои огненные лучи! Воздухъ пропитанъ запахомъ смолы, и легко дышется этимъ воздухомъ! А что за чистота кругомъ! Подъ ногами словно коверъ изъ низкой травы, брусники и мха: идете вы неслышно и только изрѣдка хрустятъ подъ вами свалившіяся сосновыя шишки и сухія вѣтки. И вдругъ трескъ этотъ пугаетъ бѣлку: стремглавъ бросается она на дерево, вбѣгаетъ по гладкому стволу его и, быстро достигнувъ вѣтвей, въ одно мгновеніе исчезаетъ, перелетая съ одного дерева на другое. Изрѣдка въ лѣсахъ этихъ разбросаны болотца съ кочкарникомъ, окруженныя густо поросшимъ тальникомъ и березками! Болотца эти служатъ самымъ любимымъ прибѣжищемъ зайцевъ и можно смѣло разсчитывать, что въ кочкахъ этихъ охотникъ непремѣнно найдетъ ихъ.

Я еще ни разу не былъ въ графскомъ бору и, откровенно сказать, очень былъ доволенъ, попавши въ него. Боръ былъ дѣйствительно замѣчательный. Сосны достигали необычайной вышины и были прямы, какъ свѣчи. Самый легкій вѣтерокъ, пробѣгая по ихъ верхушкамъ, заставлялъ ихъ колыхаться, при чемъ вѣтви, стукаясь другъ о друга, наполняли тишину бора какими-то волшебными звуками. Точно сотни невидимыхъ существъ стучали гдѣ-то палочками и дразнили васъ этой странной музыкой. Клюква и брусника попадались на каждомъ шагу; кое-гдѣ, раскинувъ красиво свои шляпки, бѣлѣли грузди. Отрывавшіяся съ

деревьевъ сосновыя шишки падали иногда прямо на голову и заставляли вздрагивать. Красивые дятлы перелетали съ дерева на дерево, прицѣплялись къ стволу, и торопливо долбили носами...

Удачная охота и примѣшавшаяся къ этому новизна картины сдѣлали то, что я даже и не замѣтилъ, какъ прошло время и какъ наступило два часа. Пора была возвращаться домой. Я повернулъ по направленію къ дому, но не прошло и десяти минутъ, какъ, проходя мимо небольшаго болотца, окаймлявшагося густымъ березникомъ, я поднялъ зайца. Я схватилъ ружье и только-что успѣлъ выстрѣлить, какъ въ березнякѣ, какъ разъ по направленію выстрѣла, раздался испуганный крикъ и изъ кустовъ опрометью выскочилъ толстенькій мужчина со спущенными желтыми панталонами.

— Убили! — кричалъ онъ.

И въ то же время, изъ тѣхъ же кустовъ гремѣлъ чей-то оглушительный хохотъ, сопровождавшійся хлопаньемъ въ ладоши и криками: браво, брависсимо! прелестно!.. превосходно!..

Все это было дѣломъ одной минуты. Я подбѣжалъ къ незнакомцу и, по правдѣ сказать, перетрусилъ не на шутку.

— Что съ вами? — спросилъ я.

Но, вмѣсто отвѣта, незнакомецъ продолжалъ корчиться, поджиматься и стонать. Я взглянулъ ему въ лицо и, не смотря на всю серьезность минуты, чуть не покатился со смѣху. Смѣшнѣе этого лица и вообще всей этой несчастной фигурки я еще ничего не видывалъ. Это былъ маленькій, толстенькій, кругленькій мужчина, лѣтъ сорока, на коротенькихъ кри-

выхъ ножкахъ, съ коротенькими ручками, съ круглымъ краснымъ лицомъ, посреди котораго, вмѣсто носа, торчала какая-то шишечка съ двумя раздутыми дырочками. Огромный ротъ съ толстыми губами, доходившими чуть не до ушей; круглые сѣрые глаза, какъ-будто собиравшіеся выскочить вонъ, все это смотрѣло до того смѣшно и до того смѣшно перекосилось, что трудно было придумать что-либо уморительнѣе. На незнакомцѣ была форменная фуражка съ кокардой, какой-то рыженькій пиджакъ и желтыя лѣтнія панталоны. Черезъ плечо висѣлъ патронташъ.

— Что съ вами? — повторилъ я.

— Ничего, ничего! — раздался вдругъ голосъ другаго незнакомца, выходившаго изъ тѣхъ же кустовъ, и затѣмъ опять тотъ же самый хохотъ, который раздался вслѣдъ за выстрѣломъ. — Ничего, пустяки!..

— Пустяки, какъ же! Тебѣ хорошо смѣяться!

— Конечно, пустяки! Легонькій обжогъ, и только!

— Тебя бы обжечь этакъ...

— Да гдѣ же вы были? — спросилъ я. — Я не видалъ васъ.

— Тутъ же за кустами! — подхватилъ хохотавшій. — Евстафій Кузьмичъ хлопочетъ объ уменьшеніи объема своего живота и пьетъ разрѣшающія воды.

Я было принялся извиняться, но товарищъ Евстафія Кузьмича опять перебилъ меня.

— Да ничего же, говорятъ вамъ! — басилъ онъ: — Евстафій Кузьмичъ очень хорошо понимаетъ, что запрещено бить лежачаго, а сидячаго дозволяется.

Я былъ въ самомъ неловкомъ положеніи; но, сообразивъ разстояніе, на которомъ я былъ отъ кустовъ,

убѣдился, что ничего серьезнаго быть не могло, и если я и попалъ нѣсколькими дробинами въ Евстафія Кузьмича, то ужь никакъ не могъ ранить его, а только напугать развѣ. Осмотрѣвъ затѣмъ совершенно неожиданно подвернувшуюся мнѣ мишень, я увидалъ три, четыре красныя пятнышка, но никакихъ ранъ не было. Дробь была на излетѣ и не пробила кожи.

— Ранъ нѣтъ? — допрашивалъ между тѣмъ Евстафій Кузьмичъ.

— Ни малѣйшихъ! — отвѣтилъ за меня товарищъ его.

— Батюшка, Валеріанъ Иванычъ! У тебя водка есть; примочи, отецъ родной!

— Можно! хоть и жаль тратить водку на такой ничтожный предметъ.

Мы прошли нѣсколько шаговъ по березняку и вышли на небольшую полянку, на которой тотчасъ же увидалъ я приставленное къ дереву ружье, а неподалеку разостланную на травѣ салфетку съ остатками отъ закуски. Валеріанъ Иванычъ примочилъ ранки и опять принялся хохотать, а Евстафій Кузьмичъ, успѣвшій тѣмъ временемъ поуспокоиться, приподнялъ фуражку и отрекомендовался:

— Ласточкинъ, Евстафій Кузьмичъ, землемѣръ.

— А меня чтó же не представили?

— И самъ можешь.

— Мѣстный адвокатъ Верхолетовъ.

Я назвалъ себя, и мы пожали другъ другу руки.

— Не прикажете ли? — проговорилъ Верхолетовъ, взявъ стаканчикъ и приложивъ къ нему бутылку.

— Съ удовольствіемъ.

Мы выпили и закусили каленымъ яйцомъ.

— А вы-то что же? — спросилъ я землемѣра.

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Я говорилъ вамъ, — замѣтилъ адвокатъ: — что Евстафій Кузьмичъ вóды кушаютъ; а спросите его: зачѣмъ?

— Затѣмъ, что нужно.

— А зачѣмъ это нужно?

— А затѣмъ, что печень страдаетъ и катаръ желудка.

— Ахъ, Боже мой, важность какая! У какого же порядочнаго человѣка не страдаетъ печень и нѣтъ катара!.. Нѣтъ, вы вóды пьете для женщинъ-съ... хочете быть граціознѣе, воздушнѣе...

— Пожалуй, и для этого. Развѣ красота портитъ человѣка?

— Понятно, что красота ничего не можетъ портить, — проговорилъ Верхолетовъ, и кстати за красоту выпилъ еще стаканчикъ.

По всему было замѣтно, что адвокатъ былъ пьянъ и что только сейчасъ случившееся его немного пріободрило. Онъ закурилъ папиросу и, прислонившись спиной къ дереву, замолчалъ. Напротивъ, Ласточкинъ, убѣдившись, что раны его несмертельны, видимо развеселился и даже какъ-будто обрадовался новому знакомству. Посмотрѣвъ на адвоката, онъ подмигнулъ мнѣ и, щелкнувъ себя по галстуку, проговорилъ:

— А знаете ли, что я вамъ доложу-съ!.. Мое такое счастіе, что всѣ по мнѣ стрѣляютъ... ей-богу, не шучу!

— Это странно!

— Однажды, даже цѣлый день въ меня палили! — подхватилъ онъ и молодецки разбилъ яйцо о каблукъ сапога.

— Неужели?

— Такъ-таки цѣлый день и палили! И вотъ какъ дѣло было. Пошли мы, однажды, съ пріятелемъ на озера за утками. Разошлись въ разныя стороны: я пошелъ направо, онъ — налѣво. Подхожу къ озеру, смотрю, — сидятъ утки. Я началъ подкрадываться (а кругомъ озера кусты и камыши), подкрался, приложилъ ружье... вдругъ: пафъ! и мнѣ въ щеку пять дробинъ!.. Оказывается, что пріятель-то съ другаго берега хватилъ въ тѣхъ же самыхъ утокъ, въ которыхъ и я цѣлилъ... Ну, конечно, оба перепугались, однако, вышло на повѣрку, что ничего особеннаго не было и тоже, какъ сегодня, покончилось однѣми ссадинами. Я снялъ шляпу, подвязалъ щеку носовымъ платкомъ, и мы опять разошлись. Подошелъ лѣсъ. Я иду себѣ по лѣсу, а на грѣхъ подвернись клюква. Я присѣлъ, знаете ли, и сталъ себѣ собирать ягоды; вдругъ: пафъ! и опять мнѣ въ щеку три дробины. Оказывается, что мы опять съ пріятелемъ сошлись и, такъ какъ я, собирая клюкву, присѣлъ, то концы бѣлаго платка, которымъ была подвязана щека, пріятель принялъ за заячьи уши да и выстрѣлилъ. Спасибо, далеко стрѣлялъ, а то наповалъ бы убилъ. Я опять принялся кричать, а пріятель даже плюнулъ. «Чортъ тебя побирай!» — говоритъ: — «отъ тебя, дурака, ничѣмъ не отдѣлаешься, хоть бы убить тебя поскорѣе, чтобы ты не подвертывался!» — И опять ничего, тоже примочили водкой и разошлись. Прошло часа два, я успѣлъ къ стану сбѣгать, перекусилъ немного и, оставивъ тамъ ружье, взялъ ястреба... А ястребъ былъ у меня отличный, самъ вынашивалъ и перепеловъ ловилъ превосходно! Попалось мнѣ про-

сянье; просо было уже въ снопахъ, значитъ — самое перепелиное мѣсто! И дѣйствительно, перепеловъ оказалось пропасть, и до того были они жирны, что насилу летѣли. Въ какихъ-нибудь полчаса я штукъ тридцать накаталъ ихъ; право, не лгу...

— Я вѣрю.

— День былъ жаркій; ястребъ мой пріусталъ, да и я тоже. Надо было отдохнуть... Выпилъ я рюмку водки (я еще тогда вкушалъ), прилегъ на снопы и руку съ ястребомъ тоже на снопъ положилъ; улегся великолѣпно, задремалъ... вдругъ: бацъ! и мой ястребъ наповалъ, а рука вся въ крови...

— Неужели опять пріятель? — спросилъ я.

— Онъ, подлецъ! — вскрикнулъ Евстафій Кузьмичъ. — Увидалъ моего ястреба да и выстрѣлилъ въ него... Ей-ей, не лгу, и вотъ вамъ доказательства...

И Ласточкинъ показалъ мнѣ слѣды дробинъ на щекѣ и на рукѣ.

— Въ рукѣ,—добавилъ онъ:—до сихъ поръ еще одна дробинка сидитъ, не вытащили.—И онъ далъ мнѣ пощупать то мѣсто, гдѣ сидѣла дробина.

— Ну-съ, а вы, — спросилъ онъ: — много убили сегодня?

— Шесть зайцевъ.

— Гдѣ же они?

— Спряталъ, а завтра пріѣду за ними. Лѣнь было носить.

— Какая охота! Однако, мой *дровокатъ*-то заснулъ, кажется; вишь какъ захрапываетъ! И, указавъ на спящаго Верхолетова, опять подмигнулъ мнѣ.

— Усталъ, должно быть...

— Водку-то пить! — подхватилъ Евстафій Кузь-

мичъ и залился самымъ добродушнѣйшимъ и звонкимъ хохотомъ. Онъ съ собой цѣлую бутылку взялъ и всю осушилъ! И потомъ, нагнувшись ко мнѣ, прибавилъ шепотомъ: — муху убить любитъ и пьетъ сухо.

— Онъ только и занимается однимъ адвокатствомъ? — спросилъ я.

— Только этимъ и занимается. Ѣздитъ по судьямъ, по съѣздамъ, у него и свидѣтельство отъ съѣзда есть. Мужиковъ обираетъ, надо бы лучше, да некуда... Онъ изъ священныхъ, отецъ его протопопомъ. И все, что̀ выработаетъ, все пропиваетъ. Жаль, способный малый, и, не будь этой водки, далеко пошелъ бы. Разъ какъ-то отецъ вздумалъ было вытрезвлять его; держалъ у себя на глазахъ, водки давалъ понемногу... не вытерпѣлъ! Напился одеколономъ, надѣлъ на голову отцовскую камилавку — и маршъ въ кабакъ!

И Евстафій Кузьмичъ опять захохоталъ.

— Однако, — началъ онъ, немного погодя, и посмотрѣлъ на солнышко: — время и о ночлегѣ подумать.

— Да, пора! — проговорилъ я вставая.

Евстафій Кузьмичъ тоже всталъ и, подойдя къ Верхолетову, крикнулъ:

— Эй! пріятель! amice!

Но amicus только сопѣлъ, какъ-то особенно надувъ губы и какъ-то сердито наморщивъ брови.

— Вставай.

— Вы его не добудитесь!

— Нѣтъ, онъ — чуткій; вскочитъ разомъ. У него хмѣль скоро проходитъ; сто̀итъ вздремнуть немного и опять какъ встрепанный. Эй, адвокатъ, вставай!..

Верхолетовъ открылъ глаза и безсмысленно посмотрѣлъ на насъ.

— Вставай, пора идти.

Адвокатъ сталъ протирать глаза.

— Что это? — говорилъ онъ: — я никакъ заснулъ?!

— Похоже на то.

— Долго?

— Да съ полчасика будетъ... И храпѣлъ во всѣ носовыя завертки.

— Это называется: потолки поднимать! — замѣтилъ Верхолетовъ и, быстро вскочивъ на ноги, потянулся.

— Есть у тебя вода? — спросилъ онъ Ласточкина.

— Сельтерская? — переспросилъ тотъ.

— Ну, понятно.

— Одна бутылочка осталась еще.

— Дай-ка!

— А какъ же я-то безъ воды останусь?

— Одну бутылку, полагаю, можно уступить, Аполлонъ ты бельведерскій.

— Ну, такъ и быть, возьми, подавись, только пойдемъ поскорѣе.

Верхолетовъ отбилъ горлышко и залпомъ выпилъ всю бутылку.

— Хорошо, отлично освѣжаетъ! — проговорилъ онъ. — Ну-съ, куда же мы пойдемъ?

— Домой идти поздно, — подхватилъ Ласточкинъ.— Надо идти на *кордонъ* къ графскому лѣсничему.

— Что-о? — промычалъ адвокатъ. — Ты хочешь идти къ лѣсничему, къ Трампедаху!

— А что же, — забормоталъ Евстафій Кузьмичъ. — Почему же не идти? Кстати, я съ женою повидаюсь...

— Кажется, послѣднее запрещено тебѣ! — замѣтилъ Верхолетовъ.

— Кто же посмѣетъ мнѣ, мужу, запретить видѣться съ женой?

— Тотъ, у кого она живетъ — Трампедахъ.

Ласточкинъ даже захохоталъ.

— Нѣтъ, все это кончилось! — проговорилъ Ласточкинъ. — Жена со мной примирилась и, послѣ моего послѣдняго свиданія съ ней, даже просила меня навѣщать ее.

— Вотъ какъ! А давно это было?

— Съ недѣлю тому назадъ. Она убѣдилась теперь, что ссориться намъ неизчего.

— А вы тоже, конечно, съ нами? — спросилъ Верхолетовъ, обращаясь ко мнѣ.

— Конечно, конечно, — заговорилъ Ласточкинъ. — Намъ будетъ веселѣе, и, кромѣ того, домой засвѣтло вы не дойдете, а ночевать въ лѣсу, да еще осенью, не очень-то пріятно.

— Совѣтую слѣдовать за нами! — проговорилъ Верхолетовъ.

— Что же это за кордонъ такой? — спросилъ я.

Верхолетовъ снялъ фуражку, отмахнулъ назадъ волосы и, снова надѣвъ ее на бекрень, спросилъ:

— Кордонъ-то?

— Да.

— Кордонъ,—это разбойничье гнѣздо сихъ окружающихъ насъ лѣсовъ, атаманомъ котораго состоитъ прусскій подданный Фридрихъ-Адольфъ-Августъ Трампедахъ (котораго, впрочемъ, мужики перековеркали и просто называютъ *Астраханскій тарантасъ)*, одѣтый въ костюмъ лѣсничаго, т. е. сѣрый пиджакъ съ зе-

леными кантами, таковымъ же воротникомъ и зелеными аксельбантами, на концахъ которыхъ висятъ свистокъ и карандашъ. Это — мужчина высокаго роста, съ длинными усами, довольно красивый, курящій отличныя сигары и получающій жалованья 2400 въ годъ на всемъ на готовомъ. Мужчина этотъ весь пропитанъ могуществомъ Пруссіи (отъ войны съ Франціей, впрочемъ, отвильнулъ, пославъ свидѣтельство о болѣзни), на Францію смотритъ съ пренебреженіемъ, а на своего довѣрителя — какъ на дурака. Послѣдній взглядъ, впрочемъ, пожалуй, и вѣренъ. Разбойникъ этотъ за 2400 ежегоднаго жалованья отлично рубитъ и продаетъ мачтовые лѣса, а взамѣнъ ихъ сѣетъ на грядахъ елки и сосны, имѣются уже трехъ и четырехлѣтніе экземпляры, которые скоро будутъ высаживаться изъ грядокъ. На грядахъ этихъ, весьма красиво обдѣланныхъ, торчатъ ерлычки съ надписями: *пинусъ абіесъ, пинусъ сильвестрисъ, пинусъ цембра* и т. д... Разбойникъ этотъ, наконецъ, человѣкъ холостой, отбившій жену у сего юноши...

Ласточкинъ, покачивавшій до тѣхъ поръ неодобрительно головой, услыхавъ послѣднее, въ одинъ прыжокъ подскочилъ къ Верхолетову.

— Прошу не забываться! — крикнулъ онъ.

И въ ту же секунду лицо его побагровѣло, щеки надулись, какъ-будто ротъ его былъ полонъ воды; глаза выкатились, какъ у жабы; онъ стиснулъ кулаки, но Верхолетовъ, не обращая на все это ни малѣйшаго вниманія, продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало:

— Но для меня лично — человѣкъ хорошій. Угощаетъ меня водкой, коньякомъ и другими тонкими винами, которыя я пью, сколько душѣ угодно; уго-

щаетъ прелестными сигарами; даритъ чужія дрова и даже брусья и, покровительственно хлопая меня по плечу, называетъ *добрымъ малымъ*. Словомъ, свинья въ полномъ смыслѣ...

— Чудесно, прелестно, превосходно...—горячился Ласточкинъ съ пѣной у рта и брызгая во всѣ стороны слюнями. — Человѣкъ и поитъ, и кормитъ его, одолжаетъ дровами и лѣсомъ, а онъ называетъ его свиньей!..

— И свинья можетъ быть щедрою.

— А на счетъ жены моей, — перебилъ его Евстафій Кузьмичъ: — вы напрасно такъ изволите выражаться... Моя жена ему не чужая-съ; она его кузина-съ; и если оставила меня и переѣхала жить къ нему-съ, то этимъ хотѣла наказать меня-съ за мою вѣтренность и за любовь къ хорошенькимъ женщинамъ.

Дѣло становилось интереснымъ, и я рѣшился слѣдовать за моими новыми знакомыми, тѣмъ болѣе, что добраться засвѣтло до дома, дѣйствительно, не было возможности.

Немного погодя, мы подходили къ кордону лѣсничаго.

Трудно было бы представить себѣ что-нибудь восхитительнѣе этой мѣстности и вообще того ландшафта, который раскинулся передъ нами. Кордонъ лѣсничаго, т. е. домъ и необходимыя службы, былъ построенъ на довольно большой площади, со всѣхъ сторонъ окруженной темно-синимъ боромъ. Площадь эта, зеленѣвшая прелестной зеленью недавно скошеннаго рейграса, пересѣкалась небольшой, но водной рѣкой, берега которой были искусственно срыты и устланы дерномъ. Все, помѣщавшееся на берегу, какъ въ зеркалѣ отражалось въ этой рѣкѣ. На противопо-

ложномъ берегу рѣки, на небольшомъ отлогомъ холмикѣ, возвышался домъ лѣсничаго. Домъ былъ самой затѣйливой архитектуры, съ пристроечками, башенками, мѣстами въ одинъ, мѣстами въ два этажа, и со множествомъ балкончиковъ и террасъ. Онъ былъ срубленъ изъ прекраснаго сосноваго лѣса, украшенъ многочисленной и разнообразной рѣзьбой и покрытъ толемъ. На главной конусообразной башнѣ развѣвался флагъ (обозначавшій, что самъ лѣсничій дома), а затѣмъ на остальныхъ торчали или флюгера, или оленьи рога, или какія-нибудь другія украшенія. Я не знаю, чтó это была за архитектура, но знаю, что домъ своею оригинальностію чрезвычайно поразилъ меня. Службы были расположены неподалеку отъ дома и тоже не походили на обыкновенныя строенія въ этомъ родѣ. Онѣ не тянулись въ линію, какъ это всегда бываетъ, но были, напротивъ, разбросаны здѣсь и тамъ среди кустовъ и деревьевъ, разсаженныхъ съ большимъ вкусомъ по роскошному газону. Чистота повсюду была неимовѣрная; затѣйливо вьющіяся дорожки были усыпаны золотистымъ пескомъ; кое-гдѣ виднѣлись диванчики и скамейки и пестрѣли клумбы осеннихъ цвѣтовъ. Перейдя мостикъ, мы приблизились къ воротамъ. Ворота были затворены, но тутъ же на столбѣ виднѣлась ручка отъ звонка, а подъ ручкой надпись: *звонокъ къ лѣсному кондуктору*. Я хотѣлъ было позвонить, но Верхолетовъ удержалъ меня.

— Это совершенно лишнее, — проговорилъ онъ: — ворота никогда не запираются, и, толкнувъ ногою, онъ отворилъ ихъ. — Здѣсь правды нѣтъ, — продолжалъ онъ: — здѣсь все только для виду и все одна декорація. Правду увидите вы за полверсты отсюда, гдѣ

вмѣсто мачтовыхъ лѣсовъ, словно ульи на пчельникѣ, торчатъ пеньки, слѣды разрушительныхъ подвиговъ ученаго лѣсничаго, ловко набивающаго свои нѣмецкіе карманы...

— А! вотъ, кстати, очень кстати! — долетѣлъ до насъ чей-то рѣзкій голосъ.

Я оглянулся и въ нѣкоторомъ разстояніи увидалъ высокаго мужчину въ сѣромъ пиджакѣ съ зелеными аксельбантами. Передъ нимъ, на колѣнахъ и безъ шапки, стоялъ оборванный мужичишка. По костюму, въ первомъ узналъ я лѣсничаго. Увидавъ его, Верхолетовъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, снялъ фуражку и, почтительно наклонивъ голову, проговорилъ, указывая на себя и на насъ:

— Вельможный господинъ! — Бродившіе по лѣсамъ вашимъ охотники, убившіе несравненно болѣе драгоцѣннаго времени, чѣмъ дичи, утомились и просятъ васъ великодушно дозволить имъ отдохнуть и провести ночь хотя бы подъ одной кровлей съ вашими слугами и рабами.

И, принявъ театральную позу, онъ съ наклоненной головой и опущенными глазами покорно ждалъ отвѣта.

— Мой домъ, — проговорилъ лѣсничій, подходя къ намъ и тоже принявъ театральную позу: — всегда открытъ усталымъ путникамъ. Путники могутъ войти въ него и быть увѣренными, что найдутъ у меня ночлегъ, кусокъ мяса и кружку добраго вина.

— Вельможный господинъ! — проговорилъ опять Верхолетовъ, указывая на меня рукою. — Я не назову вамъ имени этого путника, потому что забылъ и не знаю, откуда онъ; но этого, — продолжалъ онъ, указывая на Ласточкина: — могу назвать. Это — Евстафій

Ласточкинъ, ищущій въ лѣсахъ этихъ своей Дульцинеи!

Ласточкинъ послѣ словъ этихъ сдѣлалъ комическій книксенъ и произвелъ всеобщій хохотъ, каковымъ и заключилась разыгранная сцена, въ продолженіе которой ободранный мужичишка, съ растрепавшимися волосами, держа обѣими руками шапку, словно одной онъ не могъ удержать ее, продолжалъ стоять на колѣнахъ, безсмысленно посматривая на всѣхъ насъ. Ласточкинъ познакомилъ меня съ лѣсничимъ, который, крѣпко пожавъ мнѣ руку и проговоривъ обрывисто: *очень радъ!*—обратился къ Верхолетову.

— Вы очень кстати подошли; я хотѣлъ было посылать за вами нарочнаго.

— Чтó прикажете?

— Хочу опять просить васъ съѣздить къ мировому и подать жалобу на этого мерзавца.

— Чтó-же сдѣлалъ онъ, несчастный? — спросилъ Верхолетовъ.

— Осьмушку дровъ увезъ, и пойманъ съ поличнымъ. Надо-же, наконецъ, прекратить это воровство и заставить ихъ уважать чужую собственность.

— Отецъ родной, прости! — вопилъ мужикъ, бухаясь въ ноги.

— Я передамъ тебя въ руки правосудія и прощать теперь не могу, — проговорилъ Трампедахъ ломанымъ русскимъ языкомъ и принялъ торжественно серьезную позу.

— Да, несчастный! — заговорилъ Верхолетовъ, подбоченясь и нахмуривъ брови. — Ты теперь въ моихъ рукахъ, и я тебѣ покажу правосудіе! Чтó ты сдѣлалъ, несчастный? на чтó посягнулъ? на чтó рѣшился?

Сообразилъ-ли, куда ты заѣхалъ? У кого укралъ дрова? У графа... понимаешь-ли, у графа!.. Графъ и — ты, презрѣнный! Сообрази, какая между вами разница! Сообрази и отвѣчай!..

— Прости, родимый! — вопилъ мужикъ. — Лукавый попуталъ... Другу-недругу закажу, избёнки нечѣмъ топить было!

— Вѣдь, тебя въ тюрьму, понимаешь-ли? — продолжалъ Верхолетовъ: — потому-что ты не дерево съ корня срубилъ, а похитилъ лѣсное произведеніе, заготовленное и сложенное!

Мужикъ снова бухнулся въ землю и завопилъ въ голосъ.

— Я надѣюсь,— продолжалъ между тѣмъ адвокатъ, обращаясь къ Трампедаху: — что вашъ кондукторъ записалъ имя и прозванье этого несчастнаго.

— О, это все оформлено, составлена сказка, которую я вамъ передамъ, и о поимкѣ вора мною донесено уже конторѣ рапортомъ.

— Превосходно! Имѣя все это подъ руками, можно считать дѣло оконченнымъ и пренія прекратить. Прошу васъ передать мнѣ сказку.

— Покорнѣйше прошу въ домъ, — проговорилъ лѣсничій, — и мы направились къ дому, а слѣдомъ за нами поплелся и мужикъ, всю дорогу голосившій, что его попуталъ лукавый и что онъ другу-недругу закажетъ воровать графскія дрова. Мужикъ не унялся даже и тогда, когда мы вошли въ переднюю. Онъ тоже вломился туда, опять упалъ въ ноги и дождался-таки того, что его вытолкали въ шею.

Мы вошли въ огромную комнату съ квадратными большими окнами и стекляной дверью на балконъ,

выходившій въ садъ. Комната эта оказалась кабинетомъ лѣсничаго. Чѣмъ-то министерскимъ выглядѣла эта щегольски-убранная комната. Полы были устланы коврами. Массивныя драпировки оконъ, съ бахромой и кистями, сообщали кабинету какой-то таинственный полумракъ. Посреди комнаты стоялъ большой письменный столъ съ изящными письменными принадлежностями: тутъ были и бронзовыя статуэтки Бисмарка и Мольтке, и гипсовыя куколки дамъ, ищущихъ блохъ, и красавицъ въ однѣхъ сорочкахъ, обувающихъ ноги, и массивные счеты, и щегольскія конторскія книги. Вдоль одной стѣны тянулись полки съ красиво уложенными образцами бревенъ и на каждомъ изъ образцовъ этихъ отпечатана была цѣна, толщина, длина и даже возрастъ дерева. Задняя стѣна положительно закрывалась оружіемъ; тутъ были и ружья, и штуцера, и карабины, и пистолеты, и шашки, и сабли, и всевозможныя охотничьи принадлежности, развѣшенныя на оленьихъ и буйволовыхъ рогахъ. Тутъ-же неподалеку, въ простѣнкѣ между двумя окнами, помѣщалось піанино. Мягкіе турецкіе диваны заставляли остальныя стѣны, а надъ диванами висѣли въ золотыхъ рамахъ картины весьма плохой живописи, но зато пикантнаго содержанія. Превосходныя чучела лисицъ, зайцевъ, бѣлокъ и разныхъ птицъ разставлены со вкусомъ здѣсь и тамъ, а огромный каминъ съ мягкими передъ нимъ креслами довершалъ убранство этого изящнаго кабинета.

Войдя въ комнату и еще разъ крѣпко тряхнувъ намъ руки, лѣсничій свистнулъ, и въ комнату влетѣлъ мужчина съ солдатской наружностію и тоже въ форменномъ пиджакѣ съ зелеными кантами, но только

съ бляхой на груди, на которой (бляхѣ) была надпись: *«лѣсной сторожъ»*. Влетѣвъ въ комнату, онъ вытянулся въ струнку, вытаращилъ глаза и растопырилъ усы.

— Вели подать намъ чаю...

— Слушаю-съ.

— Да скажи, чтобъ изготовили ужинъ...

— Слушаю-съ.

— Я очень хорошо понимаю,— продолжалъ лѣсничій, съ улыбкой потирая руками: — что у людей, цѣлый день ходившихъ по лѣсу, аппетитъ рождается отличный, а потому скажи, чтобы намъ изготовили хорошій бифштексъ...

— Слушаю-съ.

— Тушеныхъ грибовъ въ кастрюлѣ...

— Слушаю-съ.

— И разварнаго судака съ той подливкой, дѣлать которую я недавно научилъ повара.

— Слушаю-съ.

— Ну, ступай.

Сторожъ сдѣлалъ налѣво кругомъ и вышелъ.

— Дуракъ, но исполнителенъ! — замѣтилъ лѣсничій, и потомъ, усадивъ насъ всѣхъ и похлопавъ насъ по плечамъ, добавилъ: — я тоже сегодня много шатался по лѣсу и тоже буду кушать съ удовольствіемъ. Кстати я сегодня отъ Депре получилъ такой портеръ, что чудо!—И лѣсничій поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ.

— У меня даже теперь текутъ слюнки! — замѣтилъ Верхолетовъ.

— Водка у насъ тоже отличная...

— Еще-бы! имѣя свой винокуренный заводъ! — вздохнулъ Верхолетовъ.

— Пятьдесятъ градусовъ и рисовая очистка... Недурно?

— Чтó можетъ сравниться съ этимъ! — проговорилъ адвокатъ.

— Мы прикажемъ отпустить вамъ ведра два.

Верхолетовъ въ знакъ благодарности сдѣлалъ глубокій поклонъ и приложилъ руку къ сердцу.

— Вы знаете, какая штука! — заговорилъ вдругъ лѣсничій, обращаясь ко мнѣ. — Нашъ графъ, кромѣ этой водки, никакой другой пить не можетъ — изжога съ нимъ отъ другой водки. Недавно получили мы отъ него письмо.— «Все идетъ хорошо, пишетъ онъ: — только одно скверно, что постоянно страдаю изжогой отъ здѣшней противной водки».

— Отчего-же вы ему не высылаете? — спросилъ я.

— Куда! — вскрикнулъ лѣсничій: — на Шибку-то!

— А онъ — на Шибкѣ?

Лѣсничій даже съ мѣста вскочилъ.

— Да, на Балканахъ, на Шибкѣ. А вы и не знали этого? Ахъ! это великолѣпнѣйшій человѣкъ, это такая добрая, широкая натура! Вы представьте себѣ: у него французъ поваръ, и у графа каждый день и обѣдаютъ, и ужинаютъ всѣ бѣдные офицеры... Подумайте, чего это стóитъ!

И взявъ меня за бортъ сюртука, лѣсничій слегка потрясъ меня.

— О, зато графъ и бомбардируетъ насъ письмами о деньгахъ! Боже мой, ка̀къ бомбардируетъ! И, вынувъ сигару, онъ откусилъ ея конецъ. — То и дѣло требуетъ денегъ, а денегъ нѣтъ! Кабацкое дѣло идетъ плохо, мужики пьютъ мало...

— А я думалъ, напротивъ, что они пропиваютъ послѣднее,— замѣтилъ Верхолетовъ.

— Да, это правда, совершенная правда! — перебилъ его лѣсничій. — Но, такъ какъ у нихъ очень мало или, лучше сказать, ничего нѣтъ, то натурально и пропивать нечего. Отъ этого самаго и малъ доходъ, а между тѣмъ, нашъ графъ... о! онъ требуетъ.

— Такъ надо это разъяснить мужикамъ! — замѣтилъ Верхолётовъ. — Пусть они почувствуютъ и уразумѣютъ, и пусть пьютъ... Словомъ, пусть поступаютъ, такъ, какъ я...

Лѣсничій захохоталъ грубымъ, нѣмецкимъ хохотомъ.

— О, еслибъ всѣ были такіе, какъ мы съ вами!

— Не щажу ни жизни, ни живота, такъ сказать, для пользы графа и... и надѣюсь получить за это сигару...

— Ахъ, виноватъ, виноватъ! — вскрикнулъ вдругъ лѣсничій. — Я и забылъ предложить .. Но, позвольте,— затормошился онъ: — эти сигары — такъ себѣ. Я предложу вамъ лучшихъ.

И, опустивъ въ карманъ руку, лѣсничій вынулъ цѣлую связку ключей, отперъ письменный столъ и вынулъ непочатый еще ящикъ сигаръ.

— Эти будутъ превосходнѣе! — проговорилъ онъ и, взявъ со стола соотвѣтствующій инструментъ, вскрылъ ящикъ, понюхалъ его, закрылъ отъ восхищенія глаза и предложилъ намъ по сигарѣ.

— Прошу! А вотъ, кстати, и чай подаютъ.

Дѣйствительно, знакомый уже намъ сторожъ вошелъ въ комнату съ подносомъ, на которомъ стояли стаканы съ чаемъ, лимонъ, сливки и графинчикъ съ

ромомъ. Усѣвшись въ мягкія кресла, мы закурили сигары и принялись за чай.

Лѣсничій оказался самымъ любезнымъ и радушнымъ хозяиномъ. Это былъ мужчина лѣтъ тридцати пяти, высокаго роста, плечистый, съ высокой грудью, съ руками мускулистыми, длинными крѣпкими пальцами и лицомъ грубымъ, но цвѣтущимъ здоровьемъ. Одѣтъ онъ былъ почти щегольски: бѣлье снѣжной бѣлизны, длинные сапоги прекрасной работы, костюмъ сшитъ безукоризненно, словомъ, по всему было видно, что лѣсничій пощеголять любилъ. Длинные усы, смазанные фиксатуаромъ, онъ закручивалъ по-наполеоновски, на затылкѣ носилъ англійскій проборъ, движенія имѣлъ развязныя, съ нѣкоторой даже претензіею на изящество, но тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ сказать, что все это было какъ-то не то грубо, не то топорно. Насколько наполеоновскіе усы приличествуютъ французскому типу, настолько они неуклюжи подъ носомъ нѣмца, тѣмъ болѣе, что нѣмецъ всегда какъ-то пересолитъ.

Напившись какъ слѣдуетъ чаю и опорожнивъ при этомъ графинчикъ съ ромомъ, лѣсничій предложилъ намъ немного пройтись и освѣжиться. Онъ опять свистнулъ и на свистъ, какъ послушная собака, опять влетѣлъ лѣсной сторожъ и, остановясь у притолки, словно сталъ на заднія лапы.

— Мы пойдемъ немного прогуляться, командовалъ лѣсничій: — а ты пока накрой на столъ.

— Гдѣ прикажете-съ?

— Ахъ, какъ ты глупъ; конечно, въ столовой.

— Слушаю-съ.

— Да скажи Софьѣ Ивановнѣ, что господа эти бу-

дутъ здѣсь ночевать, такъ чтобы она потрудилась распорядиться насчетъ постелей.

— Слушаю-съ! — и солдатъ повернулся.

— Постой, куда! Передай эти ключи Софьѣ Ивановнѣ.

— Слушаю-съ.

— Теперь ступай.

Сторожъ повернулся и скрылся.

— Ну, господа, прошу! — проговорилъ лѣсничій, указывая жестóмъ руки на дверь.

Мы вышли.

— Я покажу вамъ свое хозяйство: питомникъ и пильню.

— А кàкъ здоровье многоуважаемой Софьи Ивановны? — спросилъ Верхолётовъ, обращаясь къ лѣсничему.

— Изъ рукъ вонъ! Все по немъ тоскуетъ! — проговорилъ лѣсничій, кивнувъ головой на Ласточкина.

— О, чувствительная женщина! И въ вознагражденіе за все это имѣть столь безчувственнаго мужа! — замѣтилъ Верхолётовъ.

— Ну, ужь пожалуйста! — подхватилъ Евстафій Кузьмичъ, закуривая папироску.— Можетъ быть, почувствительнѣе другихъ еще!

— Это-то и горе! — продолжалъ грызть Верхолётовъ. — Ты, какъ мотылекъ порхаешь съ одного цвѣтка на другой, нисколько не заботясь о томъ, нравится-ли это или нѣтъ той, которой ты поклялся въ постоянствѣ.

Между тѣмъ, мы подошли къ питомнику. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ десятинъ земли, огороженной живой изгородью кратегуса. Небольшая калитка

вела внутрь питомника, отворивъ которую, лѣсничій немного отстранился и, опять-таки, жестомъ руки пригласилъ насъ войти.

Мы вошли.

Все пространство, обсаженное кратегусомъ, было разбито на правильныя красивыя гряды, усаженныя разными породами елей и сосенъ. Маленькія деревца эти, изъ которыхъ самыя большія достигали аршина, весело смотрѣли и зеленѣли самой молодой, свѣжей зеленью. Всѣ гряды были тщательно подпушены и на каждой изъ нихъ торчали ерлыки съ надписью о породѣ дерева. Весело было смотрѣть на это молодое поколѣніе растительнаго царства!

— Что за прелесть! — невольно вскрикнулъ я, глядя на эти веселыя, кудрявыя деревца!

— Не правда-ли? — спросилъ лѣсничій съ нѣжной улыбкой.

— Прелесть.

— Это — мои дѣти! — продолжалъ онъ. — Я ихъ сѣялъ, я ростилъ, я ухаживалъ за ними, я лѣчилъ ихъ и, право, вслѣдствіе всего этого, привязался къ нимъ, сжился съ ними, и теперь не безъ горести думаю о томъ, что скоро съ нѣкоторыми изъ нихъ придется разставаться!

— Отчего? — спросилъ я.

— Нѣкоторыя изъ нихъ достигли уже того возраста, когда они должны жить самостоятельно, безъ няньки, безъ ухода. На будущій годъ многіе изъ этихъ моихъ питомцевъ покинутъ школу и пересадятся въ лѣсъ, поступятъ, такъ сказать, на службу... Но, Боже мой! Сколько хлопотъ положилъ я, защищая ихъ отъ разныхъ невзгодъ, а главное, отъ нападеній этихъ до-

кучливыхъ грызуновъ. Ихъ обижали и зайцы, и хорьки, и мыши, и крысы, и кроты... Ахъ, что за надоѣдливая, что за назойливая тварь эти грызуны.

— Да, подхватилъ Верхолетовъ: — съ этими подлецами не скоро справишься...

— И трудно вести войну съ ними, потому что они — вездѣ. Они и въ поляхъ, и въ лѣсахъ, и въ комнатахъ, и подъ поломъ, и, чортъ знаетъ, гдѣ только нѣтъ ихъ. Идешь на медвѣдя, напримѣръ: вооружаешься, — берешь штуцеръ, рогатину, ножъ; идешь на волка — тоже самое, а тутъ что̀ вы сдѣлаете? Нарочно весь питомникъ густо обсадилъ колючимъ кратегусомъ, такъ нѣтъ-съ! И сквозь кратегусъ пробираются.

Осмотрѣвъ питомникъ, мы отправились на пильню. Пильня приводилась въ движеніе водою и построена была на той самой рѣкѣ, на которой былъ и кордонъ. Еще далеко не доходя до пильни, до слуха нашего долетѣлъ стонъ и шумъ водяныхъ колесъ. Какъ-то особенно величаво стонъ этотъ царилъ въ окружавшемъ насъ лѣсу, то замиралъ, то раскатывался широкой волной въ колоннадѣ сосенъ, молча внимавшихъ ему. То этотъ стонъ какъ будто убѣгалъ куда-то далеко, далеко, и тогда, взамѣнъ его, слышался лязгъ стальныхъ пилъ, рѣзавшихъ стройные стволы деревъ. И заслыша лязгъ этотъ, живыя еще деревья словно содрогались... «Убійство! убійство!..» словно шептали они, но, не имѣя силъ бѣжать, только махали своими вѣтвями, протестуя противъ насилія. Такъ, вѣроятно, ждутъ своей очереди еще недорѣзанные члены семьи, въ домъ которой забралась шайка разбойниковъ и выходъ изъ котораго обложенъ.

Пильня имѣла видъ громаднаго фабричнаго заведенія. Вокругъ нея, точно на пристани, былъ повсюду наваленъ лѣсъ. По одну сторону пильни возвышались ярусы брусьевъ, комли которыхъ были заклеймены и носили на себѣ какіе-то красные знаки въ видѣ крестовъ и буквъ; а по другую сторону, словно улица, стояли выстроившіяся въ линію треугольныя стопы досокъ и тёса. Громадныя кучи опилокъ возвышались здѣсь и тамъ, а позади ихъ, и тоже правильными рядами, цѣлыя сотни сложенныхъ въ сажени дровъ. Среди всего этого, словно на ярмаркѣ, суетился народъ. Тамъ, подтаскивая брусья, распѣвали *дубинушку*, здѣсь наваливали дрова, швыряли полѣньями словно пряниками. Повсюду суетились какія-то чуйки съ бумажками въ рукахъ, муслили обгрызенные карандаши и карандашами этими что-то записывали на бумажкахъ. Стонъ и гамъ царили повсюду и только изрѣдка заглушались шумомъ колесъ и лязгомъ стальныхъ пилъ. Пропитанный смолой воздухъ довершалъ эту картину лѣснаго промысла.

— А что́ означаютъ эти красныя буквы? — спросилъ Верхолётовъ, указывая на помѣченныя бревна.

— Это — мѣтки, кому именно лѣсъ принадлежитъ, т. е. кѣмъ купленъ,— отвѣтилъ лѣсничій.

— Чаще всего встрѣчается буква Т.

— Это означаетъ, что лѣсъ проданъ купцу Требухину.

— Я такъ и думалъ.

— О, онъ много покупаетъ лѣса, очень много! — Онъ нашъ главный покупатель.

— Да у него и денегъ много.

— Много денегъ и мало совѣсти! — вскрикнулъ

вдругъ молчавшій до того времени Евстафій Кузьмичъ, да такъ смѣшно, что всѣ невольно расхохотались.

Пильня была устроена по самой послѣдней системѣ и не оставляла желать ничего лучшаго. Насколько было много народа вокругъ пильни и насколько было много тамъ суеты и крику, настолько мало было того и другаго внутри. Люди замѣнялись тамъ колесами, сила человѣка силою воды и гдѣ только можно было оттолкнуть человѣка, тамъ человѣкъ это сдѣлалъ и воткнулъ шестерню. Помилости шестеренъ этихъ, колесъ и воды, пилы поднимались и опускались, и брусья, какъ будто сами, своей волей, ползли къ этимъ пиламъ, подставляли свои головы и молча дозволяли рѣзать себя на части.

Осмотрѣвъ пильню, мы пошли домой, а минутъ черезъ двадцать снова входили въ садъ, окружавшій кордонъ. Но только-что успѣли войти въ калитку, какъ услыхали дробное побрякиванье бубенчиковъ и увидали стоявшій возлѣ каретника тарантасъ, запряженный тройкой сѣрыхъ толстыхъ лошадей съ громаднѣйшею дугой, разрисованной яркими букетами. Лошади были разнузданы и, привязанныя къ ясламъ, жевали сѣно.

— А! вотъ и Требухинъ пріѣхалъ! — вскрикнулъ лѣсничій. — Деньги привезъ.

Дѣйствительно, это былъ Требухинъ. Войдя въ кабинетъ, мы увидали его сидящимъ рядомъ съ Софьей Ивановной и попивающимъ чаекъ. При видѣ Софьи Ивановны, Евстафій Кузьмичъ немного смутился, но, вскорѣ оправившись, подлетѣлъ къ ней мелкой рысцой, шаркнулъ своими кривыми ножками и приложился къ ручкѣ. Всего этого Трампедахъ не

замѣтилъ, потому что какъ только увидалъ Требухина, такъ въ ту-же минуту растопырилъ руки и, прокричавъ: — «а! вотъ онъ, вотъ онъ, почтеннѣйшій Акимъ Саватичъ!» — принялся обнимать его.

— Давно-ли пожаловали?

— Съ полчаса, не больше-съ.

— Чаю не хотите-ли?

— Я пью-съ, вотъ и стаканъ мой. Софья Ивановна меня угостили.

— Отлично, отлично! сейчасъ буду благодарить ее...

Но, взглянувъ на Софью Ивановну и увидавъ стоявшаго предъ нею съ сіяющимъ лицомъ Евстафія Кузьмича, разразился громкимъ хохотомъ.

— А! вотъ оно что значитъ! — проговорилъ лѣсничій. — Вотъ оно что значитъ!..

И, подойдя къ Софьѣ Ивановнѣ, онъ заговорилъ, повертывая ее передъ собою:

— Посмотрите-ка, расфрантилась какъ!.. Вотъ что значитъ муженька-то увидать...

— Какъ это глупо! — проговорила она и, надувъ губки, усѣлась въ кресло, а Евстафій Кузьмичъ растерялся окончательно. Бѣдный не зналъ, что дѣлать. Оборачиваясь то въ одну, то въ другую сторону, онъ краснѣлъ, какъ ракъ, вертѣлъ въ рукахъ фуражкой и съ какимъ-то особенно жалкимъ видомъ хлопалъ своими смѣшными глазами. Но на смѣшные глаза эти нельзя было смотрѣть безъ состраданія. Онъ хлопалъ ими, и тѣмъ не менѣе въ нихъ проглядывала мольба о пощадѣ, объ оставленіи въ покоѣ тѣхъ чувствительныхъ струнъ сердца, грубое прикосновеніе къ которымъ коробитъ человѣка. Но мольбы этой никто не хотѣлъ прочесть, и всѣ, глядя на эти смѣшные

глаза и на всю смѣшную фигурку Евстафія Кузьмича, только хохотали. Хохоталъ лѣсничій, хохоталъ Верхолётовъ, хохоталъ мужикъ Требухинъ, и только одна Софья Ивановна продолжала сидѣть, нахмуря личико и протестуя про́тивъ этой грубой выходки. Евстафій Кузьмичъ былъ весь мокрый, потъ ручьями катился съ его лица, онъ видимо изнемогалъ и опустился наконецъ на стоявшее возлѣ него кресло.

— Свой своему поневолѣ другъ! — острилъ лѣсничій.

— Недаромъ говорится,— подхватилъ Верхолетовъ: — оставь отца и мать свою и прилѣпися къ женѣ.

— А жена, да боится, — забасилъ Требухинъ, подражая дьякону: — своего м...у...у...жа...а...а...

Но тутъ Евстафій Кузьмичъ не вытерпѣлъ и, не давъ даже Требухину дотянуть какъ слѣдуетъ «мужа», въ одинъ прыжокъ подскочилъ къ нему и поднялъ сжатые кулаки.

— И ты туда же, алтынникъ! — закричалъ онъ, брызгая слюнами.— И ты туда же! Ты бы лучше мои деньги отдалъ!

Хохотъ мгновенно утихъ.

— Какія такія деньги-съ? — тихо спросилъ Требухинъ, улыбаясь мягкой улыбкой.

— А такія, которыя ты мнѣ долженъ! — кричалъ Евстафій Кузьмичъ. — Я тебѣ пять тысячъ десятинъ обмѣрилъ, пять тысячъ десятинъ на клѣтки разбилъ, планъ тебѣ нарисовалъ... Договоръ у насъ былъ по десяти копѣекъ съ десятины, а ты сколько мнѣ отдалъ? а? сколько? говори!...

— Кажется, всѣ сполна-съ...

— Врешь, ты мнѣ только сто рублей далъ, а череста зажилилъ... халдейская твоя харя!

— Кажется, неправда-съ.

— Лжешь, правда. У нищаго суму отнялъ, а еще потомственный почетный гражданинъ! Воръ ты и грабитель!

— Господа-съ, прислушайте-съ!— проговорилъ мягкимъ голосомъ Акимъ Саватичъ, приложивъ руку къ сердцу и обращаясь ко всѣмъ намъ. — Прислушайте-съ...

И сдѣлавъ общій поклонъ, онъ отошелъ къ окну, возлѣ котораго сидѣла Софья Ивановна.

— Воръ! воръ! — гремѣлъ Ласточкинъ.

И Богъ знаетъ, скоро ли кончилась бы вся эта сцена, если бы лѣсничій не принялъ мѣръ умиротворенія. Онъ прикрикнулъ на Евстафія Кузьмича, приказавъ ему замолчать; пожалъ крѣпко руку Акиму Саватичу, шепнувъ на ухо, что на дураковъ не обижаются, и затѣмъ, обратившись къ перепугавшейся Софьѣ Ивановнѣ, приказалъ ей распорядиться насчетъ водки и закуски. Всѣ какъ-будто переконфузились, и только одинъ Верхолетовъ съ радостной улыбкой потиралъ руками.

— Отлично! — шепнулъ онъ мнѣ.

— Чтó именно? — спросилъ я.

— Тутъ все есть: и клевета, и оскорбленіе, и халдейская харя...

— Такъ неужели Требухинъ будетъ судиться?

— Всенепремѣнно!

Акимъ Саватичъ Требухинъ былъ старичекъ, лѣтъ шестидесяти, благообразной наружности, средняго роста, сухопарый, съ лицомъ юнымъ и свѣжимъ. На лицѣ этомъ постоянно играла мягкая и пріятная улыбка; точно также улыбались и голубые глаза Акима

Саватича, но, улыбаясь, глаза эти заглядывали какъ-то особенно глубоко, словно сверлили и выпытывали, чтó именно имѣется у васъ на душѣ, выказывая явное недовѣріе ко всему вами произносимому. Сѣдые волосы и борода, начавшіе даже желтѣть отъ времени, хотя и производили рѣзкій контрастъ со свѣжимъ и юнымъ лицомъ Акима Саватича, но тѣмъ не менѣе придавали ему еще болѣе благообразности. Походку имѣлъ онъ мягкую, каблуковъ не носилъ и потому ступалъ неслышно, словно подъѣзжалъ къ вамъ. Встрѣтившись съ вами, онъ еще издали начиналъ улыбáться, какъ-будто и невѣсть какъ доволенъ повидаться съ вами, и, улыбаясь, торопился какъ можно поскорѣе получить удовольствіе пожать вашу руку, которую затѣмъ пожималъ крѣпко, не одною, а обѣими руками, долго не выпускалъ и даже слегка сверху поглаживалъ. Одѣвался онъ съ нѣкоторой претензіей на моду и хотя не могъ совершенно отрѣшиться отъ длиннополыхъ купеческихъ сюртуковъ, но все-таки шилъ ихъ у модныхъ портныхъ по новѣйшему фасону, съ большими лацканами и модными низенькими воротниками. Панталоны тоже носилъ модныя и за сапоги не пряталъ. Платье его всегда было сшито изъ тонкаго хорошаго сукна, но зато все то, что было подъ платьемъ и что дѣлалось не на показъ, особенной доброкачественностію не отличалось. Такъ напримѣръ: когда изъ-подъ рукава сюртука выбивался нечаянно рукавъ сорочки, то можно было убѣдиться, что сорочка эта грязная и ситцевая. Дома, однако, въ своемъ имѣніи, Акимъ Саватичъ костюмомъ не стѣснялся и ходилъ просто или въ засаленной

поддевкѣ, или же въ курпейчатомъ нанковомъ тулупчикѣ.

Акимъ Саватичъ былъ однимъ изъ очень богатыхъ землевладѣльцевъ уѣзда; онъ имѣлъ тысячъ восемь десятинъ земли и жилъ въ большомъ барскомъ домѣ. Однако, многіе помнятъ, когда Акимъ Саватичъ былъ еще простымъ тарханомъ и когда онъ, разъѣзжая по селамъ и деревнямъ, скупалъ шкуры, пеньку, тряпки и торговалъ разнымъ крестьянскимъ товаромъ, а равно помнятъ и то время, когда, бросивъ тарханство, онъ занимался гуртами, каждый годъ отправляясь въ орду для закупки скотины. Всѣ, помнившіе вышеприведенное, смотрѣли и дивились, какъ это Акимъ Саватичъ изъ тархановъ вдругъ сдѣлался именитымъ купцомъ. Но именитый купецъ не зѣвалъ. Поѣздивъ лѣтъ пять, шесть въ орду, онъ бросилъ гурты, сталъ покупать земли, а сдѣлавшись землевладѣльцемъ, вскорѣ былъ возведенъ въ званіе потомственнаго почетнаго гражданина, получилъ за что-то (кажется, за постройку женскаго монастыря) двѣ медали на шею и, не смотря на свою безграмотность, былъ избранъ въ члены училищнаго совѣта, въ уѣздные и губернскіе гласные и даже въ почетные мировые судьи. Нечего говорить, что на судейскій мундиръ и знакъ Акимъ Саватичъ денегъ не пожалѣлъ и расфрантился лучше всѣхъ судей. На съѣзды, однако, онъ ѣздилъ рѣдко и только тогда, когда нужно было выручить своего брата купца, совершившаго какую-нибудь пакость, какъ напримѣръ: пустившаго въ продажу солонину изъ дохлой скотины, подмѣшавшаго песку въ муку и т. д. Въ эти торжественныя минуты, Акимъ Саватичъ, блестя золотомъ, являлся на съѣздъ судей, улыбался, пожималъ

всѣмъ руки, шаркалъ ногами и затѣмъ, принявъ глубокомысленный видъ, проповѣдывалъ, что засадить потомственнаго почетнаго гражданина *въ кутузку*, человѣка, сверхъ того, ворочающаго милліонами, будетъ скандалъ и позоръ на весь уѣздъ; что если обвиняемый, по недоразумѣнію, и посолилъ какого-нибудь дохлаго быка, то поступокъ этотъ не настолько еще важенъ, чтобы сажать за это въ кутузку вмѣстѣ со всякой сволочью; надо притомъ принять въ соображеніе, что всякому своего добра жалко, не говоря уже о томъ, что дохлая скотина даже слаще убитой и вреда отъ этого никакого нѣтъ, доказательствомъ чего можетъ служить, что въ ордѣ киргизы завсегда употребляютъ въ пищу дохлыхъ барановъ, и за всѣмъ тѣмъ отличаются примѣрнымъ здоровьемъ. Приводя въ примѣръ орду, онъ при этомъ совершенно справедливо доказывалъ, что мировой судъ потому и называется мировымъ, что обязанъ всячески умиротворять, а не раздражать и не допекать людей почетныхъ; что обвинить милліонера значитъ досадить ему возстановить его, такъ сказать, противу общества, которому онъ всегда можетъ быть полезенъ своими денежными пожертвованіями. Акимъ Саватичъ, въ отношеніи къ подобнымъ людямъ, приводилъ даже принципъ неприкосновенности, и ясно доказывалъ, что если человѣкъ носитъ званіе потомственнаго почетнаго гражданина, имѣетъ медали на шеѣ и милліоны за пазухой, то онъ долженъ быть неприкосновененъ. Иначе, къ чему бы служили и *на какой лядъ* почетное званіе и медали, если такое лицо будетъ имѣть одинаковыя *привиллегіи* съ какимъ-нибудь паршивымъ мужичишкой; что равнять людей нельзя никоимъ обра-

зомъ, что подобное выравниваніе и построеніе людей разныхъ сословій въ одну шеренгу будетъ большой политической ошибкой, могущей отозваться весьма тяжело какъ на нравственномъ, такъ и на финансовомъ положеніи страны...

По поводу быстраго и затѣмъ постояннаго обогащенія Акима Саватича, въ уѣздѣ ходили, конечно, самые нелѣпые и разнорѣчивые слухи. Помнившіе прошлое Акима Саватича, когда онъ въ грязной поддевкѣ, постукивая кнутикомъ въ мужичьи окна, выкрикивалъ: — «нѣтъ ли продать чего?» — и взиравшіе на настоящія хоромы Акима Саватича и на ежегодное расширеніе его владѣній, только руками разводили. Люди же опытные, искусившіеся, все это оставляли безъ вниманія, ничему не удивлялись и съ усмѣшкой объясняли, что въ ордѣ дураковъ *до пропасти*, потому ордынецъ или тамъ киргизъ чего въ степи видитъ, никакой фабрикаціи не понимаетъ, ничего отличить не можетъ и сроду настоящихъ денегъ и въ глаза-то не видывалъ!

Въ настоящее время, въ орду Акимъ Саватичъ уже не ѣздитъ, а преспокойно живетъ себѣ въ своемъ барскомъ домѣ, выписываетъ «Саратовскій Справочный Листокъ» и «Дневникъ» и, наслаждаясь полемикой этихъ двухъ достопочтенныхъ органовъ мѣстной прессы, ведетъ торговлю хлѣбомъ, лѣсомъ, дѣлаетъ громадные посѣвы и расточаетъ благодѣянія. Дѣйствительно, Акимъ Саватичъ былъ патріархомъ своей мѣстности и, занимаясь торговлей и посѣвомъ, онъ не забывалъ и нуждающихся и одолжалъ окрестныхъ мужиковъ всѣмъ, что только имъ требовалось, даже деньгами, а затѣмъ заключалъ съ ними въ волостныхъ

правленіяхъ *условьица*, ставилъ неустойки и, одолживъ такимъ образомъ, успокоивался. Въ рабочую пору за жнитво пшеницы люди платили по 40, по 50 рублей за сотенникъ, а Акиму Саватичу жали такую же пшеницу за взятую баранью требуху. Люди, бывало, плачутъ, что пахарей нѣтъ, а у Акима Саватича все поле усѣяно пахарями за какую-нибудь гречишную солому. И все это Акимъ Саватичъ дѣлалъ не свысока, не съ обычной купеческой грубостію, но со свойственной ему пріятной улыбкой и мягкими движеніями. Насколько Акимъ Саватичъ былъ благодѣтелемъ окрестныхъ мужиковъ, которыхъ онъ подъ веселую руку остроумно сравнивалъ съ киргизами, настолько былъ онъ и религіознымъ человѣкомъ. Религіозностію онъ отличался съ малыхъ лѣтъ, а когда достигъ сорокалѣтняго возраста, то даже выстроилъ небольшую женскую обитель, сдѣланъ былъ попечителемъ этой обители, а чтобы благочестивыя сестры не проводили время въ праздности (этой матери всѣхъ пороковъ), онъ возлѣ обители построилъ себѣ мельницу и кирпичный заводъ. И нужно было видѣть, какъ искусно *чернички*, за ничтожную поденную плату, мяли ногами глину, подвозили песокъ и воду, выдѣлывали кирпичи, обжигали ихъ и какъ проворно таскали на мельницѣ кули съ хлѣбомъ и мукой — только, бывало, пятки сверкаютъ по лѣстницамъ.

Однако, Акимъ Саватичъ выручалъ и не однихъ мужиковъ. Со свойственной ему предупредительностью онъ являлся на выручку и къ помѣщикамъ. Ему было все извѣстно, и стоило только прослышать, что такой-то проигрался въ карты, у такого-то описанъ хлѣбъ, тому-то надо ѣхать за-границу, какъ Акимъ

Саватичъ спѣшилъ уже на выручку даже и тогда, если нуждавшійся ему совершенно незнакомъ и живетъ не въ имѣніи, а гдѣ-нибудь или въ Москвѣ, или въ Петербургѣ. Съѣздить въ Москву или въ Питеръ ему было всегда кстати, а попавъ туда, кстати розыскивалъ и обрѣталъ нуждавшагося. Такъ пріобрѣталъ онъ прилегавшія къ его участку лѣсныя дачи, луга, пахатную землю и другія угодья.

Не смотря, однако, на то, что Акимъ Саватичъ, въ настоящую минуту, богатый землевладѣлецъ и пользуется почетомъ, онъ все-таки не возгордился; къ происхожденію своему отвращенія не питалъ и своего прошлаго не стыдился, а даже напротивъ любилъ разсказывать про свою жизнь и невзгоды первыхъ лѣтъ тарханства. Онъ только умалчивалъ про орду, какъ-будто въ воспоминаніяхъ этихъ не было ничего ни любопытнаго, ни остроумнаго, а ограничивался тѣмъ только, что, описывая киргизовъ, говорилъ, что эти самые киргизы какъ есть свиньи, нечистый народъ, живутъ въ кибиткахъ, чай варятъ въ котлахъ и съ бараньимъ саломъ, но что всякаго скота, какъ-то: лошадей, коровъ, овецъ у нихъ до пропасти и что киргизская овца для нагула невпримѣръ лучше русской.

То же самое случилось и въ описываемый вечеръ. Какъ только подана была водка и приличная къ ней закуска, состоявшая изъ колбасы, сыра, икры, семги и балыка, и какъ только общество пропустило по рюмочкѣ, такъ Акимъ Саватичъ тутъ же повеселѣлъ, щеки его зарумянились, а повеселѣвъ, онъ припомнилъ прошлое, и принялся разсказывать намъ анекдотъ за анекдотомъ, и надо сказать правду, что какъ

разсказъ Акима Саватича, такъ и самые анекдоты были до того своеобразны и любопытны, что всѣ слушали ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Когда же было выпито еще по другой рюмкѣ, а немного погодя по третьей, то Акимъ Саватичъ разошелся окончательно и какъ-будто забылъ про непріятное столкновеніе свое съ Евстафіемъ Кузьмичемъ. Подсѣвъ къ Софьѣ Ивановнѣ, онъ даже началъ съ нею любезничать, любовался ея ручками, ея маленькой ножкой, ея костюмомъ и выразилъ при этомъ удивленіе, что купчихи какъ бы много ни тратили денегъ на тряпки, а никогда не могутъ одѣться съ такимъ вкусомъ, съ какимъ одѣваются другія барыни. Софья Ивановна все это слушала и посмѣивалась.

Однако, какъ ни болталъ Акимъ Саватичъ, какъ ни былъ онъ веселъ и разговорчивъ, но все-таки помнилъ, что лясы точить можно, а дѣло забывать не слѣдуетъ, и потому, выпивъ еще рюмку водки и закусивъ ломтемъ балыка, обратился къ лѣсничему.

— Изъ Питера ничего не получали-съ? — спросилъ онъ.

— Отъ кого?

— Отъ главнаго управляющаго.

— Ничего-съ. А что?

— Такъ, я спросилъ только; думалъ на счетъ лѣса нѣтъ ли распоряженій какихъ? И Богданъ Иванычъ тоже ничего не получали? — допытывалъ Требухинъ.

— Ничего. Я сегодня утромъ былъ у него.

— Слухи до меня дошли, — проговорилъ Акимъ Саватичъ, посмотрѣвъ на насъ и понизивъ голосъ: — что графъ тысячу десятинъ лѣсу продать желаетъ...

— На срубъ? — спросилъ лѣсничій.

— Зачѣмъ на срубъ! съ землей въ вѣчность.

Лѣсничій какъ-будто смутился.

— Не слыхалъ! — сказалъ онъ. — А вы отъ кого слышали?

— Одинъ человѣкъ изъ Питера писалъ мнѣ; вишь графъ изъ Турціи приказъ такой прислалъ главному управляющему: продай, говоритъ, немедленно тысячу десятѝнъ лѣса, потому мнѣ до-зарѣзу деньги нужны. Только это значитъ вздоръ выходитъ, потому вамъ ужь безпремѣнно было бы извѣстно.

И потомъ, снова осмотрѣвъ насъ, добавилъ:

— Мнѣ бы съ вами поговорить надо.

— Такъ что-жь, пойдемте сюда въ эту комнату... Ахъ, да! — прибавилъ лѣсничій: — деньги привезли за дрова?

— Еще бы, конечно-съ...

— Всю тысячу?

— Всѣ до копѣечки-съ! — съ улыбкой проговорилъ Акимъ Саватичъ.

— Отлично.

И лѣсничій, обнявъ Акима Саватича за талію, повелъ его въ сосѣднюю комнату.

— Достопочтенный человѣкъ! — проговорилъ Верхолетовъ, когда лѣсничій и Требухинъ вышли изъ комнаты. — Достопочтенная и многоуважаемая особа! И посмотрите, что купитъ...

— Что?

— А эту тысячу десятинъ лѣса.

— Но, вѣдь, неизвѣстно еще, назначенъ ли лѣсъ въ продажу.

— Это намъ неизвѣстно! — подхватилъ Верхолетовъ: — а они-то знаютъ отлично. Ужь если Акимъ

Саватичъ слышалъ, такъ ужь это вѣрно. А лѣсъ-то ему кстати, межа къ межѣ.

И потомъ, нагнувшись ко мнѣ, прошепталъ:

— Я пари готовъ держать, что онъ теперь нѣмца подкупаетъ, чтобы не препятствовалъ, а напротивъ помогалъ бы дѣльце обдѣлать.

Между тѣмъ, Евстафій Кузьмичъ продолжалъ бесѣдовать съ Софьей Ивановной. Усѣвшись рядомъ съ нею возлѣ окна, онъ что-то разсказывалъ ей, а она съ работою въ рукахъ слушала, изрѣдка улыбаясь самой пріятной дѣтской улыбкой. Евстафій Кузьмичъ былъ видимо счастливъ. Лицо его сіяло, губы слагались въ какую-то самодовольно-сладкую улыбку, глаза блестѣли. Не спуская ихъ съ Софьи Ивановны, онъ безпрестанно передвигалъ ножками и какъ-то судорожно потиралъ руками. Счастье и довольство проглядывало во всей его фигурѣ.

Мнѣ чрезвычайно понравилась Софья Ивановна.

Это была женщина лѣтъ двадцати пяти, тоненькая, маленькая, живая, веселая и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма симпатичная и пріятная. Какъ-то весело становилось, глядя на нее, на это нѣжное симпатичное личико и на эти голубые глаза, окаймленные черными, длинными рѣсницами... Точно вѣкъ былъ съ нею знакомъ и точно съ незапамятныхъ временъ находился съ нею въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Какъ теперь помню, бѣлокурые волосы, перемѣшанные съ шиньономъ, были убраны изящно, но просто, даже небрежно, пробранный на боку рядъ придавалъ еще болѣе веселости и безъ того уже веселому личику ея. Свѣтлое шерстяное платье, сшитое со вкусомъ, весьма пикантно обрисовывало ея нероскошныя, но хорошенькія формы;

маленькія ножки были обуты въ щегольскія ботинки съ высокими каблуками, которыми она какъ-то шикозно потопывала, прохаживаясь по мягкому ковру. Ходила она скоро, словно летала, быстро вставала, быстро садилась и, усѣвшись, закидывала одну ножку на другую, посматривала на эту ножку и какъ-будто сама любовалась своею щегольскою обувью.

Словомъ, Софья Ивановна была женщина весьма симпатичная, съ которой весьма пріятно можно было провести время.

И дѣйствительно, вечеръ былъ проведенъ очень весело.

Акимъ Саватичъ какъ только покончилъ свои секреты съ лѣсничимъ, такъ сталъ собираться домой, предупредивъ, однако, что на всякій случай онъ завернетъ къ управляющему Богдану Иванычу узнать, нѣтъ ли какой телеграммы изъ Питера отъ главнаго управляющаго. Затѣмъ, съ свойственной ему пріятной улыбкой, онъ пожалъ намъ руки, поцѣловалъ ручку Софьи Ивановны и, сдѣлавъ холодно-вѣжливый поклонъ Евстафію Кузьмичу, взялъ подъ руку Верхолетова, и вмѣстѣ съ нимъ вышелъ въ переднюю. Лѣсничій пошелъ провожать.

— Ну, полноте, будетъ вамъ, ну, охота, бросьте! — послышался изъ-за двери передней голосъ лѣсничаго.

— Не могу-съ, ей-ей не могу-съ! — раздавался голосъ Акима Саватича. — Для меня честь дорога-съ...

— Онъ, кажется, хочетъ прошеніе подать на васъ! — заговорила Софья Ивановна, прислушиваясь къ разговору.

— Чортъ съ нимъ, пускай подаетъ! — вскрикнулъ Ласточкинъ.

Немного погодя, загремѣлъ тарантасъ, зазвенѣли бубенчики, и Акимъ Саватичъ уѣхалъ.

Дѣла своего съ Евстафіемъ Кузьмичемъ онъ, дѣйствительно не бросилъ, а напротивъ поручилъ Верхолетову привлечь Ласточкина къ отвѣтственности, и тутъ же, въ передней, вынувъ пятьдесятъ рублей, передалъ ихъ Верхолетову, и объявилъ, что остальные пятьдесятъ онъ выплатитъ ему по окончаніи дѣла. Верхолетовъ торжествовалъ. Что же касается до Евстафія Кузьмича, то, осчастливленный свиданіемъ съ Софьей Ивановной, онъ, какъ говорится, даже и ухомъ не повелъ, а напротивъ объявилъ, что, такъ какъ все высказанное имъ Акиму Саватичу есть истинная правда, то онъ и въ камерѣ судьи назоветъ Требухина воромъ и подлецомъ. Все это очень возмутило Софью Ивановну, и она не на шутку вспылила на Верхолетова.

— И вамъ несовѣстно, — проговорила она, возвысивъ голосъ: — браться за подобныя дѣла?..

— Нисколько.

— Очень вѣрю, потому что въ васъ нѣтъ ни совѣсти, ни чести. Вы очень хорошо знаете, что Требухинъ дѣйствительно не додалъ мужу четырехсотъ рублей.

— Совершенно вѣрно.

— А также понимаете и то, что неумѣстная выходка Требухина не только могла, но даже должна была вызвать гнѣвъ Евстафія Кузьмича?

— Понимаю очень хорошо.

— Но для васъ деньги выше всего?

— Дѣйствительно, онѣ имѣютъ большое значеніе.

— И ради ихъ вы не стѣсняетесь ничѣмъ?

— Зачѣмъ же я буду стѣсняться въ своемъ отечествѣ.

Съ какимъ-то презрѣніемъ взглянула Софья Ивановна на глумившагося Верхолетова, быстро отвернулась отъ него и усѣлась снова въ кресло.

— Циникъ! — проговорила она довольно громко и принялась опять за свою работу.

Евстафій Кузьмичъ былъ на верху блаженства. Онъ подошелъ къ женѣ, поцѣловалъ ея руку и даже объявилъ, что сердиться изъ-за такихъ пустяковъ и безпокоить себя не стоитъ.

Отъѣздъ Акима Саватича подѣйствовалъ на общество благотворно: точно гора съ плечъ свалилась, а такъ какъ и гнѣвъ Софьи Ивановны тоже продолжался недолго, то вскорѣ все было уже забыто, и веселое настроеніе общества не замедлило вернуться. Софья Ивановна, какъ только подали свѣчи, усѣлась за піанино, разложила ноты, и веселый голосокъ ея раздался по кабинету. Ставъ позади ея стула, Евстафій Кузьмичъ перевертывалъ ноты, но такъ какъ ноты онъ зналъ плохо, то часто перевертывалъ листы невпопадъ; тогда Софья Ивановна, ко всеобщему удовольствію, хлопала его по рукамъ и принималась хохотать. Голосокъ Софьи Ивановны оказался пріятнымъ, а веселыя пѣсенки, которыя распѣвала она, какъ разъ подходили подъ ея веселый видъ. Евстафій Кузьмичъ былъ самъ не свой: лицо его становилось все яснѣй и яснѣй; стоя за стуломъ жены, онъ впивался глазами и въ ея шею, и въ ея грудь, и глаза эти разгорались все болѣе и болѣе. Видно было, что человѣкъ и счастливъ, и въ то же время страдаетъ! Страданіе это не ускользнуло ни отъ лѣсничаго, ни отъ Верхолетова.

Глядя на него, они перешептывались, подсмѣивались, и кажется, еслибы видѣла все это Софья Ивановна, то имъ очень бы досталось отъ нея.

Между тѣмъ, водка, конечно, убавлялась; лѣсничій, какъ оказалось, насчетъ выпивки былъ не дуракъ, и по мѣрѣ того какъ выпивалъ, становился все веселѣе и веселѣе. Розыскавъ флейту (извѣстно, что нѣмецъ безъ флейты немыслимъ), онъ сталъ акомпанировать Софьѣ Ивановнѣ, но такъ какъ, по случаю выпивки, плохо потрафлялъ дуть въ дыру флейты, то и счелъ заблаго музыку эту прекратить, а взамѣнъ того, попросилъ Софью Ивановну уступить ему мѣсто и, усѣвшись за піанино, забарабанилъ польку.

Однако, духота комнаты и выпитое вино потребовали чего-нибудь освѣжающаго... Я вышелъ на балконъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Нельзя было подумать, чтобы сентябрь подходилъ къ концу, до того воздухъ былъ лѣтній. Ночь была темная, но вѣтра ни малѣйшаго; все было тихо, только изрѣдка съ пильни долеталъ шумъ колесъ и лязгъ пилъ. Прямо передъ балкономъ, на темной синевѣ неба, чернѣли два пирамидальныхъ тополя, между тѣмъ какъ рѣшетка балкона, освѣщенная свѣтомъ, падавшимъ изъ окна, блестѣла серебристымъ блескомъ... Очень эффектно бросалась въ глаза эта посеребренная рѣшетка на темномъ фонѣ листвы тополей. Я спустился въ садъ и пошелъ по дорожкѣ. Чуть слышно хрустѣлъ песокъ подъ ногами; я шелъ, и точно призраки двигались мимо меня здѣсь и тамъ разбросанныя красивыми группами деревья; въ особенности ели съ своими густыми, мохнатыми вѣтвями, начинавшимися вплоть отъ земли, и кончавшіяся шпилемъ, были красивы. Я оглянулся

назадъ; освѣщенныя окна дома среди мрака блестѣли еще ярче; цѣлые снопы свѣта вырывались оттуда, серебря ближайшіе кусты и деревья. Весьма изящно выглядывалъ этотъ необыкновенный домъ; точно фантастическая иллюминація, возвышался онъ съ своими башенками и ломаными линіями среди зелени деревъ. Я пошелъ дальше, и вскорѣ былъ на берегу рѣки. Спокойно и обильно струилась вода, шелестя и покачивая прибрежнымъ камышемъ. На противоположномъ берегу чернѣлъ боръ, наполненный таинственнымъ гуломъ. Все было тихо, а гулъ между тѣмъ все-таки былъ. Точно эти мохнатыя сосны и ели, пользуясь ночнымъ мракомъ, а главное отсутствіемъ людей, могущихъ ихъ подслушать, сдержанно роптали, и ропотъ этотъ тревожилъ нервы и невольно заставлялъ вздрагивать. Вдругъ балконная дверь отворилась; фортепіанные звуки, чуть слышные до сихъ поръ и сдерживаемые внутри дома, хлынули на свободу, послышалась серенада Шуберта, но дверь снова хлопнула, звуки опять замерли и еле-еле долетали до меня. «Кто-то вышелъ», — подумалъ я, и пошелъ назадъ, но немного не доходя дома, въ кустахъ сирени послышался шепотъ, изрѣдка прерываемый сдержаннымъ смѣхомъ. Я остановился и увидалъ лѣсничаго и Верхолетова. Оба они, сидя на скамейкѣ, курили папиросы.

— Какъ бы только Софья Ивановна не узнала! — гудѣлъ Верхолетовъ. — Узнаетъ, — плохо будетъ...

— Почему она узнаетъ! — бормоталъ нетвердо лѣсничій.

— Боюсь я ее.

— Не узнаетъ... Зато потѣха-то какая!

— Вы только подготовьте его хорошенько; скажите,

что онъ сегодня увлекъ Софью Ивановну, а ужь остальное мое дѣло... У насъ есть стряпуха, солдатка шустрая... цѣлковый ей въ зубы...

Верхолетовъ захохоталъ.

Вслѣдъ затѣмъ они встали и пошли къ дому. Когда я вернулся, все общество было уже въ столовой. Посреди комнаты стоялъ столъ совсѣмъ уже накрытый, а у стѣны — другой, небольшой, съ водкой и закуской. Мы сѣли ужинать. Бифштексъ, тушоные грибы и разварной судакъ съ подливкой, о которой такъ хлопоталъ лѣсничій, были изготовлены на славу, а хорошее вино, которымъ обильно заливалось все это, какъ нельзя лучше довершили дѣло. Ужинъ прошелъ незамѣтно. Поблагодаривъ хозяина и Софью Ивановну, мы всѣ ожидали скорѣйшаго разрѣшенія отправиться на ночлегъ.

Указавъ назначенную мнѣ комнату и пожелавъ мнѣ покойной ночи, лѣсничій вышелъ, а вскорѣ за сосѣдней перегородкой послышались его шаги и голосъ Верхолетова.

— Ну, что? — спросилъ лѣсничій шепотомъ: — повѣрилъ?

— Не только повѣрилъ, но даже объявилъ, что онъ и безъ меня это знаетъ, потому-де что ссориться намъ съ женою нечего...

Раздался сдержанный хохотъ.

— Ну-съ, а теперь я пойду командовать! — проговорилъ лѣсничій опять-таки шепотомъ.

— Вы тогда разбудите меня.

— Непремѣнно.

И лѣсничій снова затопалъ мимо моей комнаты, заскрипѣлъ гдѣ-то дверной блокъ, хлопнула дверь и

все замолкло. Я сталъ раздѣваться, но, заслышавъ подъ окномъ чьи-то шаги, отворилъ осторожно окно и увидалъ лѣсничаго. Онъ шелъ скоро, съ сигарой въ зубахъ, и немного погодя скрылся въ сѣняхъ одного изъ флигелей.

Я затворилъ окно, поспѣшно раздѣлся, потушилъ свѣчу и улегся въ постель. Все затихло, а усталость брала свое; глаза мои стали закрываться... гдѣ-то запищалъ комаръ... гдѣ-то въ углу за комодомъ завозился мышенокъ и принялся что-то грызть... Я заснулъ.

Вдругъ въ комнатѣ Верхолетова хлопнула дверь, я вздрогнулъ и проснулся.

— Вставайте! — крикнулъ лѣсничій.

— Что? — отозвался Верхолетовъ.

— Тамъ.

— А я и забылъ, заснулъ.

— Идемте слушать.

— Они ушли и все стихло. На часахъ пробило три часа и сонъ опять склонилъ меня. На этотъ разъ я спалъ, какъ убитый, и проснулся только часовъ въ семь утра. Солнце было уже довольно высоко и весело освѣщало комнату. Утро такъ же, какъ и наканунѣ, было восхитительное. Я отворилъ окно; теплый воздухъ, пропитанный запахомъ смолы, ворвался въ комнату. Я сталъ умываться, какъ вдругъ дверь отворилась, и ко мнѣ вошелъ Евстафій Кузьмичъ, чистенькій, умытый, напомаженный и съ лицомъ, сіяющимъ отъ радости.

— Хорошо ли почивали? — спросилъ онъ улыбаясь.

— Отлично, а вы?

Но вмѣсто отвѣта Ласточкинъ только закрылъ глаза и вздохнулъ.

Минутъ черезъ десять, я былъ уже одѣтъ и такъ какъ всѣ еще спали, то я попросилъ Евстафія Кузьмича поблагодарить отъ меня хозяина за гостепріимство и пошелъ домой. Ласточкинъ проводилъ меня до воротъ.

— До свиданья, — проговорилъ я.

— До свиданья.

— А вы скоро домой?

— Нѣтъ, теперь ужь лѣсничій не скоро меня выживетъ отсюда! — проговорилъ Ласточкинъ и залился смѣхомъ.

— О чемъ вы смѣетесь? — спросилъ я.

— Да смѣюсь надъ тѣмъ, въ какихъ онъ дуракахъ остался! — И Ласточкинъ снова захохоталъ.

— Этого только недоставало! — подумалъ я и еще разъ простился съ Ласточкинымъ.

— До свиданья-съ! — проговорилъ онъ и, напѣвая какую-то игривую пѣсенку, пошелъ по направленію къ дому.

Недѣли черезъ двѣ послѣ описаннаго, я получилъ отъ мироваго судьи повѣстку, которою вызывался въ камеру въ качествѣ свидѣтеля, по дѣлу объ оклеветаніи коллежскимъ регистраторомъ Ласточкинымъ потомственнаго почетнаго гражданина Акима Саватича Требухина. Хотя до камеры судьи и было отъ меня верстъ сорокъ, но, все-таки, я съ удовольствіемъ собрался въ путь, желая узнать, чѣмъ окончится эта исторія. Не доѣзжая версты полторы до камеры, я догналъ Верхолетова и Ласточкина. Оба ѣхали въ тарантасѣ. Верхолетовъ былъ одѣтъ щегольски, на немъ

былъ цилиндръ и совершенно новое пальто, подъ мышками виднѣлся раскрашенный разноцвѣтными полосками уставъ.

— Здравствуйте! — крикнулъ я, поровнявшись съ ними. — Въ камеру?

— Да, въ камеру тащитъ, мерзавецъ! — отвѣчалъ Ласточкинъ, указывая на Верхолетова.

— Нельзя-съ, — отвѣчалъ тотъ серьезно, не поворачивая головы. — Оскорблять людей почтенныхъ запрещено-съ... И вы тоже въ камеру? — добавилъ онъ, важно раскланиваясь со мной. — И тоже по нашему дѣлу?

— Да.

— Отлично-съ!.. впрочемъ, вы меня извините, что я васъ потревожилъ... наша профессія такая! Можете просить судъ о вознагражденіи за отвлеченіе васъ отъ занятій, и съ него взыщутъ...

И онъ ткнулъ пальцемъ въ плечо Ласточкина.

— А вы повѣреннымъ?

— Да-съ. Повѣренный обвинителя.

— И вмѣстѣ ѣдете? — спросилъ я.

— Это ничего, — отвѣчалъ Верхолетовъ съ тою же серьезностью. — Я, все-таки, питаю къ этому несчастному чувство непритворной дружбы, и хотя и буду хлопотать сегодня, чтобы его засадили въ арестантскую, но, имѣя въ своемъ полномъ распоряженіи покойный тарантасъ, принадлежащій Требухину, заѣхалъ къ другу, дабы избавить его отъ лишнихъ расходовъ нанимать подводу, или же отъ непріятности свершить сей путь терновый по образу пѣшаго хожденія. Я не говорю уже о томъ, что въ тарантасѣ онъ все-таки ѣдетъ бариномъ и что всѣ встрѣчающіеся

мужики передъ его кокардой почтительно снимаютъ шапки.

Позади послышался быстрый конскій топотъ. Я оглянулся и увидалъ лѣсничаго. Крупной рысью и въ сопровожденіи трехъ лѣсныхъ сторожей, летѣвшихъ въ карьеръ, ѣхалъ онъ верхомъ на превосходномъ конѣ и, догнавъ насъ, осадилъ немного лошадь и расхохотался.

— Собирается сила, рать великая! — проговорилъ Верхолетовъ.

— Боже мой, въ цилиндрѣ! — кричалъ, между тѣмъ, лѣсничій, глядя на Верхолетова, продолжавшаго съ комической важностію сидѣть въ тарантасѣ, съ законами подъ мышкой.

— Это онъ все на требухинскія денчги накупилъ.

— А вы все получили съ него? — спросилъ я.

— Всѣ впередъ-съ; иначе я не соглашался. Довѣряться этому мошеннику я считаю неумѣстнымъ.

Немного погодя, мы были уже въ камерѣ. Судья еще не выходилъ, но народу было много. Въ числѣ мужиковъ я замѣтилъ и того, который изъ графскаго лѣса укралъ осьмушку дровъ. Въ углу камеры стоялъ какой-то священникъ въ ваточной рясѣ, повязанный шерстянымъ шарфомъ, съ торчавшей, вслѣдствіе этого, бородой кверху. Онъ назидательно объяснялъ что-то двумъ мужикамъ, стоявшимъ передъ нимъ; оказывается, что и священникъ, и мужики тоже пріѣхали судиться.

— Батюшка! брось ты дѣло это, ради Господа! — упрашивали мужики.

— Я бы его и не началъ, — говорилъ священникъ,

богобоязненно закрывая глаза: — если бы вы не загнали моихъ поросятъ, изъ коихъ одинъ оказался съ преломленной ногой. Я нарочито засвидѣтельствовалъ это сосѣдямъ, которые все это подтвердятъ.

— Мы, батюшка, не ломали.

— Это мнѣ неизвѣстно.

— Вотъ-тѣ Христосъ не ломали! Мы только загнали ихъ въ хлѣвъ съ огорода; вѣдь, они у насъ картошку всю какъ есть выкопали; вѣдь, поросята съ добрую свинью будутъ, а ихъ одиннадцать штукъ. Ты погляди-ка, какъ они огородъ-атъ перепахали.

— Заявили бы объ этомъ старостѣ!

— Да гдѣ-жь его найдешь, старосту! Вѣдь, пора рабочая была, самъ знаешь, въ полѣ всѣ... брось, ради Бога, давай мириться!

— Я не прочь. Перевезите мнѣ на огородъ мое сѣно...

— Да вѣдь сѣна-то у тебя восемь стоговъ.

— Вотъ ихъ перевезите, и я дѣло прекращу.

— Да вѣдь этакъ обидно, батюшка! — говорили мужики. — Перевезти съ луговъ восемь стоговъ сѣна — плохо стóитъ шестнадцать рублей, а поросенку цѣна рублевка.

— Всякому свое добро жалко! — поучительно проговорилъ священникъ и продолжительно вздохнулъ.

— Вѣстимо, жалко! Нѣтъ, а ты вотъ какъ давай мириться, — чего намъ до большаго суда доходить! ты съ насъ за поросенка не ищи, вѣдь нога-то срослась у него, ужь онъ опять на огородѣ былъ, а мы, значитъ, тебя за картошку не станемъ тревожить. Нужды нѣтъ, что безъ картошки остались.

— Нѣтъ, я такъ не согласенъ.

— Грѣхъ, батюшка, ей-богу, грѣхъ! Мы и сами тебѣ, можетъ, пригодимся. Тоже, вѣдь, къ намъ часто ходишь: то топорикъ, то веревочка понуждится... дѣло сосѣдское...

Священникъ опять вздохнулъ и, набожно закрывъ глаза, замолчалъ. Мировая не состоялась.

— Эхъ, головушка горькая! — простонали мужики и сѣли.

Верхолетовъ снялъ пальто. Оказалось, что онъ былъ во фракѣ, оправивъ который, онъ сложилъ по-наполеоновски руки и съ какимъ-то олимпійскимъ видомъ прислонился къ стѣнѣ. Ласточкинъ, какъ только вошелъ въ камеру, такъ въ ту же минуту упалъ духомъ.

Наконецъ, вошелъ и судья. Всѣ встали.

— Прошу садиться,— проговорилъ судья, и, надѣвъ знакъ, сѣлъ на свое мѣссо, поковырявъ языкомъ въ зубахъ. Взявъ изъ лежавшей на столѣ пачки верхнее дѣло, онъ громко прочелъ: «Дѣло о похищеніи осьмушки дровъ изъ лѣса графа Икса крестьяниномъ деревни Гривокъ Петромъ Чуркинымъ.» И, перевернувъ листъ, началъ вызывать: «лѣсничій Трампедахъ!»

— Здѣсь.

— Обвиняемый Чуркинъ?

— Есть.

— Свидѣтели: Дергачовъ, Горбачевъ, Левинъ, Митинъ...

— Здѣсь, здѣсь...

— Довѣряю *стать* за себя г. Верхолетову! — проговорилъ лѣсничій.

Верхолетовъ подошелъ и раскланялся.

— Свидѣтели! прошу васъ оставить камеру и по-

жаловать въ эту комнату. Канатниковъ! удалите свидѣтелей.

Писарь Канатниковъ вывелъ свидѣтелей.

Начался разборъ дѣла, наконецъ дошла очередь и до свидѣтелей.

— Освобождаете ли вы свидѣтелей отъ присяги? — спросилъ судья, обращаясь къ тяжущимся.

— Я желаю, чтобы они были спрошены съ присягой, — проговорилъ Верхолетовъ и, откинувъ назадъ волосы, заложилъ руку за жилетъ.

Свидѣтели были приглашены въ камеру, и по допросу оказалось, что никто изъ нихъ ни въ родствѣ, ни въ тяжбѣ со сторонами не состоитъ и что всѣ вѣры православной.

Судья оглянулъ публику и, замѣтивъ священника, спросилъ его:

— Вы, кажется, священникъ?

— Точно такъ-съ.

— Потрудитесь привести свидѣтелей къ присягѣ. Вотъ здѣсь въ эпиграхилѣ крестъ и Евангеліе, — проговорилъ онъ, указывая на лежавшую на столѣ свернутую эпитрахиль, и кстати немного отодвинулъ тутъ же стоявшую пепельницу.

Священникъ, неожидавшій, что его вызовутъ, сконфузился, засопѣлъ носомъ, но все-таки всталъ, подошелъ къ столу, надѣлъ эпитрахиль и разложилъ на столѣ крестъ и Евангеліе.

— Приглашаю встать! — проговорилъ судья и тоже всталъ, подавъ священнику клятвенное обѣщаніе.

— Свидѣтели, подойдите къ священнику.

— Свидѣтели подошли, кромѣ одного крестьянина.

— Вы что же не подходите? — спросилъ его судья

— Нельзя.

— Почему?

— Я безъ присяги...

— Что же вы, сектантъ что ли? — допрашивалъ судья.

— Нѣтъ.

— Православный?

— Православный.

— Почему же не желаете принять присягу?

— Не могу.

— Вы обязаны объяснить причину.

Мужикъ переминался, вздыхалъ и чесалъ въ затылкѣ. Священникъ, немного ободрившійся, поднялъ глаза къ небу и приложилъ лѣвую руку къ эпитрахили; борода продолжала торчать кверху.

— Объясните, почему вы не можете присягнуть? — продолжалъ приставать судья.

Мужикъ мялся, мялся и наконецъ проговорилъ.

— Рубаху не смѣнялъ.

— Я васъ не понимаю, — проговорилъ судья.

— Вечéрешну рубаху не смѣнялъ.

Священникъ подошелъ къ судьѣ и шепнулъ ему что-то на ухо. Судья улыбнулся...

— Свидѣтель! — проговорилъ потомъ священникъ: — я разрѣшаю вамъ и благословляю васъ. Свидѣтели подошли къ священнику. Онъ перекрестился и, откашлянувшись, проговорилъ:

— Сложите пальцы, какъ молитесь, подымите руки вотъ такъ и говорите за мной. И священникъ звонкимъ теноромъ сталъ читать на о клятвенное обѣщаніе: «Обѣщаюсь и клянусь предъ Всемогущимъ Богомъ...

— «Богомъ», — повторяли свидѣтели.

— «И животворящимъ крестомъ Господнимъ въ томъ, что, не увлекаясь ни дружбою, ни родствомъ...

— «Ни родствомъ», — повторяли свидѣтели.

— «Я по совѣсти покажу въ семъ дѣлѣ всю сущую о всемъ правду...», читалъ священникъ и, докончивъ присягу, проговорилъ: — Аминь. Ну, теперь прикладывайтесь къ Евангелію и къ кресту.

— И говорите: клянусь! — добавилъ судья.

— Свидѣтели стали прикладываться, причемъ одинъ изъ нихъ, а именно тотъ, который не смѣнялъ рубахи, приложился, сверхъ того, и къ пепельницѣ, почему и воротился въ публику съ пепломъ и окурками папироски на бородѣ.

— Ну, смотрите, говорите правду, не лгите и помните, что Господь Богъ за ложное показаніе строго васъ накажетъ,— говорилъ священникъ, закрывъ глаза.

Одинъ изъ свидѣтелей былъ оставленъ въ камерѣ, а прочіе удалены. Начался допросъ свидѣтелей. Свидѣтели изъ солдатъ подходили къ столу бойко, становились на вытяжку и руки по-швамъ, и въ показаніяхъ своихъ безпрестанно повторяли: значитъ, выходитъ, такимъ манеромъ, точно такъ, ваш-діе, никакъ нѣтъ-съ и, затѣмъ, когда судья отпускалъ ихъ, дѣлали налѣво кругомъ и садились на свои мѣста. Свидѣтели же изъ мужиковъ подходили съ перевалкой, шлепали лаптями, чесались, рыгали и все останавливали судью, требуя, чтобы онъ ихъ не перебивалъ и что они *сами разскажутъ съ конца какъ дѣло было*, и судью называли то ваше высокопревосходительство, то *братецъ ты мой*.

Наконецъ, разборъ кончился, и обвиняемый Чуркинъ

былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на три мѣсяца.

Затѣмъ, вынувъ изъ пачки слѣдующее дѣло, судья опять громко прочелъ: «дѣло объ оклеветаніи коллежскимъ регистраторомъ Ласточкинымъ потомственнаго почетнаго гражданина Акима Саватьева Требухина.»

— Вотъ оно! — шепнулъ Евстафій Кузьмичъ.

— Обвиняемый Ласточкинъ?

— Здѣсь.

— Обвинитель Требухинъ?

— Имѣю отъ него довѣренность, — проговорилъ Верхолетовъ и, подойдя къ столу, подалъ судьѣ довѣренность. Затѣмъ были вызваны свидѣтели: я и Трампедахъ.

Минутъ черезъ десять по отобраніи отъ насъ обычныхъ вопросовъ, судья обратился къ Ласточкину и Верхолетову.

— Какъ желаете спрашивать свидѣтелей, съ присягой, или безъ присяги?

Осмѣлившійся священникъ привсталъ было съ своего мѣста, чтобы снова пофигурировать, но Верхолетовъ и Ласточкинъ великодушно отъ присяги насъ освободили.

Я взглянулъ на Ласточкина, и мнѣ даже стало жаль бѣднягу. Онъ былъ красенъ, какъ ракъ, потъ ручьями катилъ съ лица его, между тѣмъ какъ Верхолетовъ посматривалъ на него съ какой-то убійственно-холодной ироніей.

Трампедахъ былъ удаленъ, я же остался въ камерѣ. На предложеніе судьи разсказать все мнѣ извѣстное по этому дѣлу, я передалъ все какъ было.

— Такъ вы сами слышали, какъ Ласточкинъ обозвалъ Требухина воромъ?

— Да,—отвѣчалъ я. —Укоряя Требухина въ неотдачѣ ему четырехсотъ рублей за межевую работу, г. Ласточкинъ выразился такъ: ты у нищаго суму отнялъ, а еще потомственный почетный гражданинъ, ты просто воръ и грабитель!

Священникъ вздохнулъ и неодобрительно покачалъ головой.

— Я и не отпираюсь,— бормоталъ Ласточкинъ.

— Скажите,— обратился ко мнѣ судья: — не было ли предварительно передъ этимъ какой-либо ссоры между Требухинымъ и Ласточкинымъ?

— Требухинъ передъ этимъ подшутилъ надъ супружескими отношеніями Ласточкина и жены его.

— Въ какихъ выраженіяхъ?

— Требухинъ привелъ изреченіе апостола, что жена должна бояться своего мужа, и изреченіе это прочелъ громкимъ басомъ, какъ обыкновенно читается оно дьяконами при вѣнчаніяхъ.

Священникъ скромно закрылъ глаза рукою.

— Конечно, это показалось мнѣ насмѣшкой! — забормоталъ Ласточкинъ, заикаясь и картавя. — Требухину были извѣстны мои *бывшія* отношенія къ женѣ,— продолжалъ Ласточкинъ, налегая на слово *бывшія:* — и потому, понятно, меня это затронуло, оскорбило... Я не давалъ Требухину повода подтрунивать надо мной... ну, и назвалъ его воромъ и грабителемъ. А что Требухинъ дѣйствительно зажилилъ у меня четыреста рублей, такъ это извѣстно и г. Верхолетову, и онъ, вѣроятно, подтвердитъ это...

— Вы ошибаетесь, мнѣ ничего неизвѣстно, я ду-

маю, что довѣритель мой не сдѣлаетъ столь безчестнаго поступка.

Проговоривъ это и попросивъ у судьи дозволенія сдѣлать мнѣ нѣсколько вопросовъ, Верхолетовъ сталъ ко мнѣ придираться. Просилъ меня пояснить то и другое; просилъ припомнить съ азартомъ или безъ азарта была произнесена клевета; называлъ ли Ласточкинъ Требухина *халдейской харей,* поднималъ ли при этомъ кулаки, былъ ли пьянъ, или нѣтъ; извѣстно ли мнѣ, что Требухинъ зналъ о холодныхъ отношеніяхъ, существующихъ или существовавшихъ между Ласточкинымъ и его женой; приведено ли Требухинымъ помянутое изреченіе апостола съ намѣреніемъ уколоть или оскорбить Ласточкина, или же просто безнамѣренно: гдѣ я въ то время стоялъ, то есть далеко ли, близко ли отъ ссорившихся, словомъ — засыпалъ меня вопросами и нѣкоторые изъ отвѣтовъ моихъ просилъ занести въ протоколъ.

Точно также былъ допрошенъ и Трампедахъ, съ тою только разницею, что послѣдній, не желая, вѣроятно, распространяться о супружескихъ отношеніяхъ Ласточкина съ женой, объявилъ, что въ это время онъ былъ настолько *подкутивши* (онъ видимо стѣснялся произнести слово *пьянъ),* что рѣшительно ничего не помнитъ.

— Виноватъ, — перебилъ его Верхолетовъ: — въ моментъ ссоры вы были еще трезвы, опьянѣніе произошло гораздо позднѣе.

— Нѣтъ, нѣтъ, я былъ подкутивши...

— Помилуйте, — настаивалъ Верхолетовъ: — мы даже ничего еще не пили.

— Нѣтъ, мы пили чай съ ромомъ, и я очень много подливалъ рому.

— Все-таки, отъ чая съ ромомъ нельзя потерять память.

— Я еще дó вашего прихода *былъ готовъ*.

Судья попросилъ перейти къ дѣлу, и Верхолетовъ принялся обвинять. Ставъ въ приличную позу, онъ началъ съ того, что клевета въ общепринятомъ значеніи этого слова есть ложь, помрачающая честь и доброе имя человѣка, и что потому, согласно съ значеніемъ этого слова, наши уголовные законы считаютъ клеветою несправедливое обвиненіе кого-либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, что въ данномъ случаѣ клевета выразилась въ лживомъ возведеніи Ласточкинымъ на потомственнаго почетнаго гражданина Требухина неучиненнаго имъ безчестнаго дѣянія. Что, хотя законъ и не опредѣляетъ, чтó именно должно разумѣть подъ дѣяніемъ, противнымъ правиламъ чести, но что въ замѣнъ того подчиняетъ это опредѣленіе общепринятому понятію, и что поэтому несправедливое или неосновательное распространеніе между людьми, считающими, напримѣръ, безчестнымъ неполный разсчетъ съ кредиторомъ, заключаетъ въ себѣ, конечно, несомнѣнное намѣреніе оскорбить это лицо. Затѣмъ, немного помолчавъ, Верхолетовъ перешелъ къ разсмотрѣнію оправданій, представленныхъ обвиняемой стороной, и объявилъ, что оправданія эти, какъ не имѣющія подъ собою почвы, не заслуживаютъ никакого вниманія. Что судъ тогда только можетъ дать нѣкоторое значеніе оправданіямъ г. Ласточкина, когда онъ убѣдится, что дѣйствительно г. Требухинъ, выражаясь словами апостола, имѣлъ намѣреніе по

смѣяться надъ отсутствіемъ боязни у госпожи Ласточкиной къ ея мужу, и тогда только, когда судъ убѣдится, сверхъ того, въ существованіи такихъ отношеній между супругами, а равно и въ томъ, были ли отношенія эти, если только они существовали, извѣстны г. Требухину. Въ виду всего этого, а равно и того, что г. Ласточкинъ ничѣмъ не доказалъ, что будто г. Требухинъ не додалъ ему *какихъ-то* денегъ за *какую то* межевую работу,—Верхолетовъ просилъ подвергнуть Ласточкина наказанію, предусмотрѣнному 136 ст. Устава о наказаніяхъ, и при томъ имѣть въ виду то высокое положеніе, которое занимаетъ въ обществѣ его кліентъ.

— Вы не имѣете ли сказать что-либо въ свое оправданіе? — спросилъ судья, обращаясь къ Ласточкину.

— Чтó мнѣ говорить!—забормоталъ онъ, совершенно уничтоженный краснорѣчіемъ Верхолетова и оглядываясь кругомъ, какъ бы ища помощи: — чтó могу сказать я? обидѣлъ онъ меня... по крайней мѣрѣ, я такъ понялъ. Требухинъ три года не отдаетъ мнѣ денегъ... четыреста рублей для меня не бездѣлица... Однако, несмотря на это, я прежде никогда не называлъ его ни воромъ, ни грабителемъ; а тутъ, какъ онъ меня обидѣлъ, у меня и сорвалось съ языка!

И голосъ Ласточкина дрогнулъ.

— Не желаете ли покончить дѣло миромъ? — спросилъ судья.

— Что же, если г. Требухинъ оскорбилъ меня неумышленно, то я готовъ попросить у него прощенія!— проговорилъ Ласточкинъ, и слезы хлынули изъ глазъ его.

— Я не желаю-съ, — проговорилъ Верхолетовъ вставая.

Судья сталъ писать приговоръ, и немного погодя, пригласивъ всѣхъ встать, прочелъ его и, ко всеобщему удовольствію публики, объявилъ Ласточкина оправданнымъ.

Верхолетовъ заявилъ неудовольствіе.

Мы вышли.

Насколько Ласточкинъ былъ убитъ въ камерѣ, настолько онъ торжествовалъ и, такъ сказать, воспрянулъ, очутившись на воздухѣ. Его нельзя было узнать; откуда взялась бойкость! Онъ уже не хныкалъ, а напротивъ, надѣвъ картузъ на-бекрень и подбоченясь фертомъ, допрашивалъ Верхолетова:

— Что, шляпа! чья взяла! Нѣтъ, братъ, врешь, вѣдь теперь не старыя времена!

Я былъ радъ за Ласточкина и отъ души поздравилъ его.

— Не преждевременно ли поздравленіе ваше! — замѣтилъ Верхолетовъ, закуривая папироску: — дѣло это я перенесу на съѣздъ, и увѣренъ, что приговоръ будетъ отмѣненъ, а юношу сего посадятъ въ арестантскую.

— Неужели вы будете переносить это дѣло? — спросилъ я.

— Всенепремѣнно-съ.... я даже радъ очень, что судья оправдалъ его! По крайней мѣрѣ, дѣло пойдетъ дальше, и я получу сотенную.

— Требухинъ броситъ, я увѣренъ.

— Нѣтъ, ужь этого я ему не дозволю.

— Почему это?

— А потому, что наше дѣло разсѣевать раздоры, а не умиротворять оные.

И увидавъ лѣсничаго, Верхолетовъ вскрикнулъ:

— Хорошъ свидѣтель! а? Помнитъ, что пилъ чай съ ромомъ, а ссоры не помнитъ!

Лѣсничій, вмѣсто отвѣта, захохоталъ во все горло.

— Ну, да Богъ съ вами! — проговорилъ Верхолетовъ. — А вотъ позвольте-ка съ васъ заполучить...

— За что?

— А за веденіе дѣла о дровахъ. Или тоже забыли?

— Нѣтъ, нѣтъ, это я помню. Сколько прикажете?

— Такъ какъ дѣло это было кстати, то, сверхъ обѣщанной водки, достаточно и десяти рублей.

— И трешницы довольно!—подхватилъ Ласточкинъ.

Лѣсничій передалъ Верхолетову десять рублей, которые тотъ небрежно сунулъ въ карманъ жилета.

— А знаете что! — почти вскрикнулъ Трампедахъ, обращаясь къ намъ. — Поѣдемъ ко мнѣ. Вчера мужики какимъ-то образомъ убили лося, и я васъ такимъ накормлю блюдомъ, что пальчики оближете!

Какъ ни соблазнительно было предложеніе, но я отказался.

— А ты какъ думаешь? — обратился Ласточкинъ къ адвокату.

— Я никогда не имѣю привычки отказываться отъ хорошаго.

— И прекрасно! — проговорилъ лѣсничій.

Сторожъ, между тѣмъ, подвелъ ему лошадь. Лѣсничій ловко вспрыгнулъ въ сѣдло.

— Стойте! — кричалъ Ласточкинъ. — Надо узнать прежде, посадитъ-ли меня съ собой сей баринъ въ шляпѣ?

— Ага! — проговорилъ Верхолетовъ, усѣвшись въ тарантасъ.

— Возьмешь что-ли?

— Пожалуй, садись на козлы.

— Что я, лакей что ли!

— А иначе не возьму.

— Не хочу я на козлахъ...

— Какъ знаешь! — И Верхолетовъ крикнулъ кучеру: трогай!

Лошади тронули, а Ласточкинъ пустился за тарантасомъ.

— Да будетъ вамъ шутить-то!.. — кричалъ Ласточкинъ, силясь догнать тарантасъ. — Будетъ вамъ, въ самомъ дѣлѣ!.. Ну, какъ-же я—съ кокардой и буду сидѣть на козлахъ... Да остановитесь-же! Кучеръ! остановись!..

Въ это время изъ камеры вышелъ священникъ.

— Ну какъ ваше дѣло о поросенкѣ? — спросилъ я его.

— Отказали! — проговорилъ онъ, махнувъ рукой. — Я это предвидѣлъ, ибо нѣтъ чести пророку въ отечествѣ. Обидно, весьма обидно...

Вышли и мужики и рѣшительно ничего не поняли, какъ разсудилъ ихъ судья.

— Теперь какъ же мы, батюшка? — спросили они священника. — Теперь чего-жь намъ дѣлать?

— Вы слышали рѣшеніе! — сухо проговорилъ священникъ, отвязывая свою лошадь.

— Слышать-то, слышали, да поди-ка, какіе мы грамотѣи-то!

— Ну вотъ и прекрасно! Чего-же вамъ еще!

— Такъ. Значитъ, опять повѣстка будетъ?

— Какая-же теперь повѣстка!

— А копію просить надоть?

— Если желаете имѣть, то попросите, вамъ не откажутъ! — проговорилъ священникъ, налегая на слово *вамъ*.

— И ко дворамъ тоже можно?

— И ко дворамъ можно!

— Ну, благодаримъ!

И мужички пошли, все-таки недоумѣвая, чѣмъ кончился судъ.

Я сѣлъ въ тарантасъ и поѣхалъ домой.

На слѣдующій день, я отправился въ Москву, гдѣ и провелъ зиму, а въ среднихъ числахъ марта снова возвратился въ деревню.

Весна была ранняя: 12-го марта санный путь уже рушился, и незначительный снѣгъ, не имѣвшій зимой осадки, таялъ не по днямъ, а по часамъ. Когда я пріѣхалъ домой, рѣка была въ полномъ разливѣ; успѣла уже прорвать двѣ, три плотины, поснести нѣсколько мостовъ и гатей и шумно разливалась по раздольнымъ лугамъ. Погода была восхитительная, воздухъ теплый, пролетъ дичи большой. Въ небѣ звенѣли стаи журавлей, кричали гуси, утки; скворцы вились по скворечнямъ и, разсѣвшись по-парно на вѣткахъ, распѣвали, потряхивая крылышками. Словомъ, все, что такъ украшаетъ и дѣлаетъ восхитительнымъ пребываніе въ деревнѣ, было на-лицо. Мужички оживѣли, принялись за прилаживаніе сохъ и боронъ. На возвышенныхъ мѣстахъ, на бахчаньяхъ сѣяли уже арбузы; все кипѣло дѣятельностью... Война съ Турціей со славой окончена; въ рѣдкомъ городѣ не было плѣнныхъ турокъ; народъ смотрѣлъ на нихъ

и торжествовалъ патріотической гордостію. Все ликовало вмѣстѣ съ пробудившейся природой, и даже слухи о тифѣ и козняхъ Англіи и Австріи не такъ уже возмущали народъ. Раненые, вернувшіеся на родину, передавая о славныхъ подвигахъ, собирали вокругъ себя толпы слушателей...

Въ концѣ марта, поля уже настолько просохли, что всѣ принялись за посѣвъ. Я тоже началъ сѣять и потому нигдѣ не успѣлъ еще побывать. Правда, ходилъ раза два по вальдшнепамъ, но такъ какъ пролетъ ихъ былъ незначителенъ, то и пришлось на время оставить ружье въ покоѣ. Весной хлопотъ много, и потому ничего нѣтъ удивительнаго, что вставалъ я вмѣстѣ съ солнцемъ, садился на лошадь и ѣхалъ въ поле, гдѣ и проводилъ почти весь день. И зато какъ отлично спалось ночью! Заблеститъ заря,—и опять за то же! — И все это среди этой ликующей природы, среди труженика-народа, муравьями разсыпавшагося по необозримымъ полямъ. Глядя на этихъ тружениковъ, забываются невольно всѣ мелочи и дрязги праздной жизни. Предавшись дѣлу, я забылъ про все случившееся осенью, по крайней мѣрѣ ниразу не вспоминалъ о немъ, какъ вдругъ пришлось опять все припомнить и всему случившемуся подвести итогъ.

Это было такъ:

Возвратившись однажды домой, я къ немалому изумленію увидалъ у себя Евстафія Кузьмича. Онъ сидѣлъ въ кабинетѣ и читалъ газету. Къ Евстафію Кузьмичу я питалъ симпатію и потому даже обрадовался, увидавъ его. Онъ былъ одѣтъ совершенно полѣтнему, въ парусинномъ платьѣ.

— Извините, — проговорилъ онъ, подавая мнѣ

руку: — я, кажется, не во-время пришелъ... такая пора, что всѣ заняты!

— Напротивъ, очень радъ,— перебилъ я его, усаживая на кресло. — Ну какъ вы поживаете, весело-ли провели зиму?

— Какое-же можетъ быть веселье! Отсидѣлъ двѣ недѣли въ арестантской!

— Какъ, за что?

— Да все по дѣлу Требухина.

— Что вы говорите! Но, вѣдь, вы были оправданы?

— Судья точно оправдалъ, а съѣздъ засадилъ.

— И все Верхолетовъ дѣйствовалъ?

— Все онъ! Что-жь дѣлать! вѣдь это хлѣбъ его насущный: онъ за это дѣло съ Требухина двѣсти рублей взялъ.

— А гдѣ теперь Верхолетовъ?

— Не знаю, право, пропалъ куда-то!

Я велѣлъ подать чаю. Евстафій Кузьмичъ былъ видимо не въ духѣ, и какъ ни старался я развеселить его, всѣ старанія были напрасны. Онъ безпрестанно вздыхалъ и на всѣ вопросы давалъ самые короткіе отвѣты. Это былъ какъ-будто совсѣмъ не тотъ Евстафій Кузьмичъ, котораго видѣлъ я осенью.

— А вы что-то не въ духѣ? — спросилъ я его, наконецъ.

— Горе у меня большое.

— Что такое?

— Жена больна очень. — Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ съ постели не встаетъ...

— Чѣмъ-же больна Софья Ивановна?

— Боюсь, не чахотка-ли съ ней. — Не знаю, что и дѣлать. Доктора-бы надо.

— Такъ что-жь, за чѣмъ дѣло стало? Вѣдь, здѣсь есть земскій врачъ.

— Что, что есть, все одно, что нѣтъ его. Для бѣдныхъ людей земскихъ врачей нѣтъ, не ѣздятъ они къ нимъ и знать не хотятъ...

— Гдѣ-жь теперь Софья Ивановна?

— У меня дома лежитъ.

— Такъ она не у Трампедаха, не у брата своего?— поспѣшилъ я добавить.

— Нѣтъ, гдѣ же! И Трампедаха-то ужь нѣтъ давно... Онъ теперь въ Оренбургѣ гдѣ-то землю купилъ! Вѣдь, графъ все свое имѣніе продалъ: и винокуренный заводъ, и землю, и лѣсъ...

— Что вы говорите! Кому же?

— Требухинъ купилъ, не одинъ, а съ кѣмъ-то въ товариществѣ; человѣкъ пять, вишь, ихъ собралось.. Сначала графъ только одинъ лѣсъ хотѣлъ продать, а потомъ видитъ, что имѣніе дохода не даетъ, что наживаются только одни управляющіе, винокуры, лѣсничіе, подвальные, — ну, и рѣшился обратить все въ капиталъ.

Извѣстіе это было для меня совершенною новостью.

— Отчего же захворала Софья Ивановна?

— Простудилась, должно быть! — отвѣчалъ онъ, глубоко вздохнувъ. — Вы знаете ее; видѣли, какой живой и веселый характеръ. Вѣдь, она на мѣстѣ покойно не посидитъ, все бы ей рѣзвиться, бѣгать, — вотъ и дорѣзвилась!—И помолчавъ немного, онъ началъ:—На послѣдній день масляницы было это дѣло. Пристала она ко мнѣ: поѣдемъ, да поѣдемъ въ городъ турокъ плѣнныхъ посмотримъ, да кстати и въ клубъ на танцовальный вечеръ. А погода, надо вамъ

сказать, дурная была, дожди все шли. Я было не соглашался, но она такъ пристала, что пришлось уступить. Мы поѣхали; она въ одной коротенькой шубкѣ была. Въ клубѣ пробыли часовъ до двухъ ночи; надо бы переночевать въ городѣ, а мы поѣхали въ ночь, да еще, на грѣхъ, заплутались да вплоть до свѣту и проплутали. Она прозябла, сдѣлалась лихорадка, а черезъ недѣлю слегла, и съ той поры все хуже и хуже.

— И докторъ ни разу не былъ?

— Не былъ. Фельдшеръ земскій ходитъ; да что!— проговорилъ Евстафій Кузьмичъ, махнувъ рукой: — одинъ грѣхъ только!

— А что?

— Пьяный всегда! Того и гляди, съ пьяныхъ глазъ-то, вмѣсто лекарства, яду какого-нибудь закатитъ!

— А лекаря-то вы приглашали?

— Сколько разъ! Разъ пять самъ ѣздилъ къ нему!

— И что же?

— Пріѣду,— говоритъ, — и не ѣдетъ. Знаетъ, что за визитъ платить нечѣмъ, ну и не ѣдетъ.

— Неужели же у васъ денегъ нѣтъ, столько-то хоть?

— Откуда же я ихъ возьму!—какъ-то глухо проговорилъ Евстафій Кузьмичъ. — Сами знаете, теперь нашему брату, землемѣру, вовсе плохо, не то, что во время освобожденія крестьянъ, когда мы надѣлы отводили! А зимой-то и вовсе ужъ сложа руки сидишь. Было у меня рублей полтораста, на черный день берегъ, а тутъ, какъ переѣхала ко мнѣ жена, пришлось обзаводиться кое-чѣмъ, надо было тоже и жену потѣшить, удовольствія ей кое-какія дѣлалъ... денегъ и не стало. Жить, вѣдь, тоже нужно. Вѣдь, оно не видно, а рас-

ходъ-то каждый день... и такъ ужь по мелочи кругомъ задолжалъ. Въ лавочкѣ даже вѣрить перестали.

— И у Софьи Ивановны нѣтъ денегъ?

— Ничего у нея нѣтъ, кромѣ нарядовъ да бездѣлушекъ разныхъ. Можно было бы кое-что продать лишнее, да языкъ какъ-то не поворачивается объявить ей, что нужда, крайность подошла.

— А она сама не догадывается?

— Почему же она догадается, когда я изъ кожи вонъ лѣзу, чтобы только скрыть отъ нея все это. Вѣдь, жалко мнѣ ее... вѣдь, не чужая она мнѣ!

И вдругъ слезы градомъ хлынули изъ глазъ его, и онъ упалъ мнѣ въ ноги.

— Пожалѣйте!

— Что вы, что вы! — вскрикнулъ я.

— Выручите, дайте рублей пятьдесятъ... я заработаю.

Я насилу поднялъ его, насилу уговорилъ его успокоиться, обѣщавъ помочь горю, насилу усадилъ его въ кресло. Закрывъ лицо руками, онъ ревѣлъ, какъ ребенокъ.

И вотъ опять передо мною этотъ смѣшной человѣкъ, вся фигура котораго какъ будто соединила въ себѣ все, что только можетъ возбудить смѣхъ. Вотъ онъ, это посмѣшище, издѣваться надъ которымъ доставляетъ столь великое удовольствіе любителямъ пошутить! Вотъ онъ, этотъ шутъ гороховый! Но отчего же, глядя на этого шута, сердце сжимается и обливается кровью?

Въ слѣдующее же воскресенье, я поѣхалъ въ село Песчанку, гдѣ нанималъ Ласточкинъ квартиру.

Домикъ или, лучше сказать, небольшой флигель, въ

которомъ квартировалъ Евстафій Кузьмичъ, былъ окруженъ палисадникомъ, деревья котораго только-что распускали свои нѣжные листья, наполняя воздухъ ароматомъ. Вымазанный и выбѣленный мѣломъ, флигель этотъ какъ-то особенно весело выглядывалъ и блестѣлъ на солнышкѣ своими небольшими окнами съ зелеными ставнями. Просторныя сѣни раздѣляли флигель на двѣ половины; въ одной половинѣ квартировалъ Евстафій Кузьмичъ, въ другой — хозяинъ съ своей семьей. Небольшое крылечко съ скворечней, привязанной къ колонкѣ, вело въ сѣни. Какая-то женщина въ сарафанѣ и съ лоханкой въ рукахъ встрѣтилась мнѣ.

— Что, матушка, здѣсь живетъ Ласточкинъ?—спросилъ я.

— Межевой, что ли?

— Да, межевой.

— На-лѣво, сударикъ, на-лѣво.

Я отворилъ дверь, и только-что успѣлъ войти въ крохотную комнату, служившую, какъ видно, прихожей, какъ изъ-за перегородки послышался продолжительный и съ какимъ-то захлебываніемъ кашель. Я остановился.

— Кто тамъ? — послышался слабый голосъ, прерываемый этимъ кашлемъ.

Я отозвался.

— Да кто вы?—войдите...

Я вошелъ и увидалъ Софью Ивановну. Маленькая, худенькая, сидѣла она въ большомъ креслѣ, обложенная подушками, и, нагнувшись надъ стеклянной плевальницей, вся багровая отъ напряженія, съ синими, надувшимися на лбу жилами, продолжала хрипло каш-

лять, силясь освободиться отъ душившей ее мокроты, На ней былъ сѣренькій изящный капотъ; ноги, обутыя въ теплыя ботинки, помѣщались на скамейкѣ. Батистовый платокъ, обшитый кружевомъ, лежалъ на маленькомъ столикѣ. Превосходные волосы зачесаны все такъ же изящно-небрежно; должно быть, иначе Софья Ивановна и не умѣла причесывать ихъ.

Припадокъ кашля не позволялъ ей поднять головы, и потому мнѣ пришлось нѣсколько минутъ простоять незамѣченнымъ. Наконецъ кашель кончился, мокрота отдѣлилась, и больная, вздохнувъ свободнѣе, поставила плевальницу на столъ. Отеревъ ротъ платкомъ, она взглянула на меня, и удивленіе выразилось на ея лицѣ.

— Какими судьбами?—проговорила она. — Вотъ не ожидала-то!

— Пріѣхалъ навѣстить васъ, слышалъ, что больны.

— Отъ кого это вы слышали?

— Евстафій Кузьмичъ говорилъ мнѣ, что вы простудились.

— А вы его видѣли?

— Да, онъ былъ у меня.

— Онъ мнѣ ничего не говорилъ. Ну, благодарю, что вспомнили. Садитесь-ка и побесѣдуемъ. Мужа дома нѣтъ; онъ еще чуть свѣтъ къ лекарю побѣжалъ; впрочемъ, скоро долженъ вернуться. Такой право, уморительный! — заговорила она съ веселой улыбкой:— вообразилъ, что я при смерти, и не даетъ покоя этому несчастному лекарю. И представьте, все пѣшкомъ бѣгаетъ, хоть бы лошадь нанялъ, а, вѣдь, до лекаря десять верстъ, не забудьте. Тотъ уже смѣялся мнѣ. — «Я, говоритъ, на вашего мужа миро-

вому прошеніе подамъ. Онъ, говоритъ, мнѣ покоя не даетъ; нарушаетъ чуть ли не каждое утро мое супружеское спокойствіе. Привяжите, говоритъ, его за ногу что-ли къ чему-нибудь!»

— У васъ веселый докторъ!

— Прелесть, я отъ него въ восторгѣ, и когда онъ бываетъ у насъ, я постоянно хохочу. Однако, соловья баснями не кормятъ, — проговорила она и позвонила въ колокольчикъ.

— Вы чего хотите, кофею или чаю?

— Я буду пить то же, что и вы.

— Ну, батюшка, меня, вѣдь, ячменнымъ кофеемъ поятъ.

— И я буду пить ячменный.

— Впрочемъ, я могу вамъ дать *подправу*, какъ называетъ лекарь ромъ.

— И прекрасно.

Вошла дѣвочка—босая, съ востренькими плутовскими глазками, въ коротенькомъ ситцевомъ платьецѣ, съ дрянными бусами на шейкѣ, вошла — и остановилась среди комнаты, выпятивъ впередъ животикъ.

— Вѣрочка!—проговорила Софья Ивановна:—свари-ка намъ кофею; только поскорѣе.

— Ячменнаго или простаго?

Софья Ивановна улыбнулась.

— Она настоящій-то простымъ называетъ! — Да, свари намъ ячменнаго и рому подай.

— Рому—такъ, чуть на донышкѣ. Намедни лекарь всю охолостилъ.

— Ну, подай сколько есть.

Дѣвочка бросилась за перегородку, постучала тамъ посудой и, немного погодя, промчалась съ кофейни-

комъ, топая и какъ-то вывертывая босыми ножками.

— Прелестный ребенокъ! — задумчиво проговорила Софья Ивановна. — Это дочь нашего хозяина. Отъ скуки я ее грамотѣ учу, и такая понятливая, что въ самое короткое время читать выучилась и теперь очень порядочно читаетъ.

И потомъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ, Софья Ивановна спросила:

— Вы что же не курите? Вы, кажется, курили!... Да, да, конечно, курили... я помню...

— Хорошо ли это будетъ для вашего кашля?...

— Ахъ, вздоръ какой!.. Докторъ всегда куритъ... Вы отворите окно, и дыма не будетъ...

Я отворилъ окно. Чистый воздухъ ворвался въ комнату и заколыхалъ слегка бѣлыми коленкоровыми занавѣсками оконъ.

— Ахъ, какъ хорошо! — проговорила Софья Ивановна.—Съ какимъ удовольствіемъ пошла бы я теперь погулять! Да вотъ ноги что-то... Не то чтобы болѣли, не то что слабы... а какъ-то плохо ходятъ! А въ комнатѣ, да еще вдобавокъ, въ этой, — прибавила она, махнувъ рукой:—тоска, мученье! Какъ только выздоровлю, такъ переѣдемъ отсюда въ городъ, а здѣсь, въ этомъ противномъ селѣ, лучше этой и квартиры нѣтъ.

Квартира дѣйствительно была незавидная и состояла только изъ одной комнаты, раздѣленной перегородкой на три части. Комната, въ которой мы сидѣли, была, какъ видно, самой большой и рѣзко бросалась въ глаза своими контрастами. Мебель бѣдная, соломенная, старинный диванъ съ рыжимъ ободраннымъ сафьяномъ, а надъ диваномъ фотографическіе

портреты въ дорогихъ орѣховыхъ рамахъ. Разложенный ломберный столъ, приставленный къ простѣнку и накрытый зеленымъ, запачканнымъ сукномъ, замѣнялъ письменный, а на столѣ красовалась прекрасной работы бронзовая чернильница, такая же статуэтка Минина и Пожарскаго и роскошный, массивный альбомъ для фотографическихъ карточекъ. Орѣховое кресло, обитое синимъ сукномъ, на которомъ сидѣла Софья Ивановна, тоже не подходило какъ-то къ остальной мебели. Направо, небольшая дверка вела за перегородку, и дверь эта позволяла видѣть желѣзную односпальную кровать, накрытую изящнымъ шерстянымъ одѣяломъ; висѣвшее надъ кроватью распятіе изъ слоновой кости и стоявшій въ ногахъ кровати орѣховый гардеробъ, изъ-за котораго торчали грязныя ножки астролябіи. Видно было по всему, что все это хорошее было принесено послѣ и не принадлежало хозяину этой квартиры, да и сама Софья Ивановна словно была не дома, а на почтовой станціи въ ожиданіи перемѣны лошадей: перемѣнитъ лошадей, напьется кофею и поѣдетъ дальше.

Немного погодя, мы пили уже кофей. Рому дѣйствительно было мало, но недостатокъ этотъ вскорѣ загладился, такъ какъ къ крылечку флигеля подкатилъ тарантасъ, въ которомъ увидалъ я Евстафія Кузьмича, съ бутылкой въ рукахъ, и рядомъ съ нимъ толстенькаго мужчинку въ поярковой шляпѣ и сѣромъ пальто.

— А вотъ и докторъ! — почти вскрикнула Софья Ивановна.

— И не одинъ, а съ ромомъ! — подхватилъ врачъ, входя въ комнату, и подойдя къ Софьѣ Ивановнѣ, не снявъ даже верхняго пальто, подалъ ей руку.

— Ну что, какъ, моя хорошенькая паціентка?

— Да что, — проговорила она: — ваша хорошенькая паціентка скучаетъ; хочется ей на воздухъ, на волю...

— Понятное желаніе, моя красавица! понятное желаніе, но... весьма непріятно для меня. Ей-богу, жаль выпустить изъ клѣтки такую прелестную птичку.

Вошелъ Евстафій Кузьмичъ съ бутылкой въ рукахъ и, увидавъ меня, словно просіялъ.

— Ахъ, здравствуйте! — проговорилъ онъ: — насилу-ту навѣстили!

— Что это у тебя за бутылка? — спросила Софья Ивановна.

— Ромъ, ромъ, — подхватилъ докторъ. — Я уже имѣлъ честь докладывать вамъ объ этомъ. Въ прошлый разъ я замѣтилъ, что рому оставалось очень мало, — ну, и порекомендовалъ почтеннѣйшему Евстафію Кузьмичу запастись новой бутылкой. Вѣдь, великолѣпно придумано?

— Великолѣпно.

— Очень радъ, что угодилъ. Гораздо лучше угодить человѣку, нежели дать ему подзатыльникъ.

Съ появленіемъ доктора, все мгновенно измѣнилось. Тяжелая картина будто освѣтилась совершенно новымъ свѣтомъ; точно начался веселый водевиль послѣ тяжелой, слезливой драмы. Докторъ оказался дѣйствительно развеселымъ малымъ и большимъ говоруномъ. Онъ болталъ безъ умолку и городилъ всякую ерунду; разсказывалъ анекдотъ за анекдотомъ, передавалъ уѣздныя сплетни, потребовалъ, чтобы ему немедленно, прежде кофею, дали водки и кусочекъ чернаго хлѣба на закуску, и только выпивъ водки и стакана два кофею съ ромомъ, принялся разспрашивать

Софью Ивановну о здоровьѣ, началъ щупать пульсъ и выслушивать грудь. Чтобы не мѣшать ему, мы вышли съ Евстафіемъ Кузьмичемъ на крылечко.

— Ну что, какъ нашли вы жену?

Я началъ утѣшать, но видно не успѣшно, потому что Евстафій Кузьмичъ слушалъ меня и вмѣстѣ съ тѣмъ недовѣрчиво покачивалъ головой. Вдругъ, изъ комнаты послышался веселый, звонкій хохотъ доктора. Евстафій Кузьмичъ встрепенулся.

— Должно быть кончилъ,—проговорилъ онъ:—пойдемте.

Мы вернулись въ комнату и убѣдились, что выслушиваніе груди докторъ дѣйствительно покончилъ, потому что онъ стоялъ уже посреди комнаты и, держа въ одной рукѣ рюмку водки, а въ другой обильно посоленный кусочекъ хлѣба, допрашивалъ Софью Ивановну, указывая на рюмку.

— Это что?

— Водка.

— Нѣтъ; говорите: aqua vita.

— Ну, aqua vita.

— Изъ чего? говорите: изъ жита.

— Ну, изъ жита.

— А паспортъ ма? говорите: не ма.

— Не ма.

— Такъ вотъ ей тюрьма! — проговорилъ докторъ и, выпивъ залпомъ водку, добавилъ: — Не ходи безъ паспорта, строго запрещено!

Послѣ этого, докторъ взялъ шляпу и сталъ прощаться.

— Вы теперь куда? — спросила его Софья Ивановна.

— Къ Алексѣю Семенычу.

— Неужели онъ боленъ?

— Да, флюсомъ страдаетъ! Нѣтъ, я шучу. Просто ѣду поздравить его съ прошедшимъ ангеломъ. На Алексѣя Божьяго, по случаю вскрытія рѣкъ, не могъ попасть къ нему, такъ ѣду теперь воротить упущенное.

— Итакъ, лекарство то же самое?

— То же самое-съ.

— А на воздухъ можно?

— Конечно, можно. Погода восхитительная; прикажите вынесть кресло на крылечко и посиживайте себѣ да любуйтесь природой. Вонъ какой у васъ прелестный видъ! — говорилъ онъ, посматривая въ окно. — Вонъ огородъ передъ глазами, капустники, вонъ свинья съ поросятами... Чтó можетъ быть восхитительнѣе этого ландшафта? А въ маѣ, красавица моя, кумысъ примемся пить. Въ Бековѣ кумысъ великолѣпный, и спектакли, и музыка, и танцы, и даже въ кегли можно играть. Однако, до свиданья! вашу прелестную ручку!

Онъ пожалъ руку и вышелъ. Евстафій Кузьмичъ былъ уже въ сѣняхъ.

— Ну, чтó? — спросилъ онъ робко.

— Отлично, превосходно.

— А мнѣ кажется, ей хуже.

— Съ чего это взяли? Ахъ вы, трусишка... ну, однако, до свиданья!

Евстафій Кузьмичъ протянулъ руку и, поблагодаривъ доктора, передалъ ему пять рублей, которые докторъ и препроводилъ въ карманъ панталонъ.

— Эхъ, тяжела ты служба ученая! — проговорилъ онъ, кряхтя и усаживаясь на подушки. — Ну, валяй! — крикнулъ онъ ямщику.

И еще разъ поклонившись, онъ уѣхалъ, а изъ комнаты послышался снова тотъ ужасный кашель, свидѣтелемъ котораго я уже былъ.

Евстафій Кузьмичъ бросился въ комнату, а я остался на крылечкѣ и, закуривъ папиросу, присѣлъ на скамейку.

Но не прошло и четверти часа, какъ къ крылечку подошелъ какой-то мужчина съ бородой, въ лаптяхъ и въ женской ваточной кацавейкѣ, подпоясанной бичевкой; на головѣ былъ изодранный картузъ, изъ-подъ котораго выбивались вьющіеся черные волосы; лицо, опухшее и съ синякомъ подъ глазомъ. Увидавъ меня, незнакомецъ остановился, продолжительно посмотрѣлъ на меня и вдругъ крикнулъ хриплымъ голосомъ:

— Не узнаете?

— Не узнаю.

— И немудрено, потому что лѣта измѣняютъ человѣка.

Снявъ фуражку, онъ отрекомендовался:

— Мѣстный адвокатъ Верхолетовъ.

— Вотъ тебѣ разъ! — невольно вскрикнулъ я. — Что же это съ вами?... Давно ли я видѣлъ васъ во фракѣ, въ цилиндрѣ...

— Полинялъ! Перемѣнилъ зимнюю шерсть на лѣтнюю.

И, подсѣвъ ко мнѣ, Верхолетовъ вынулъ изъ кармана ситцевый кисетъ и коротенькую трубочку.

— Ну, что́, какъ нашъ общій другъ поживаетъ?— спросилъ онъ, высѣкая огонь.

— Какой другъ?

— Ласточкинъ Евстафій!

— Жена у него умираетъ.

— Слышалъ-съ.

— Отъ кого?

— Отъ господина земскаго врача, котораго имѣлъ честь только-что встрѣтить.

— Чтó же онъ вамъ сказалъ?

— Сообщилъ, что скоро должна отправиться ad patres, сирѣчь засохнуть на вѣки.

И Верхолетовъ пыхнулъ дымомъ, дымомъ отвратительнѣйшей махорки.

— Какъ нравится вамъ моя сигара? — спросилъ онъ, искоса взглянувъ на меня; но, не дождавшись отвѣта, проговорилъ какъ-будто про себя: — Да, много было дѣла, очень много!

— Когда?

— А когда мы лѣсничаго провожали! — промычалъ онъ, сплюнувъ сквозь зубы. — Чуть было не оттягали у него всю движимость. Тутъ какой-то изъ Питера ревизоръ пріѣзжалъ, сталъ доказывать, что вся движимость принадлежитъ графу; но мы этого не допустили и съ помощію лжесвидѣтелей доказали діаметрально противоположное. Да-съ, тутъ я рублей триста заработалъ, изъ коихъ, впрочемъ, рублей пятнадцать роздалъ свидѣтелямъ...

— Говорятъ, онъ имѣніе купилъ?

— Да-съ, женился и купилъ имѣніе въ Оренбургѣ, чуть ли не десять тысячъ десятинъ.

— Развѣ Трампедахъ женился?

— Совершенно законнымъ образомъ, хотя и тайно отъ Софьи Ивановны. Слезъ было очень много; слезы лились потоками, а затѣмъ все кончилось дракой, такъ какъ лѣсничій, видя неистовства Евстафія Кузьмича, заступавшагося за жену, счелъ необходимымъ

отлупить его нагайкой и выпроводить вонъ изъ дома. Я его и выпроваживалъ.

— Какъ такъ?

— Въ качествѣ повѣреннаго Трампедаха, просилъ судъ объ очищеніи квартиры и получилъ за это четвертной билетъ; а потомъ и Трампедаха выпроводилъ.

— А его-то какъ же?

— Точно также судомъ, но только уже по просьбѣ Требухина, купившаго имѣніе, и тоже получилъ четвертной.

— Всѣхъ разогнали!

— Положительно. А вотъ теперь плохо дѣло, рабочая пора... Эти подлые мужичишки уткнулись въ землю, помѣщики и купцы, — тоже, и судбищъ нѣтъ никакихъ. Впрочемъ, вчера одного купца съ попомъ поссорилъ; попъ богатый и ужь просилъ меня сочинить челобитную.

Въ это время вышелъ на крылечко Ласточкинъ. Увидавъ Верхолетова, онъ даже забылъ про свое горе и захохоталъ звонкимъ, раскатистымъ хохотомъ.

— Верхолетовъ, ты ли это? Да что ты на богомолье, что ли, собрался? — кричалъ онъ, разведя руками и выпучивъ отъ удивленія и безъ того уже выпуклые глаза свои.

— Нѣтъ, отмолился, и возвращаюсь домой.

— А синякъ-то гдѣ поднялъ?

Верхолетовъ усмѣхнулся.

— Подлецы дьячки отдули! — проговорилъ онъ.

— Съ дьячками воевать началъ! Гдѣ же это?

— Въ Гороховѣ въ селѣ. Застали меня въ банѣ въ хорошемъ обществѣ — ну, и отлупили и меня, и общество... насилу вырвался! тамъ же утратилъ и верх-

нюю одежду, въ замѣнъ которой уже вечеромъ, тайно, получилъ отъ дьячихи сію кацавейку. Однако, вотъ что, любезный другъ, — проговорилъ онъ вставая: — такъ гостепріимные люди не дѣлаютъ. Я пришелъ къ тебѣ въ гости, а ты даже меня и въ комнату не приглашаешь!

— Ну, братъ, извини; въ комнату, въ которой лежитъ жена, не приглашаю, потому что она тебя видѣть не можетъ, но въ хозяйскую половину пойдемъ и даже водочкой тамъ угощу! Да что же это у тебя, кромѣ этой дьячихиной кацавейки, ничего развѣ нѣтъ?

— Да, я немного обносился.

— И сапогъ нѣтъ?

— Сапоги слишкомъ жали ноги, и я промѣнялъ ихъ.

— На лапти? — подхватилъ Ласточкинъ.

— Да.

Ласточкинъ снова захохоталъ.

— Ну, да ничего! Не унывай! — проговорилъ онъ. — Мы это дѣло поправимъ. Пойдемъ, у меня есть сапоги и парусинная пара; все это мнѣ узко, а тебѣ будетъ въ самую пору.

— Благородный другъ!—перебилъ его Верхолетовъ.— Только предупреждаю, что въ моей конторѣ денегъ нѣтъ.

— Ахъ, ты свинья! — вскрикнулъ Ласточкинъ. — Да хоть бы онѣ и были! Неужели же ты думаешь, что я взялъ бы съ тебя деньги?

Немного погодя, распростившись со всѣми, я уѣхалъ домой.

Черезъ нѣсколько дней и какъ разъ на первый день Пасхи является ко мнѣ Верхолетовъ. Онъ успѣлъ уже

снова обриться и принять прежній видъ. На немъ былъ лѣтній пиджакъ, такія же панталоны, смазные сапоги и даже пуховая шляпа. Войдя въ комнату, онъ небрежно бросилъ шляпу на столъ и, пожавъ мнѣ руку, проговорилъ:

— А вѣдь Ласточкина-то умерла!

Хотя я и ожидалъ этого, но все-таки, тѣмъ не менѣе, извѣстіе это меня поразило.

— Когда? — спросилъ я.

— Передъ заутреней.

Я велѣлъ запречь лошадей и вмѣстѣ съ Верхолетовымъ отправился къ Евстафію Кузьмичу.

Сѣни его квартиры были полны народомъ. По случаю праздника, всѣ были расфранчены и веселы. Шумъ происходилъ неимовѣрный. Тутъ были подпившія попадьи, дьяконицы, дьячихи, попы, мелкія купчихи, какіе-то молодцы въ суконныхъ чуйкахъ, съ нахальными лицами и съ гармоніями въ рукахъ, дьячки, горничныя, хихикавшія съ чуйками, словомъ — всякій разночинный сбродъ. Весело разговаривая и христосуясь, вся эта толпа грызла орѣхи, сѣмечки, рожки и съ красными, лоснящимися лицами тѣснилась вокругъ Евстафія Кузьмича, державшаго въ рукахъ разныя шубки, бурнусы, платья, шляпки и другія принадлежности женскаго туалета. Волосы его были растрепаны, опухшіе красные глаза растерянно бѣгали. По требованію публики, онъ поднималъ то шубку, то платье. И все это щупалось, гладилось руками, осматривалось съ лица, выворачивалось на изнанку, оцѣнивалось и корилось. Оказалось, что вся эта давка и этотъ шумъ происходили по случаю распродажи вещей покойницы. Торгъ былъ самый живой. Всѣ другъ друга

толкали, стараясь долѣзть до Евстафія Кузьмича, а добравшись до него, разсматривали продаваемое. — «За шубку-то сколько?» — «Бурнусу-то какая цѣна?» — «Платье-то матеревое дорого, чтó ли?» — «Покажите-ка шляпку-то!» И всѣ эти попадьи, купчихи, мѣщанки и молодцы въ поддевкахъ, не имѣвшіе даже и понятія объ этихъ изящныхъ вещахъ, кричали: — «Дорого! дорого! Куда это! Развѣ можно!.. Это въ губерніи, въ магазинѣ — и то дешевле!.. Куда это годится! Даже совѣстно такъ запрашивать!»

— Однако, покойница-то, — говорила попадья мужу: — наклевала много кое-чего... видно, нѣмецъ-то добрый былъ!

— Злѣ пріобрѣтено, злѣ и расхищено! — назидательно проговорилъ священникъ.

— Вотъ бы мнѣ шляпочку-то купили! — шептала горничная суконной чуйкѣ.

— Можно; а свиданье гдѣ назначаете для передачи этого самаго предмета?

— За мельницей, въ кустахъ! — шепнула горничная. — Мы тамъ съ дѣвушками яйца катать будемъ, такъ я какъ-нибудь увернусь.

— Слушаю-съ, очень восхитительно будетъ.

Чуйка принялась торговать шляпку.

Я протолкался сквозь эту толпу и вошелъ въ комнату.

Тамъ все было тихо.

Среди той самой комнаты, въ которой я такъ недавно еще бесѣдовалъ съ Софьей Ивановной, на столѣ, покрытомъ бѣлымъ каленкоромъ, убраннымъ съ боковъ голубыми бантами, лежала теперь она, недвижимая, вся въ бѣломъ, со сложенными, какъ-будто

восковыми руками, и накрытая прозрачной кисеей. Кончились ея страданія! Три свѣчи коптѣли вокругъ нея, а неподалеку всторонѣ, возлѣ самаго окна, разложивъ на маленькомъ столикѣ большую, грязную церковную книгу съ мѣдными застежками, стояла Вѣрочка и дѣтскимъ голосочкомъ, водя по книгѣ пальчикомъ, читала псалтырь.

«Учительница и ученица», — подумалъ я и подошелъ къ столу.

Точно спала Софья Ивановна; точно отдыхала, лежа на этомъ столѣ и положивъ голову на подушки, обшитыя кружевомъ. Та же веселая улыбка, такъ же волосы причесаны, тотъ же рядъ на-боку. Вѣнокъ изъ голубыхъ подснѣжниковъ, первыхъ вѣстниковъ весны, лежалъ на подушкѣ, окружая ея голову; муравей силился забраться подъ вѣко глаза. «Тоже и этотъ грызть собирается!» И я прогналъ муравья. «Вѣрочка! Свари-ка намъ кофе!» — «Какого прикажете, ячменнаго или простаго?» — вдругъ вспомнилось мнѣ, и дрожь пробѣжала по тѣлу.

За дверью раздавался торгъ, а тутъ дѣтскій голосокъ Вѣрочки, серьезно читавшей псалтырь. Нахмуривъ брови, она словно урокъ твердила. И внимательно прислушиваясь къ голоску босоногой ученицы своей, Софья Ивановна улыбалась и какъ-будто хотѣла сказать: — «Вѣрочка! Ты не такъ ударенія дѣлаешь. Не *мукѝ*, а *мỳки* адскія. Мукà — это изъ чего лепёшки пекутъ, а муки — это значитъ мученія!»

— Нѣтъ никакой возможности!.. Нѣтъ силъ никакихъ!.. — раздался вдругъ голосъ Евстафія Кузьмича, ворвавшагося въ комнату. — Люди эти ничего не понимаютъ; ни цѣнности вещей, ни нужды человѣка! Я

все бросилъ, все передалъ Верхолетову, пускай его продаетъ.

И потомъ, взглянувъ на жену, закрылъ лицо руками, упалъ на стулъ и зарыдалъ.

— Нѣтъ у меня жены! — вскрикивалъ Ласточкинъ. — И какъ неожиданно! какъ неожиданно! — проговорилъ онъ, немного успокоившись. — Утромъ вчера дурно сдѣлалось ей, очень дурно; кровь хлынула изо рта, такъ что она сама даже перепугалась и просила послать за докторомъ. У меня былъ Верхолетовъ; я его сейчасъ на лошадь верхомъ: скачи, говорю. Часамъ къ двѣнадцати дня ей сдѣлалось лучше, легко очень; она встала, ходила по комнатѣ и даже пожалѣла, что за докторомъ послала; но при этомъ высказала желаніе причаститься, — постомъ-то ей не пришлось говѣть! Часовъ въ восемь вечера пришелъ священникъ, причастилъ ее, а къ тому же времени подъѣхалъ и докторъ съ Верхолетовымъ. Докторъ подъ куражемъ былъ. Посмотрѣлъ на нее, пульсъ пощупалъ и расхохотался. — Пустяки! — говоритъ, — вздоръ! И такъ, знаете ли, успокоилъ, такъ обнадежилъ, что даже и я повеселѣлъ. Стали чай пить, священника пригласили остаться, болтали, шутили; докторъ про кумысъ заговорилъ. «Въ Беково, говоритъ, поѣдемъ,» и даже объявленіе прочелъ, что два, три спектакля будетъ тамъ, на которые больныхъ будутъ пускать даромъ; посмѣялись еще, что изъ-за одного этого надо въ Беково лечиться ѣхать, и жена даже шутила. Часамъ къ девяти она начала дремать, священникъ съ нею въ комнатѣ остался, а мы, чтобы не мѣшать, пошли на хозяйскую половину. Докторъ велѣлъ подавать лошадей и попросилъ на дорогу водки.

Рюмочка за рюмочкой, да такъ развеселились, что даже и про лошадей забыли. «Давайте, — говоритъ онъ Верхолетову: — на дуэль выйдемъ!» — «Можно,— говоритъ. — На какомъ инструментѣ?» — «На водкѣ,— говоритъ: — кто кого уложитъ?» — «Отлично!» Послали за водкой, и пошла у нихъ дуэль, и достигли до такого градуса, что даже плясать затѣяли. «Евстафій Кузьмичъ, отецъ родной! — кричитъ мнѣ Верхолетовъ. — Ты, — говоритъ, — отлично барыню на губахъ играешь; утѣшь, съиграй, а мы попляшемъ!» Я и руками, и ногами. И хозяинъ-то увѣщевать сталъ; сегодня-де — великая суббота, въ церкви страсти Христовы читаются! Не тутъ-то было! пристали такъ, что я и барыню заигралъ. Я сижу — играю, а они въ плясъ пустились, вприсядку, дробь ногами выколачиваютъ. Вдругъ въ комнату священникъ входитъ... «Что вы,—говоритъ,—дѣлаете?.. Вѣдь Софья-то Ивановна отходитъ!..» Я бросился къ ней въ комнату, схватилъ ее за руку, а она такъ испуганно смотритъ на меня, сжала мнѣ руку, ротъ у нея открытый... а тамъ внутри-то, въ горлѣ-то клокотаніе, какого я сроду не слыхивалъ... Говорятъ, въ сѣняхъ слышно было это клокотаніе... Словно какъ все у нея внутри перегнило, обратилось въ жидкость и прихлынуло къ горлу... Минутъ пять прохрипѣла и конецъ...

И снова раздалось его истерическое рыданіе.

Въ комнату вошелъ Верхолетовъ.

— Ну вотъ, на тебѣ! — проговорилъ онъ, положивъ передъ Ласточкинымъ пачку мелкихъ ассигнацій.

— Сколько тутъ?

— Сто двадцать рублей.

— Одна шубка двѣсти рублей стóила!

— Мало-ли чего! Всѣмъ извѣстно, что тебѣ крайность!.. Ужь это, братъ, въ порядкѣ вещей! Всякій человѣкъ пользуется случаемъ; тутъ претендовать нечего!

— Даже и похоронить-то не удалось мнѣ ее на собственныя деньги!.. Даже въ гробѣ-то будетъ лежать она въ чужомъ, а не въ моемъ! Вѣдь, не мое все это! Не мною куплено, не мною подарено!

И снова комната наполнилась рыданіями, и снова смѣшались они съ звонкимъ голосочкомъ Вѣрочки, продолжавшей читать псалтырь.

Дня черезъ три послѣ похоронъ Софьи Ивановны, встрѣтилась мнѣ надобность въ брусьяхъ, и я поѣхалъ къ Требухину на тотъ самый кордонъ, въ которомъ были когда-то у Трампедаха и на которомъ я познакомился съ дѣйствующими лицами настоящаго разсказа. У Требухина засталъ я Верхолетова. Оба они, попивая водочку и закусывая пасхальными яйцами и ветчиной, сидѣли въ томъ самомъ кабинетѣ, въ которомъ принималъ насъ лѣсничій. Но кабинета этого узнать ужь было невозможно; ни ковровъ, ни мебели — ничего не было. Передъ окномъ стоялъ столъ, обтянутый черной клеенкой, а на столѣ двѣ-три ободранныя конторскія книги, массивные счеты и пузырекъ съ ализариновыми чернилами; тутъ-же стоялъ и графинъ съ водкой, и тарелка съ яйцами и ветчиной. Стѣны были голыя, и только одни темныя пятна на обояхъ, да большіе, невыдернутые гвозди обозначали тѣ мѣста, гдѣ висѣли когда-то картины. Требухинъ встрѣтилъ меня съ тою же мягкой, ласковой улыбкой и, похристосовавшись, точно такъ же обѣими руками пожалъ мнѣ руку. Покончивъ съ нимъ дѣло о брусьяхъ,

рѣчь зашла о новокупленномъ имъ имѣніи. Акимъ Саватичъ даже рукой махнулъ.

— Столько хлопотъ, что я даже вамъ и разсказать не могу. Ну, конечно, купилъ я его не одинъ, а въ товариществѣ со сватомъ, зятемъ и шуриномъ, а все-таки и четверо-то не поспѣваемъ. Вотъ вы теперь и подумайте! — продолжалъ онъ: — ужь коли сами мы хозяева, и то не усмотримъ, такъ ка̀къ же можно было графу-то наемными-то глазами усмотрѣть! Я, признаться, все это отписалъ ему. Онъ сначала, вѣдь, только тысячу десятинъ лѣсу думалъ продать. Ну, я и написалъ ему, что лѣсъ я куплю, но что отъ ефтаго толковъ для него будетъ не много, а что лучше всего имѣніе обратить въ капиталъ и получать себѣ проценты. Помилуйте, скажите, ради Бога! Вѣдь, кому другому, а мнѣ-то все это видно было. Вѣдь, здѣсь, доложу вамъ, грабежъ шелъ, чистый грабежъ! Вѣдь, всѣ эти управляющіе, лѣсничіе, винокуры, подвальные, вѣдь, это все одна шайка грабителей была. Вѣдь, они съ графомъ-то пополамъ дѣлили — посмотрите-ка, какія имѣнія накупили! А что̀ у нихъ было? Вѣдь я помню, какъ и Богданъ-отъ Иванычъ сюда пріѣхалъ, и какъ Трампедахъ. Вѣдь, чисто шарманщики, въ одномъ карманѣ вошь на арканѣ, а въ другомъ — дыра въ горсти! вѣдь — только всего и имѣнія-то у нихъ было! Нѣтъ, ты, какъ ни трудись, а такихъ имѣній безъ грабежа не купишь. Вы вотъ сами хозяйничаете, сами до всего доходите, свой участокъ имѣете, — а ну-те ка: много ли у васъ денегъ-то? Тоже, чай, иной разъ пятишницы нѣтъ! А вѣдь они — гдѣ же! Ни одинъ помѣщикъ такъ не жилъ, какъ они! Помните, тогда, какъ вмѣстѣ-то здѣсь были, какая закуска

была? А лошади-то, а экипажи-то? Вѣдь, подлецы, на лежачихъ ресорахъ да на рысакахъ ѣздили; мужикъ съ дороги не свернетъ, такъ, вѣдь, въ зубы! Вѣдь, вотъ они чтó, эти нѣмцы, за русскую-то за хлѣбъ-то, за соль дѣлали! Вѣдь, вчужѣ зло брало!.. Наконецъ, не вытерпѣлъ: — Стой, говорю, собачьи дѣти, ужь я распишу васъ! И расписалъ, да все подробно, до тонкости всѣ ихъ продѣлки выставилъ. Войска наши въ тѣ поры ужь за Дунаемъ были; я такъ на тотъ берегъ Дуная и письмо къ графу послалъ. Коли, говорю, не вѣрите, ваше сіятельство, то извольте благороднаго человѣка прислать. Я думалъ, не дойдетъ письмо; однако, дошло: смотрю, и ревизоръ пріѣхалъ, родственникъ какой-то графскій. Да помилуйте, скажите, вѣдь, жалко смотрѣть! Ну, ужь я и отдѣлалъ ихъ, разбойниковъ. Конечно, такъ, открыто дѣйствовать неловко мнѣ было, потому что все-таки — пріятели: управляющій-то, Богданъ-отъ Иванычъ, даже кумъ былъ мнѣ, потому воспріемникомъ его дочки былъ,— такъ я, значитъ, черезъ стороннихъ указывалъ... Вотъ тутъ-то, молъ, провѣрь! Вотъ здѣсь-то гляди. И довелъ дѣло, какъ есть, какъ слѣдуетъ, такъ, что къ ихъ имуществу было приступлено! За то ужь и ругали меня!

— Да, вѣдь, вы тайно, черезъ людей дѣйствовали!..

— Догадались, собачьи дѣти! Ну, да пёсъ съ ними! Покрайности, я знаю, что я его сіятельству графу заслужилъ и выручилъ его! Вѣдь, имѣніе-то съ *укціону* бы пошло! въ дѣлишкахъ-то тоже позапутался, бѣднякъ! А теперь, по крайности, у него капиталъ хорошій, съ котораго процентъ получать будетъ. Только вотъ

горе-то! — прибавилъ онъ, покачавъ головой: — ка̀къ бы капиталъ-отъ эфтотъ не ахнулъ!

— Ка̀къ такъ?

— А вотъ ка̀къ-съ. Положилъ онъ его въ одинъ банкъ, а въ банкѣ этомъ, читалъ я намедни въ вѣдомостяхъ, растрата! Казначей, вишь, какой-то на нѣсколько мильончиковъ нагрѣлъ. Жалко будетъ! Вѣдь, вотъ какой народъ нынѣ сталъ! совсѣмъ набаловался, другъ друга грызутъ... ей-богу! Что ты будешь дѣлать! Куда дѣваться-то и съ деньгами! Жалко, жалко! ужь больно человѣкъ-отъ хорошій, души самой добрѣйшей. Я даже прослезился, когда поразсказалъ онъ мнѣ про эту самую, про войну, какъ они эту Плевну брали, да черезъ эти, стало быть, снѣговыя горы переходили! Господи! Вотъ гдѣ страсти-то! бѣды!

— Да гдѣ же вы графа видѣли? — спросилъ я.

— Вѣдь, я туда къ нему ѣздилъ...

— Куда? — не безъ удивленія спросилъ я.

— Да въ этотъ самый городъ, гдѣ они теперь стоятъ... Ка̀къ бишь его... возлѣ Царьграда-то...

— Сан-Стефано?

— Во-во-во...

— Вы туда ѣздили?

— Туда. Я и въ Царьградѣ былъ.

— Что́ вы говорите?..

— Съ мѣста не сойти! Меня туда самъ графъ возилъ... Поѣдемъ, — говоритъ, — я тебѣ Царьградъ покажу... Пущина лейтенанта, что́ къ туркамъ въ полонъ попалъ, тоже видѣлъ. Теперь ничего, на свободѣ, по улицамъ ходитъ.

— Да за чѣмъ же вы туда ѣздили?

— Самое это имѣніе покупать. Вѣдь, какая штука-то! Прослышалъ я, что это самое имѣніе собирается купить Кособрюховъ, Пуплій Егорычъ,— слыхали, можетъ? Купецъ богатый, денежный. И прослышалъ я, что онъ ужь въ Питеръ собирается, къ главному управляющему. Ахъ, думаю себѣ, я хлопоталъ, трудился, все дѣло какъ слѣдоваетъ подстроилъ, а онъ за чужой канонъ родителевъ поминать лѣзетъ! Постой, думаю! Коли ты въ Питеръ — такъ, вѣдь, мы и дальше махнемъ! И въ ту же минуту, пятьдесятъ тысячъ на задатки въ карманъ — и маршъ! А тутъ, знаете ли, какъ миръ-то заключили, такъ проѣздъ слободный вышелъ — на Одесту, а тамъ Чернымъ моремъ. Докатилъ живо и въ два дня съ графомъ все покончилъ! А кабы не поѣхалъ, такъ бы имѣніе это Кособрюхову и досталось. И какъ чудно́ вышло! Только-что я въ обѣдъ графу передалъ пятьдесятъ тысячъ, а вечеромъ телеграмма отъ главнаго управляющаго насчетъ Кособрюхова!—Ужь и натерпѣлся же я только муки! — прибавилъ онъ, немного погодя: — когда по морю-то плылъ! Я думалъ, по морю-то плыть все одно — что по Волгѣ. Куда тебѣ!.. Думалъ, что и нутро-то все изъ меня повыскочитъ! Какъ начало́ это насъ швырять, какъ начало́... волны это, вѣтеръ, свистъ, а самого-то тебя по кораблю-то такъ изъ угла въ уголъ и перебрасываетъ! Въ кровь избился весь! Ну, думаю, Требухинъ! Пропала твоя головушка; покорыстовался на имѣніе, а какъ бы, на мѣсто того, въ пучину не угодить! Ей-богу, и не чаялъ доѣхать!.. Да чего! вотъ диковина-то!.. На берегъ-то когда вышелъ, такъ и на берегу-то, на землѣ-то все качало!.. Вотъ провалиться, не лгу; дня два ка-

чало; такъ вотъ земля изъ-подъ ногъ и уходитъ! Ужь графъ и то смѣялся: — «Чтó ты, — говоритъ, — словно пьяный ходишь!»

И потомъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ, Акимъ Саватичъ спросилъ меня:

— Посѣвецъ-то свой покончили?

— Давно.

— Такъ-съ. Раненько сѣять начали... Обождать бы надоть. Вѣдь, вы до Благовѣщенія еще отсѣялись?

— Да.

— Потороpились! Вонъ у сосѣда-то вашего, у Александра-то Александровича, пашеничку-то морозцемъ прихватило. Вѣдь, она какъ иголочка лѣзетъ, много ли ей надо! А чтó въ прошломъ году овесецъ-то у васъ плоховато зародился?

— Да, незавидно.

— Землю съ осени не подготовили. — Зато продали хорошо; дороже всѣхъ...

— Да, я хорошо продалъ...

— Николаю Иванычу? — подхватилъ Требухинъ. — А знаете-ли, овесъ-то вашъ до сей поры еще на плацформѣ въ куляхъ валяется! И чтó только дѣлаютъ съ нами эти желѣзныя дороги, такъ это просто бѣды... сколько хлѣба погноили!..

— Все знаетъ! — подумалъ я.

— А чтó, не слыхали? — спросилъ онъ, обратясь къ Верхолетову: — Ласточкинъ все пораспродалъ послѣ покойной-то?

— Платье все продалъ. Хоронить не на что было.

— Не зналъ я, — проговорилъ Требухинъ. — Больше всего мнѣ шубку бархатную съ куньимъ воротникомъ жалко!.. Эхъ, и хороша только шубка была! Безпре-

мѣнно дочкѣ своей купилъ бы, пускай бы щеголяла. И только вишь за четвертной билетъ пошла?

— Да, отвѣтилъ Верхолетовъ.

— Жалко; двѣсти рублей было заплачено!..

Немного погодя, я возвращался уже домой. Дорога шла степью. Далеко и необозримо разстилалась эта степь, сливаясь съ горизонтомъ, вся уставленная прошлогодними стогами сѣна. Нѣкоторые изъ стоговъ приплюснулись, нѣкоторые покосились. Видно, что урожай травы былъ громадный и что убирали ее кое-какъ, лишь бы убрать поскорѣй. День былъ превосходный; по чистому, голубому небу только кое-гдѣ носились прозрачныя бѣлыя облачка, да и тѣ какъ-то быстро таяли и исчезали въ лучахъ солнца. Звенѣли жаворонки, кружились ястреба; плавно и величаво парили они въ воздухѣ, а, завидѣвъ добычу, мгновенно останавливались, трепетали крыльями и, козырнувъ на землю, схватывали добычу и улетали съ нею прочь. Со всѣхъ сторонъ раздавался рѣзкій, обрывистый свистъ сурковъ. Они суетились, перебѣгали, кувыркаясь, отъ одной норы къ другой, ныряли въ норы, выскакивали изъ нихъ и, взбѣжавъ на курганъ, садились на заднія лапы, скрещивали на толстомъ животѣ переднія лапки и, оглядывая кругомъ степь, отчеканивали свой посвистъ.

— Эко сурковъ-то сколько! — проговорилъ кучеръ.

— Да, много.

— Ишь вѣдь, ишь вѣдь какъ торопится! — продолжалъ онъ, поглядывая на этихъ грызуновъ.— Ужь такіе-то прокураты!..

— А что?

— Ужь больно шельмоваты. Насмотрѣлся я на

нихъ достаточно, когда у барина, у Вихорева въ кучерахъ былъ. У него два сурка подъ кухней жило — такъ не повѣрите ли, житья, бывало, отъ нихъ не было. Ничѣмъ не запрешься отъ нихъ, всюду пролѣзутъ; шкафы, бывало, отворяли... ей-богу! У барыни образница была, а подъ образницей-то шкафчикъ небольшой устроенъ, въ которой барыня варенье прятала — такъ отворятъ, бывало, дверки и все варенье полопаютъ. А ужь это сухари, хлѣбъ, сахаръ — лучше и на столъ не ставь, все погрызутъ, изъ рукъ, бывало, вырывали! Да, вѣдь, какъ это смѣшно смотрѣть сядетъ на заднія лапы, а передними уцѣпитъ сухарь, къ примѣру, и, словно человѣкъ, сидитъ да погрызываетъ. Все-то имъ надо, и все-то это они къ себѣ въ нору тащатъ. Разъ у меня подушку да сапогъ упёрли, а ужь платье лучше въ сундукъ прячь, а то какъ разъ въ клочки изгрызутъ. Спасибо, барыня разсердилась и приказала перевести ихъ!

— За что́ же разсердилась?

— Да и впрямь, досада возьметъ! Цвѣты барыня любила очень; вокругъ дома столько, бывало, цвѣтовъ насадятъ, что пріятно даже смотрѣть было, а заберутся эти сурки—все и погрызутъ. Да вѣдь какъ: въ одну минуту чисто сдѣлаютъ! Звѣрекъ озорной, ну, а суслики, тѣ еще хуже — тѣ, проклятые, какъ разъ безъ хлѣба оставятъ! Охъ, и бѣда только, бѣда, гдѣ эта тварь разведется!

«Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!» — слышалось гдѣ-то вдалекѣ...

Я оглянулся и увидалъ толпу *богоносцевъ*. Хоругви развѣвались въ воздухѣ, блестѣли образа̀ на солнышкѣ, и все это двигалось такъ скоро, такъ торопливо, такъ

спѣшно, что, казалось, и на лошади не догнать этихъ богоносцевъ. Ходили они изъ деревни въ деревню, изъ избы въ избу, христосовались, цѣловались, собирали яйца и пили водку.

— Въ Грачевку образа понесли! — проговорилъ кучеръ и, снявъ купленный къ празднику картузъ, началъ набожно креститься. — Житье теперь попамъ! — добавилъ онъ, немного погодя.

— А что́?

— Да какъ же! Всего домой натащàтъ—и денегъ, и яицъ, и хлѣбовъ, и пироговъ, и соли.

«Іесущимъ во гробѣхъ животъ доровавъ!» — отхватывали богоносцы, и громкіе голоса ихъ далеко разносились по широко раскинувшейся степи.

АСПИДЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ жертвователей на святое дѣло это, какъ и всегда, явился всѣми уважаемый потомственный почетный гражданинъ Архипъ Ѳомичъ Глотовъ, лично вручившій его превосходительству г. начальнику губерніи, для передачи въ кассу *«Союза»*, тысячу рублей. Дай Богъ побольше такихъ людей, имена которыхъ всѣми произносятся съ благоговѣйнымъ умиленіемъ.

(Хроника мѣстной газеты.)

Рѣка Свирида, по справедливости, славится въ нашей мѣстности какъ живописными берегами своими, такъ и привольнѣйшими мѣстами для охоты. Начиная отъ села Малиновки и до села Протасово, нагорный берегъ рѣки этой, изрытый громадными оврагами съ вывороченными деревьями и камнями, покрытый отъемными дубовыми перелѣсками, спускающимися иногда къ самому берегу рѣки, заросшему камышами и таль-

никомъ, представляетъ весьма удобную мѣстность для вывода волковъ и лисицъ; а заливные луга съ разбросаннымъ кое-гдѣ кустарникомъ, со множествомъ маленькихъ озеръ, покрытыхъ камышами, съ болотцами, кочками и осокой—служатъ любимымъ мѣстопребываніемъ всевозможной пернатой дичи. Здѣсь бываютъ, пролетомъ, вальдшнепы, бекасы и дупеля; здѣсь выводятся утки всѣхъ породъ, куропатки, перепела, коростеля и т. п. Кто не знаетъ, напримѣръ, Львовскихъ озеръ, на которыхъ можно круглое лѣто изо дня въ день стрѣлять утокъ и видѣть вмѣстѣ съ тѣмъ, что утки не только не убываютъ, но, напротивъ, прибавляются! Кто не знаетъ Харитонова займища и Полухинскихъ болотъ, этихъ притоновъ бекасовъ и дупелей, гдѣ искусный стрѣлокъ въ одно поле набиваетъ по пятидесяти, шестидесяти штукъ! А знаменитый Ивановскій лѣсъ, подъ названіемъ «*Каблы*», этотъ лѣсъ, амфитеатромъ спускающійся съ горы, съ кочкарниками, трясинами, оврагами, промывинами, — этотъ лѣсъ, убѣжище лисицъ!... А этотъ не менѣе знаменитый Крутцовскій паркъ съ его сѣрыми кровожадными волками, наводящими паническій страхъ на окружающія села и деревни и оглашающими окрестность дикимъ воемъ!.. Кто не знаетъ этихъ роскошныхъ мѣстъ, и кто изъ охотниковъ, забросивъ стаю гончихъ, не былъ свидѣтелемъ, какъ изъ лѣсовъ этихъ по разнымъ направленіямъ выносились волки и лисицы и, преслѣдуемые гончими, вылетали въ степь на поджидавшихъ ихъ борзятниковъ! Въ старое время, въ мѣста эти пріѣзжали охотники изъ Пензенской и Тамбовской губерній и другъ передъ другомъ спѣшили занять эти острова.

Но не для однихъ борзятниковъ и ружейниковъ служили приманкой мѣста эти: они славились точно также и рыбными ловлями. Извиваясь довольно широкой лентой и самыми причудливыми зигзагами, рѣка Свирида образуетъ множество затоновъ, въ которыхъ рыба держится въ изобиліи. Въ рѣкѣ этой водятся: лещи, лини, окуни, плотва, щуки, а въ низовьяхъ встрѣчаются даже судаки; послѣдніе заходятъ изъ Хопра во время полой воды, которая бываетъ иногда такъ высока, что потопляетъ близъ лежащія села и деревни. Окаймленная тогда съ обоихъ береговъ лѣсомъ съ накренившимися къ водѣ дубами и ветлами, какъ-то особенно живописно блеститъ эта рѣка зеркаломъ своихъ водъ, отражая въ нихъ все окружающее... Кругомъ тишина; только изрѣдка щука вылетитъ изъ засады и бросится въ погоню за добычей, да шлепнетъ по водѣ разыгравшійся лещъ... А сколько соловьевъ въ прилегающихъ кустахъ тальника и жимолости!

Если вамъ случалось когда-нибудь удить рыбу, если ловъ былъ удаченъ, а мѣстоположеніе, выбранное вами, живописное, то, конечно, вы согласитесь, что это одно изъ самыхъ прелестнѣйшихъ и невиннѣйшихъ развлеченій празднаго человѣка. Уйдешь себѣ до зари, разыщешь укромное мѣстечко на берегу рѣки, гдѣ-нибудь подъ тѣнью раскидистаго дерева, забросишь удочки и, предавшись сладкимъ грезамъ, слѣдишь съ трепетомъ за поплавками... То налетитъ окунь и жадно схватитъ приманку, то подойдетъ осторожный лещъ и начнетъ пытливо трогать червяка, трогаетъ, трогаетъ и, наконецъ, потащитъ ко дну... А, между тѣмъ, на востокѣ заалѣла полоска зари, брызнули первые лучи солнца, заколыхался туманъ

надъ рѣкой и хоромъ птицъ огласился ближайшій лѣсъ. Воздухъ чистый, прохладный, благоухающій цвѣтами, и дышешь—не надышешься этимъ благодатнымъ воздухомъ!..

Въ одно именно такое-то утро, забравъ нѣсколько удочекъ, отправился я на Свириду. Путемъ еще не разсвѣтало, какъ я былъ уже на мѣстѣ. Было довольно сырое сентябрьское утро, надъ рѣкой клубился туманъ, обѣщая обильную росу. Выбравъ удобное мѣстечко, я расположился подъ наклонившимся дубомъ, и ловъ былъ до того удаченъ, что я почти поминутно вытаскивалъ добычу; часамъ къ девяти, однако, ловъ прекратился, поплавки лежали неподвижно на неподвижной водѣ, и, глядя на нихъ, меня началъ клонить сонъ. Сначала я дремалъ сидя, но когда уже сонъ разобралъ меня окончательно, домой идти было лѣнь, я разостлалъ пальто и, свернувшись въ клубокъ, заснулъ. Не знаю, долго ли проспалъ бы я такимъ образомъ, еслибы чей-то голосъ и легкое поталкиваніе въ плечо не разбудили меня.

— Тащите... беретъ-съ!..

Я открылъ глаза и увидалъ возлѣ себя старичка въ поярковой шляпѣ и бѣличьемъ тулупчикѣ, крытомъ нанкой. Старичекъ тоже удилъ.

— Беретъ-съ!—повторилъ онъ и движеніемъ головы указалъ на одну изъ удочекъ.

Я схватилъ удилище и вытащилъ леща.

— Ну, вотъ-съ, поздравляю-съ!..—проговорилъ старичекъ, любуясь моей добычей, шлепавшей по песку, и тоскливо добавилъ: — а вотъ у меня такъ ничего-съ!.. Удивительное это дѣло-съ въ рыбной ловлѣ! Сколько разъ случалось, что сидишь, напримѣръ, ря-

домъ съ товарищемъ: у него беретъ, а у тебя—нѣтъ!.. помѣняешься мѣстами — и опять то же самое: товарищъ таскать не поспѣваетъ, а у тебя хоть бы клюнула! Даже досада возьметъ!

— А вы давно сидите здѣсь?

— Давненько-съ! Вы, должно быть, только-что засыпать начали, потому что, когда я подошелъ и попросилъ васъ дозволить мнѣ присѣсть рядомъ, то вы полуоткрытыми глазами взглянули на меня, сказали: «можно» и заснули.

И, приподнявъ шляпу, старикъ прибавилъ:

— Честь имѣю представиться: мѣщанинъ Савелій Касьянычъ Смагинъ. Можетъ, изволили слышать?

Савелій Касьянычъ, про котораго, дѣйствительно, я слышалъ, былъ старичекъ лѣтъ шестидесяти, худенькій, небольшаго роста, сутуловатый, съ пріятнымъ, добрымъ лицомъ, съ зачесанными на виски волосами, съ хохолкомъ, съ губами, собранными какъ-то кучкой и съ узенькими веселыми глазками; словомъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ чистенькихъ, добродушнѣйшихъ старичковъ, глядя на которыхъ, невольно вспоминаешь тѣхъ старыхъ дворецкихъ, которые когда-то часто встрѣчались въ помѣщичьихъ богатыхъ домахъ. Я такъ давно уже не видалъ этихъ типовъ отжившаго поколѣнія, что даже обрадовался, взглянувъ на Савелія Касьяныча, — словно стараго знакомаго встрѣтилъ.

— Большое удовольствіе нахожу я для себя, сударь, въ рыбной ловлѣ-съ!..—говорилъ, между тѣмъ, Савелій Касьянычъ, вынувъ тавлинку и понюхавъ табаку:— большое удовольствіе-съ!

И потомъ, поднося мнѣ тавлинку, добавилъ:

— Не употребляете ли-съ?

— Нѣтъ, благодарю.

— А табакъ очень превосходный-съ... я самъ приготовляю: смѣсь бобковаго съ березинскимъ. Въ смѣшеніи табаки эти значительно мягче становятся. Вотъ, слышалъ я,—продолжалъ онъ, поплевавъ на червяка и закидывая удочку: — бдуто реформа насчетъ табаку соображается; будто въ родѣ откуповъ намѣреваются устроить... Это будетъ тяжело для нашего брата. Не изволили слышать, сударь, правда это-съ?

— Да, говорятъ.

Савелій Касьянычъ покачалъ головой и, поправивъ свалившуюся удочку, вздохнулъ.

— Тяжкія времена подошли-съ.

— Почему?

— Какъ, почему?! Сообразите сами, какая на все дороговизна пошла... ужасно подумать!... говядина, мука... самые что ни есть необходимѣйшіе продукты— и дороги!

— Зато водка дешевая.

Савелій Касьянычъ обернулся ко мнѣ и, внимательно посмотрѣвъ на меня, спросилъ:

— А вы ее уважаете?

— Немного пью.

— Напрасно-съ, бросьте совершенно... Я бросилъ; вотъ уже лѣтъ десять, какъ не пью, и не знаю какъ Творца благодарить небеснаго за ниспосланіе мнѣ такой твердости!

И Савелій Касьянычъ, поднявъ голову и отворотивъ воротникъ шубейки, указалъ пальцемъ на обнаженную шею.

— Изволите видѣть-съ? — спросилъ онъ.

— Что такое?

— Шрамъ бѣлый на шеѣ?

— Вижу.

— Это я бритвой-съ!.. Зарѣзаться имѣлъ намѣреніе, просадилъ такъ, что даже горло попортилъ... насилу излечили-съ.

— Какая же причина была?

— Водка-съ! До бѣлой горячки дошелъ и давай рѣзаться!.. Мало того-съ, покойницу жену изъ ружья застрѣлить хотѣлъ при этомъ. Ахъ, ужасное это положеніе, доложу вамъ! Тоска, страхъ нападаетъ; мѣста нигдѣ не найдешь себѣ; мыкаешься изъ угла въ уголъ, сердце ноетъ, то туда бросишься, то сюда, ну, словомъ, такъ вотъ и тянетъ руки на себя наложить... Нѣтъ, воля ваша, а я бы эту водку совершенно запретилъ!.. Положимъ, что доходъ отъ нея большой, да Богъ съ нимъ и съ доходомъ-то съ этимъ. Отъ дохода этого вреда-то сколько!.. Если теперича сообразить этотъ вредъ, то выйдетъ наповѣрку, что весь этотъ акцизный доходъ — убытокъ одинъ... Вѣдь народъ-то совершенно спился, нравственность потерялъ. Въ старое время все какъ-то стыдились: бабы, напримѣръ, въ кабакъ весьма рѣдко ходили, а посмотрите-ка теперь! Не только бабы, но и дѣвушки и тѣ въ кабакахъ живьмя живутъ. А сколько бѣдствій отъ этой водки!.. Боже мой! конца нѣтъ этимъ бѣдствіямъ!.. И вѣшаются, и рѣжутся, и мерзнутъ... сколько здоровья разрушается, сколько несогласій семейныхъ, сколько тяжкихъ преступленій совершается!

— Кабаковъ слишкомъ много,— замѣтилъ я.

— На каждомъ шагу! — подхватилъ Савелій Касьянычъ: — на каждомъ шагу. Какъ тутъ слабому человѣку воздержаться! При откупахъ, когда, бывало,

еще до кабака-то доѣдешь, а теперь поръ руками, во всякую пору, и одуматься некогда. Денегъ нѣтъ — въ долгъ дадутъ... кушайте сколько угодно! Говорятъ, все это отъ необразованности, что мужику скучно, что ему дѣться некуда отъ скуки, и потому, изволите ли видѣть, онъ въ кабакъ идетъ; что какъ только мужикъ образуется, то и пьянствовать перестанетъ... Вздоръ это. Мало ли у насъ образованныхъ, у которыхъ и клубы, и театры, и библіотеки есть, а насчетъ водки самаго безграмотнаго перещеголяетъ! Это ядъ, самый сильный, самый злѣйшій! Ядъ-съ! И удивительное дѣло: щепотку мышьяку для отравы таракановъ, положимъ, безъ лекарскаго рецепта не отпустятъ, а этого яду хоть бочками получай... Барыша отъ этой водки никакого нѣтъ. На что хотите разложите водочный доходъ, а чтобы ее и въ поминѣ не было — пусть изъ аптекъ по рецептамъ отпускаютъ... Вотъ тогда дѣло пойдетъ по другому... Народъ будетъ благоденствовать; изъ больнаго онъ сдѣлается здоровымъ, а здоровый человѣкъ съ свѣжей, непьяной головой не чета пьяному съ отуманеннымъ разумомъ... Тогда-то вотъ видно будетъ, гдѣ былъ барышъ и гдѣ убытокъ... Вы какъ насчетъ этого, сударь?

— Это утопія.

Савелій Касьянычъ сдвинулъ брови, почесалъ лобъ и, подумавъ немного, спросилъ:

— Что же такое означаетъ это слово? Я не понимаю.

Я разъяснилъ.

— Такъ-съ, — проговорилъ Савелій Касьянычъ, какъ-бы что-то соображая, но немного погодя, добавилъ: — нѣтъ-съ, осуществить это можно... какъ не осуществить-съ!.. Утопія, утопія... Это надо запи-

сать... А какъ много иностранныхъ словъ нынѣ употребляется! — Вы можете себѣ представить: я тетрадку этакую связалъ, въ которую иностранныя слова записываю,—какъ услышу какое слово, такъ и запишу для памяти... такъ можете себѣ представить, больше пятидесяти словъ ужь записалъ-съ! Каково вамъ покажется!.. Иную книгу даже не понимаешь!

— А вы любите читать?

— Я-съ? — переспросилъ Савелій Касьянычъ не безъ нѣкоторой гордости и съ самодовольной улыбкой.— Я и читать, и писать охотникъ. Я, признаться сказать, по этому самому поводу даже проектъ написалъ...

— По какому поводу? — спросилъ я.

— А вотъ именно по поводу совершеннаго уничтоженія водки. Проектъ этотъ, основанный на фактахъ (вотъ, изволите видѣть, и еще иностранное слово), доказываетъ, сколько бѣдствій приноситъ водка. Я описываю въ немъ житье-бытье нашего села Протасова. Въ селѣ этомъ пятьсотъ душъ и пять кабаковъ. Господа заводчики, между которыми есть князья и графы, желая другъ друга подорвать, распускаютъ водку чуть не за даромъ. Народъ пьетъ напропалую... и вотъ я высчиталъ: сколько именно въ теченіе года (я только одинъ годъ описалъ), сколько въ теченіе года протасовскіе крестьяне пропили денегъ, сколько изъ нихъ опилось до смерти, сколько померзло, сколько лишилось здоровья, сколько именно было דракъ, ссоръ, пожаровъ и увѣчій. Очень любопытное дѣло вышло, интереснѣе даже метеорологическихъ наблюденій...

— Какъ же собрали вы всѣ эти свѣдѣнія?

— Очень просто! О количествѣ пропитыхъ денегъ —

въ кабакахъ; объ опившихся, замерзшихъ и заболѣвшихъ у врача и у фельдшера; объ остальныхъ же происшествіяхъ—въ волостномъ правленіи и въ камерѣ мироваго судьи. Дѣломъ этимъ занимался я аккуратно, и могу похвастать, что свѣдѣнія мои вѣрны до точности... И вотъ-съ, на основаніи этихъ-то свѣдѣній, я предлагаю...

Но Савелій Касьянычъ не докончилъ. Взглянувъ нечаянно на удочку и замѣтивъ, что поплавокъ одной изъ нихъ поплылъ въ сторону, а затѣмъ совершенно погрузился въ воду, Савелій Касьянычъ мгновенно схватилъ удилище и, осторожно потянувъ его, подвелъ къ берегу огромнаго леща.

— Черпачекъ, черпачекъ! — кричалъ онъ: — дайте черпачекъ...

Я бросился искать.

— Тамъ, въ камышахъ, возлѣ дуба!.. скорѣй, скорѣй...

Найдя черпакъ, я подалъ его Савелію Касьянычу и, немного погодя, огромный, золотистый лещъ былъ вытащенъ на берегъ. Савелій Касьянычъ торжествовалъ.

— Ура! Вотъ это такъ дѣльная штука ввалилась! — кричалъ онъ, снимая съ крючка рыбу. — Фунтовъ семь или восемь будетъ!

Я взглянулъ на Савелія Касьяныча и невольно восхитился. Что за прелестное, открытое и доброе лицо было у этого старика! Повторяю: типы эти попадаются рѣже и рѣже, но зато тѣмъ пріятнѣе отдыхаетъ глазъ на этихъ представителяхъ стараго времени. Словно ребенокъ малый, любовался онъ своей добычей, и на старческомъ, морщинистомъ лицѣ его сіяло полное довольство.

— Ну,— проговорилъ онъ наконецъ: — изъ-за такой добычи не жаль и цѣлое утро просидѣть!

И, положивъ леща въ мѣшокъ, онъ поглядѣлъ на солнышко.

— Однако, часовъ десять будетъ!.. Рыба объ эту пору беретъ плохо... не пора-ли ко дворамъ?

Мы поднялись.

Старикъ сталъ собирать удочки; снялъ съ крючковъ червячковъ, побросалъ ихъ въ воду, выбросилъ туда же и остававшихся въ банкѣ червяковъ; тщательно сложилъ удочки, связалъ ихъ въ одинъ пучекъ бичевой, заткнулъ за поясъ черпакъ и, сунувъ въ карманъ жестянку, въ которой были червяки, онъ снова приподнялъ шляпу и, щепетильно обратясь ко мнѣ, проговорилъ съ пріятнѣйшей старческой улыбкой:

— Не осмѣлюсь-ли пригласить васъ къ себѣ на чашку чая... Хуторъ мой всего версты двѣ отсюда, за этимъ лѣсочкомъ. Я бы очень былъ счастливъ, еслибы вы навѣстили мою хату.

Я съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе Савелія Касьяныча, и мы пошли по песчаной дорогѣ, извивавшейся по молодому дубовому лѣсу. День былъ восхитительный. На голубомъ небѣ ни облачка; солнце, ярко освѣщавшее окрестность, не пекло, а только согрѣвало и какъ-то особенно эффектно осыпало своими лучами молодыя, сочныя деревца, перевитыя хмѣлемъ и павиликой.

— Превосходный лѣсъ былъ здѣсь лѣтъ десять тому назадъ, — проговорилъ Савелій Касьянычъ: — дубовый, строевой... Были такіе дубы, что пятеро не обхватывало ..

— Это чья дача? — спросилъ я.

— Баронская. Баронъ лѣсъ этотъ продалъ на срубъ Архипу Ѳомичу... Вы не изволите знать Архипа Ѳомича Глотова?

— Не знаю, но слышалъ многое.

— Богатѣйшій купецъ, милліонами ворочаетъ... Очень дешево купилъ онъ лѣсъ этотъ. По сту рублей за десятину и на сорокъ лѣтъ. Въ пять лѣтъ онъ его до-чиста вырубилъ-съ; вогналъ десятину въ пятьсотъ рублей, а теперь поросль эту опять барону продалъ и взялъ съ него по тридцати рублей-съ... У этого самаго Архипа Ѳомича я участокъ купилъ.

— Какая же надобность была ему продавать?

— Надобности, конечно, не было никакой, а такъ просто, хотѣлъ мнѣ благодѣяніе сдѣлать... признаться, я сыновей его маленько грамотѣ обучалъ... Впрочемъ, что же значило для него пятьдесятъ десятинъ продать! все одно, что каплю изъ моря взять! вѣдь у меня пятьдесятъ десятинъ всего-съ... Только вотъ до сихъ поръ купчей не имѣю.

— А давно купили?

— Лѣтъ пять тому назадъ.

— Отчего же вы не совершили купчей?

— Да такъ все: нынче да завтра; а вплотную-то пристать къ Архипу Ѳомичу совѣстно какъ-то, потому я его своимъ благодѣтелемъ считаю. Развѣ другой продалъ бы! Опять и деньги онъ ждалъ за мной; я ему не вдругъ, а понемножку платилъ: когда триста, когда двѣсти рублей... И только вотъ недавно остальныя внесъ.

— У васъ большое семейство?

— Сестра старуха да племянница; а своихъ нѣтъ

никого, всѣхъ Господь прибралъ... Должно полагать, тяжело имъ было смотрѣть на жизнь мою...

— Почему?

— Я докладывалъ вамъ: пьяница горькій я былъ! А нѣшто легко близкимъ людямъ смотрѣть на это! — Вѣдь я все пропивалъ—и свое, и жениное, и дѣтское, даже чужое прихватывалъ... кралъ даже! Слава Богу, до большаго не доходилъ, а по малости воровалъ... на выпивку, значитъ. А придешь домой пьяный-то, ну, и давай жену да дѣтей колотить чѣмъ ни попало! вспомнить страшно-съ!

И Савелій Касьянычъ вздохнулъ.

— Такъ вы одни живете? — спросилъ я.

— Нѣтъ-съ, и сестра, и племянница при мнѣ. Кажись, и хлопотать бы не для кого, а не могу... Не повѣрите: съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ бросилъ водку пить, такая заботливость напала, что я даже самъ удивляюсь. Посмотрите-ка, какъ я хуторокъ обстроилъ—и все своими трудами. Домикъ выстроилъ, садикъ развелъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ мѣры четыре яблокъ набралъ, а этого крыжовнику, малины, смородины такая была пропасть, что даже на базары вывозилъ. Мельницу маленькую построилъ; хоть и не круглый годъ мелетъ, а все-таки доходишко есть; мельника-то я не нанимаю — самъ мелю, оно и ничего! Слава Богу, жить можно. Долговъ только очень много надѣлалъ... ну, да Господь не безъ милости! Пока силы есть, какъ-нибудь расплачусь съ добрыми людьми; плакаться не заставлю... А все-таки какъ вспомнишь, что всѣ труды мои для чужихъ пойдутъ, такъ даже грусть нападетъ.

— Что-жь, сестра и племянница — не чужія...

— Такъ-то, такъ, ну, а все не то.

— А племянница-то большая?

Савелій Касьянычъ даже пріосанился какъ-то.

— Нынѣшней весной въ акушерской школѣ курсъ кончила, въ Петербургѣ, медаль получила!

— Отлично.

— Дѣвочка умненькая, сударь, могу сказать, трудолюбивая!.. Недавно просваталъ.

— За кого?

— За сына священника села Протасова — Люстровъ по фамиліи, тоже весной курсъ кончилъ въ семинаріи. Ничего, молодой человѣкъ скромный, тихій и этого самаго яду въ ротъ не беретъ. Въ наше время и это великое дѣло!..

И потомъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ и пріостановившись, Савелій Касьянычъ спросилъ меня:

— А какъ вы думаете, сударь, насчетъ женщинъ?

Я попросилъ разъяснить вопросъ, но, вмѣсто разъясненія, Савелій Касьянычъ снялъ шляпу, отеръ платкомъ потъ со лба и заговорилъ съ разстановкой:

— Вотъ теперь племянница подала прошеніе объ опредѣленіи ея акушеркой въ село Протасово... я такъ полагаю, сударь, что на многихъ должностяхъ женщины были-бы несравненно полезнѣе мужчинъ. Еслибы у насъ, къ примѣру, народное образованіе или, напримѣръ, фельдшерскія должности были въ рукахъ женщинъ, дѣло-то бы шло лучше! Вы извольте взглянуть вокругъ себя. Я про свой уѣздъ говорить буду, хотя и нѣтъ основанія предполагать, чтобы и въ другихъ было иначе. Вѣдь у насъ куда какъ плохо! Вотъ ужь сколько лѣтъ введено у насъ земство, сколько лѣтъ земство расточаетъ деньги и на школы,

и на медицину — и все безъ толку! Вѣдь всѣ эти учителя да фельдшера съ кругу спились; очень рѣдко хорошій найдется! Дѣломъ не занимаются и сверхъ того такія штуки продѣлываютъ, что совѣстно за нихъ. Вотъ поэтому-то я и полагаю, что женщины были-бы полезнѣе на мѣстахъ этихъ. У женщинъ сердца больше, сударь, да и сверхъ того охотницы онѣ и учить, и лечить. Посмотрите-ка, что дѣлали въ послѣднюю войну наши сестры милосердія или какъ народъ зоветъ ихъ: милосердныя сестры! Вѣдь солдатики-то вернулись; вѣдь они говорятъ, все говорятъ-съ; вѣдь дома-то они не во фрунтѣ, сударь; послушайте-ка, что говорятъ они про фельдшеровъ и что про сестеръ милосердія! Вѣдь плакать хочется, слушая ихъ разсказы! Въ натурѣ это женской! Вы извольте посмотрѣть, много-ли, напримѣръ, изъ помѣщиковъ занимается леченіемъ народа? вѣдь никто, почитай! а барынь лекарокъ пропасть, и народъ идетъ къ нимъ охотно... Тоже вѣдь зуботычины-то да грубыя слова надоѣли народу! Точно также и учительское дѣло! Въ газетахъ нашихъ таперича все пишутъ, что сельскимъ учителямъ житье плохое — это вѣрно-съ, но дѣло въ томъ, что во всемъ этомъ самъ учитель виноватъ-съ. Господи ты Боже мой! Да что-же мужики-то, звѣри что-ли какіе! Заслужи мужичье уваженіе, тогда и въ мужикѣ сердце найдется. Видѣлъ я ихъ много, сударь, и большая часть изъ нихъ... ну, да что говорить! Ихъ самихъ-то учить надо. У насъ нѣтъ учителей... Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ!

Проговоривъ это, Савелій Касьянычъ остановился, вынулъ тавлинку, пощелкалъ по ней пальцемъ, снялъ

крышку и только было собрался понюхать табаку, какъ вдругъ изъ-за кустовъ выскочилъ огромный лохматый песъ и, ставъ посреди дороги, принялся на насъ лаять.

— А! — почти вскрикнулъ Савелій Касьянычъ: — вѣдь это Самсонова собака-то! Азоръ! Азоръ!

Услыхавъ свою кличку, Азоръ пересталъ лаять, началъ всматриваться и потомъ вдругъ, какъ-то изгибаясь и виляя хвостомъ, подскочилъ къ старику съ радостнымъ визгомъ.

— Что, аль ко мнѣ пробираешься? Аль опять хозяина-то въ арестантскую засадили? — говорилъ между тѣмъ Савелій Касьянычъ, ласково похлопывая собаку. — Вотъ песъ-то, сударь, умница! Какъ только хозяина посадятъ въ арестантскую, такъ онъ ко мнѣ на хуторъ. Ну, сказывай, гдѣ хозяинъ?

Азоръ словно понялъ. Завизжалъ, заметался и, взявъ осторожно Савелія Касьяныча за полу, повелъ въ кусты.

Я пошелъ за ними и, немного погодя, мы увидали высокаго мужчину съ длинными сѣдыми волосами и бородой, во весь ростъ вытянувшагося на травѣ, съ подложеннымъ подъ голову мѣшечкомъ. На спавшемъ была не то кацавейка въ заплатахъ, не то халатъ; ноги были обуты въ рыжіе дырявые сапоги съ оторванными подметками, а неподалеку валялись толстая дубинка съ шишкой на концѣ и плисовая, порыжѣвшая шапочка, въ какихъ обыкновенно ходятъ монахи. Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, съ суровымъ, даже злымъ лицомъ, съ орлинымъ, багровымъ носомъ и всклоченными волосами и бородой. По его лицу и синимъ, потрескавшимся губамъ можно было смѣло опредѣлить, что человѣкъ этотъ — пьяница. Онъ хра-

пѣлъ и, не смотря на то, что лучи солнца падали ему прямо на лицо, а мухи облѣпили глаза и губы, силясь проникнуть въ глубь, онъ спалъ, повидимому, съ наслажденіемъ.

— Изволите знать-съ? — спросилъ меня Савелій Касьянычъ, указывая на спавшаго.

— Нѣтъ, не знаю.

— Странно, а человѣкъ весьма знаменитый-съ и всѣмъ извѣстный. Самсонъ Ѳомичъ Глотовъ — родной братъ того самаго Архипа Ѳомича, у котораго я участочекъ купилъ. Совсѣмъ спился-съ! Вотъ и я такой же былъ-съ.

— Такъ это Самсонъ? — перебилъ я Савелія Касьяныча.

— Онъ самый-съ.

— Про него-то я слышалъ — еще бы!

— А коли слышали, слѣдовательно, и разсказывать нечего!... Вотъ до чего доводитъ этотъ ядъ! Вѣдь умный человѣкъ; невпримѣръ умнѣе брата, много читалъ, много видѣлъ... Ахъ, да я по себѣ знаю, что это такое! Это такія цѣпи-съ, которыя не скоро разорвешь!

И, нагнувшись, Савелій Касьянычъ принялся будить Самсона Ѳомича или просто Самсона, какъ звали его въ народѣ. Но какъ Савелій Касьянычъ ни тормошилъ спавшаго, какъ ни дергалъ его за руки и за ноги, какъ ни подымалъ львинообразную голову Самсона — все было тщетно. Онъ только мычалъ, безсмысленно открывалъ налитые кровью глаза, таращилъ ихъ и снова закрывалъ.

— Ничего не подѣлаешь! — проговорилъ, наконецъ, Савелій Касьянычъ разгибаясь. — Должно быть, вчера

тиснулъ черезчуръ и здѣсь ночевалъ... Пусть проспится.

— Но вѣдь здѣсь плохо; его солнце печетъ, умереть можетъ.

— Ничего-съ! — очень хладнокровно замѣтилъ Савелій Касьянычъ: — это ему не первый снѣгъ на голову; натура у него весьма крѣпкая. Проспится и навѣрное ко мнѣ пожалуетъ. Онъ ко мнѣ частенько заходитъ. Должно быть, чуетъ бывшаго-то запивоху!

Азоръ вывелъ насъ на дорогу, повизжалъ, повилялъ опять хвостомъ и снова бросился въ кусты къ хозяину.

Немного погодя, мы вышли изъ лѣса, поднялись на небольшой пригорокъ, и необозримыя поля раскинулись передъ нами.

— А вотъ и хуторъ мой! — проговорилъ Савелій Касьянычъ, указывая вправо на небольшую группу ветелъ, среди зелени которыхъ высовывались три, четыре соломенныя крыши.—Издали-то мѣстоположеніе какъ-будто и некрасивое, плоское; но внутри хуторка— ничего, недурно-съ. Много зелени, садикъ, ветлы; мельница, знаете, шумитъ колесами, утки, гуси...

— Дядя! дядя! — зазвенѣлъ вдругъ вдали чей-то женскій голосъ: — дядя! я за вами.

Мы оглянулись въ ту сторону, откуда долеталъ голосъ, и я увидалъ молодую дѣвушку, прямо полемъ бѣжавшую къ намъ навстрѣчу, а неподалеку отъ нея молодаго человѣка, шагавшаго по-журавлиному съ заложенными въ карманъ руками. Оказалось, что дѣвушка была племянница Савелія Касьяныча, а молодой человѣкъ — женихъ ея, г. Люстровъ. Варвара Ивановна — такъ звали племянницу — была дѣвушка лѣтъ

семнадцати, средняго роста, стройная, живая, съ прекрасными черными глазами, немного плутовскимъ личикомъ и пухленькими, привѣтливо улыбавшимися губками. На ней было простенькое холстинковое платье, великолѣпно обрисовывавшее ея прелестныя формы, сѣрый фартучекъ, а на головѣ бѣлый платокъ, накинутый, видимо, уже дорогой, чтобы предохранить голову отъ солнечныхъ лучей. Все въ ней было граціозно, натурально; но нельзя было того же сказать про жениха. Онъ былъ весь натянутъ, видимо рисовался и былъ положительно ничтоженъ сравнительно съ ней. Шагая по пашнѣ, онъ дѣлалъ видъ, что ему и не вѣсть какъ трудно слѣдовать за невѣстой, словно никогда и не ходилъ по пашнѣ. Между семинаристами часто встрѣчаются такіе.

— Я за вами, дядя! — повторила племянница, подбѣжавъ къ намъ, вся раскраснѣвшаяся и метнувъ на меня глазами.

— Что же женихъ-то отсталъ?

— Ну, подите вотъ! Я, — говоритъ, — не привыкъ по пашнѣ ходить! Ноги длинныя, а ходить не умѣетъ.

И весело засмѣявшись, она обратилась въ ту сторону, гдѣ спотыкался г. Люстровъ, и закричала:

— Ну, скорѣе!

— Дайте на дорогу-то выйти! Вы завели меня Богъ знаетъ куда!

— Какъ же я-то?

— Ужь я не знаю какъ вы, а я совершенно изнемогъ. И сапоги испортилъ, и панталоны запачкалъ... только вчера обновилъ!

Но дѣвушка уже не слушала и, подхвативъ подъ руку дядю, заговорила:

— Ну, дядя, къ намъ *самъ* пріѣхалъ.

— Кто это: *самъ?*

— Аспидъ! Архипъ Ѳомичъ. Изволятъ чай кушать.

— Архипъ Ѳомичъ? — переспросилъ Савелій Касьянычъ. И, погрозя пальцемъ, прибавилъ: — послушай, Вавочка, зачѣмъ ты его аспидомъ называешь?

— Это не я, дядя, его всѣ такъ зовутъ...

— А ты не называй, прошу тебя.

— Ну, хорошо, хорошо.

— Давно онъ пріѣхалъ?

— Давно. Онъ былъ въ городѣ и проѣздомъ заѣхалъ. Слышалъ новость?

— Нѣтъ, какую?

— Онъ дочь свою просваталъ, Любовь Архиповну, за князя Палкина. Черезъ три недѣли свадьба.

— А какъ же Анна-то Ивановна, гувернантка?

— Анну Ивановну разсчелъ. Вчера утромъ она ужь въ Москву уѣхала.

— Не можетъ быть!

— Право уѣхала. Кучеръ говорилъ: такъ, вишь, плакала она, что даже смотрѣть жалко было...

— Вотъ это такъ новости. Ужь и разстался съ ней!

— А посмотрите-ка, что мнѣ Архипъ Ѳомичъ подарилъ!

— Что такое?

Вавочка вынула изъ кармана маленькій шагреневый футлярчикъ, открыла крышку и показала серьги.

— Никакъ съ бриллiантами! — почти вскрикнулъ Савелій Касьянычъ.

— А вы какъ бы думали! По четыре бриллiантика въ каждой сережкѣ.

— Подарочекъ довольно цѣнный, который можетъ

намъ пригодиться! — проговорилъ г. Люстровъ, подходя къ намъ и отирая потъ съ лица. — Спасибо ему.

— Такъ былъ любезенъ со мною, дядя; даже на свадьбу звалъ.

Савелій Касьянычъ лукаво засмѣялся, видимо довольный вниманіемъ Архипа Ѳомича.

— Смотри! — проговорилъ онъ, грозя пальцемъ.— Что-то онъ очень ухаживаетъ за тобой. Ужь не влюбился ли въ тебя!..

— И правда, дядя.

— Намедни конфектъ привозилъ...

— Ну, конфекты — это вздоръ! — проговорилъ Люстровъ. — А вотъ если бы этакіе брилліантики почаще — это бы ничего, хорошо!..

— Ахъ, вы, семинаристъ, семинаристъ! — перебила его шутя Вавочка. — Ну, да ничего; вѣдь онъ у меня хорошій... его только немножко пошлифовать надо! И потомъ, снова обратясь къ Савелію Касьянычу, добавила:

— Мнѣ Архипъ Ѳомичъ даже бальное платье сшить обѣщалъ. Только пріѣзжайте, говоритъ. Вотъ какой онъ милый...

— А ты его аспидомъ называешь! Охъ, ты, моя рѣзвушка, рѣзвушка! — прибавилъ ласково Савелій Касьянычъ и, еще ласковѣе обнявъ племянницу, отрекомендовалъ мнѣ ее.

— Прошу полюбить. — проговорилъ онъ. — А вотъ и нареченный женихъ ея — Олимпій Петровичъ Люстровъ.

Олимпій Петровичъ приподнялъ шляпу, пощупалъ, въ порядкѣ ли лежатъ его волосы, и, поклонившись мнѣ, проговорилъ:

— Очень пріятно познакомиться.

Немного погодя, мы были на хуторѣ и подходили къ домику Савелія Касьяныча, неподалеку отъ котораго, подъ тѣнью раскидистыхъ ветелъ, стоялъ щегольской фаэтонъ Архипа Ѳомича, запряженный четверкою вороныхъ рысаковъ! Какая-то старушка въ темномъ ситцевомъ платьѣ, но зато въ тюлевомъ чепцѣ, съ шелковыми ленточками, встрѣтила насъ на крылечкѣ и, подойдя къ Савелію Касьянычу, проговорила торопливо:

— Ахъ, братецъ, я совсѣмъ заждалась васъ. Архипъ Ѳомичъ пріѣхалъ.

— Слышалъ, слышалъ!

— Я ихъ чайкомъ попросила; кушаютъ.

— И прекрасно! — одобрилъ Савелій Касьянычъ и потомъ, обратясь ко мнѣ, прибавилъ: — позвольте представить-съ: сестра моя, Василиса Касьяновна. Однако, пойдемте въ комнату, я познакомлю васъ съ Архипомъ Ѳомичемъ.

Познакомиться или, вѣрнѣе сказать, посмотрѣть на Архипа Ѳомича, который дѣйствительно былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ людей нашего уѣзда, мнѣ хотѣлось давно, и потому очень понятно, что я былъ доволенъ.

Потомственный почетный гражданинъ, членъ духовно-просвѣтительнаго союза и другихъ благотворительныхъ учрежденій, Архипъ Ѳомичъ Глотовъ, извѣстный въ народѣ подъ названіемъ Аспида, былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, высокій, плотный, съ важной осанкой, свѣжимъ, румянымъ лицомъ, съ рѣдкой, но длинной бородою, всегда тщательно расчесанною, и хитрыми, черными глазами. Одѣтъ онъ былъ всегда ще-

гольски: въ длинные сюртуки изъ тончайшаго англійскаго сукна цвѣта воронова крыла и всегда блестящіе сапоги съ легкимъ скрипомъ, за голенища которыхъ и заправлялъ панталоны. Архипъ Ѳомичъ имѣлъ видъ величественный, походку важную, неторопливую, голову держалъ высоко, носилъ золотое пенснэ, говорилъ съ разстановкою; выраженія отчеканивалъ и, говоря, поглаживалъ свою прекрасную бороду, какъ будто самъ вслушивался въ свою рѣчь и восхищался каждымъ сказаннымъ словомъ. Архипъ Ѳомичъ былъ *сила*, которую ничто не могло сокрушить и которая на все стоявшее ниже смотрѣла съ пренебреженіемъ, а на все высшее съ снисходительною вѣжливостію. Съ высшими властями, какъ духовными, такъ и свѣтскими, онъ былъ въ отличнѣйшихъ отношеніяхъ. Любилъ иногда кутнуть, но кутнуть прилично и на большую ногу. Когда пріѣзжалъ Архипъ Ѳомичъ въ губернскій городъ, то онъ спѣшилъ объѣхать всю аристократію, щедро жертвовалъ на разныя благотворительныя учрежденія, былъ съ дамами любезенъ, обѣдалъ непремѣнно у какого-нибудь высокопоставленнаго лица, а вечеромъ отправлялся въ театръ. Въ театрѣ онъ сидѣлъ въ первомъ ряду, во время антрактовъ уходилъ за кулисы, гдѣ всегда былъ дорогимъ гостемъ, протягивалъ палецъ антрепренеру, хвалилъ актеровъ (которыхъ за глаза называлъ комедіантами) и потомъ шелъ въ уборныя актрисъ. До актрисъ и вообще хорошенькихъ женщинъ Архипъ Ѳомичъ былъ большой охотникъ, и потому очень естественно, что какъ только появлялся онъ въ уборныхъ, такъ вслѣдъ за нимъ появлялось вино, фрукты и конфекты, и угощеніе шло великое. Послѣ спектакля, Архипъ Ѳомичъ отправ-

лялся въ зимній тропическій садъ и тамъ, въ какой-нибудь отдаленной бесѣдкѣ, окруженный толпою поклонниковъ, угощалъ всѣхъ ужиномъ, щипалъ щечки подходившихъ къ нему цыганокъ, сажалъ ихъ къ себѣ на колѣна, угощалъ шампанскимъ и покровительственно апплодировалъ игравшему оркестру. Возвращаясь домой, онъ передавалъ сосѣдямъ о всѣхъ этихъ шалостяхъ и принимался за хозяйство. Все уѣздное начальство онъ считалъ за ничто: исправника называлъ *самоваромъ*, потому что тотъ былъ толстъ; становому чуть не говорилъ на ты; а на судей смотрѣлъ какъ на крыловскихъ мосекъ. Повѣстокъ отъ нихъ никогда не принималъ, въ камеры къ нимъ не являлся, презрительно улыбался надъ состоявшимися по дѣламъ его рѣшеніями и если рѣшенія эти были не въ его пользу, переносилъ дѣло на съѣздъ, посылалъ въ присутствіе судей изъ купцовъ и выигрывалъ.

Отецъ Архипа Ѳомича, Ѳома Егорычъ происходилъ изъ крестьянъ, былъ у какого-то помѣщика бурмистромъ, нажилъ деньгу, откупился, а откупившись, принялся за торговлю. Каждую весну Ѳома Егорычъ куда-то исчезалъ, а къ началу лѣта возвращался, пригонялъ какіе-то гурты весьма незначительные, но тѣмъ не менѣе съ каждымъ годомъ все богатѣлъ и богатѣлъ. Ѳома Егорычъ имѣлъ двоихъ сыновей: Архипа Ѳомича и Самсона Ѳомича. Послѣдняго, за разгульный нравъ, отецъ не любилъ, и называлъ безпутнымъ; за то отъ старшаго, Архипа, былъ въ восторгѣ; безотлучно держалъ при себѣ, посвящалъ въ премудрости коммерціи и всегда бралъ съ собою въ ту таинственную Калифорнію, съ каждой поѣздкой въ которую Ѳома Егорычъ пріобрѣталъ все болѣе и

болѣе солидности. Грамотѣ и другимъ наукамъ дѣтей своихъ Ѳома Егорычъ обучалъ слегка. За то правила общежитія преподавались имъ со всею тщательностію. Ѳома Егорычъ училъ дѣтей, какъ держать себя съ высшими и низшими людьми (равныхъ онъ не допускалъ), показывалъ имъ генераловъ, среднихъ чиновниковъ и мелкотравчатыхъ, и разъяснялъ разницу между тѣми, другими и третьими. Архипъ Ѳомичъ, какъ болѣе сметливый, науку эту изучилъ до тонкости. Самсонъ же, напротивъ, все путалъ и сплошь да рядомъ снималъ шапку передъ тѣмъ, мимо котораго братъ его проходилъ даже съ надменной осанкой. Точно также Архипъ Ѳомичъ перещеголялъ брата и въ коммерческихъ комбинаціяхъ, и тамъ, гдѣ Самсонъ даже и не подозрѣвалъ возможности наживы, Архипъ Ѳомичъ дѣлалъ дѣло и зашибалъ деньгу. Такъ шелъ годъ за годомъ, какъ однажды, въ одну изъ обычныхъ поѣздокъ въ Калифорнію, старикъ Глотовъ внезапно умеръ на рукахъ своего любимца. Такъ какъ главнѣйшее богатство Глотова состояло въ деньгахъ и денежныхъ безъименныхъ бумагахъ, то все это богатство Архипъ Ѳомичъ прикарманилъ; простоватому же Самсону, остававшемуся дома, досталось только то, чего ужь по закону нельзя было отбить, а именно: участокъ земли десятинъ въ тысячу, да тысячъ десять деньгами. Самсонъ кричалъ, ругался, говорилъ, что братъ его ограбилъ, но дѣло однимъ крикомъ и кончилось. Братья раздѣлились; Архипъ Ѳомичъ купилъ весьма дешево большой участокъ земли, съѣздилъ затѣмъ раза три въ таинственную Калифорнію, а Самсонъ женился на бѣдной, но весьма красивой дворяночкѣ, выстроилъ себѣ барскій домъ съ ками-

нами и ваннами, развелъ садъ, устроилъ фонтаны, цвѣтники и зажилъ на славу. Такъ какъ на все это дохода съ имѣнія не доставало, то Самсонъ началъ прихватывать и вскорѣ надавалъ такое количество векселей, что если-бы кредиторы подступили къ нему всѣ разомъ, одновременно, то у бѣднаго Самсона не хватило бы и состоянія расквитаться съ ними. Архипъ Ѳомичъ все это сметилъ и, выждавъ моментъ, явился къ брату на выручку. Разъяснивъ Самсону всю безвыходность его положенія, Архипъ Ѳомичъ объявилъ ему, что единственный способъ сохранить участокъ это именно тотъ, чтобы Самсонъ надавалъ ему векселей, по которымъ имѣніе его по бумагамъ перешло бы къ нему, Архипу Ѳомичу, а въ дѣйствительности принадлежало бы Самсону. Самсонъ объявилъ сначала, что это подло, что комбинація эта разоритъ его кредиторовъ, но Архипъ Ѳомичъ убѣдилъ брата, разъяснилъ, что современемъ никто не помѣшаетъ ему удовлетворить этихъ кредиторовъ, что несравненно легче сдѣлать, имѣя состояніе, нежели не имѣя ничего, и въ концѣ концовъ Самсонъ не устоялъ. Векселя были составлены, переданы Архипу Ѳомичу, и имѣніе Самсона перешло въ его руки. Архипъ Ѳомичъ вступилъ во владѣніе и сказалъ брату: «Братъ! ты мнѣ не чужой; твоего мнѣ не надо, живи себѣ въ имѣніи и пользуйся доходомъ!» Но прошло года два, и дѣла приняли другой оборотъ. Самсонъ чѣмъ-то не угодилъ Архипу Ѳомичу, это его взорвало и, въ отомщеніе, выгнавъ брата, онъ завладѣлъ имѣніемъ.

Въ настоящее время, у Архипа Ѳомича такъ много земли, что онъ охватилъ ею какъ желѣзнымъ кольцомъ всѣ окрестныя села и деревни. Стоило только

крестьянину выпустить со двора лошадь или телку, какъ таковыя оказывались уже на землѣ Архипа Ѳомича; стоило курицѣ перелетѣть черезъ плетень, какъ она попадала на ту же землю. Приходилось крестьянамъ *ладить* съ Архипомъ Ѳомичемъ, и *ладить* съ нимъ было необходимо тѣмъ болѣе, что и въ землѣ-то, какъ въ пахатной, такъ и залежной луговой, была тоже нужда крайняя, а у Архипа Ѳомича всего этого было вдоволь. Все это и многое другое Архипъ Ѳомичъ разумѣлъ и дѣла свои велъ на славу. Никто въ околоткѣ не сдавалъ земли выгоднѣе его; никому крестьяне не платили такъ исправно, какъ ему. У Архипа Ѳомича недоимокъ почти не было. Если нѣтъ у крестьянина денегъ, онъ тащитъ его на работы, и крестьяне работаютъ. Одна какая-то деревушка вздумала-было заупрямиться, такъ потомъ не рада была: чтобы проучить непокорныхъ, Архипъ Ѳомичъ подалъ на нихъ тысячи на двѣ оплаченныхъ росписокъ, на которыхъ не было, однако, платежныхъ надписей, и въ другой разъ взыскалъ деньги. Съ тѣхъ поръ будетъ! Точно также исправно шло у Архипа Ѳомича и полевое хозяйство. У другихъ и пахали скверно, и косили изъ рукъ вонъ плохо, а у Архипа Ѳомича все это шло великолѣпно. Поля раздѣлывались словно огороды; на нивахъ не оставалось ни одного колосочка; скирды хлѣба складывались не только аккуратно, но даже щегольски; луга были не выкошены, а словно выбриты; гумно—посмотрѣть любо; сушилки, молотильные сараи, депо, въ которомъ хранились паровики, молотильныя машины, вѣялки, сортировки,—все это было выстроено аккуратно. Многочисленныя скирды хлѣба стояли словно селеніе: съ улицами, переулками и пло-

щадями, возвышались онѣ неподалеку отъ хлѣбныхъ магазиновъ и невольно привлекали на себя завистливый взглядъ прохожаго. И все это достигалось потому, что Архипъ Ѳомичъ былъ строгъ, настойчивъ, и что многочисленные прикащики его, хотя и имѣли видъ разбойниковъ или башибузуковъ, но тѣмъ не менѣе умѣли наблюсти и взыскать.

Архипъ Ѳомичъ занимался, однако, не однимъ только посѣвомъ. У него были овцы, гурты рогатаго скота, заводъ рысистыхъ лошадей и двѣ-три громадныя крупчатки. Мельницы эти были построены тоже на щегольскую руку—изъ прекраснаго сосноваго лѣса, съ рѣзными, въ русскомъ стилѣ, коньками, съ флюгерами и съ примѣненіемъ самыхъ новѣйшихъ приспособленій. Хлѣбъ ссыпался, и затѣмъ никто не видѣлъ, какъ попадалъ онъ подъ камень, какъ перемалывался, и только мукой въ мѣшкахъ онъ снова появлялся на свѣтъ Божій... Вслѣдствіе этого, Архипъ Ѳомичъ муку свою называлъ *механической* и хвастался, что *механическія муки* его извѣстны всей Россіи: Петербургу, Москвѣ, Ревелю. На мельницахъ этихъ работали сотни людей; громъ колесъ, стукъ рѣшетъ, шумъ воды и крики рабочихъ далеко разносились по окрестности. Бѣлые, покрытые мучною пылью люди суетились и бѣгали, таская кули хлѣба и мѣшки съ мукой; тамъ сваливали брусья, накатывали ихъ на станки и рѣзали ихъ на тесъ и на доски; тамъ ковали жернова острыми насѣками, и искры отъ насѣкъ были видны даже и днемъ; возлѣ громадныхъ амбаровъ стояли обозы подводъ съ хлѣбомъ; тутъ же рядомъ, подъ крытымъ навѣсомъ, бѣлѣли бунты мѣшковъ съ мукой; мѣшки эти клеймили красными клей-

мами, и на каждомъ изъ нихъ появлялось А. Ѳ. Г. Работа кипѣла повсюду, и среди всего этого хаоса, толкотни, грохота снастей, шума воды, крика и гама, какъ-будто чувствовалось присутствіе Архипа Ѳомича.

На мельницы эти мужики тащили хлѣбъ со всѣхъ сторонъ. Тащили и въ осеннюю слякость, надрывая своихъ тощихъ лошадокъ; тащили и въ зимнюю непогодь, кода вьюги и мятели, бушуя и крутя снѣгомъ, сливали въ одно и землю и небо; и въ весеннюю ростопель, купая себя и клячъ своихъ въ холодныхъ зажорахъ, тащили послѣднія зерна и ссыпали ихъ въ обширную житницу Глотова.—«Зачѣмъ везете туда? тамъ васъ обмѣряютъ и обвѣшаютъ!» кричалъ бывало пьяный Самсонъ; но дѣлать было нечего. Нужда подходила крайняя, неотложная; въ деревню раза два ужь налеталъ исправникъ *подати выколачивать;* пріѣзжали прикащики за землю недоимки *теребить;* сборщикъ *деньги растратилъ,* не губить же человѣка за мірскую службу, надо пополнить; сѣно все похарчилось, ревма ревутъ коровы и овцы—не морить же скотину... а у Архипа Ѳомича хоть и обмѣряютъ, да зато денежки сейчасъ же на руки! И мужику хоть плыть да быть на мельницѣ Глотова.

Архипъ Ѳомичъ жилъ въ томъ самомъ имѣніи, которое досталось ему отъ брата. Онъ выбралъ усадьбу эту во-первыхъ потому, что она находилась почти въ центрѣ его владѣній, а во-вторыхъ и потому, что усадьба эта представляла восхитительное мѣстоположеніе. Домъ стоялъ на горѣ, покрытой лѣсомъ, спускавшимся къ самой рѣкѣ Свиридѣ. Но лѣсъ этотъ не заслонялъ горизонта, лѣсъ былъ ниже дома; только нѣсколько десятковъ роскошныхъ дубовъ кое-гдѣ рас-

кидались по усадьбѣ, придавая ей неизъяснимую красоту. Видъ съ балкона былъ очаровательный, горизонтъ обширный. Внизу подъ горой, по заливнымъ лугамъ, блестѣла широкая лента рѣки; виднѣлись вдали горы, лѣса, нѣсколько деревень и селъ съ бѣлыми церквами. И все представлявшееся съ балкона, вся эта картина, плѣнявшая взоръ вашъ, весь этотъ ландшафтъ, почти весь принадлежалъ Архипу Ѳомичу. Неподалеку отъ усадьбы возвышалась и церковь съ своей высокой колокольней и блестящимъ шпилемъ, увѣнчаннымъ позолоченнымъ крестомъ. Церковь была обнесена оградой и кругомъ обсажена кустами сирени, черемухи и небольшими деревцами елей и тополей.

Справедливость требуетъ сказать, однако, что украшеніемъ церкви занялся уже Архипъ Ѳомичъ. Онъ отдѣлалъ ее заново; повѣсилъ громадный колоколъ, превосходившій вѣсомъ даже городской соборный; украсилъ стѣны живописью, заново вызолотилъ иконостасъ, пожертвовалъ богатую утварь и облаченіе, пріобрѣлъ частицу какихъ-то мощей съ Аѳонской Горы и даже выписалъ изъ Италіи нѣсколько картинъ духовнаго содержанія. Хотя картины эти и не отличались особенными художественными достоинствами и даже во многомъ уступали живописи мѣстнаго художника, но достаточно было того уже, что онѣ итальянской живописи.—«Изъ Италіи!» говаривалъ бывало Архипъ Ѳомичъ, съ гордостью указывая на картины. «Итальянской живописи!».

У Архипа Ѳомича было два сына и дочь. Старшему минуло двадцать лѣтъ, младшему семнадцать, а дочери шестнадцать. Сначала Архипъ Ѳомичъ воспиты-

валъ ихъ дома—первое понятіе объ азбукѣ, слогахъ и таблицѣ умноженія имъ далъ Савелій Касьянычъ, а впослѣдствіи былъ нанятъ семинаристъ, обучавшій ихъ грамотѣ и другимъ наукамъ. Но со введеніемъ всеобщей воинской повинности взгляды Архипа Ѳомича на образованіе измѣнились, и онъ немедленно отвезъ своихъ сыновей въ какое-то коммерческое училище, а для вящей безопасности, про всякій случай, купилъ за сорокъ тысячъ двѣ рекрутскія квитанціи. Дочь онъ воспитывалъ дома и, желая соединить полезное съ пріятнымъ, привезъ изъ Москвы такую красивую гувернантку, что всѣ сосѣди, какъ только увидали ее, такъ въ то же время и порѣшили, что Архипъ Ѳомичъ себѣ на умѣ и, обучая дочь, не забылъ и самого себя. Мадамъ эта принялась за обученіе Любови Архиповны (такъ звали дочь Глотова), и вскорѣ Любочка болтала по-французски, танцовала, откалывала на фортепіанахъ разныя польки и мазурки и кое-какъ разумѣла писать по-русски.

Съ пріѣздомъ гувернантки, несчастная жена Архипа Ѳомича, Акулина Саватьевна, или, какъ въ народѣ звали ее, *старая Глотиха,* слезливая, въ крюкъ согнувшаяся, чахлая старушонка, и безъ того уже загнанная, была забыта окончательно: гостямъ не показывалась, отъ семьи обѣдала особо и въ *паратныя* комнаты входить не смѣла. Всѣ обижали *старую Глотиху;* даже дочь Любовь Архиповна, которую называли *барышней,* и та не обращала на мать ни малѣйшаго вниманія; при всякомъ удобномъ случаѣ обрывала ее; насмѣхалась надъ ея простоватостью и, считая себя ученой и свѣтской, смотрѣла на старуху съ высоты своего величія. Старуху все это сначала со-

крушало, но впослѣдствіи она обтерпѣлась, ни во что не вмѣшивалась и, сидя въ своей конурѣ (гдѣ-то въ третьемъ этажѣ), увѣшанной образами и пропитанной запахомъ лампадокъ, занималась вязаніемъ чулокъ. Изъ всего этого не слѣдуетъ, однако, чтобы *барышня* Любовь Архиповна и гувернантка ея, Анна Ивановна, имѣли какое-нибудь вліяніе на волю и на образъ дѣйствій Архипа Ѳомича. Архипъ Ѳомичъ былъ хозяиномъ повсюду; дѣлалъ то, что хотѣлъ, крѣпко держа всѣхъ въ своихъ рукахъ; не позволялъ никому наступать себѣ на ногу. Даже гувернантка, съ которой Архипъ Ѳомичъ пошаливалъ, и та ходила у него по стрункѣ.

Итакъ, препятствовать нраву Архипа Ѳомича никто не смѣлъ, и только одинъ Самсонъ, совершенно спившійся и успѣвшій овдовѣть, этотъ могучій, высокій человѣкъ съ львиной головой, крытый свѣтомъ и обнесенный вѣтромъ, наводилъ на Архипа Ѳомича ужасъ и трепетъ. Стоило только показаться этому оборванцу съ своимъ огромнымъ мохнатымъ псомъ — единственнымъ наслѣдіемъ, оставшимся у Самсона, какъ вся важность Архипа Ѳомича мгновенно исчезала и онъ утекалъ отъ брата! Самсонъ, не имѣя ни крова, ни пристанища, проводилъ гдѣ ночь, гдѣ день. То онъ исчезалъ куда-то, то снова появлялся... Его встрѣчали повсюду: то въ описываемой мѣстности, то въ Кіевѣ, Воронежѣ, даже въ Москвѣ. Большую часть дня онъ проводилъ въ кабакахъ и трактирахъ; развратничалъ, дебоширилъ, а потомъ вдругъ пускался въ богомолье; ходилъ по монастырямъ и пустынямъ, становился чѣмъ-то въ родѣ монастырскаго батрака, облекался въ монашескую одежду, а немного погодя, опять все пропивалъ и являлся на родину нищъ и нагъ въ со-

провожденіи своего Азора. Оборванный, голодный, но вѣчно пьяный, переходилъ онъ изъ селенія въ селеніе и, собирая вокругъ себя толпы слушателей, разсказывалъ про видѣнныя имъ чудеса; раздавалъ собственнаго издѣлія крестики, выдавая ихъ, впрочемъ, за святыни, бывшія на мощахъ угодниковъ; продавалъ щепочки отъ гроба Господня, показывалъ *зубъ Акима и Анны*, обломокъ отъ лѣстницы, видѣнной Іаковомъ во снѣ; лечилъ отъ ломоты и лихой болѣзни, и вмѣстѣ съ тѣмъ передавалъ народу о доблестяхъ брата своего Архипа Ѳомича, извѣстнаго, конечно, всему околодку. Исторію, продѣланную съ нимъ братомъ, онъ разсказывалъ краснорѣчиво, съ какимъ-то паѳосомъ: становился на возвышенное мѣсто, снималъ шапку, закидывалъ назадъ сѣдые волосы, поднималъ руки. Народъ слушалъ и, будучи безъ того уже настроеннымъ противъ Архипа Ѳомича, возмущался и негодовалъ.

Какъ ни старался Архипъ Ѳомичъ укротить буяна, какія ни принималъ мѣры для этого, все было тщетно. Однажды онъ нанялъ даже адвоката съ тѣмъ, чтобы адвокатъ этотъ только и занимался усмиреніемъ непокорнаго; платилъ адвокату этому три тысячи рублей въ годъ, но и эта мѣра не привела къ желаемому результату. Самсона судили, таскали по судамъ, сажали въ арестантскія, но какъ только онъ выходилъ на свободу, такъ шелъ немедленно къ Савелію Касьянычу, забиралъ своего Азора (обыкновенно удалявшагося на это время къ старику) и принимался съ новой настойчивостью за старое. Нѣсколько разъ Архипъ Ѳомичъ предлагалъ даже брату приличное содержаніе, но Самсонъ и на подкупъ не пошелъ. — «Я къ нему на содержаніе не пойду! — говорилъ онъ. — Пусть со-

держитъ свою *мадамъ*, а мнѣ денегъ его не надо! Прежде, точно мы плохо жили — нищихъ водили; а теперь стали поправляться—сами начали побираться!..»

Когда Самсону надоѣдало бродить по деревнямъ, онъ шелъ въ городъ и тамъ на улицахъ и площадяхъ показывалъ разные фокусы, толокъ часы въ ступѣ, выпускалъ ленты изо рта, заставлялъ Азора играть въ шашки и т. п. Когда-же фокусы не помогали, Самсонъ, вооружась камнемъ, являлся въ какую-нибудь посудную лавку, поднималъ надъ фарфоромъ и хрусталемъ вооруженную руку, а другую протягивалъ къ купцу и говорилъ: — «Ваше степенство! Я и собака моя ничего еще не ѣли; дайте-ка мнѣ въ займы подъ вексель копѣекъ 5о!..» Посматривая на камень, купецъ торопился удовлетворить просьбу Самсона, называлъ его шутникомъ и съ особымъ почтеніемъ провожалъ его изъ лавки. Самсонъ переходилъ въ другую, продѣлывалъ что-нибудь въ родѣ того-же и къ концу все собранное пропивалъ въ трактирѣ.

Съ этими-то братьями Глотовыми (Самсономъ, спавшимъ въ лѣсу, и Архипомъ Ѳомичемъ, сидѣвшимъ у Савелія Касьяныча) довелось мнѣ встрѣтиться въ описываемый день. Однако, возвратимся къ разсказу.

Архипъ Ѳомичъ сидѣлъ, важно развалясь, на диванѣ, и, пріятно улыбнувшись при видѣ Савелія Касьяныча, сдѣлалъ ему привѣтливый жестъ рукою. Въ комнатѣ чувствовался запахъ духовъ.

— Батюшка, Архипъ Ѳомичъ! — проговорилъ между тѣмъ Савелій Касьянычъ. — Извините, ради Бога...

— Ничего, ничего, не извиняйся! — раздался мягкій, ласкающій баритонъ Архипа Ѳомича.— По правдѣ сказать, я даже и не замѣтилъ, какъ время прошло.

Но Савелій Касьянычъ не успокоился и, обратясь къ сестрѣ, принялся выговаривать ей, почему въ ту же минуту она не дала знать ему о пріѣздѣ Архипа Ѳомича.

— Куда-же я пошлю-то! — говорила старуха.

— Вотъ это прекрасно! Точно ты не знаешь, гдѣ я обыкновенно ловлю рыбу...

— Ничего я этого не знаю, братецъ. Вы, кажется, всѣ мѣста обходили; вамъ нѣтъ предѣловъ. Истинную правду докладываю вамъ, батюшка Архипъ Ѳомичъ, истинную правду: нѣтъ ему предѣловъ! И добро-бы толкъ былъ какой, только сапоги бьетъ.

Все это очень забавляло Архипа Ѳомича, между тѣмъ какъ Савелій Касьянычъ разгорячился не на шутку.

— Анъ, врешь, старая грымза! — почти вскрикнулъ онъ.

— Завсегда нѣтъ ничего.

— А леща-то видѣла?

— Не видала.

— Такъ ступай, полюбуйся, да кстати ужь изжарь его въ сметанкѣ: Архипъ Ѳомичъ покушаютъ.

— Съ удовольствіемъ поѣмъ, потому что проголодался.

Василиса Касьяновна сомнительно покачала головой, но все-таки вышла, а Савелій Касьянычъ, обратясь къ Архипу Ѳомичу, продолжалъ.

— Рѣдкостный лещъ попался, ваше степенство: фунтовъ на восемь будетъ; жирный... насилу вытащилъ, ей-богу-съ! вотъ хоть ихъ спросите...

И, указавъ на меня, Савелій Касьянычъ какъ-будто что-то вспомнилъ и ударилъ себя по лбу.

— Ахъ, я старый дуракъ! — почти вскрикнулъ онъ. — И забылъ представить вамъ. Сосѣдъ нашъ, позвольте отрекомендовать-съ.

Мы пожали другъ другу руки и познакомились.

Варвара Ивановна и господинъ Люстровъ усѣлись между тѣмъ у окна и принялись играть въ дурачки. Какъ настоящій женихъ, во всемъ угождающій своей невѣстѣ, г. Люстровъ *поддавался*, почему и оставался постоянно въ дуракахъ. Я подсѣлъ къ нимъ и отъ нечего дѣлать тоже принялся играть. Савелій Касьянычъ былъ правъ, что внутри хуторъ его несравненно красивѣе, чѣмъ издали. Прямо передъ окнами виднѣлся фруктовый садъ и небольшой амбаръ, крытый *вначесъ* соломой. Неподалеку отъ него помѣщалась небольшая мельница, какъ-будто прилѣпившаяся къ плотинѣ незначительнаго пруда. За отсутствіемъ воды въ прудѣ, мельница не работала. Нѣсколько десятковъ гусей и утокъ разгуливало по грязи пруда и, выпачкавшись въ ней, тщетно расхаживали, розыскивая воду. Все на хуторѣ было опрятно, подчищено, подметено, и по всему было видно, что хозяйскій глазъ присматривалъ за всѣмъ.

— А ты слышалъ новость? — спрашивалъ между тѣмъ Архипъ Ѳомичъ Савелія Касьяныча.

— Племянница говорила мнѣ, но не знаю...

— Вѣрно; дочь свою я просваталъ за князя Палкина.

— Такъ прикажете поздравить, ваше степенство?

— Можешь, братецъ! — важно проговорилъ Архипъ Ѳомичъ, барабаня по столу пальцами.

— Имѣю честь поздравить, очень пріятно-съ... Дай Богъ въ часъ добрый!

— Дай Богъ, дай Богъ!.. Признаться, я долго не соглашался!

— Баринъ-то, кажется, хорошій,— замѣтилъ Касьянычъ. — Одобряютъ всѣ-съ.

— Промотался, братецъ; состоянія нѣтъ никакого.

— За то у васъ, слава Богу, Господь наградилъ...

— Такъ-то, такъ! — говорилъ Архипъ Ѳомичъ, продолжая барабанить: — а все-таки я долго не соглашался. А потомъ подумалъ: кто съ молоду-то не кучивалъ, кто Богу не грѣшенъ, Царю, батюшкѣ, не виноватъ... Что дѣлать! Ну, да мы его опять бариномъ сдѣлаемъ! Все-таки князь, братецъ, и главное князь-то русскій! Палкинъ! Хоть и не изъ знатнѣйшихъ родовъ, ну, а все-таки не изъ татаръ. Гербъ имѣетъ замѣчательный: корона княжеская, порфира и рука какая-то изъ облака сѣкирой грозитъ, а внизу пѣтухъ... Ужь вотъ пѣтухъ-то и не знаю зачѣмъ.

— Знаменитому Суворову не родня-ли? — замѣтила Варвара Ивановна съ лукавой улыбкой. — Тотъ все пѣтухомъ кричалъ.

— А можетъ быть...

— Вѣроятно, такъ-съ,— подхватилъ Савелій Касьянычъ.— Вѣдь въ гербахъ разныя разности рисуютъ-съ. Вотъ у моего барина, покойника, графа, такъ у его сіятельства въ гербѣ пушка была поставлена, какъ есть на колесахъ, а изъ пушки-то не бомба летѣла, а бутылка-съ... Оказывается, что прадѣдъ покойника выпить любили, такъ имъ бутылку и помѣстили. Все это историческое значеніе имѣетъ-съ. А скоро свадьба-съ?

— Недѣли черезъ три.

— У себя въ имѣніи, или въ губерніи-съ?

— Нѣтъ, дома, въ имѣніи. Съ какой стати въ го-

родъ я поѣду! Гости-то и сюда пріѣдутъ. Начальникъ губерніи будетъ, генералъ дивизіонный — пріятель онъ мнѣ — тоже обѣщалъ съ двумя полковниками, адъютантомъ и офицерами. Музыку выписалъ. Храмъ весь въ плошкахъ будетъ — ажурное освѣщеніе; отъ дома до храма смоляныя бочки горѣть будутъ. Пѣвчіе тоже изъ губерніи архіерейскіе; самъ къ владыкѣ просить ѣздилъ; двадцать человѣкъ пѣвчихъ, на каждый голосъ по пяти человѣкъ. Вѣдь голосовъ четыре. Ты знаешь это? Дискантъ, альтъ, теноръ и басъ. Такъ вотъ и выходитъ: на каждый голосъ по пяти человѣкъ. Такъ-то дернутъ, что мое почтеніе!

— А дьяконъ будетъ-съ?

— Дьяконъ изъ Ивановки.

— Кажись, Мещеряковскій словно будетъ позвончѣе-съ...

— Нѣтъ, далеко! И добрякъ человѣкъ!

— Кто это-съ? дьяконъ-то?

— Владыка. Завтракать онъ меня пригласилъ: кулебяка была съ молоками, осетрина разварная. Разговорились про свадьбу. «Хоть-бы однимъ, — говоритъ,— глазочкомъ посмотрѣть на твою свадьбу!..» И веселое, братецъ, житье только въ этой губерніи!

— Конечно, не съ деревней сравнять...

— Какъ-то обѣдалъ я у губернатора, выпили шампанскаго, а потомъ меня и потянуло въ театръ. Пошелъ за кулисы, актрисы меня и приняли: угости да угости ихъ ужиномъ. Ну, дѣлать нечего, пригласилъ ихъ штукъ пять; комедіантовъ тоже штуки двѣ, а послѣ театра отправились въ садъ, да до шести часовъ утра тамъ и пробыли. На шестьдесятъ кувертовъ

ужинъ-то вышелъ — какъ тебѣ это понравится? — Нельзя, знакомые все, пріятели!

— Должно быть, не дешево стоило? — спросилъ Савелій Касьянычъ.

— Не знаю, не считалъ. Вѣдь это дворяне все въ записныя книжки записываютъ, а у меня этого нѣтъ. Деньги кладу я въ карманъ безъ счета, безъ счета и выдаю ихъ. На другой день, пріѣзжаетъ ко мнѣ губернаторъ: «Слышалъ, слышалъ,—говоритъ,—Архипъ Ѳомичъ, какъ вы вчера ужинать изволили!..» А ужь ему полиційместеръ доложилъ. Я послѣ говорю полиційместеру-то:—ты что-жь это сплетничаешь? — «Нельзя, — говоритъ, — Архипъ Ѳомичъ,— это наша обязанность.» Да, житье веселое; очень только барыни одолѣваютъ.

— А вы, кажется, до барынь-то охотникъ! — замѣтила снова Варвара Ивановна.

— Охотникъ, барышня, большой охотникъ-съ; только дорого обходится!

— Почему это?

— А потому-съ, барышня, что у всѣхъ у нихъ только и на умѣ одни бѣдные, убогіе, калѣки, инвалиды... Кромѣ какъ о благотворительности изъ чужаго кармана, барыньки эти, кажется, ни о чемъ и не думаютъ. — Вся жизнь ихъ посвящена только на это дѣло; даже иногда собственныхъ дѣтей забываютъ. Спектакли, лотереи, концерты — все въ пользу бѣдныхъ! такъ вотъ-съ, когда попадешь въ общество этихъ благотворительницъ, такъ и почувствуешь цѣну всему этому... Да-съ!

И потомъ, немного погодя, онъ спросилъ.

— Ну-съ... А ваша когда свадьба, барышня?

— Не знаю.

— Это зависитъ отъ обстоятельствъ! — проговорилъ басомъ г. Люстровъ и, откинувшись на спинку стула, вытянулъ ноги почти до половины комнаты. — Мы хотя и маленькіе люди, а все-таки хочется получше свадьбу съиграть...

— Вовсе не потому! — перебила его Варвара Ивановна. — А потому, что женихъ мой ждетъ мѣста.

— Какого это-съ?

— Я просилъ объ опредѣленіи меня учителемъ въ школу, — проговорилъ Люстровъ.

— Въ какую школу?

— Въ село Протасово.

— Они вмѣстѣ хотятъ трудиться, ваше степенство, — пояснилъ Савелій Касьянычъ, обращаясь къ Архипу Ѳомичу: — г. Люстровъ будетъ учителемъ въ селѣ Протасовѣ, а Вавочка, его будущая супруга, въ томъ-же селѣ акушеркой желаетъ быть. Она тоже подала прошеніе, а въ Протасовѣ кстати и вакансія открылась.

— А вы кому прошеніе-то подали?

— Въ земскую управу, — отвѣтила Варвара Ивановна. — Мнѣ обѣщали.

— Кто-съ?

— Предсѣдатель.

— Что-же ты мнѣ ничего не сказалъ объ этомъ? — спросилъ Архипъ Ѳомичъ, обращаясь къ Савелію Касьянычу. — Я бы похлопоталъ, попросилъ, и просьбу мою, конечно бы, уважили. Вѣдь по земству-то не мало должностей занимаю. Я и членъ училищнаго совѣта, и губернскій гласный, и почетный мировой судья, и членъ ревизіонной комиссіи и по конской

повинности тоже! Для меня это ничего бы не стоило!

— Утруждать васъ не посмѣлъ.

— Напрасно. Я бы съ большимъ удовольствіемъ. По правдѣ тебѣ сказать, братецъ, я хоть и членъ училищнаго совѣта, а въ душѣ противъ этой самой грамотности. Грамотный мужикъ, чего добраго, землю пахать броситъ. Боюсь я этого, и потому въ душѣ противъ. Ну, а на словахъ, конечно, я ревнитель. И денегъ на этотъ предметъ даю много, потому что нашему брату, коммерческому человѣку, нельзя не давать. Вотъ недавно начальнику губерніи на какую-то прогимназію 500 рублей далъ. Нельзя, надо давать. Тысячу рублей далъ на духовно-просвѣтительный союзъ; сто рублей въ пользу общества пособія молодымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію. Сдѣлали меня членомъ и общества, и союза. А ужь сколько переплатилъ я на этотъ красный крестъ да на крейсеровъ — и конца, края нѣтъ. Къ кому ни пріѣдешь, у каждаго либо кружка, либо книжка. Ну, и даешь.

Въ это самое время игра наша въ дурачки прекратилась. Варвара Ивановна осталась въ дурахъ и потому поспѣшила смѣшать карты.

— Что, вѣрно, не нравится! — замѣтилъ Люстровъ.

— Нѣтъ, надоѣло, — проговорила она. — Пойду къ мамѣ, помогу леща жарить.

— Вотъ это отлично! — заговорилъ Савелій Касьяновичъ. — Поторопи-ка ее въ самомъ дѣлѣ, а то она долго копается.

— И мнѣ можно идти съ вами?—спросилъ Люстровъ.

— Конечно, можно.

И она вышла изъ комнаты.

— И вы тоже рыбной ловлей занимались? — спросилъ Архипъ Ѳомичъ, обращаясь ко мнѣ съ самой пріятной улыбкой.

— Да.

— Веселое занятіе. Я тоже, когда мальчуганомъ былъ, очень любилъ эту забаву; готовъ былъ день и ночь проводить на рѣкѣ. Но покойный родитель нашъ человѣкъ былъ строгій, суровый, царство ему небесное, вѣшаться много-то не дозволялъ. Ахъ, да! — почти вскрикнулъ вдругъ Архипъ Ѳомичъ, что-то вспомнивъ и обращаясь къ Савелію Касьянычу. — Что это у тебя, братецъ, за штука тамъ, въ той комнатѣ стоитъ? Я смотрѣлъ, смотрѣлъ и разобрать не могъ... Мудреная какая-то.

— Гдѣ это? — спросилъ улыбаясь Савелій Касьянычъ, и видно было по доброму лицу его, что онъ очень хорошо знаетъ, про какую штуку говорилъ ему Архипъ Ѳомичъ, и только для виду притворялся недогадывающимся.

— Тамъ, въ той комнатѣ.

— На полу-то-съ?

— Да, на полу.

— Длинная-съ? — наслаждался Савелій Касьянычъ, протягивая допросы.

— Длинная.

Савелій Касьянычъ поправилъ волосы, взглянулъ на меня, подмигнулъ и, сдѣлавъ какую-то особенно лукавую улыбку, проговорилъ съ разстановкой:

— Это-съ... модель желѣзной дороги. Придумываю, ваше степенство, какъ бы такъ исхитриться, чтобы кладь по желѣзной дорогѣ сама себя перевозила; чтобы,

значитъ, ни дровъ, ни углей на этотъ предметъ не тратить.

— Вотъ тебѣ разъ!

— Точно такъ-съ, ваше степенство.

И Савелій Касьянычъ опять подмигнулъ мнѣ.

— Что-то мудрено, братецъ!

— Телефоны, ваше степенство, мудренѣе — и то придумали.

— Покажи, пожалуйста.

— Съ большимъ удовольствіемъ-съ. Только ужь въ ту комнату пожалуйте-съ.

Комната, въ которую мы вошли, оказалась рабочимъ кабинетомъ Савелія Касьяныча. Онъ выбралъ для этого самую большую и самую свѣтлую комнату изо всего домика. Окна, обращенныя на югъ, обильно освѣщали комнату. Тутъ былъ письменный столъ, небольшой шкафчикъ съ стекляными дверцами, сквозь которыя виднѣлось нѣсколько книгъ, — токарный станокъ, верстакъ столярный, по стѣнамъ развѣшаны портреты героевъ послѣдней войны, взятіе Плевны и взрывы турецкихъ мониторовъ; возлѣ верстака опять шкафчикъ съ столярными и токарными инструментами, а на полу, вдоль всей комнаты, отъ одной стѣны до другой, тянулась та *штука*, о которой говорилъ Архипъ Ѳомичъ и которую онъ никакъ не могъ разобрать.

Штука эта представляла миніатюрный желѣзный путь. Рельсы были сдѣланы изъ листоваго желѣза и прикрѣплялись винтиками къ миніатюрнымъ же шпаламъ. Пока мы съ Архипомъ Ѳомичемъ разсматривали этотъ путь и любовались тщательностію отдѣлки даже самыхъ незначительныхъ частей, Савелій Касья-

нычъ успѣлъ вынуть изъ шкафчика нѣчто похожее на четырехколесную открытую платформу. Поднеся ее къ намъ, онъ заговорилъ не безъ волненія:

— Вотъ это-съ желѣзный путь, а это вагонъ или, лучше сказать, платформа. Устройство пути вамъ объяснять нечего — онъ сдѣланъ точно такъ же, какъ и обыкновенныя желѣзныя дороги; замѣчу только, что путь этотъ имѣетъ подъемъ на вершокъ къ тому концу. Это сдѣлалъ я для того, чтобы испытать, можетъ ли вагонъ мой идти въ гору-съ. Теперь прошу разсмотрѣть вагонъ. Какъ видите, онъ имѣетъ двѣ платформы, изъ коихъ верхняя, посредствомъ этого механизма, состоящаго изъ зубчатыхъ колесъ и шестеренъ, поднимается. Если мы поднимемъ верхнюю платформу помощью этого ключа и положимъ на нее какую-нибудь тяжесть, то, силою давленія, тяжесть приведетъ въ движеніе колеса...

— А продѣлать эту штуку можно, братецъ? — спросилъ Архипъ Ѳомичъ, со вниманіемъ слушавшій лекцію Савелія Касьяныча.

— Очень можно-съ.

— Ну-ка.

Савелій Касьянычъ поднялъ верхнюю платформу, поставилъ вагонъ на рельсы, а на вагонъ положилъ кирпичъ.

— Теперь вагонъ стоитъ, — началъ снова Савелій Касьянычъ: — но, чтобы пустить его входъ, стоитъ только отвернуть этотъ тормазъ и вагонъ пойдетъ.

— Отверни-ка...

Савелій Касьянычъ отвернулъ тормазъ, и кирпичъ, къ общему нашему удовольствію, прокатился по всей комнатѣ.

Архипъ Ѳомичъ захлопалъ въ ладоши.

Я взглянулъ на Савелія Касьяныча и увидалъ передъ собою человѣка, глубоко вѣровавшаго въ свою идею, съ любовію возившагося съ нею и не допускающаго даже и мысли о ея неосуществимости. Съ какой-то радостной дѣтской улыбкой стоялъ передъ нами этотъ простой, добрый человѣкъ и, посматривая на насъ, ждалъ не приговора нашего, а нашей похвалы.

Минуты двѣ длилось молчаніе, наконецъ, Архипъ Ѳомичъ прервалъ его.

— И ты думаешь, — спросилъ онъ важно и подбоченясь: — что можно и клади перевозить?

— Почему же нѣтъ, ваше степенство? Вѣдь кирпичъ-то перевезъ самъ себя. Необходимо только на пути устроить въ извѣстныхъ мѣстахъ станціи для подъема опустившейся платформы. Это ничего не значитъ, вѣдь паровыя машины останавливаются же для забора воды и дровъ.

— И въ Москву можно доѣхать?

— Куда угодно-съ.

— Мудрено что-то!

— Конечно, вещь еще не разработанная, но достигнуть можно. Я читалъ гдѣ-то: когда Наполеону I-му стали говорить объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, то его величество выразили, что человѣкъ, предлагающій такую *штуку*, есть съумасшедшій. Однако, дѣло-то разъигралось. А вѣдь Наполеонъ, сами изволите знать, человѣкъ геніальный былъ — и то усомнился! Усомнился тогда, какъ по морямъ ходили уже пароходы и, слѣдовательно, примѣненіе пара, какъ двигателя, уже употреблялось.

— Ну-ка, заведи еще!

Савелій Касьянычъ исполнилъ желаніе Архипа Ѳомича, и когда кирпичъ снова проѣхалъ по комнатѣ, Глотовъ проговорилъ:

— А знаешь ли, что мнѣ въ голову пришло? Хочешь, я о твоей выдумкѣ разскажу губернатору? Онъ можетъ подвинуть твое дѣло.

— Я буду вамъ очень благодаренъ, ваше степенство! — проговорилъ Савелій Касьянычъ, и сдѣлалъ глубокій поклонъ высокому покровителю.

Въ это время вошла въ комнату Василиса Касьяновна.

— Ну, кланяться началъ. Вѣрно о самокатѣ о своемъ хлопочетъ! — проговорила она, глядя на изгибавшагося передъ Архипомъ Ѳомичемъ брата. — Будетъ вамъ, братецъ, гостей-то пустяками занимать. Попросите-ка ихъ въ залу лучше — тамъ я закуску поставила.

— Ахъ, поставили! Отлично.— Господа! покорнѣйше прошу закусить.

— А я непремѣнно губернатору передамъ.

— Премного благодаренъ буду-съ.

— Я попрошу его обратить вниманіе.

— Даже можно, ваше степенство, эту самую дорогу къ вамъ доставить-съ; пусть ихъ превосходительство сами взглянутъ...

— А это даже еще лучше будетъ.

— Мы и на дворѣ можемъ ее уставить,— говорилъ суетливо поощренный Савелій Касьянычъ: — можно даже рельсовъ прибавить. Я увѣренъ, что машина саженъ на пятьдесятъ пойдетъ.

— Вотъ и чудесно!.. Пусть самъ посмотритъ, пусть увидитъ, что и мы тоже съ своей стороны готовы поощрять искусство.

Мы перешли въ залу.

Тамъ все уже было готово. На довольно большомъ столѣ, накрытомъ бѣлой скатертью, стояла водка, двѣ-три бутылки съ наливками и нѣсколько тарелочекъ съ закусками. Тутъ были соленые груздочки, маринованные бѣлые грибки, опёнки, домашній сыръ, превосходное масло, ветчина и вяленые лещи. Оказалось, что все это изготовлено было самой Василисой Касьяновной. Насколько Савелій Касьянычъ былъ прожектеръ и хлопотунъ по хуторскому хозяйству, на столько сестра его была свѣдуща по части хозяйства домашняго. Она ходила въ лѣсъ собирать грибы и ягоды, доила коровъ, приготовляла масло и сыры. Сыръ выдѣлывала она разныхъ сортовъ: было тутъ что-то въ родѣ пармезана, что-то въ родѣ лимбургскаго, и, надо отдать справедливость, что всѣ ея приготовленія пріятно щекотали обоняніе и возбуждали аппетитъ. Наливки оказались тоже домашняго приготовленія, всѣ были розлиты по прекраснымъ бутылочкамъ и украшены надлежащими этикетами. Мы съ Архипомъ Ѳомичемъ выпили, закусили, а немного погодя, появился и знаменитый лещъ. Онъ лежалъ на огромной сковородѣ и плавалъ въ кипѣвшей сметанѣ.

— Вотъ онъ какой! — почти вскрикнулъ Савелій Касьянычъ.

Лещъ былъ поставленъ на столъ, и мы съ Архипомъ Ѳомичемъ усѣлись.

— А что же вы-то не садитесь? — спросилъ я хозяина.

— Я послѣ-съ.

— Отчего же не съ нами?

— Послѣ-съ я, послѣ, — повторилъ Савелій Касья-

нычъ и, попросивъ насъ кушать безъ церемоніи и на доброе здоровье, почтительно отошелъ отъ стола и заложилъ руки за спину. Василиса Касьяновна тоже прислуживала намъ, то подавая салфетки, то наливая въ рюмки наливку. Оказалось, что виновникомъ церемоніи этой былъ Архипъ Ѳомичъ, при которомъ хозяева не рѣшались сидѣть, и который, повидимому, былъ доволенъ этимъ почетомъ. Засунувъ салфетку за бортъ сюртука и положивъ себѣ на тарелку лучшую половину леща, онъ началъ уписывать его съ замѣчательнымъ аппетитомъ.

— А Варвара Ивановна все съ женихомъ? — спросилъ Архипъ Ѳомичъ, подливая себѣ еще сметаны.

— Пошли по саду прогуляться, батюшка, — отвѣтила Василиса Касьяновна. — Дѣло молодое, въ комнатѣ скучно.

— Славная она у васъ барышня!

— Какая ужь есть, батюшка, Архипъ Ѳомичъ. Худаго ничего за нею не замѣчаю; дѣвочка послушная, ласковая...

— Хорошая, хорошая дѣвушка.

— Балуете только вы очень ее, ваше степенство!— замѣтилъ Савелій Касьянычъ.—Даже совѣстно, право... Шутка ли, сережки какія подарили!

— Ужь не знаю какъ и благодарить васъ, — вмѣшалась Василиса Касьяновна.

— Есть о чемъ толковать! — проговорилъ Архипъ Ѳомичъ, продолжая уписывать леща. — А что, небось, скучаетъ она на хуторѣ-то?

— Нѣтъ, батюшка, незамѣтно.

— Послѣ Петербурга-то скучно...

— Ничего, батюшка, и на хуторахъ люди живутъ.

А вотъ, Богъ дастъ, замужъ выйдетъ, въ селѣ жить будетъ. Протасово село большое, торговое, купечества много. Тамъ повеселѣе будетъ.

— Все не то! — промычалъ Архипъ Ѳомичъ.

— Чего же ей еще! И за это благодарить Бога надо. Мы люди маленькіе.

— А жениха-то любитъ она? — допытывалъ Архипъ Ѳомичъ.

— Замужъ идетъ, стало-быть любитъ! — замѣтилъ Савелій Касьянычъ.

— Ну, этого не говори, братецъ. Иногда и безъ любви это дѣлается. Ну, а тебѣ-то нравится женихъ?

— Парень, кажется, хорошій, ваше степенство.

— А какъ насчетъ этихъ воззрѣній? — спросилъ Архипъ Ѳомичъ, показывая на голову.

— Воззрѣній у него нѣтъ-съ.

— Это хорошо, а то вѣдь нынче... знаешь...

— Нѣтъ-съ, насчетъ этого не видно-съ...

— Ну, а все-таки, братецъ, не такое бы житье надо было твоей племянницѣ. Какое ужь тамъ житье учительское! жить трудами придется, а трудовой-то хлѣбъ куда горекъ! Дѣвушка молодая, и платьецевъ захочется, и на лошадкахъ прокатиться, и въ городъ когда-нибудь побывать...

— Э! батюшка, Архипъ Ѳомичъ, — снова вмѣшалась Василиса Касьяновна. — При такомъ-то житьѣ она, чего добраго, и насъ, стариковъ, забудетъ.

Архипъ Ѳомичъ какъ-то выпрямился даже.

— Ну, этого не говори! — проговорилъ онъ. — Тогда и вамъ житье, глядишь, получше бы было...

И Архипъ Ѳомичъ всталъ изъ-за стола.

— Ну, спасибо, братецъ. Накормилъ досыта.

— Ужь не взыщите... чѣмъ Богъ послалъ.

— Спасибо, спасибо... по горло сытъ! Ну, старуха, —обратился онъ къ Василисѣ Касьяновнѣ: — это ты все стряпала?

— Я, батюшка, кому же у насъ стряпать-то.

— Молодецъ, ей-ей, молодецъ! у меня поваръ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ получаетъ, да и тотъ врядъ ли лучше бы изготовилъ...

— А вы, ваше степенство, Анну-то Ивановну разочли, говорятъ? — спросилъ Савелій Касьянычъ.

— Разсчелъ! кчему же она мнѣ теперь! Вѣдь она гувернанткой была, а дочь замужъ выходитъ. Теперь у нея другая наука пойдетъ.

И, подмигнувъ лѣвымъ глазомъ, Архипъ Ѳомичъ залился веселымъ смѣхомъ, а, глядя на него, засмѣялись и Савелій Касьянычъ съ Василисой Касьяновной.

— Охъ вы, шутники, шутники! — проговорила, наконецъ, послѣдняя, утирая платкомъ катившіяся слезы. — Ужь и скажутъ только!..

— Что-жь, неправда что ли?

— Правда, правда, ваше степенство... Какое ужь теперь ученье!

— Кто же домашнимъ-то хозяйствомъ у васъ заниматься будетъ? — спросила Василиса Касьяновна.

— А вотъ насчетъ этого-то я теперь и думаю, — проговорилъ Архипъ Ѳомичъ значительно.

— Вѣдь безъ экономки тоже нельзя вамъ... Домъ у васъ, какъ слѣдуетъ, пріѣздъ большой, живете роскошно. Акулина-то Савишна, пожалуй, и не справится съ этимъ дѣломъ...

Архипъ Ѳомичъ даже рукой махнулъ.

— Ну, ужь!.. ха, ха! Нашла кого! Чего она пони-

маетъ! Нешто она можетъ! Съ юродивыми, съ монашенками болтать — вотъ это по нашей части! — А тутъ дѣло совсѣмъ другое! Тутъ надо смышленую, умную. Впрочемъ, авось, найду,—добавилъ Архипъ Ѳомичъ, самодовольно поглаживая свою бороду и посматриваясь въ зеркало. — Авось найду, потому что жалованье назначилъ я большое, да и за подарками не постою, лишь бы только особа нашлась хорошая. Я хочу теперь не экономку, а домоправительницу имѣть... Чтобы была у меня хозяйкой дома.

Я взглянулъ на Архипа Ѳомича и что-то недоброе прочелъ въ его глазахъ. Брилліантовыя серьги, отставка гувернантки, конфекты, соболѣзнованіе объ участи Варвары Ивановны, старуха жена — все это какъ-то разомъ промелькнуло у меня въ головѣ, и сердце невольно сжалось.

— А я вѣдь къ тебѣ, братецъ, и по дѣлу пріѣхалъ! — говорилъ, между тѣмъ, Архипъ Ѳомичъ, обращаясь къ Савелію Касьянычу. — Намъ поговорить съ тобой надо.

— Не насчетъ ли участка?

— Да, и насчетъ участка.

— Что жь, это хорошее дѣло, ваше степенство!— затараторилъ Савелій Касьянычъ. — Вѣроятно, насчетъ совершенія купчей крѣпости... Я и самъ собирался просить васъ объ этомъ, да все недосужно было. Конечно, совершить надо. Вотъ теперь и племянница замужъ выходитъ... Хочу духовную написать на ея имя; а какъ безъ купчей-то духовную напишешь!

— Что правда, то правда, — вмѣшалась Василиса Касьяновна, убирая со стола и немилосердно стуча тарелками и ножами. — Ужь и я сколько разъ гово-

рила братцу: деньги вы за участокъ отдали, а документа нѣтъ никакого...

— Послушайте, сестрица! — перебилъ ее Савелій Касьянычъ: — сколько разъ я просилъ васъ не вмѣшиваться въ мои дѣла. Это совершенно до васъ не можетъ касаться.

— Что же я вамъ чужая, что ли? — обидѣлась старуха.

— Не чужая, а все-таки не ваше дѣло. Вотъ по части коровъ...

— Что же, вы меня въ коровницы взяли къ себѣ?

— Не въ коровницы...

— Ну, благодарю васъ, братецъ, — говорила между тѣмъ Василиса Касьяновна: — Благодарю покорно! видно, только этого и заслужила я отъ васъ.

И Василиса Касьяновна, желая скрыть навернувшіяся слезы, поспѣшно вышла изъ комнаты. Савелій Касьянычъ проводилъ глазами сестру.

— Обидѣлась! — проговорилъ онъ, махнувъ рукой. — Теперь слезы часа на два пойдутъ.

— Ну, Богъ съ ней — пускай поплачетъ! — перебилъ его Архипъ Ѳомичъ. — У бабъ слезы-то вѣдь дешевы. А вотъ давай-ка мы съ тобой потолкуемъ лучше какъ слѣдуетъ: какъ бы намъ такъ устроить, чтобы и тебѣ хорошо было, и мнѣ необидно.

Я понялъ, что я лишній, и потому, распростившись съ Савеліемъ Касьянычемъ и Архипомъ Ѳомичемъ, пошелъ домой. Но только-что успѣлъ я выйти въ сѣни, какъ услыхалъ на крылечкѣ всхлипыванія старухи. Василиса Касьяновна разливалась горючими слезами и даже не слушала утѣшеній Варвары Ивановны, старавшейся всячески успокоить мать. Тутъ же на

крылечкѣ находился и Люстровъ. Варвара Ивановна позвала меня на помощь.

— Послушайте! — заговорила она: — вы слышали разговоръ дяди съ мамой?

— Да, слышалъ.

— Помогите же мнѣ, пожалуйста, увѣрить маму, что дядя вовсе не желалъ оскорбить или огорчить ее.

Я принялся доказывать то же самое, но старуха и слушать ничего не хотѣла.

— Я не коровница ему, а сестра единоутробная! — говорила она, захлебываясь слезами. — Я ему добра желаю. Что-жь тутъ обиднаго-то, что я про купчую упомянула. Мало ли что можетъ быть! Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ! Вѣдь мнѣ жалко добра-то его. Виданное ли это дѣло! Денежки всѣ до копѣйки отданы, а купчей нѣтъ!

— Конечно, выхлопотать купчую необходимо! — замѣтилъ Люстровъ.

— Понятное дѣло! — перебила его старуха. — Это и всякій скажетъ, нетокмо что сестра родная. Вѣдь братецъ-то не мало денегъ потратилъ. Окромя, что Глотову отдалъ, сколько еще помимо издержалъ! Вѣдь здѣсь на участкѣ-то ни кола, ни двора не было... Нешто мало онъ у добрыхъ людей денегъ позанималъ. Вѣдь онъ въ долгу, какъ въ шелку... Нешто дешево стоили всѣ эти постройки? Спаси Богъ! Вѣдь Архипа-то Ѳомича всѣ знаютъ, каковъ онъ человѣкъ есть... Тоже какой часъ найдетъ на него! Ужь коли брата роднаго по міру пустилъ, такъ чужаго-то и Богъ велѣлъ!

— Ваша правда, ваша правда! — снова проговорилъ Люстровъ. — Купчую надо непремѣнно вытребовать, потому что пока у Савелія Касьяныча нѣтъ въ рукахъ

купчей, то это все равно, что у него нѣтъ ничего. Безъ купчей и духовная его никакого не будетъ имѣть значенія. Я ужь говорилъ объ этомъ съ однимъ адвокатомъ.

— Съ какимъ же адвокатомъ вы говорили объ этомъ?—спросила Варвара Ивановна, нахмуривъ брови.

— Тамъ у насъ въ Протасовѣ живетъ одинъ; очень хорошо знаетъ свое дѣло.

— Зачѣмъ же вы говорили?

— А затѣмъ, что хотѣлъ знать, можетъ ли Савелій Касьянычъ распорядиться этимъ участкомъ, и оказалось, что нѣтъ. Я объ васъ же хлопочу.

— Напрасно безпокоились.

— Ахъ, батюшки мои! Вотъ это отлично! — перебила Василиса Касьяновна. — Какъ же не безпокоиться-то ему, коли онъ женихъ твой! Вѣдь, поди, вмѣстѣ жить-то придется...

— Мнѣ дядинаго состоянія не надо. Останется что-нибудь — хорошо, а нѣтъ — я и трудами проживу.

— Ну, матушка, на трудовую-то копѣйку не больно надѣйся.

— Конечно, когда человѣкъ обезпеченъ, то непримѣръ лучше! — замѣтилъ Люстровъ.

— Люди и безъ состоянія живутъ, да съ голоду не умираютъ.

— Да досыта не наѣдаются! — перебила ее старуха.

Разговоръ этотъ видимо раздражилъ Варвару Ивановну; она надула губки, нахмурила брови и, молча усѣвшись на скамеечку, какъ-то судорожно принялась крутить концы фартука. Совершенно противоположное происходило, между тѣмъ, со старухой. Споръ ея съ дочерью видимо успокоилъ ее и заставилъ забыть на-

несенное ей огорченіе братомъ. Она пустилась въ бесѣду съ Люстровымъ.

— Нѣтъ, это ты хорошо дѣлаешь, батюшка, — говорила она. — Хорошо дѣлаешь, что заботишься о дѣлахъ своей невѣсты. Тутъ дурнаго ничего нѣтъ. Любовь любовью, а разсчетъ все-таки соблюдать не мѣшаетъ.

— Помилуйте, какъ же не соблюдать! — замѣтилъ Люстровъ. — Отъ этого любовь наша не уменьшится, если мы будемъ обезпечены. Даже, я полагаю, напротивъ...

— Вѣрно, вѣрно. Это ты дѣло говоришь. Я вѣдь вижу, что ты не вѣтрогонъ какой, а хозяйственный человѣкъ и невѣстѣ своей добра желаешь. А чувствуетъ мое сердце недоброе. И сны-то все такіе нехорошіе снятся. Намедни кто-то всю ночь въ стѣну стучалъ; такъ все: тукъ! тукъ! потомъ перестанетъ, а немного погодя опять: тукъ! тукъ! Выживаетъ, видно, кто-нибудь насъ отсюда. О-охъ! человѣкъ-то ужь больно опасный; весь околодокъ плачется на него. А отъ такого человѣка добраго ждать нечего.

И потомъ, мигнувъ Люстрову пальцемъ, приглашая нагнуться, она прошептала:

— Ступай-ка, послушай-ка тихонько, о чемъ они говорятъ тамъ. Подойди къ двери и послушай... долго что-то!

Люстровъ, въ знакъ согласія, кивнулъ головой, но не успѣлъ онъ обернуться, какъ дверь изъ залы хлопнула, въ сѣняхъ раздался скрипъ сапогъ, и на крылечкѣ показался Архипъ Ѳомичъ; Савелія Касьяныча не было. На Глотовѣ было уже щегольское драповое пальто, войлочная шляпа, а въ рукахъ трость съ пре-

красной слоновой ручкой. Лицо его было нахмурено, но тѣмъ не менѣе онъ вѣжливо приподнялъ шляпу, сдѣлалъ общій поклонъ и протянулъ Варварѣ Ивановнѣ руку.

— До свиданья, барышня, — проговорилъ онъ. — Что это вы какая серьезная... губки надули? а?

— Сердятъ меня все...

— Ай, ай, ай!.. Кто же это смѣетъ?

— Всѣ.

— Нехорошо, нехорошо. Сердитое выраженіе вамъ не къ лицу! Такія хорошенькія барышни сердиться не должны. — Ну-съ, до свиданья!

И, пожавъ Варварѣ Ивановнѣ ручку, онъ повернулся къ Василисѣ Касьяновнѣ.

— До свиданья, старуха! Спасибо за хлѣбъ за соль!

Затѣмъ, сдѣлавъ еще разъ общій поклонъ, онъ крикнулъ кучеру:

— Подавай!

Фаэтонъ подкатилъ къ крылечку. Архипъ Ѳомичъ не торопясь усѣлся, не торопясь накрылъ себѣ ноги пледомъ и, еще разъ приподнявъ шляпу, крикнулъ:

— Пошелъ!

Кучеръ хлопнулъ возжами, и лошади тронули, но едва щегольской фаэтонъ поравнялся съ небольшимъ амбаромъ, какъ изъ-за угла выскочилъ какой-то оборванный высокій мужчина съ сѣдыми растрепанными волосами, схватилъ изъ лужи горсть грязи и, размахнувшись, шлепнулъ этой грязью въ чистое, свѣтлое лицо Архипа Ѳомича.

— Пошелъ! — крикнулъ послѣдній, закрывъ лицо руками, и фаэтонъ маршъ-маршемъ покатился по дорогѣ.

— Важно! Нашла грязь свое мѣсто! — кричалъ, между тѣмъ, оборванецъ и, захохотавъ какимъ-то дикимъ голосомъ, направился къ крылечку, сопровождаемый огромной собакой.

— Что ты это надѣлалъ! Что ты надѣлалъ! — кричалъ Савелій Касьянычъ, выскочивъ на крылечко. Лицо его было растерянно, глаза блуждали, и изъ блуждающихъ глазъ этихъ лились ручьями слезы.

— Ну, что, какъ? — робко спросила Василиса Касьяновна.

Но, вмѣсто отвѣта, Савелій Касьянычъ упалъ на скамью, опустилъ голову на перила крылечка, и вопли заглушили его голосъ.

— Что? объ чемъ? Аль и ты попался? — басилъ, между тѣмъ, оборванецъ, хлопнувъ по плечу Савелія Касьяныча. — Я кое-что слышалъ ужь! А все вы виноваты! — обратился онъ къ остолбенѣвшей отъ ужаса Варварѣ Ивановнѣ. — Глазки-то у васъ больно хороши, да и губки такія, что цѣловать хочется! А вы и не знали этого? Такъ вотъ теперь знайте... Ну, да ничего, товарищъ, не тужи! — добавилъ онъ, снова подойдя къ Савелію Касьянычу. — Тамъ, на томъ свѣтѣ мы посчитаемся... Мы тамъ притянемъ его къ суду, а здѣсь не стоитъ, бросимъ... Здѣсь адвокаты дороги!

По всей вѣроятности, читатель хотя отчасти, но все-таки догадывается, чѣмъ кончилась эта исторія. Варвара Ивановна поступить въ домъ къ Архипу Ѳомичу, въ качествѣ *домоправительницы,* не пожелала. Обстоятельство это сильно раздражило Глотова и, подъ

вліяніемъ этого раздраженія, онъ въ совершеніи купчей Савелію Касьянычу отказалъ, объявивъ, что участка онъ ему не продавалъ, а только давалъ въ аренду, срокъ которой теперь окончился. Мѣста акушерки Варвара Ивановна не получила по проискамъ того же Архипа Ѳомича. Савелій Касьянычъ всего этого не перенесъ: въ тотъ же самый день, въ который случилось все описанное, онъ запилъ, поощряемый къ тому Самсономъ Ѳомичемъ, впалъ въ бѣлую горячку и, въ самый день свадьбы дочери Архипа Ѳомича, Любови Архиповны, нынѣ кн. Палкиной, перерѣзалъ себѣ бритвой горло, отчего умеръ на другой же день. Въ то самое время, когда Савелій Касьянычъ совершалъ надъ собою эту операцію, т. е. въ тотъ именно вечеръ, когда въ усадьбѣ Архипа Ѳомича происходило бракосочетаніе и вся церковь блистала плошками, Самсонъ Ѳомичъ придумалъ другую иллюминацію и поджегъ гумно Архипа Ѳомича, отчего весь хлѣбъ въ скирдахъ и амбарахъ, и всѣ машины, и строенія на гумнѣ сдѣлались жертвою пламени. Самсонъ явился послѣ того куда слѣдуетъ и самъ объявилъ о своемъ проступкѣ. Впредь до разсмотрѣнія дѣла, Самсона арестовали, а Азоръ, по старой памяти, отправился было къ Савелію Касьянычу, но, не найдя его, пріютился подъ покровительство Варвары Ивановны. Г. Люстровъ какъ-то заходилъ ко мнѣ. Это было еще при жизни Савелія Касьяныча.

— Кто бы могъ ожидать!—говорилъ онъ: —только было собрался жениться и вдругъ все измѣнилось!

— Что же именно? — спросилъ я. — Вѣдь положеніе Варвары Ивановны все то же.

— Какъ то же? — помилуйте!

— У нея и прежде ничего не было.

— Конечно, не было, но все-таки можно было надѣяться. А теперь... теперь все лопнуло!..

— Варвара Ивановна можетъ обойтись и безъ состоянія.

— Ахъ, все это не то! Надо будетъ трудиться!

— Но вѣдь вы, кажется, и готовили себя къ труду?

— Конечно, я человѣкъ бѣдный...

— Вѣдь вы любите Варвару Ивановну?

— Я ее люблю. Она очень достойная дѣвушка. Но все-таки еслибы хуторъ принадлежалъ ей, то можно было бы хуторъ продать, а на капиталъ сдѣлать какой-нибудь оборотъ. Вы посмотрите, какъ иногда на пустякахъ и даже безъ всякаго труда, люди деньги наживаютъ. Помните ли, года четыре тому назадъ, одинъ кондитеръ придумалъ продавать конфекты въ жестяныхъ коробочкахъ, годныхъ для портъ-сигаръ! Посмотрите, какая геніальная выдумка! Коробки эти наводнили не только города, но даже села и деревни, такъ что вы могли пріобрѣсти конфекты въ любой деревенской лавчонкѣ, на любомъ сельскомъ базарѣ! Всѣ бросились покупать эти конфекты, не подозрѣвая даже, что деньги платятъ они за жестянки, которымъ грошъ цѣна! Опять, возьмите, картинки эти складныя, подъ названіемъ восточный вопросъ и кѣмъ именно таковой будетъ разрѣшенъ. Помните, вы складываете картинку, и выходитъ портретъ Бисмарка! Вѣдь, въ сущности, пустяки, вздоръ, а между тѣмъ вздоръ этотъ покупался нарасхватъ.

И потомъ, вдругъ обратясь ко мнѣ, Люстровъ спросилъ:

— Вы видѣли желѣзную дорогу, которую Савелій Касьянычъ придумалъ?

— Видѣлъ.

— Какого вы мнѣнія объ ней? Можетъ она пойти?

— Вагонъ ходитъ...

— Да это что же! по комнатѣ!..

— Механизмъ можетъ быть усовершенствованъ.

— Усовершенствованъ! усовершенствованъ! На все это нужно время, нужны деньги! Нѣтъ, это все не то...

И г. Люстровъ ушелъ отъ меня совершенно разстроеннымъ.

Дня черезъ три послѣ похоронъ Савелія Касьяныча, я заходилъ на хуторъ, но ни Василисы Касьяновны, ни Варвары Ивановны не засталъ—онѣ были у обѣдни. Я вошелъ въ рабочій кабинетъ Савелія Касьяныча, и тяжелое чувство овладѣло мною. Въ кабинетѣ все было точно такъ же, ничто не было тронуто, даже вагонъ съ кирпичомъ стоялъ въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ оставался послѣ произведеннаго надъ нимъ въ глазахъ моихъ испытанія. Я подошелъ къ письменному столу; на немъ лежали двѣ тетради: одна большая, другая маленькая, въ осьмушку листа. На первой была надпись: *Проектъ повсемѣстнаго уничтоженія водки, какъ злѣйшаго бѣдствія рода человѣческаго*, а на второй: *Списокъ иностранныхъ словъ, употребляемыхъ въ русской рѣчи.* Я развернулъ тетрадку и прочелъ послѣднее записанное слово. Слово это было: *утопія!*

АРЕНДАТОРЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Когда я пріѣзжалъ на лѣто въ деревню, я очень часто ходилъ пѣшкомъ на почтовую станцію Рычи за полученіемъ корреспонденціи и газетъ. Станція эта была отъ меня верстахъ въ девяти и, выйдя изъ дома часовъ въ пять утра, часамъ къ десяти я опять уже возвращался домой. Путешествіе это совершалось, конечно, въ такомъ только случаѣ, когда благопріятствовала тому погода; во время же ненастья, я предпочиталъ просто посылать за почтой.

Дорога отъ моей усадьбы вплоть до самаго села Рычей пролегала лугами съ раскинутыми здѣсь и тамъ перелѣсками. Весьма живописная рѣка Свирида извивалась между этими перелѣсками и придавала особенную красоту ландшафту, а множество полевыхъ цвѣтовъ и раздававшееся въ кустахъ пѣніе всевозможныхъ птичекъ довершали остальное. Нечего говорить послѣ этого, что прогулка въ село Рычи, не лишенная все-таки и цѣли, была одною изъ любимѣйшихъ моихъ прогулокъ. Встанешь, бывало, часа въ четыре, напьешься чаю съ прекрасными деревенскими слив-

ками, съ хлѣбомъ и съ масломъ, вооружишься тростью, перекинешь черезъ плечо сумку для почты и отправишься въ путь, бодрый и счастливый. И дѣйствительно, было отъ чего считать себя счастливымъ. Утромъ воздухъ такъ прохладенъ, такъ благоухающъ, а окрестности такъ живописны, что, право, все это, вмѣстѣ взятое, не оставляло желать ничего бо́льшаго. Идешь, бывало, вдоль рѣки и смотришь, какъ кулички съ пискомъ перелетаютъ съ одной песчаной отмели на другую. Въ воздухѣ звенятъ жаворонки, козыряютъ чибезы, надъ рѣкой махаютъ крыльями чайки и, намѣтивъ добычу, мгновенно падаютъ внизъ, выхватываютъ рыбку и летятъ въ сторону. Хорошо! легко! Когда, на обратномъ пути, становилось жарко, я сворачивалъ къ одному изъ затоновъ рѣки, поросшему кустами жимолости, и, раздвинувъ кусты, выходилъ на песчаную отмель. Купанье здѣсь было великолѣпнѣйшее. Затонъ въ этомъ мѣстѣ изобиловалъ родниками, и потому вода была постоянно свѣжая и прохладная, а тугое, песчаное дно и большой камень, лежавшій у самой воды, придавали купанью особенное удобство. Искупаешься, бывало, и снова въ путь и мечтаешь уже объ ожидающемъ завтракѣ и, мечтая, благословляешь деревню, въ которой всего такъ много!

Село Рычи довольно большое и торговое село, и потому въ немъ пропасть кабаковъ; два, три винныхъ склада, водочный заводъ,—на которомъ, изъ хорошаго спирта, съ помощью воды, выдѣлывали какое-то рвотное, называемое *бѣлосладкой водкой,*— трактиръ, базаръ и двѣ, три ежедневныхъ лавочки. Вслѣдствіе такого развитія промышленности, избы крестьянъ села

Рычей походили на какія-то лачуги съ косматыми, растрепанными вѣтромъ крышами, а домики кабатчиковъ, заводчиковъ, складчиковъ и лавочниковъ и тому подобныхъ хищниковъ, напротивъ, представляли нѣчто похожее на городское строеніе. Всѣ домики эти были крыты желѣзомъ, имѣли красивыя фигурныя дымовыя трубы и трубы для стока воды съ крышъ, съ драконами и змѣями, тесовыя ворота и таковые же дворы; украшались узорчатыми ставнями и имѣли на себѣ, словно кокарду, обозначающую офицерскій чинъ, блестящій ярлыкъ какого-нибудь страховаго отъ огня общества. Владѣльцы домовъ этихъ ѣздили на толстыхъ лошадяхъ, запряженныхъ въ щегольскія купеческія тележки (весьма, впрочемъ, неудобныя), и, встрѣчаясь съ оборваннымъ мужикомъ, тащившимся на изморенной клячѣ, всегда кричали: «Эй ты, куда лѣзешь! аль не видишь, сворачивай!» И мужикъ соскакивалъ съ телеги, билъ по мордѣ кнутникомъ лошадь, сворачивалъ съ дороги и снималъ шапку. Здѣсь же, въ селѣ Рычахъ, кромѣ почтовой станціи, были: квартира земскаго врача (постоянно проживавшаго, впрочемъ, не въ Рычахъ, а въ уѣздномъ городѣ) и камера мироваго судьи.

Однажды, прошлаго года, проснувшись часа въ четыре утра и убѣдившись, что день былъ превосходный, я наскоро одѣлся, выпилъ стакана два, три чаю, взялъ почтовую сумку и отправился въ Рычи. День, или, вѣрнѣе сказать, утро было прелестное, на небѣ ни одного облачка, воздухъ чистый, прохладный, пропитанный запахомъ цвѣтовъ; надъ рѣкой клубился легкій туманъ и на далекое пространство обозначалъ собою зигзаги рѣки; на травѣ блестѣли мелкія капли

утренней росы, на которой можно было видѣть слѣды гусинаго стада, пробравшагося на рѣку. Изрѣдка, изъ камышей рѣки вылеталъ рѣзкій крикъ утокъ. Было немножко сыро и прохладно.

Часовъ въ семь я былъ на почтовой станціи, и смотритель уже сидѣлъ за рѣшеткой, немилосердно коптя сургучомъ. Это былъ довольно плотный, рябой мужчина, съ коротко остриженными щетинистыми волосами и жирнымъ подбородкомъ, важно лежавшимъ на воротникѣ форменнаго сюртука. Чиновнику этому, ходившему всегда въ фуражкѣ съ кокардой, весьма не нравилось, что онъ назывался не начальникомъ, а смотрителемъ станціи, тогда какъ во всѣхъ его движеніяхъ проглядывалъ совсѣмъ не смотрительскій, а именно начальническій тонъ. Ему было уже лѣтъ пятьдесятъ и такъ какъ всю жизнь свою онъ провелъ, служа по почтовому вѣдомству, то весьма естественно, что онъ такъ пропитался и сургучомъ, и своимъ вѣдомствомъ, что ничуть не сомнѣвался въ важности и серьезности своихъ обязанностей. Какъ-то одинъ шутникъ объявилъ ему однажды, что скоро не будетъ ни почтмейстеровъ, ни станціонныхъ смотрителей, потому что будто какой-то американецъ придумалъ машину, которая вполнѣ замѣнитъ этихъ чиновниковъ: смотритель такъ разобидѣлся, что, въ видѣ мести, сталъ задерживать корреспонденцію этого шутника, т. е. выдавалъ ему двумя, тремя днями позже, и простилъ ему только тогда, когда шутникъ прислалъ нѣсколько пудовъ муки и пшена. Обстоятельство это весьма утѣшило смотрителя, и, разсказывая о присланномъ подаркѣ, онъ говорилъ:

«Вотъ тебѣ и машина! Ну-ка, машина-то могла ли бы придумать такую штуку!»

Какъ только вошелъ я въ комнату, такъ въ ту же минуту изъ-за боковой двери послышался недовольный женскій голосъ.

— Петръ Иванычъ! — кричалъ этотъ голосъ.

— Что, матушка? — спросилъ смотритель.

— Прикажи, ради Господа, ставни притворить... мухи проклятыя совсѣмъ одолѣли.

Смотритель всталъ, вышелъ въ сѣни, приказалъ какому-то ямщику затворить у *барыни* ставни, и возвратясь въ контору, кивнулъ мнѣ головой.

— Ну, что, пришла почта? — спросилъ я его, подавая руку.

— Пришла-съ.

И, завернувъ мои письма и газеты въ бумагу, онъ весьма любезно подалъ мнѣ ихъ.

— А вы опять пѣшкомъ? — спросилъ онъ, пріятно улыбаясь.

— Пѣшкомъ.

— Весьма пріятная прогулка; я бы и самъ ходилъ много, да нашему брату некогда — служба не дозволяетъ-съ.

— Много дѣла? — спросилъ я.

Но смотритель, вмѣсто отвѣта, только провелъ рукой по горлу.

— Неужели такъ много?

— Какже иначе-съ! вѣдь служба наша головоломная, сложная. Будемъ говорить хоть объ этой вотъ писулькѣ, — добавилъ онъ, взявъ со стола какой-то засаленный конвертъ. — Писулькѣ этой грошъ цѣна, а я долженъ ей судьбу опредѣлить, потому что если я

ей судьбы не опредѣлю, то она можетъ совершенно въ другую сторону угодить.

— Это вѣрно.

— Какже-съ. — Со мной вотъ какой былъ случай: опущено было въ ящикъ письмо, писанное чуть-ли не на оберточной бумагѣ и запечатанное кабацкимъ сургучемъ. Смотрю надпись: милому сынку моему Васинькѣ Булатову — и только-съ! Ну, что же тутъ дѣлать? вѣдь надо, по настоящему, бросить письмо, а я этого не сдѣлалъ...

— Что-же вы сдѣлали?

— А вотъ что-съ. Вспомнилъ, что у меня лежало письмо, присланное изъ дѣйствующей арміи изъ Андріанополя съ надписью: милой моей матушкѣ Акулинѣ Ивановнѣ. Я взялъ да и направилъ письмо-то милому сынку въ Андріанополь... И что же вы думаете? вѣдь дошло-съ. Послѣ нарочно старуху, Акулину Ивановну, спрашивалъ. Такъ вотъ изволите видѣть, что значитъ судьбу-то опредѣлить. Это дѣло великое-съ. Тутъ машина ничего не можетъ сдѣлать.

Смотритель даже вздохнулъ.

Въ это время въ контору вошелъ поджарый сѣденькій старичокъ въ коротенькомъ гороховомъ пиджакѣ, въ клѣтчатыхъ коротенькихъ панталончикахъ, въ поношенномъ гимназическомъ кепи и съ большущимъ дождевымъ зонтикомъ подъ мышкой (ни дать, ни взять Шумскій въ роли Счастливцева). Войдя въ контору, онъ снялъ кепи, кивнулъ головой смотрителю и съ какимъ-то изнеможеніемъ опустился на скамейку.

— Ивану Яковлевичу мое нижайшее почтеніе! — проговорилъ смотритель.

— Здравствуйте! — отвѣтилъ старичокъ, отирая потъ со лба.

— А вамъ письмецо есть...

— Изъ Москвы?

— Да-съ, изъ Москвы.

— Отъ сына? — какъ-то робко спросилъ старичокъ.

— Почеркъ ихній-съ.

Старикъ вздохнулъ,

— Что-же я буду дѣлать! что я могу сдѣлать! — съ какимъ-то даже отчаяніемъ произнесъ онъ, обводя глазами комнату. — Я знаю, о чемъ пишетъ сынъ... Знаю, что онъ денегъ проситъ... Знаю, что деньги ему необходимы... мальчикъ въ университетѣ... а гдѣ я возьму денегъ? Я вотъ весь тутъ; дома только постель осталась!

Старикъ дрожащими руками распечаталъ поданное смотрителемъ письмо, прочелъ его и потомъ, тщательно сложивъ, опустилъ въ боковой карма́нъ пиджака.

— Ну, что? — спросилъ смотритель.

— Денегъ проситъ. Если не пришлете денегъ,— пишетъ,— я долженъ буду оставить университетъ.

Старикъ повѣсилъ голову.

— Что-же Уховертовъ-то? — спросилъ смотритель.

— Что Уховертовъ! живетъ себѣ! Вотъ опять пришелъ съ нимъ судиться...

— Такъ вы къ мировому?

— Да, къ мировому. Сегодня разборъ назначенъ, повѣстку получилъ.

— Вѣдь ужь вы судились съ нимъ?

— Я съ нимъ сужусь каждый годъ по два раза! — какимъ-то глухимъ, убитымъ голосомъ проговорилъ старикъ, и слезы навернулись на глазахъ его.

— И что-же-съ?

— Каждый разъ выигрываю, каждый разъ присуждаютъ взыскать съ Уховертова арендную плату, каждый разъ получаю исполнительные листы съ печатями — все какъ слѣдуетъ...

— Такъ что-же вы не представляете ихъ къ исполненію? Передайте ихъ приставу, чего-же смотрѣть на Уховертова!

— Я каждый разъ и представляю приставу листы.

— Ну, что-же?

— Нечего взыскать.

— Какъ нечего! помилуйте! — почти вскрикнулъ смотритель. — Да мало-ли у него добра на хуторѣ. И лошади, и овцы, и коровы... Сколько движимости разной: мебели, посуды...

— Вѣдь это все — мое! — прошепталъ старичокъ.

— Какъ ваше?

— Очень просто, все мое. Вѣдь вамъ извѣстно какъ было дѣло...

— Знаю я, что вы отдали ему участокъ свой въ аренду, а больше мнѣ ничего неизвѣстно, — проговорилъ смотритель.

— Я сдалъ Уховертову и участокъ, и все, что на немъ находится. Вы бывали у меня на хуторѣ, сами видѣли, у меня всего было вдоволь... Было пять лошадей, шесть коровъ дойныхъ, 200 овецъ шленскихъ, все необходимое строеніе. И мебель была, и посуда, словомъ все, все въ исправности, всего было вдоволь, даже цвѣтовъ было много — помните, всѣ окна были заставлены цвѣтами? Покамѣстъ сынъ мой, Володя, учился въ гимназіи, я самъ хозяйничалъ на своемъ

участкѣ... жилъ хорошо... Вы не разъ бывали у меня въ гостяхъ, сами знаете...

— Какъ не знать! — подхватилъ смотритель.— Разъ такъ угостили, что я цѣлую ночь въ оврагѣ ночевалъ, а лошадь одна домой пришла!

— А теперь мнѣ самому ѣсть нечего! Конечно, кабы знать да вѣдать, такъ я бы ни за что не сдалъ участокъ въ аренду. Но, вѣдь, поймите, я хотѣлъ сдѣлать лучше! Когда Володя кончилъ курсъ въ гимназіи и надо было ему отправляться въ университетъ, я побоялся отпустить его одного. Въ гимназіи, въ своемъ губернскомъ городѣ, все какъ будто дома, близко. Я самъ ѣздилъ къ нему, а вѣдь Москва далеко... Словомъ, побоялся я, какъ бы мальчикъ мой не испортился. Вотъ я, посовѣтовавшись съ Володей, и сдалъ свой участочекъ Уховертову со всѣмъ, что въ немъ было: съ мебелью, посудой, скотомъ, строеніемъ; словомъ, все сдалъ, взялъ только съ собою платье да постель... Земли у меня двѣсти десятинъ, сдалъ я ее по пяти рублей, на шесть лѣтъ .. Думаю, буду получать по тысячѣ рублей — и довольно намъ съ Володей! будемъ жить безбѣдно! Володя былъ тоже радъ-радехонекъ, что со мной не нужно разставаться ему. Заключилъ я съ Уховертовымъ контрактъ, выставили какъ слѣдуетъ цѣну, сроки платежей, неустойки на случай несвоевременнаго платежа аренды, и контрактъ этотъ засвидѣтельствовали у нотаріуса. Взялъ я съ Уховертова пять сотъ рублей согласно контракта, да было своихъ деньжонокъ рублей пятьсотъ, и покатили мы въ Москву. Съ того времени прошло три года, и вотъ ужь пятый срокъ, какъ Уховертовъ не платитъ аренды.

Проговоривъ это, старичокъ засуетился, поспѣшно разстегнулъ свой гороховый пиджакъ, вынулъ изъ боковаго кармана довольно толстый конвертъ, наполненный бумагами, подошелъ къ столу и, разложивъ на немъ рядомъ десять исполнительныхъ листовъ съ надлежащими подписями и печатями, проговорилъ:

— Вотъ взгляните: здѣсь предъ вами десять исполнительныхъ листовъ. По этимъ пяти листамъ мнѣ слѣдуетъ получить съ Уховертова 2500 рублей аренды, а по этимъ пяти такую-же сумму неустойки за несвоевременный платежъ этой аренды.

Я посмотрѣлъ на листы, и дѣйствительно убѣдился въ сказанномъ.

— Каждый изъ этихъ листовъ,— снова началъ старикъ: — былъ представленъ мною судебному приставу; судебный приставъ ѣздилъ на хуторъ, описывалъ моихъ же овецъ, моихъ же лошадей и коровъ, мою же мебель и строенія... А такъ какъ смѣшно было бы допустить продажу собственнаго моего имущества на удовлетвореніе моей же претензіи, то, конечно, я заявилъ, что все описанное принадлежитъ мнѣ. Тогда приставъ требовалъ указать имущество Уховертова, а у него нѣтъ ничего!

— А кабаки-то! — подхватилъ смотритель. — Вѣдь онъ здѣсь по всей округѣ успѣлъ захватить кабаки...

— Кабаки оказались не его, а женины.

— Такъ вы бы отказали ему отъ аренды! — замѣтилъ я, не на шутку заинтересовавшись разсказомъ.— Просили бы судъ, за неплатежъ аренды, считать контрактъ нарушеннымъ.

Старикъ опять тяжело вздохнулъ.

— Ужь я просилъ-съ! — проговорилъ онъ: — и дѣло это разбиралось въ окружномъ судѣ...

— Ну, что же?

— Отказали, судъ нашелъ, что уничтожить контрактъ невозможно.

— Почему?

— А потому, что обстоятельство это не оговорено и не предусмотрѣно договоромъ. Въ контрактѣ несвоевременный платежъ аренды наказуется лишь неустойкой.

И, немного погодя, онъ прибавилъ:

— Теперь хочу судиться съ нимъ за овецъ.

— А что такое? — спросилъ смотритель.

— Онъ полтораста штукъ моихъ овецъ продалъ по три рубля, такъ хочу хоть эти деньги взыскать съ него...

И, проговоривъ это, онъ собралъ со стола листы, бережно положилъ ихъ въ конвертъ, опустилъ все это въ карманъ и тщательно застегнулъ пиджакъ.

— Платишь, платишь пошлины-то! — замѣтилъ онъ.

— Ну-съ. А сынокъ-то вашъ хорошо учится? — спросилъ смотритель.

Старикъ опять вздохнулъ.

— Если бы я зналъ, что ученье его пойдетъ такъ хорошо, то не зачѣмъ было бы и въ Москву переѣзжать. Теперь мой Володя на третьемъ курсѣ; ведетъ себя примѣрно, трудится...

— А сами-то вы гдѣ живете, все въ Москвѣ? — спросилъ я.

— Съ чѣмъ же мнѣ въ Москвѣ жить! — замѣтилъ онъ. — Нѣтъ, я на первый же годъ уѣхалъ оттуда...

— Служите гдѣ-нибудь?

Старикъ взглянулъ на меня и, погладивъ рукою впалую грудь, отвѣтилъ:

— Да-съ, служу конторщикомъ въ экономіи генерала Цетиньева, и получаю 10 рублей въ мѣсяцъ. Эти деньги я отсылаю сыну, а больше мнѣ взять не откуда.

Немного погодя, старикъ ушелъ, но исторія его до того заинтересовала меня, что я рѣшился идти въ камеру судьи и послушать, чѣмъ кончится его дѣло объ овцахъ.

Камера мироваго судьи, помѣщавшаяся въ томъ же домѣ, въ которомъ жилъ судья, находилась неподалеку отъ базарной площади села Рычей. Судья былъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ,—добрый, веселый старичокъ, съ улыбающимся розовымъ личикомъ, кругленькимъ животикомъ, пухленькими руками и большой охотникъ до картъ. Человѣкъ онъ былъ прекрасный, но законникъ весьма плохой, и потому до смерти не любилъ, когда въ камеру его являлись какіе-нибудь губернскіе адвокаты и надоѣдали ему своими рѣчами. «И чортъ ихъ знаетъ,— говорилъ онъ,— чего болтаютъ! То, что можно въ нѣсколькихъ словахъ сказать, начнутъ размазывать цѣлый часъ. Примутся выставлять рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ, а рѣшеній этихъ столько накопилось, что въ нихъ чортъ ногу переломитъ!» Мѣстныхъ адвокатовъ онъ не боялся, во-первыхъ потому, что они сами, въ свою очередь, ничего не знали, а во-вторыхъ и потому, что въ камеру являлись постоянно въ лоскъ пьяными, что давало ему возможность просто-напросто выгонять ихъ вонъ. Зато, съ мужиками разговорамъ не было конца, и судья любилъ даже пощеголять передъ ними

своими познаніями. Мужики какъ-то долго не могли отличить права владѣнія отъ права собственности и, какъ имъ ни разъясняли разницу, они все-таки ничего не могли понять. Но рычевскій судья объяснилъ имъ дѣло въ нѣсколько минутъ.

— Ты женатъ? — спросилъ онъ мужика.

— Женатъ.

— Ну, вотъ ты и пользуешься своею женой, но ни продать, ни заложить не можешь. Понялъ теперь?

Мужики расхохотались и поняли разницу.

Звали судью этого Василіемъ Николаичемъ. Василій Николаичъ формалистики никакой не соблюдалъ, иногда даже забывалъ надѣвать знакъ; въ жаркіе дни являлся въ камеру въ парусинномъ пальто и безъ галстука, а въ холодное время въ какомъ-то архалучкѣ на бѣличьемъ мѣху. Придя въ камеру и усѣвшись за столъ, онъ начиналъ потирать руками, улыбался самой добрѣйшей улыбкой и, поглядывая на собравшихся, подшучивалъ: «Что, голубчики, попались!» — Что дѣлать, Василій Миколаичъ, — отвѣчалъ кто-нибудь изъ *сѣрой* публики. — Отъ сумы, да отъ тюрьмы,— говорятъ, — не отказывайся! «Такъ, такъ! ну, да ничего, всѣхъ разберемъ! Не бойся, судъ будетъ правый, скорый и равный для всѣхъ!» — говорилъ Василій Николаичъ и потомъ, надѣвъ на себя знакъ (если только не забывалъ этого), прибавлялъ: «Ну-ка, Господи благослови, въ часъ добрый, какъ-бы рюху не надѣлать какого!» И затѣмъ принимался за разборъ дѣлъ. Несмотря, однако, на то, что Василій Николаичъ былъ плохой законникъ, дѣла онъ разбиралъ такъ удачно, что всѣ были имъ довольны. Популярностію онъ пользовался громадной, а любовью всеобщею и

потому выбирали его постоянно бѣлыми шарами, и какъ ни отказывался онъ отъ этой должности, а все-таки, въ концѣ-концовъ, его упрашивали и онъ снова принимался за судейство. Мужики лѣзли къ нему во всякое время дня и ночи, заставали его за картами и требовали непремѣнно къ себѣ. Василій Николаичъ сердился, кричалъ, но все-таки выходилъ къ мужикамъ, принимался ихъ ругать на чемъ свѣтъ стоитъ, топалъ ногами, а затѣмъ смирялся и давалъ требуемые совѣты. На сколько не любилъ онъ губернскихъ адвокатовъ, настолько-же не терпѣлъ и прокурорскаго надзора. «Охъ, ужь эти мнѣ прокуроры! — говорилъ онъ: — такъ и норовятъ загрызть человѣка, даже словно радуются, когда удастся имъ сдѣлать это!»

Будучи несвѣдущъ въ законахъ, Василій Николаичъ нанялъ себѣ въ письмоводители законника, котораго и прозвалъ Ѳемидой. Ѳемидѣ этой онъ, впрочемъ, воли не давалъ, и даже держалъ ее въ черномъ тѣлѣ; на совѣты ея не полагался и, только убѣдившись, что указанные Ѳемидой законы дѣйствительно существуютъ, а не вымышлены, и что всѣ они подходятъ къ дѣлу, онъ основывалъ на нихъ свое рѣшеніе. Такъ какъ Василій Николаичъ не называлъ иначе своего письмоводителя, какъ Ѳемидой, то и весь околодокъ называлъ его точно такъ же, какъ будто у человѣка этого не было ни имени, ни отчества, ни фамиліи.

Ѳемида эта происходила изъ старыхъ чиновниковъ, была когда-то уѣзднымъ стряпчимъ, имѣла жену и дѣтей, но холера, освободивъ его отъ этой обузы, оставила Ѳемиду совершенно одинокой. Пристроившись къ Василію Николаичу за двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, Ѳемида считала себя совершенно счастливою,

взятокъ не брала, ходила каждый праздникъ къ обѣднѣ и хрипленькимъ баскомъ подпѣвала дьячкамъ. Василія Николаича Ѳемида боялась не на шутку, и потому, когда случалось ей напиваться, то она немедленно удалялась въ *пустыню* (какъ она сама выражалась) и являлась только тогда передъ ясныя очи Василія Николаича, когда совершенно отрезвлялась. Василій Николаичъ, при видѣ появившейся Ѳемиды, шумѣлъ, кричалъ, топалъ ногами, грозилъ прогнать ее со двора, какъ паршивую собаку, но когда Ѳемида падала на колѣни и со слезами на глазахъ раскаявалась въ своемъ проступкѣ, праведный судья умилостивлялся. Ѳемидѣ, дѣйствительно, было бы плохо безъ Василія Николаича, но справедливость требуетъ сказать, что и Василію Николаичу было бы не медовое житье безъ Ѳемиды. Обѣ эти личности словно были созданы другъ для друга и какъ бы служили пополненіемъ недостающаго въ томъ или другомъ. Василій Николаичъ олицетворялъ собою честность и прямодушіе, а Ѳемида — познаніе законовъ и трудъ. Дѣйствительно, Ѳемида была труженица замѣчательная, и пока Василій Николаичъ благодушествовалъ, ѣздилъ по гостямъ или козырялъ съ пріятелями, Ѳемида, не разгибая спины, сидѣла въ канцеляріи и молча скрипѣла перомъ. Она вела всѣ книги, составляла подробныя рѣшенія и приговоры, отчеты и вѣдомости, и писала тысячи повѣстокъ.

Часовъ въ 11 утра, я былъ уже въ камерѣ, куда пришелъ со мной и смотритель станціи, собственно съ тою цѣлью, чтобы избавиться хоть на время отъ докучливыхъ жалобъ супруги своей на мухъ и духоту. Ѳемида была уже на своемъ мѣстѣ, и пока Василій

Николаевичъ допрашивалъ какихъ-то свидѣтелей (не по дѣлу Ивана Яковлевича, а по какому-то другому), она, въ три погибели согнувшись надъ столомъ, записывала эти показанія. Мы съ смотрителемъ сѣли рядомъ, а онъ указалъ мнѣ на сидѣвшаго неподалеку Уховертова. Это былъ мужчина лѣтъ тридцати пяти, толстый, жирный, съ бѣгающими, волчьими глазами, плутовскимъ видомъ и до того краснымъ, словно пылавшимъ лицомъ, что, казалось, еслибы плеснуть на лицо это водой, то вода бы зашипѣла. Онъ сидѣлъ облокотясь на колѣна и наполнялъ всю комнату хрипѣніемъ; онъ хрипѣлъ словно запаленая лошадь, и видно было по всему, что происходило это отъ ожиренія печени. На Уховертовѣ была поддевка изъ тонкаго сукна, плисовые шаровары, заправленные за голенища щегольскихъ сапоговъ, и въ лѣвомъ ухѣ сережка. Остриженъ онъ былъ въ скобку и имѣлъ небольшіе усы и рѣдкую, точно выщипанную бородку, изъ-подъ волосъ которой такъ и лоснился жирный подбородокъ. Неподалеку отъ него помѣщался и Иванъ Яковлевичъ.

Минутъ черезъ десять, разбиравшееся дѣло было покончено.

— А! Петръ Иванычъ! — почти вскрикнулъ судья, замѣтивъ сидѣвшаго рядомъ со мной смотрителя станціи. — Какими судьбами! судиться что ли пришли?

— Нѣтъ-съ, Василій Николаевичъ, — отвѣтилъ смотритель. — Я только такъ посмотрѣть пришелъ.

— Вотъ-тѣ разъ! Да что тутъ, на канатахъ что ли пляшутъ!

— Ну, послушать! — поправился смотритель.

— Еще бы! поди-ка соловьи поютъ! — проговорилъ Василій Николаевичъ, и взявъ слѣдующее дѣло, прочелъ:

«Дѣло о взысканіи коллежскимъ регистраторомъ Иваномъ Яковлевичемъ Морковкинымъ съ мѣщанина Уховертова за проданныхъ овецъ 450 рублей. Охъ, ужь мнѣ эти дѣла ваши! Вотъ они гдѣ сидятъ у меня! — проговорилъ судья и, показавъ на спину, пригласилъ къ столу Морковкина и Уховертова. Послѣдній всталъ и захрипѣлъ еще громче. — Ну, что? вы все еще не покончили, все судитесь?

— Нѣтъ, г. судья, не покончили! — проговорилъ Иванъ Яковлевичъ, разведя руками.

— Все не платитъ? — спросилъ судья, махнувъ головой по направленію къ Уховертову.

— Не платитъ ни копѣйки.

— Вы что же это не платите, а?

— Нечѣмъ, Василій Николаевичъ, я бы радъ радостью! — прохрипѣлъ Уховертовъ. — Кабы было чѣмъ платить, нешто я довелъ бы себя до этого, чтобы васъ этими самыми пустяками безпокоить? — Судебный приставъ сколько разъ пріѣзжали ко мнѣ и сами теперича убѣдились, что взять съ меня нечего-съ. Какъ есть разорился-съ... не знаю, что и дѣлать!

— Смотрите, по міру не пришлось бы идти!

— Чего добраго, Василій Николаевичъ, коли ѣсть нечего, такъ и по міру пойдешь.

— Оно въ тарантасѣ-то да на тройкѣ не больно тяжело будетъ! — замѣтилъ судья.

Раздался хохотъ.

— А вотъ я возьму, да и велю приставу сейчасъ же описать и лошадей и тарантасъ, такъ тогда и не на чѣмъ будетъ по міру-то ѣздить!

— Да вѣдь это все не мое, Василій Николаевичъ,— прохрипѣлъ Уховертовъ. — Все какъ есть г. Морков-

кина-съ. И тарантасъ и лошади, все ихнее-съ... Моего тутъ ничего нѣтъ-съ.

— Какъ же быть-то! Вѣдь платить-то надо!

— Конечно, надо, Василій Николаевичъ. Нешто я противъ этого говорю что-нибудь... Будемъ хлопотать, будемъ стараться-съ.

— У васъ кабаки есть! — перебилъ его судья. — Я знаю, что у васъ кабаковъ штукъ съ десять есть... всю округу спаиваете!

— Да вѣдь не мои они, Василій Николаевичъ... Вогъ вамъ истинный Богъ, не мои, а моей супруги.

— А посѣвы-то! тоже женины? Кажется, вы посѣвами занимаетесь!

— Я-съ? — словно удивился Уховертовъ и посмотрѣлъ на всѣхъ.

— Ну, да, вы.

— Нисколько у меня даже посѣву нѣтъ-съ, — отвѣтилъ Уховертовъ обиженнымъ тономъ. — Вы, кажется, сами изволили разбирать это дѣло и сами нашли, что весь посѣвъ принадлежитъ не мнѣ, а свояку моему, Рожнову-съ. Дѣло это, какъ вамъ извѣстно, даже до синода доходило (Уховертовъ сенатъ называлъ синодомъ) и синодъ тоже нашелъ, что вымогательство Ивана Яковлевича совершенно неосновательное.

— Еще бы! — воскликнулъ Василій Николаевичъ, и, перемѣнивъ тонъ, проговорилъ: — ну, да дѣло не въ томъ. Теперь Иванъ Яковлевичъ обратился съ просьбой о взысканіи съ васъ 450 рублей за самовольно проданныхъ вами принадлежащихъ ему овецъ. Вы продали?

— Продалъ-съ, точно-съ. Полтораста головъ, ка-

жется, — прохрипѣлъ Уховертовъ и потомъ, обратясь къ Ивану Яковлевичу, спросилъ: — такъ, кажется? Вы вѣдь считали-съ?

— Да, такъ, полтораста.

— Полтораста, вѣрно-съ! — подтвердилъ Уховертовъ.

— А почемъ вы ихъ продали?

— По три рубля-съ.

— Стало быть, всѣхъ денегъ вы получили за овецъ 450 рублей?

— Точно такъ-съ.

— По какому же праву вы продали чужихъ овецъ?

— По контракту-съ: помилуйте-съ, овца старая была-съ, не ждать же мнѣ, чтобы вся она поколѣла-съ, я вѣдь я, по контракту, обязанъ сдать овецъ въ томъ количествѣ, въ какомъ получилъ-съ. Какая же была бы въ этомъ польза, еслибы овцы поколѣли? я бы тогда, пожалуй, въ убыткахъ былъ бы и, пожалуй, контрактъ бы нарушилъ.

— Вы его и такъ нарушили! — вспылилъ Василій Николаевичъ.

— Чѣмъ-съ? — спросилъ Уховертовъ.

— Тѣмъ, что денегъ не платите.

— Помилуйте, Василій Николаевичъ, какое же это нарушеніе? За самую за эту мою неаккуратность-съ я вѣдь плачу неустойку. Вѣдь неустойки-то 2,500 рублей накопилось, вѣдь это не бездѣлица-съ. И окружный судъ уже самое рѣшилъ, что нарушенія контракта никакого нѣтъ-съ.

Василій Николаевичъ началъ сердиться.

— Не платите аренды, а теперь еще овецъ продавать начали! — уже крикнулъ онъ.

Но Уховертовъ тѣмъ же хрипучимъ голосомъ продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Я ужь вамъ докладывалъ-съ, что продажу эту я сдѣлалъ въ силу контракта-съ. У насъ въ контрактѣ прямо сказано-съ, что, по истеченіи шестилѣтняго аренднаго срока, я, Уховертовъ, обязанъ сдать вотъ имъ-съ, Ивану Яковлевичу-съ, какъ участокъ земли, такъ равно и все строеніе-съ, все движимое имущество и имѣющійся скотъ по пріемной описи, и что овецъ должно быть столько же, сколько было мною принято, а именно 200 штукъ той же самой породы и того же самаго возраста. По истеченіи шести лѣтъ, все это будетъ исполнено, а пока я могу распоряжаться какъ мнѣ угодно и какъ законы повелѣваютъ... Вѣдь мнѣ еще три года держать. Мнѣ это будетъ обидно, если теперича мнѣ запретятъ распоряжаться, какъ я хочу...

— А ему-то не обидно? — еще громче закричалъ судья.

— Вы этакъ меня совершенно разорить можете-съ.

— А его-то ты не разоряешь? — кричалъ уже Василій Николаевичъ, ударяя по столу кулакомъ.—Его не разоряешь? Въ его домѣ живешь, на его стульяхъ сидишь, въ его тарантасахъ ѣздишь, съ участка пользуешься доходами и за все это ни гроша не платишь! Ты посмотри-ка на себя и на него... Вѣдь ты врозь лѣзешь, лопнешь скоро, а онъ-то, взгляни...

И, взглянувъ на разливавшагося слезно Ивана Яковлевича, Василій Николаевичъ расходился еще пуще.

— Да нѣтъ, будетъ! — горячился онъ: — будетъ тебя по головкѣ-то гладить, не все коту масляница будетъ... Я съ тебя взыщу за овецъ деньги, а не заплатишь, такъ въ острогъ тебя, какъ несостоятель-

наго должника... тогда небось и изъ жениныхъ кабаковъ деньжонокъ прихватишь!

— А малыя дѣти-то какъ останутся? — спросилъ Уховертовъ.

Но Василій Николаевичъ не слушалъ его и, обратясь къ письмоводителю, крикнулъ:

— Эй, ты, Ѳемида! Какъ бы это взыскать-то?

Ѳемида, все это время рывшаяся въ законахъ, встала съ своего мѣста, подошла къ судейскому столу, и, разложивъ передъ Василіемъ Николаевичемъ какую-то книгу, указала молча на статьи закона.

— Ну, что же, можно что ли?

— Никакъ нельзя-съ! — глухо проговорила Ѳемида.

— Какъ нельзя?

— Да такъ-съ, нельзя да и все тутъ!

— Врешь ты все!

— Что же мнѣ врать-то! — обидѣлась Ѳемида.

— Да нельзя ли какъ-нибудь?

— Вѣдь и я радъ бы радостью, да коли нельзя...

— Ну, пожалуйста, ну, я прошу тебя...

— Ахъ, Василій Николаевичъ, не просите, Бога ради. Я бы вѣдь и самъ съ большимъ удовольствіемъ взыскалъ, да если нельзя.

— Почему это?

— А потому что изъ заключеннаго ими договора ясно истекаетъ, что Уховертовъ имѣлъ полное право продать овецъ, потому что не могутъ же принятыя имъ овцы во все время аренды пребывать въ однихъ и тѣхъ же лѣтахъ, не говоря уже о томъ, что овцы все-таки даютъ приплодъ. Старыхъ онъ продалъ, а молодыхъ оставилъ. Договоръ такой, а вы сами знаете,

что договоры должны быть исполняемы по точному оныхъ разуму, не взирая ни на какихъ лицъ.

— Это точно-съ! — подхватилъ Уховертовъ.

— Молчать! — крикнулъ на него Василій Николаевичъ и, опершись головой на руку, принялся читать законы. Читалъ онъ долго и съ большимъ вниманіемъ; наконецъ, сложивъ книгу и взглянувъ на едва стоявшаго Ивана Яковлевича, проговорилъ съ участіемъ:

— Что, братъ Иванъ Яковлевичъ! Вѣдь дѣло-то плохо.

— Плохо? — спросилъ старикъ.

— Вѣдь взыскать-то нельзя... И въ острогъ тоже посадить нельзя!

И онъ взглянулъ вопросительно на Ивана Яковлевича.

— Что же теперь я буду дѣлать? — прошепталъ тотъ со вздохомъ.

— Ужь я, братецъ, и ума не приложу. Видно, пропадешь, какъ вошь въ табакѣ!

— Я ужь и такъ пропалъ! — подхватилъ Иванъ Яковлевичъ. — Сегодня опять отъ сына письмо получилъ... денегъ проситъ. Если не пришлете, говоритъ, придется университетъ покидать.

— Плохо дѣло! плохо, плохо! — заговорилъ судья и, вынувъ изъ кармана портъ-моне, отсчиталъ десять рублей. На-ка вотъ, это отъ меня сыну твоему,—проговорилъ онъ: — отошли ему... Или нѣтъ, постой, я подписочку устрою, можетъ, еще кто-нибудь пожертвуетъ.

И, взявъ листъ бумаги, онъ написалъ на немъ свой вкладъ.

— Господа! — проговорилъ онъ затѣмъ. — Вы слы-

шали, въ чемъ дѣло, не желаетъ ли кто помочь молодому человѣку?

Первымъ желающимъ явилась Ѳемида. Она вынула изъ кошелька, сколько мнѣ показалось, послѣднюю пятирублевую ассигнацію и, положивъ ее на столъ, написала на листѣ: отъ Ѳемиды пять рублей.

— Ну, а ты, подпишешь что-ли? — спросилъ судья Уховертова.

— Съ большущимъ удовольствіемъ-съ. Почему не подписать-съ.

— А сколько?

— Сколько могу, Василій Николаичъ!

— А сколько ты можешь; гривенникъ что-ли?

— Зачѣмъ же, Василій Николаичъ!

— Сколько же?

— Рублевочку подпишу-съ.

— Не мало?

— Довольно-съ.

Но, подумавъ немного, Уховертовъ проговорилъ:

— Ну, извольте-съ, даю трешницу-съ... На сахаръ было взялъ, признаться, да видно дѣлать нечего!

— Пиши.

Уховертовъ подошелъ къ столу, засучилъ правый рукавъ поддевки и, взявъ отъ Василія Николаича перо, подмахнулъ три рубля. Затѣмъ онъ отошелъ въ уголъ, заворотилъ фалду поддевки и, вынувъ изъ штановъ что-то завернутое въ синюю сахарную бумагу, поспѣшно выдернулъ трешницу, которую и положилъ на столъ. Продѣлавъ все это, Уховертовъ такъ вспотѣлъ, что потъ катился съ него ручьями. Затѣмъ, Василій Николаевичъ передалъ подписной листъ публикѣ, и такъ какъ таковой было довольно много, и въ числѣ

ея находилось два, три управляющихъ, то подписка, сверхъ всякаго ожиданія, достигла шестидесяти рублей съ чѣмъ-то. Василій Николаевичъ былъ въ восторгѣ.

— Ну, вотъ на тебѣ! — говорилъ онъ Ивану Яковлевичу. — Перешли сегодня же эти деньги сыну.

И затѣмъ онъ написалъ рѣшеніе, которымъ опредѣлилъ: коллежскому регистратору Ивану Яковлеву Морковкину въ искѣ съ мѣщанина Уховертова 450 рублей за проданныхъ овецъ отказать.

— А ты все-таки перенеси дѣло на съѣздъ! — прибавилъ онъ, обращаясь къ Ивану Яковлевичу. — Чортъ знаетъ, вѣдь ошибиться, братецъ, нетрудно... все лучше, какъ перенесешь!

Но Иванъ Яковлевичъ врядъ ли слышалъ слова эти. Онъ сидѣлъ уже на стулѣ и, закрывъ лицо руками, рыдалъ какъ ребенокъ. Уховертовъ долго смотрѣлъ на него; наконецъ, покачавъ головой, проговорилъ своимъ хрипучимъ голосомъ:

— Иванъ Яковлевичъ! да объ чемъ же вы такъ сокрушаетесь? Вѣдь это оченно даже для меня обидно-съ! Неужто-же вы полагаете, что я съ вами не расплачусь честно и аккуратно? Это даже очень непріятно-съ, что вы меня за такого считаете-съ! Кажется, слава Богу, на мнѣ этой самой морали не было-съ! Будемъ стараться, будемъ хлопотать-съ, и все какъ есть сполна уплатимъ-съ!

— Послушайте, — проговорилъ Иванъ Яковлевичъ, обращаясь къ Уховертову. — Вы мнѣ хоть тарантасъ да лошадей отдайте, я бы это продалъ и, глядишь, выручилъ бы рублей 400. Денегъ этихъ моему Володѣ надолго бы хватило.

Уховертовъ задумался.

— Иванъ Яковлевичъ! — проговорилъ онъ, немного погодя. — Вѣдь это обидно будетъ-съ. По контракту, всѣмъ этимъ я долженъ пользоваться, а на мѣсто того ничего этого не будетъ-съ. Вѣдь я человѣкъ тяжелый-съ, одышкой страдаю-съ. Хрипота со мною, сами слышите, какая... Пѣшкомъ мнѣ ходить никакой нѣтъ возможности... А ужь коли такое дѣло, такъ вотъ что-съ: пожалуйте ко мнѣ на хуторъ-съ, и я, такъ и быть ужь, для васъ у жены сотенный билетъ выпрошу-съ!

И, проговоривъ это, онъ, какъ бы хвастаясь своимъ великодушіемъ, оглянулъ публику и тряхнулъ волосами.

— Не дадите вы мнѣ! — проговорилъ Иванъ Яковлевичъ: — обманете!

— Зачѣмъ же! А коли такое дѣло — извольте хоть свидѣтелевъ-съ пригласить. Вотъ Петра Иваныча, станціи начальника... Еще и вотъ ихъ-съ...—говорилъ Уховертовъ, указывая на меня движеніемъ головы. — Я знаю, они тоже люди благородные-съ...

— Да ты вотъ что, — перебилъ его Василій Николаевичъ: — чѣмъ къ тебѣ на хуторъ-то ходить...

— Зачѣмъ же пѣшкомъ-съ! я ихъ довезу въ тарантасѣ-съ...

— Все равно! Чѣмъ имъ ѣздить-то, ты лучше здѣсь отдай.

— У меня нѣтъ. Василій Николаичъ.

— Врешь.

— Ей же ей, нѣтъ-съ. Вѣдь и дома-то у жены просить буду-съ. У меня нешто есть!.. Копѣйки нѣтъ!

— Ну, уховертъ!—проговорилъ Василій Николаевичъ, покачавъ головой, и принялся за разборъ другаго дѣла,

Уховертовъ и исторія его съ Иваномъ Яковлевичемъ до того меня заинтересовали, что я съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе ѣхать къ нему на хуторъ. Мы вышли изъ камеры, и, немного погодя, неслись уже въ тарантасѣ на лихой тройкѣ, съ бубенчиками и колокольчиками, по улицѣ села Рычей. Миновавъ церковь, возлѣ которой помѣщались училище и дома церковно-служителей, мы выѣхали за околицу и покатили по гладкой дорогѣ, ведущей на хуторъ. До хутора было всего двѣ версты, и потому, немного погодя, онъ былъ уже передъ нашими глазами.

Хуторъ этотъ состоялъ изъ небольшаго флигелечка съ красной крышей и балкончикомъ, выходившимъ въ небольшой фруктовый садъ, изъ избы для рабочихъ, скотнаго двора, небольшаго амбара, поставленнаго на огромныхъ камняхъ, вмѣсто столбовъ, и конюшни съ каретнымъ сарайчикомъ. Всѣ эти постройки были выстроены изъ хорошаго сосноваго лѣса и, кромѣ флигеля, были покрыты соломой. Хуторокъ лѣпился возлѣ небольшой лощины, покрытой мѣстами мелкимъ кустарничкомъ, на днѣ которой виднѣлся довольно большой прудъ, обсаженный ветлами. Такъ какъ лощина эта изобиловала родниками, почему и называлась даже ключевой лощиной, то неудивительно, что прудъ былъ всегда полонъ водою, которая текла даже въ небольшую трубу, устроенную въ плотинѣ. Флигель стоялъ на краю этой лощины и обращался переднимъ фасадомъ въ садъ, спускавшійся по скату лощины до самаго пруда. Выйдя на балкончикъ, можно было видѣть и садъ, и прудъ, и темно-густую зелень ветелъ, обильно росшихъ по влажному дну лощины.

Не доѣзжая еще саженъ полутораста до хутора, мы

уже были встрѣчены огромными лохматыми собаками, бросившимися на насъ съ лаемъ. Онѣ готовы были, кажется, разорвать насъ на части, но, узнавъ лошадей и хозяина, замолчали, отошли на пашню и принялись за ловлю мышей. Насъ встрѣтила хозяйка. Одѣтая въ мордовскій костюмъ со множествомъ бусъ на шеѣ, спускавшихся даже на грудь, и въ красномъ фуляровомъ платочкѣ на головѣ, она стояла на крылечкѣ дома, и, приложивъ правую руку ко лбу, въ видѣ козырька, смотрѣла на подъѣзжавшій тарантасъ, стараясь, какъ видно было, разсмотрѣть, кто именно ѣхалъ съ мужемъ. Такъ какъ незнакомымъ оказался только я одинъ, то Уховертовъ и поспѣшилъ меня отрекомендовать ей.

— А это-съ,— прибавилъ онъ, указывая на жену:— супруга моя Капитолина Егоровна-съ.

— Очень пріятно познакомиться. Мы объ васъ наслышаны!— пропѣла Капитолина Егоровна.— Вѣдь вы неподалеку отъ насъ живете?

— Да, недалеко.

— На Свиридѣ?

— Да.

— Я какъ-то разъ мимо вашей усадьбы проѣзжала. На горѣ вѣдь она и сейчасъ же лѣсъ. Мнѣ ужасть какъ понравилось... видъ ужь очень хорошій отъ васъ...

— Господа, въ горницу милости просимъ, въ горницу-съ! А ты, распорядись-ка насчетъ закусочки, водочки, наливочки и всего такого... Прошу покорно-съ! пожалуйте-съ, Иванъ Яковлевичъ, Петръ Иванычъ!

И Уховертовъ повелъ насъ къ комнату, а Капитолина Егоровна пошла распорядиться насчетъ закуски.

Мы прошли по темнымъ сѣнямъ съ торчавшей на чердакъ лѣстницей и затѣмъ вошли въ довольно просторную и свѣтлую комнату съ растворенною настежь балконною дверью. Пахнуло запахомъ сирени. Нештукатуренныя брусовыя стѣны комнаты этой были увѣшаны картинами и фотографическими карточками друзей и пріятелей Уховертова. Это была цѣлая коллекція какихъ-то уродовъ съ цѣпочками, фертами сидѣвшихъ на стульяхъ и креслахъ и словно одеревенѣвшихъ въ моментъ снятія съ нихъ портретовъ. Тутъ же висѣла и группа, снятая во время совершенія знакомаго уже намъ контракта. Группа эта изображала Ивана Яковлевича, Володю, Уховертова и нотаріуса. Иванъ Яковлевичъ и Уховертовъ сидѣли за столомъ. Первый въ дорожномъ костюмѣ и съ сумкой черезъ плечо пересчитывалъ пять сторублевыхъ билетовъ, а второй клалъ въ боковой карманъ только-что совершенный контрактъ. Володя, въ партикулярномъ платьѣ, но все еще въ гимназическомъ кепи, съ чемоданомъ, лежащимъ у ногъ, стоялъ возлѣ отца и держалъ въ рукахъ развернутый аттестатъ зрѣлости, а неподалеку отъ него, въ почтительно-выжидающей позѣ, нотаріусъ съ огромнѣйшей книгой подъ мышкой.

Въ переднемъ углу комнаты возвышался кіотъ съ образами и двумя вѣнчальными свѣчами, перевитыми лентами и гирляндой жасминныхъ бутоновъ, эмблемою существовавшихъ еще въ то время чистоты и непорочности, какъ въ самомъ Уховертовѣ, такъ и въ Капитолинѣ Егоровнѣ. Между окнами, въ простѣнкѣ; висѣло зеркало, убранное плющемъ, а вдоль лѣвой боковой стѣны — какъ видно, перегородки — тянулся огромный диванъ съ овальнымъ стариннымъ

столомъ, накрытымъ красной пестрой салфеткой. Все было чисто, аккуратно; по полу, по нѣсколькимъ направленіямъ, разостланы половички и, словно рельсы, указывали, гдѣ именно нужно идти отъ дивана къ образницѣ, отъ образницы къ балконной двери и оттуда за перегородку.

— Вотъ-съ, Иванъ Яковлевичъ,— хрипѣлъ, между тѣмъ, Уховертовъ, подводя къ окну Морковкина: — цвѣточки-то ваши гибнутъ нѣкоторые-съ. Ужь на что супруга моя охотница до цвѣтовъ и ухаживаетъ за ними, а они все гибнутъ.

Но Иванъ Яковлевичъ только машинально посмотрѣлъ на цвѣты и не сказалъ ни слова. Пріѣхавъ на хуторъ и войдя въ свой домъ, построенный и ухетанный неутомимыми его трудами и заботами, бѣдный старикъ въ ту же минуту впалъ въ тоску. Онъ обводилъ глазами стѣны, мебель, цвѣты, смотрѣлъ сквозь отворенную дверь въ садъ и, подавленный воспоминаніями, рѣшительно не зналъ, чтó ему дѣлать. Уховертовъ какъ-будто замѣтилъ это грустное настроеніе «хозяина», какъ онъ называлъ иногда Ивана Яковлевича, и, суетясь вокругъ него, не переставалъ занимать его разсказами, какъ именно старается онъ о поддержаніи его хутора.

— Вотъ крышу на скотномъ поправить бы слѣдовало!— проговорилъ, наконецъ, Иванъ Яковлевичъ: — а то ее всю вѣтромъ раскрыло. Крыть бы надо...

— Крыть-съ, крыть-съ! Первымъ долгомъ! — подхватилъ Уховертовъ такимъ тономъ, какъ-будто онъ сейчасъ же и крыть побѣжитъ.

— А то вѣдь стропила сгніютъ!

— Сгніютъ непремѣнно-съ! Крыть необходимо-съ.

Только вотъ видите ли, Иванъ Яковлевичъ, на дворѣ-то сушь все стоитъ, а въ сухое-то время, сами знаете, какъ крыть-то! вѣдь солома — она въ сухое-то время топырится! — прохрипѣлъ Уховертовъ, какъ-будто и ни вѣсть какъ сокрушаясь о томъ, что сухое время не дозволяетъ ему поправить крышу.

Иванъ Яковлевичъ вздохнулъ.

— А что, какъ садикъ? — спросилъ Уховертова смотритель.

— Садикъ ничего, Петръ Иванычъ, жаловаться не могу-съ. Забаву не малую доставляетъ-съ. Мы тамъ все чай пьемъ-съ... И какъ прекрасно — право-съ! Тамъ въ уголкѣ, къ пруду-то, куртинка этакая изъ акацій вышла, такъ кружечкомъ, такъ я лавочки устроилъ, столикъ-съ... туда чай пить и ходимъ!

— Эту акацію садилъ я, когда Володя въ гимназію поступилъ, — замѣтилъ Иванъ Яковлевичъ.

— А яблочки есть? — снова спросилъ смотритель.

— Есть, Петръ Иванычъ, и яблочки... яблочками не скучаемъ-съ! И вишенка тоже, и малинка, и смородинка, и крыжевничекъ-съ. Изъ вишенъ-то жена даже наливочки настояла, да вѣдь какая хорошая вышла-съ! право-съ. Вареньица тоже наварили-съ... А яблочковъ-то даже продали немножко-съ.

Въ это время въ комнату вошла хозяйка.

— Ну, что, закусочка-то скоро что-ли? — спросилъ Уховертовъ.

— Сейчасъ подадутъ.

— А вишневочки-то велѣла поставить?

— Приказала.

— Ну, вотъ и отлично.

И, проговоривъ это, Уховертовъ суетливо выбѣжалъ

изъ комнаты, а Капитолина Егоровна принялась занимать гостей. Я все время не спускалъ съ нея глазъ. Это была женщина лѣтъ тридцати, весьма красивая и весьма стройно сложенная; красивое сложеніе ея очень отчетливо обрисовывалъ мордовскій костюмъ, весьма шедшій къ ея лицу. Въ особенности были хороши волосы Капитолины Егоровны, выбивавшіеся изъ-подъ платочка, перехватывавшаго ея голову. Матовое лицо, прямой, правильный носъ, большіе, темные глаза съ длинными пушистыми рѣсницами могли бы сдѣлать ее красавицей, еслибы только не портили все дѣло черные, искрошенные зубы. И что она не вставитъ себѣ фальшивыхъ бѣлыхъ зубовъ? Тогда бы на нее можно было засмотрѣться.

Насколько мужъ ея, обуреваемый толщиною, хрипѣлъ при разговорѣ, настолько Капитолина Егоровна, говоря, распѣвала и, распѣвая, непремѣнно что-нибудь выдѣлывала руками: или скатерть поправляла на столѣ, или собирала съ того же стола крошечки, или же принималась перебирать бусы. Движенія ея были, впрочемъ, довольно живописны, въ особенности же когда, поднявъ обѣ руки, она принималась поправлять на головѣ платочекъ.

Усѣвшись на диванъ, она прежде всего обратилась къ станціонному смотрителю.

— Пелагея Капитоновна (такъ звали жену смотрителя) все ли въ добромъ здравіи?

— Что ей дѣлается! — отвѣтилъ смотритель: — Врозь лѣзетъ.

— Толстѣетъ?

— Вотъ! — проговорилъ смотритель и растопырилъ руки.

— Что-то она совсѣмъ меня забыла... Прежде все-таки навѣщала изрѣдка, а теперь ужь совершенно бросила.

— Зажирѣла, вотъ и сидитъ дома. Завѣсила всѣ окна платками да одѣялами и пыхтитъ въ потемкахъ. Вы не повѣрите, только и разговоровъ, что на жару жалуется. Ужь я ей сколько разъ говорилъ: хошь бы ты проѣхалась куда-нибудь, лошадей почтовыхъ, слава тебѣ Господи, довольно; хошь бы, говорю, Капитолину Егоровну навѣстила... Нѣтъ, говоритъ, не могу, хошь зарѣжь! Наставила это въ комнатѣ мору для мухъ, а онѣ еще пуще лѣзутъ! По комнатѣ даже ходить нельзя, такъ и хрустятъ подъ ногами.

Капитолина Егоровна покачала головой и обратилась къ Ивану Яковлевичу.

— Ну, а вы какъ, Иванъ Яковлевичъ?

— Какъ видите! — отвѣтилъ старикъ. — Хожу въ дырявомъ пиджакѣ, въ дырявыхъ штиблетахъ; на головѣ ношу гимназическій кепи... Сынъ подарилъ... Но жару не боюсь, переношу...

— Вы все еще при прежней должности?

— Да, конторщикомъ.

— Сынъ-то вашъ, поди, большой ужь?..

— Выше меня.

— Скажите! Онъ гдѣ учится-то?

— Въ университетѣ, медикъ.

— Это гдѣ же: въ Москвѣ или Питерѣ?

— Въ Москвѣ.

— И хорошо учится?

— Учится-то хорошо, да жить не на что!

— Какъ такъ?

— Очень просто: денегъ нѣтъ. Сегодня получилъ отъ него письмо. Пишетъ, что ѣсть нечего и что придется бросить ученье.

— Ахъ, жалости какія! — запѣла Капитолина Егоровна, подбирая со стола крошечки. — Вотъ жалости-то! Неужто же онъ не доучится? Ужь какъ бы нибудь дотягивалъ, а то что же это такое выйдетъ, ни то, ни сё! Нѣтъ, Иванъ Яковлевичъ, вы ему напишите, чтобы онъ этого не дѣлалъ... Какъ это можно! Это просто жалость! Господи Боже мой, неужто ужь тамъ въ Москвѣ-то добрыхъ людей нѣтъ, которые помогли бы ему. Тамъ, слышала я, и дамскіе комитеты есть, и разныя другія благотворительныя общества — чего же они-то смотрятъ... Вы бы съѣздили въ Москву, похлопотали бы; вѣдь это и вамъ грѣшно будетъ!

Въ это самое время въ сосѣдней комнатѣ послышалось хрипѣніе, и вслѣдъ за нимъ появился Уховертовъ съ большущимъ подносомъ въ рукахъ, на которомъ была разная закуска, водка и наливка.

— Ужь я самъ, — проговорилъ онъ, ставя закуску на столъ: — а то эту добрую прислугу не дождешься!

— Агаѳья-то въ садъ пошла смородину собирать, — пропѣла Капитолина Егоровна: — а безъ нея никто ничего не знаетъ.

— А смородина поспѣла? — спросилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Поспѣла.

— Хороша?

— Отличная, крупная, словно вишня какая! да сладкая, душистая...

— Это я въ Бековѣ покупалъ! — вздохнулъ Иванъ Яковлевичъ.

— То-то вотъ я и послала Агаѳью обобрать ее. Прошлый-то годъ, признаться, я пожадничала, продала много, а нынче ужь не хочу продавать; хочу варенья наварить да наливки настоять... безъ варенья-то скучно, особливо зимой.

— Пожалуйте-съ, пожалуйте-съ! — хрипѣлъ, между тѣмъ, Уховертовъ, приглашая всѣхъ къ столу выпить и закусить. — Пожалуйте-съ, время и червячка заморить. Пожалуйте-съ, Петръ Иванычъ, Иванъ Яковличъ!..

— Я водки не пью, — проговорилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Ну, наливочки! вишнёвочки-то! изъ вашего сада.

Иванъ Яковлевичъ выпилъ.

— Ну, что-съ, какъ на вашъ вкусъ?

— Хороша.

— Это вотъ жена все хлопочетъ.

— Вишня у васъ очень хороша, Иванъ Яковлевичъ,— проговорила она, оправляя на столѣ скатерть. — Ужь такая-то вишня!..

— Владимірская, должно полагать? — перебилъ ее Уховертовъ.

— Да, владимірская, изъ Агѣевскаго сада бралъ.

— Это видно-съ. Я хоша и не знатокъ по этой части, а все-таки маленечко смыслю-съ. Господа! пожалуйте, водочки-съ!

Мы взяли рюмки.

— Будьте здоровы-съ!—И Уховертовъ принялся съ нами раскланиваться. — Эхъ, хорошо! Господа! пожалуйте по другой-съ, а то изъ-за одной и закусывать не стоитъ-съ.

Мы выпили и по другой.

— Господа! Богъ троицу любитъ! — говорилъ Уховертовъ, держа графинъ надъ рюмкой. Я отказался, но смотритель и Уховертовъ выпили и по третьей.

— Ну, жена! — проговорилъ Уховертовъ, голосъ котораго какъ-будто сталъ прочищаться: — давай денегъ.

— Какихъ денегъ?

— Давай сотенный билетъ!

Капитолину Егоровну словно передернуло.

— Откуда же я тебѣ возьму?

— Ну, гдѣ хочешь, а доставай.

— Зачѣмъ это тебѣ спонадобилось-то?

— Человѣка выручить.

— Такъ ты своихъ и давай!

Уховертовъ даже расхохотался. Послѣ выпитыхъ трехъ рюмокъ, онъ замѣтно сталъ развязнѣе и веселѣе.

— Ну, чего хохочешь-то?

— Гдѣ-же я возьму своихъ-то? Кабы были, не сталъ бы кланяться. Взялъ бы, выкинулъ — и вся недолга.

И потомъ, перемѣнивъ тонъ, прибавилъ:

— Нѣтъ, шутки въ сторону, дай, пожалуйста. Вотъ Ивана Яковлевича выручить надоть; хорошій человѣкъ. Въ счетъ аренды хоть сто рублей надо дать.

— Будьте столь добры,— проговорилъ Иванъ Яковлевичъ, вставъ со стула и приложивъ руку къ сердцу, словно милостыню просилъ. — Я вамъ передавалъ о бѣдственномъ положеніи моего Володи, вѣдь ѣсть нечего.

— Дайте, Капитолина Егоровна, — пробурчалъ и смотритель.— У васъ столько кабаковъ по округѣ, что, поди, денегъ-то куры не клюютъ.

— Не говорите мнѣ, Петръ Иванычъ, объ самыхъ объ этихъ кабакахъ! — запѣла опять Капитолина Егоровна, выравнивая ножемъ соль въ солонкѣ. — Кромѣ убытковъ да *безпокойствъ*, ничего отъ нихъ нѣтъ. Сами знаете, какія времена нынче. Вѣдь патенты годъ отъ году все дороже становятся, рента за кабаки тоже страсть какая, года плохіе, урожаи плохіе, мужичишки спились совсѣмъ, ни лошаденки, ни коровенки путной нѣтъ... Овчишки тоже у рѣдкихъ остались. У кого прежде сто, полтораста штукъ водилось, теперь двѣ, три овченки только. А вѣдь въ кабакъ-то мужичишки все-таки ползутъ, въ долгъ просятъ; отказать совѣстно, а взыскивать нельзя. Весь народъ такой подлый сталъ, что вовсе совѣсть потерялъ. Страху Божьяго не имѣетъ; беретъ руками, а отдаетъ ногами! И сколько это денегъ пропадаетъ за этими подлецами, я даже разсказать вамъ не могу!

— Это вѣрно-съ, — перебилъ ее Уховертовъ. — Народъ сталъ, одно слово, самый негодящій. Вотъ на грошъ вѣрить нельзя-съ. Самый безстыжій.

— Ну, да сто-то рублей найдете, чай! — замѣтилъ смотритель.

— Ужь для Ивана Яковлевича разстараюсь какъ-нибудь! — проговорила Капитолина Егоровна.

— Ну, вотъ и отлично!

— Благодарю васъ! — проговорилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Такъ иди, иди, живо доставай! — затараторилъ Уховертовъ и, поднявъ жену съ дивана, вывелъ ее за перегородку.

— Только она и выручаетъ, а то просто хоть караулъ кричи, — прибавилъ онъ, наливъ еще три рюмки

водки и одну рюмку наливки. — Пожалуйте-съ, на радостяхъ-съ!

И, взявъ рюмку, онъ обратился къ Ивану Яковлевичу:

— Вотъ вы, Иванъ Яковлевичъ, сейчасъ у судьи въ камерѣ жаловались, то есть, что я вашихъ овецъ продалъ. Точно-съ, я ихъ продалъ, да вѣдь къ концу *ренты* я вѣдь опять вамъ ихъ доставлю и все будетъ въ исправности, а вы вотъ послушайте, что здѣсь по сосѣдству арендаторы-то надѣлали. Вы вѣдь знаете князевское имѣніе?

— Знаю.

— Такъ вотъ-съ извольте послушать. Въ прошломъ году самое это имѣніе сняла въ аренду одна компанія-съ. Поляки какіе-то собрались и устроили компанію. У князя былъ посѣвъ, конный заводъ, овецъ тысячи четыре головъ, строеніе разное, сѣна было заготовлено-съ, словомъ, все было, какъ слѣдуетъ. Сняла компанія имѣніе это на 12-ть лѣтъ, въ полное хозяйственное распоряженіе-съ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи 12-ти лѣтъ имѣніе сдать въ томъ-же видѣ, въ какомъ было принято. Заключили контрактъ, какъ слѣдуетъ, у нотаріуса засвидѣтельствовали, дали князю за годъ впередъ... Князь и радъ! А на дѣлѣ-то вышло не такъ. Пріѣхали эти поляки, собрали урожай, продали хлѣбъ, да вмѣстѣ съ хлѣбомъ-то продали и конный заводъ, и овецъ, и сѣно, и строеніе, выручили въ пять разъ болѣе того, чѣмъ дали князю, да и сбѣжали! Князь, конечно, сталъ съ нихъ искать убытки, неустойку... Да что-съ! все это пустое дѣло, чего съ нихъ возьмешь! тѣмъ кончилось, что съ князя-же пошлины взыскали, да адвокату заплатилъ

никакъ тысячи двѣ. А я вѣдь ужь не сбѣгу-съ; у меня совѣсти на это не хватитъ-съ, и, будьте благонадежны, имѣньеце свое получите отъ меня въ порядкѣ-съ, и ренту всю вамъ уплачу-съ, и овецъ выставлю. Тамъ г. судья, какъ обо мнѣ ни думай, а мы еще страхъ Божій не потеряли-съ. Конечно, мнѣ съ Васильемъ Николаичемъ только ссориться не хочется, какъ они есть старички, а то вѣдь я и имъ-бы могъ зла надѣлать.

— Какъ такъ? — спросилъ смотритель.

— Очень просто-съ. Я бы могъ давно ихъ подъ судъ отдать-съ! Помилуйте-съ, развѣ онъ можетъ такъ въ камерѣ обращаться, какъ онъ обращается. Хоть сегодня, напримѣръ, сами слышали; вѣдь они меня чуть скверными словами не обругали! А вѣдь мнѣ обидно-съ; вѣдь я тоже, слава тебѣ Господи, не мужикъ какой, вѣдь стоитъ только г. прокурору заявить-съ, свидѣтелевъ выставить, и Василію Николаевичу безпремѣнно плохо будетъ-съ.

— Ты смотри, и въ самомъ дѣлѣ не заяви! — почти вскрикнулъ смотритель. — Пожалуй, насъ еще въ свидѣтели припугаешь!

— Не такой я человѣкъ, Петръ Иванычъ! — подхватилъ Уховертовъ. — Мы не охотники судиться-съ; а такъ только къ слову сказать, что Василій Николаичъ слишкомъ много на себя берутъ-съ. Однако, пожалуйте! что-же это мы съ рюмочками-то стоимъ?

Всѣ выпили, не исключая и Ивана Яковлевича, который, въ надеждѣ получить сто рублей, словно ожилъ и принялся за закуску.

— Икру да балычекъ рекомендую-съ, — говорилъ между тѣмъ Уховертовъ: — отмѣнныя штуки. На-

медни въ Саратовъ ѣздилъ, зашелъ къ Тяпочкину и, грѣшный человѣкъ, разорился: и икры, и балыку купилъ. Балыкъ осетровый, первый сортъ, икра тоже великолѣпная-съ — полтора рубля за фунтъ плачено-съ. Я до всего до этого до соленаго, признаться, большой охотникъ-съ.

— Долго пробыли въ Саратовѣ? — спросилъ Иванъ Яковлевичъ, закусывая балыкомъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же, два дня всего. Ужь больно много денегъ тамъ выходитъ, туда, сюда, глядишь — и нѣтъ круглой. Останавливался въ татарской гостиницѣ, а потомъ и къ Корнѣеву въ садъ надо сходить, и къ Барыкину въ вокзалъ... въ театрѣ тоже былъ-съ, оперу какую-то представляли, да я до самыхъ этихъ представленій не охотникъ. Вотъ циркъ Никитинскій да фокусника Бекера — это я уважаю.

Въ это время вошла Капитолина Егоровна съ пачкой засаленныхъ ассигнацій въ рукахъ.

— Ну, Иванъ Яковлевичъ, запѣла она — вы счастливый... Кое-какъ наскребла!

— И отлично! — крикнулъ Уховертовъ.

— Да, отлично! Тебѣ хорошо говорить! А я, видно, опять безъ шарабана останусь! Не повѣрите-ли, Петръ Иванычъ, вотъ уже которое лѣто шарабана добиваюсь, чтобы, значитъ, кататься одной и самой править, и все никакъ не могу деньжонокъ сколотить.

— Ну, шарабанъ еще! — промычалъ Уховертовъ. — Нынче и у господъ-то шарабаны перевелись, а ты въ шарабанѣ поѣдешь!

— За свои деньги всякій себѣ господинъ.

— Пожалуйте, Иванъ Яковлевичъ, получите-съ!.. —

торжественно проговорилъ Уховертовъ, бросая пачку на столъ. — Сосчитайте-съ.

Иванъ Яковлевичъ, помусливъ пальцы и дрожавшими руками, принялся считать деньги.

— Вѣрно-съ? — спросилъ Уховертовъ.

— Вѣрно.

— А теперича потрудитесь расписаться-съ на контрактѣ, что въ счетъ аренды сто серебра получили-съ.

И Уховертовъ подалъ Ивану Яковлевичу синій контрактъ, перо и чернильницу. Иванъ Яковлевичъ вынулъ старинныя мѣдныя очки, надѣлъ ихъ на кончикъ носа, подсѣлъ къ столу и расписался.

— Благодарю,— проговорилъ онъ, передавая контрактъ.

— Ужь извините, что не всѣ-съ!.. какъ-нибудь еще сколочу... Будемъ стараться, будемъ хлопотать-съ.

— Благодарю васъ, Капитолина Егоровна, что выручили! — замѣтилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Ужь это для сынка для вашего! — проговорила она: — а то ни за что-бы не дала. Мнѣ такъ хочется шарабанъ имѣть, и чтобы самой править...

— Благодарю, благодарю...

— Ну-съ, господа! — крикнулъ Уховертовъ чрезвычайно развязно: — скажите г. судьѣ, что денежки Ивану Яковлевичу я передалъ-съ... и что мы не такіе люди, какъ они про насъ думаютъ-съ! Думать можно все-съ! А теперича пожалуйте еще выпьемъ и закусимъ!

Немного погодя, мы оставили хуторъ, и такъ какъ Уховертовъ не догадался дать намъ лошадей, то намъ пришлось идти пѣшкомъ въ село Рычи. Какъ только вошли мы въ контору знакомой уже намъ почтовой

станцiи, такъ въ ту же минуту за боковой дверью раздался снова недовольный женскiй голосъ.

— Кто тамъ? — спрашивалъ голосъ.

— Я, матушка! — отозвался смотритель: — что тебѣ?

— Жарко, душно! Смерть моя! Мухи проклятыя...

— Ну, что-жь мнѣ дѣлать, матушка!

— Окна всѣ занавѣсила, а онѣ такъ и лѣзутъ: и въ носъ, и въ ротъ, во всѣ мѣста!..

— Терпи, матушка, терпи!

— Хошь бы ты, Петръ Иванычъ, посидѣлъ возлѣ меня да вѣточкой помахалъ.

— А вотъ постой, когда вмѣсто нашего брата машину придумаютъ, тогда я помахаю, а теперь некогда...

Деньги, сто шестьдесятъ рублей, Иванъ Яковлевичъ при мнѣ же сдалъ смотрителю, и въ тотъ же день онѣ были отправлены въ Москву на имя Володи. Старикъ былъ счастливъ и этимъ. «Все-таки, глядишь, мѣсяца три, четыре проживетъ на нихъ, — говорилъ онъ, — а тамъ, Богъ дастъ, опять какъ-нибудь наберу... Хошь бы ужь дотянуть-то, курсъ-то кончить, а тогда-то мы съ нимъ безъ горя заживемъ... Онъ мѣсто получитъ, арендѣ срокъ кончится... и примусь я опять на своемъ хуторочкѣ заниматься хозяйствомъ да Володѣ по мѣрѣ силъ помогать!»

Въ ожиданiи этой картины счастья и довольства, лицо Ивана Яковлевича просiяло. Однако, получивъ квитанцiю, онъ засуетился и, взявъ свой зонтикъ, сталъ прощаться съ Петромъ Ивановичемъ.

— Погодите, чайку напьемся, — говорилъ тотъ.

— Нѣтъ, благодарю, благодарю.

— Самоваръ кипитъ ужь, сейчасъ подадутъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю... у меня дѣла много. Сегодня мѣсячную вѣдомость составлять надо, мѣсячный рабочій журналъ... у насъ вѣдь по конторѣ много письма-то, а я одинъ, ни писарей, ни помощниковъ нѣтъ. Управляющій, сами знаете, нѣмецъ строгій, чуть что къ сроку не сдѣлаешь, такъ вѣдь онъ, пожалуй, и отъ мѣста откажетъ, а мнѣ надо дорожить мѣстомъ... хлѣбъ вѣдь насущный! Управляющій и такъ ужь сердится на меня. Сегодня пришелъ отпрашиваться; въ судъ,— говорю,— позвольте сходить, судья,— говорю, — вызываетъ, такъ онъ даже ногами затопалъ. «Искляузничался! — говоритъ.—То и дѣло,— говоритъ,— судишься!»

И, раскланявшись съ нами, Иванъ Яковлевичъ вышелъ.

Немного погодя, онъ пробирался уже по улицѣ въ кепи, укрываясь подъ распущеннымъ синимъ зонтикомъ отъ паливших солнечныхъ лучей. И, глядя на тощую фигурку эту въ кепи, въ коротенькомъ гороховомъ пиджакѣ, въ такихъ же узенькихъ клѣтчатыхъ панталончикахъ и худыхъ штиблетахъ, я опять вспомнилъ Шумскаго въ роли Счастливцева.

— А онъ его надуетъ! — проговорилъ смотритель.

— Кто кого?

— Да Уховертовъ Морковкина. Помяните мое слово, что ни аренды не будетъ платить и ничего на хуторѣ не оставитъ, такъ и будетъ ему кое-когда по сту рублей давать. Ужь онъ не даромъ про польскую-то компанію разсказалъ. Продувной!

На Петровъ день въ селѣ Рычахъ бываетъ ярмарка. Такъ какъ и мнѣ необходимо было сдѣлать кое-какія покупки, то и я тоже отправился въ Рычи. Народу

было видимо-невидимо. Изъ кабаковъ раздавалось громкое ораніе, называемое пѣснями; въ трактирѣ играла шарманка и пѣли *арфистки;* какой-то отставной солдатъ съ *райкомъ* разсказывалъ многочисленнымъ зрителямъ про то, какъ турки валятся, какъ чурки, а наши молодцы и безъ головъ стоятъ; про славный градъ Парижъ, въ который какъ въѣдешь, такъ угоришь и т. п. Пріѣхали на ярмарку и балаганы, на балкончики которыхъ выходили гг. акробаты, разодѣтые въ трико, съ барабанами, литаврами и трубами, и, наигрывая на инструментахъ персидскій маршъ, зазывали народъ. Нечего говорить, что подъ вліяніемъ этихъ музыкальныхъ увеселеній трудно было бы встрѣтить на ярмаркѣ хоть одного совершенно трезваго человѣка. Въ числѣ пьянствовавшихъ была и Өемида. Өемида, въ теченіе всей ярмарки, продолжавшейся три дня, исключительно посвятила себя посѣщенію лавокъ, балагановъ и трактировъ. Въ послѣднихъ Өемида пребывала болѣе всего, угощала арфистокъ, сажала ихъ къ себѣ на колѣна, цѣловала ихъ въ нарумяненныя щечки и къ концу ярмарки всѣ деньги, которыя успѣла выманить у судьи всѣми неправдами, говоря, что необходимо окипироваться, купить чаю и сахару, пропила до копѣйки и сверхъ того заложила еще за пять рублей свои серебряные часы. Я встрѣтилъ Өемиду въ лавкѣ, въ которой она, стоя передъ лавочникомъ, говорила:

— Да ты понимаешь ли, шутова голова, что такое Өемида?

— Чего тутъ понимать-то! — подшутилъ лавочникъ. — Өемида она, такъ Өемида есть...

— Дрянь по твоему? ругательное слово? а?

— Ужь одно слово: Ѳемида... чего-жь хорошаго!

Въ лавкѣ, наполненной публикой, раздался хохотъ.

— Дуракъ ты и больше ничего! Ѳемида — это слово греческое. Древніе называли Ѳемидой богиню правосудія. Изображалась эта богиня съ завязанными глазами, съ мечемъ въ одной рукѣ и съ вѣсами въ другой...

И потомъ, вдругъ выхвативъ изъ кармана носовой платокъ, онъ стащилъ съ прилавка вѣсы и какой-то большой ножикъ, взобрался на тару изъ-подъ селедокъ, завязалъ платкомъ глаза и, взявъ въ одну руку вѣсы, а въ другую ножъ, принялъ живописную позу.

— Вотъ что такое Ѳемида! — кричалъ онъ, къ общему удовольствію хохотавшей публики, и, будучи съ завязанными глазами, даже не видалъ, какъ въ лавку вошелъ Василій Николаевичъ. Судья долго смотрѣлъ на коверкавшуюся Ѳемиду, наконецъ, подозвалъ къ себѣ сотскаго и приказалъ посадить богиню правосудія въ арестантскую...

На той же ярмаркѣ я встрѣтилъ и Капитолину Егоровну. Она вся въ цвѣтахъ и шелкѣ пролетѣла въ новомъ, щегольскомъ шарабанѣ на лежачихъ рессорахъ, и сама правила.

РАЗБИТАЯ ЖИЗНЬ.

(НЕСОБРАВШІЯСЯ ДРОЖЖИ.)

ПОВѢСТЬ.

I.

День былъ воскресный. Веселый трезвонъ колоколовъ, разлетавшійся въ далекое пространство и эхомъ разсыпавшійся въ окрестныхъ горахъ, возвѣщалъ жителямъ села Малиновки объ окончаніи обѣдни. Дѣйствительно, приземистый, толстенькій священникъ, съ пухлыми руками, лоснящимся лицомъ и кругленькимъ животикомъ, въ полномъ облаченіи стоялъ уже на амвонѣ и подпускалъ къ кресту другъ передъ другомъ торопившихся многочисленныхъ богомольцевъ. Дьячки, обрадованные окончаніемъ службы, вытирали объ волосы свои руки, убирали толстыя книги съ мѣдными застежками, плевали, сморкались и, перевѣшиваясь черезъ клиросъ, болтали съ мѣстнымъ бакалейнымъ торговцемъ, Александромъ Васильевичемъ Соколовымъ, только-что возвратившимся изъ города съ новымъ товаромъ. Дьяконъ съ перепоясаннымъ накрестъ

орарем стоял между тѣмъ за жертвенникомъ и усердно вытиралъ сосудъ. Первымъ къ кресту приложился плотный мужчина лѣтъ шестидесяти, въ бѣломъ военномъ кителѣ безъ погоновъ, но въ генеральскихъ панталонахъ съ красными лампасами, стоявшій до того времени впереди всѣхъ. Судя по тому, что священникъ ему первому преподнесъ крестъ и только ему одному подалъ просфору, почтительно поздравивъ съ праздникомъ, можно было заключить, что человѣкъ въ кителѣ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ прихожанъ; а когда бывшій тутъ же въ церкви сотскій съ бляхой на груди, смѣтивъ, что китель направляется къ выходной двери, принялся расталкивать народъ, то каждый могъ уже безошибочно убѣдиться, что господинъ этотъ дѣйствительно человѣкъ особенный. Дойдя до средины церкви, китель снова повернулся прямо и, посыпавъ на грудь еще нѣсколько мелкихъ, торопливыхъ крестиковъ, подошелъ съ гордой осанкой къ свѣчному комоду, за которымъ церковный староста изъ мѣстныхъ купцовъ, Семенъ Иванычъ Бузыкинъ, гремѣлъ немилосердно мѣдными деньгами, ссыпая ихъ въ ящикъ.

— Здорово!—громкимъ басомъ проговорилъ китель.

Староста мгновенно пересталъ сгребать деньги и съ подобострастіемъ обѣими руками пожалъ толстый палецъ, снисходительно протянутый ему кителемъ.

— Ахъ, ваше превосходительство!—забормоталъ староста. — Съ праздничкомъ-съ; здоровы ли-съ?

— Спасибо. Ты какъ?

Но, не дождавшись отвѣта, генералъ снова заговорилъ:

— Есть у тебя рублевыя свѣчи съ золотомъ?

— Есть, ваше превосходительство.

— И цвѣтнаго воска есть?

— Есть-съ.

— Покажи.

Староста мгновенно нагнулся и, выдвинувъ нижній ящикъ, завозился, раздвигая кипы восковыхъ свѣчей. Сотникъ стоялъ возлѣ и, растопыривъ руки, ограждалъ ими особу генерала.

— Вотъ-съ извольте-съ, ваше превосходительство!— заговорилъ староста, подавая генералу нѣсколько толстыхъ цвѣтныхъ свѣчей, украшенныхъ золотомъ.— Свѣча хорошая-съ! можно даже сказать, рѣдкостная свѣча! и воскъ хорошъ.

— Много ты понимаешь! Если свѣчи эти, по твоему, хорошими называются, такъ, стало быть, ты лучшихъ не видывалъ! Почемъ?

— По рублю-съ, ваше превосходительство.

— Въ Москвѣ такія свѣчи по полтиннику.

— Въ лавкахъ-съ?

— Нѣтъ, въ церквахъ.

— Можетъ, свѣча не такая-съ?

— Нѣтъ, такая же.

И потомъ, выбравъ красную свѣчу и помахавъ ею передъ носомъ Семена Иваныча, генералъ спросилъ:

— Три четвертака желаешь?

— Для храма-то, ваше превоходительство, пользы не будетъ-съ.

— Ха, ха! толкуй!

— Ей-ей, не будетъ-съ! Ну, да для вашего превосходительства извольте, уступлю-съ. Прикажете завернуть-съ?

— Заверни.

— Ко мнѣ, ваше превосходительство, прошу покорно-съ на чашку чаю! Тоже, вѣроятно, утомились за обѣдней-то!—говорилъ староста, торопливо завертывая свѣчу.

— Да вѣдь ты здѣсь долго прокопаешься?

— Сію же минутъ-съ... Ужь осчастливьте!

— Такъ ты скорѣй.

Староста засуетился еще пуще; сгребъ поспѣшно мѣдныя деньги въ ящикъ, выложилъ нѣсколько свѣчей и вѣнчиковъ для расхода, поспѣшно перекрестился и, взявъ фуражку и палку, проговорилъ:

— Пожалуйте-съ.

Сотникъ бросился впередъ, крикнулъ: «посторонись!» и когда народъ раздвинулся корридоромъ, выскочилъ на паперть и, приложивъ два пальца ко лбу, вытянулся въ струнку.

— Какого полка?—спросилъ генералъ.

— 153 бакинскаго...

— Когда будетъ здѣсь становой, скажи ему, чтобы онъ ко мнѣ заѣхалъ.

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Генералъ, молъ, проситъ васъ къ себѣ...

— Слушаю, ваше превосходительство!

— Желаетъ, молъ, съ вами переговорить...

— Слушаю, ваше превосходительство!

Около паперти, между тѣмъ, стояли уже старинныя на высокихъ рессорахъ дрожки генерала, запряженныя парою тощихъ клячъ. Плохо одѣтый кучеръ, въ рыжей шляпѣ на затылкѣ, держалъ на рукахъ военную шинель на красной подкладкѣ. Генералъ приказалъ кучеру отъѣхать и слѣдовать за нимъ.

— Мы съ тобой пѣшкомъ дойдемъ.

— Конечно-съ! тутъ рукой подать.

— А этотъ сотникъ распорядительный малый, кажется!

— Отличный-съ.

— Это сейчасъ видно. Я его похвалю становому и прикажу прибавить жалованья. Да, кстати! какъ зовутъ этого становаго?.. никакъ не могу запомнить ихъ именъ...

— Өедоръ Александрычъ, ваше превосходительство.

— Такъ, такъ, вспомнилъ!

Разговаривая такимъ образомъ, генералъ рядомъ съ старостой шелъ гордо по площади, окружавшей церковь. Разодѣтый попраздничному народъ шумно разсыпался въ разныя стороны, торопясь домой. Мужики, обгоняя генерала, почтительно снимали шапки и, поклонившись, продолжали долго идти съ непокрытыми головами. Генералъ всѣмъ дѣлалъ подъ козырекъ. Сзади слѣдовали дрожки и немилосердно гремѣли разсохшимися колесами и развинтившимися гайками. Съ колокольни продолжалъ раздаваться и разлетаться во всѣ стороны веселый трезвонъ колоколовъ и еще болѣе оживлялъ эту праздничную сельскую картину, щедро освѣщенную весеннимъ, яркимъ солнцемъ.

Въ оградѣ, между тѣмъ, подъ тѣнью липъ и черемухи собралась довольно большая группа мѣстныхъ дамъ. Всѣ онѣ были разодѣты попраздничному, въ кисейныхъ и барежевыхъ платьяхъ съ бантами и курдюками (онѣ брали фасонъ съ пріѣхавшей изъ Москвы къ одному помѣщику гувернантки), въ шляпахъ съ цвѣтами, въ самыхъ разнообразныхъ накидкахъ и бурнусахъ. Здѣсь была попадья, жена волостнаго писаря,

жена мѣстнаго земскаго фельдшера, трактирщица, Пелагея Капитоновна, Матрена Васильевна—словомъ, вся дамская аристократія села Малиновки. Всѣ эти дамы шумно разговаривали, ахали, смѣялись, покачивали головами, и тэмою разговоровъ этихъ былъ мѣстный сельскій учитель Органскій и проживавшая съ нимъ, въ качествѣ дальней родственницы, молоденькая купеческая жена Надежда Ивановна Блинова. Оказалось, что вчера вечеромъ учитель Органскій разошелся съ своей родственницей, и что родственница эта тогда же переѣхала пока на жительство къ знакомому уже намъ церковному старостѣ Семену Иванычу Бузыкину. Новость эта, о которой узнали только сейчасъ за обѣдней, переполошила всѣхъ дамъ. Предположеніямъ и догадкамъ не было конца. Однѣ говорили, что Органскаго бросила сама Надежда Ивановна, такъ какъ въ послѣднее время Органскій спился съ кругу, безобразничалъ и развратничалъ; другія, что Органскій, задумавъ жениться, самъ прогналъ отъ себя Надежду Ивановну и даже со скандаломъ, а третьи увѣряли, что Органскій прогналъ Надежду Ивановну не потому, чтобы имѣлъ намѣреніе жениться, а единственно по тому только, что Надежда Ивановна надняхъ должна родить. Однѣ говорили, что это такой скандалъ, какого еще не было въ Малиновкѣ, а другія увѣряли, что скандальнаго тутъ нѣтъ ничего, и что случившійся разрывъ, напротивъ, уничтожаетъ тотъ скандалъ, который до сихъ поръ существовалъ въ отношеніяхъ Органскаго и Блиновой. Не малое любопытство возбуждало и то обстоятельство, что ни учителя Органскаго, ни Надежды Ивановны у обѣдни не было. Нѣкоторыя приписывали это стыду, нѣкоторыя же, напротивъ,

безстыдству. Новость эта такъ всѣхъ поразила и заинтересовала, что дамы порѣшили было тотчасъ идти къ церковному старостѣ, какъ-будто на чай, а въ сущности съ цѣлью посмотрѣть на Надежду Ивановну и разузнать хорошенько о подробностяхъ скандала. Но увидавъ, что къ старостѣ отправился генералъ, дамы осуществить свое намѣреніе не рѣшились. Въ это самое время подошелъ къ нимъ племянникъ дьякона, Василій Тимофеевичъ Кургановъ. Молодой человѣкъ этотъ былъ видимо взволнованъ.

— Слышали?—спросили его въ одинъ голосъ дамы.

— И слышалъ и видѣлъ!—отвѣтилъ мрачно Кургановъ:—и сейчасъ же обо всемъ этомъ скандалѣ напишу подробную корреспонденцію въ газету.

Кургановъ былъ корреспондентомъ мѣстной газеты «Простыня».

Дамы даже ахнули.

— Какъ! возможно ли!—зашумѣли онѣ.—Вы хотите напечатать въ газетѣ ссору Органскаго съ Надеждой Ивановной!

Кургановъ свирѣпо посмотрѣлъ на дамъ.

— Какую ссору? Какого Органскаго?—спросилъ онъ.

— Такъ о чемъ же вы хотите писать?

— Я хочу писать, милостивыя государыни, про генерала Малахова!—перебилъ ихъ Кургановъ, колотя себя въ грудь кулакомъ.—Это чортъ знаетъ на что похоже! Это изъ рукъ вонъ! Вы видѣли генерала Малахова?

— Видѣли.

— Такъ вотъ и знайте, что этого-то самаго генерала временъ очаковскихъ и покоренья Крыма я *протащу* въ газетѣ и черезъ недѣлю, много черезъ полторы,

вы будете имѣть удовольствіе прочесть въ нашемъ органѣ описаніе этого героя. И что за олимпійскій видъ у этого человѣка! Торчалъ всю обѣдню чуть не рядомъ съ дьякономъ, отгонялъ отъ себя крестьянскихъ дѣтей, а когда сталъ выходить изъ церкви, то сотникъ, чтобы очистить ему путь, принялся палкой колотить народъ. А какъ протянулъ палецъ-то Семену Иванычу! Ужь лучше бы протянулъ ему конецъ своей трости! Нѣтъ-съ, милостивыя государыни, не тѣ времена нынче! Нынче такихъ людей клеймятъ сатирой! да-съ, сатирой-съ!

— Да что вы намъ все про генерала говорите! — зашумѣли дамы. — Вы про Органскаго разскажите лучше!

— Развѣ съ нимъ случилось что-нибудь?

— Такъ вы ничего не знаете?—Вы не знаете самой свѣжей новости, самаго крупнаго скандала? Что же вы у обѣдни-то дѣлали? Вѣдь за обѣдней только объ этомъ и говорили!

— Какая новость? какой скандалъ?

— Вчера въ восемь часовъ вечера Органскій разъѣхался съ Надеждой Ивановной, и она теперь живетъ уже у Семена Иваныча.

Кургановъ даже поблѣднѣлъ.

— Не можетъ быть!—почти вскрикнулъ онъ: — это сплетня!

— Нѣтъ, не сплетня, а правда. Надежда Ивановна даже ночевала у Бузыкиныхъ.

Въ это самое время мимо дамъ проходила кухарка Бузыкиныхъ, Анисья.

— Да вотъ, чего же лучше!—заговорили дамы, увидавъ Анисью.—Вотъ, она все разскажетъ!

И дамы подозвали Анисью.

— Что, душенька, у васъ ночевала сегодня Надежда Ивановна?—спросили онѣ.

— У насъ.

— Она совсѣмъ оставила Органскаго?

— Должно быть, совсѣмъ, потому что прежде она безъ всего приходила, а теперь поговорила о чемъ-то съ Катериной Васильевной, и пріѣхала, значитъ, ужь на телегѣ, и привезла съ собой свое имѣніе... Да что! имѣнія-то, почитай, нѣтъ никакого! Только постель да самоварчикъ, такъ махонькій... А платья, бѣлья и званья нѣтъ... А ужь какъ плакала-то, сударыньки мои, и разсказать нельзя; почитай, весь вечеръ проплакала! А сѣли ужинать, такъ даже куска въ ротъ не взяла!

Вѣсть эта поразила Курганова. Онъ снялъ фуражку и, запустивъ пальцы въ длинные, косматые волосы, задумался.

— Я зналъ, что это такъ кончится.

— Почему?—спросили въ одинъ голосъ дамы, жаждавшія узнать поскорѣе причину ссоры.

— А потому, что Органскій, во-первыхъ, спился съ кругу, а во-вторыхъ, какъ-то особенно велъ себя въ послѣднее время. Школой не занимался; Надежду Ивановну чуть не колотилъ; пропилъ все ея имущество и вдобавокъ пропадалъ по цѣлымъ днямъ неизвѣстно куда и зачѣмъ.

— Ужь не задумалъ ли жениться?— спросили дамы въ одинъ голосъ.—Вы бы сходили къ нему, узнали бы хорошенько, да и пришли бы разсказать. Мы вотъ всѣ къ матушкѣ на чай собираемся.

Но Кургановъ идти къ Органскому отказался, объ-

явивъ, что онъ сейчасъ идетъ на почтовую станцію за газетой, въ которой должна быть напечатана его статья, а потомъ засядетъ за корреспонденцію о генералѣ Малаховѣ, и какъ ни упрашивали его дамы бросить все это и сходить къ Органскому, Кургановъ оставался непоколебимымъ и, разставшись съ дамами, пошелъ за газетой.

Водяная мельница, которую арендовалъ и на которой проживалъ церковный староста Семенъ Иванычъ Бузыкинъ, была очень недалеко отъ Малиновской церкви. Стóило только пройдти площадь, потомъ небольшой проулокъ села, и красныя крыши мельничныхъ строеній представлялись уже взорамъ, высовываясь изъ-за зеленой листвы раскидистыхъ ветелъ и ракитъ. Небольшой домикъ Семена Иваныча, выбѣленный мѣломъ и съ зелеными ставнями, стоялъ какъ разъ на самомъ берегу рѣки, такъ что передъ самымъ балкончикомъ, обтянутымъ парусиной, вертѣлись мельничныя колеса, раскидывая во всѣ стороны бриллiантовыя брызги воды. Мѣстоположенiе было прелестное. Все небольшое пространство, на которомъ помѣщался домъ съ необходимыми службами: флигелемъ для мельника и засыпокъ, кузницей, хлѣбнымъ магазиномъ и баней, было окружено кустами ракитъ, тальника, черемухи и размашистыми старинными ветлами. Все это было на одномъ берегу рѣки; на другомъ же раскидывалось село, а правѣе, на горѣ, возвышалась красивая церковь села Малиновки съ часовней передъ алтаремъ, обнесенная каменной оградой съ насаженными кругомъ липами и черемухой. Постоянный шумъ воды, шелестъ деревьевъ, крикъ гусей и утокъ, стукъ

кузнечнаго молота оживляли эту небольшую, незатѣйливую, но до крайности живописную картинку.

Минутъ черезъ десять, генералъ Малаховъ и староста Семенъ Иванычъ были уже дома. Въ залѣ встрѣтила ихъ хозяйка дома, жена Семена Иваныча, молодая, толстая купчиха, при видѣ которой генералъ даже просіялъ (онъ былъ охотникъ до полныхъ женщинъ).

— Катеринѣ Васильевнѣ мое почтеніе!— проговорилъ онъ фамильярно, протягивая ей руку.—Ваше здоровье?

— Благодарю васъ; слава Богу. Вы какъ поживаете?

— Ничего, живемъ, хлѣбъ жуемъ. Вотъ, Богу молимся все.

— Что же! Это дѣло доброе.

— А вотъ васъ-то и не было въ церкви; а еще жена старосты!— продолжалъ генералъ, не выпуская руки Катерины Васильевны и слегка поковыривая указательнымъ пальцемъ ея ладони. — По какой это причинѣ, позвольте узнать-съ,

— Да такъ, полѣнилось чтой-то... проспала!

— Ей нельзя, ваше превосходительство!— вмѣшался староста, любившій подшучивать надъ своей дражайшей половиной.

— Какъ нельзя! почему? отчего? — вскричалъ генералъ.

— Полѣнилась, говорятъ вамъ!— стыдливо замѣтила Катерина Васильевна.

— Вретъ, вретъ, ваше превосходительство! Вы ее допросите досконально, чтобы правду сказала!

— Ты ужь вѣчно съ своими глупостями!

Генералъ захохоталъ; а Катерина Васильевна совсѣмъ уже застыдилась.

— Понимаю!— проговорилъ генералъ.—Однако, братецъ, это не дѣлаетъ тебѣ чести!

— А что такое, ваше превосходительство?

— Какъ же! сколько лѣтъ ужь ты, того, женатъ...

Староста мотнулъ головой.

— Толста очень, ваше превосходительство, зажирѣла! Ничего не подѣлаешь!

— Будетъ тебѣ городить-то!— вскрикнука Катерина Васильевна и, ударивъ по плечу мужа, вышла въ другую комнату.

— Постой, постой! — кричалъ Семенъ Иванычъ вслѣдъ женѣ.— Ты что же ушла-то! Слышкать! Скомандуй-ка намъ чайку поскорѣе, а послѣ чаю, чтобы закуска была. Слышишь, что ли?

— Слышу!— отозвалась она изъ другой комнаты.

— Вы что же это насъ-то оставили?— кричалъ раскраснѣвшійся генералъ.

— Ужь извините, у меня гости!—отозвалась опять Катерина Васильевна.

— Да вѣдь и я тоже гость.

— Вы мужчина, съ мужчинами и сидите, а я съ дамами буду.

— Намъ скучно безъ васъ.

— Ну, что же дѣлать! Потерпите. Въ другой разъ, когда свободно будетъ, и съ вами посижу.

— Ну, ладно!— проговорилъ генералъ и, усаживаясь въ кресло, спросилъ Семена Иваныча: — какія же это дамы у нея?

— Учительша...

— А! та, какъ бишь ее!—И генералъ защелкалъ пальцами.

— Надежда Ивановна.

— Да, да, Надежда Ивановна Блинова! Такъ, кажется?

— Точно такъ-съ.

— Давно не слыхалъ объ ней. Ну, что, какъ она?

Семенъ Иванычъ только рукой махнулъ.

— Что, плохо?

— Надо хуже, ваше превосходительство, да ужь некуда!

И, пригнувшись къ уху генерала, Семенъ Иванычъ прошепталъ таинственно:

— Вчера разъѣхались!

— Совсѣмъ?

— Совсѣмъ, какъ слѣдуетъ; и имущество свое ко мнѣ перевезла.

— Какая же причина?

— Да что! помилуйте, ваше превосходительство! Вѣдь это терпѣнія никакого не достанетъ! Я даже удивляюсь, какъ Надежда Ивановна терпѣла до сихъ поръ. Куска хлѣба не было подчасъ... Монахомъ разъ наряжался! Вотъ до чего дошло-съ!

— Какъ монахомъ?

— Да такъ-съ! Дошло до того, что ѣсть нечего было; въ долгъ никто не вѣритъ, взаймы никто не даетъ. Вотъ онъ и задумалъ идти по сборамъ. Взялъ у дьячка черное полукафтанье, сшилъ себѣ скуфейку, прицѣпилъ кружку къ поясу, состряпалъ книжку, въ руки посохъ — и маршъ!

— Постой, постой! перебилъ его генералъ. — Это когда было?

— Съ мѣсяцъ что́ ли тому назадъ, ужь хорошенько не припомню.

— Такъ онъ и у меня былъ! Не у меня, то есть,

а тамъ, у моей... у Аннушки... И Аннушка приходила ко мнѣ, и даже выпросила для него рубль серебромъ... И я далъ, дуракъ!

Семенъ Иванычъ улыбнулся презрительно.

— Это чтó рубль! Это пустяки, плевое дѣло! Нѣтъ, вы послушайте-ка, ваше превосходительство, какъ онъ помѣщицу Столбикову обдѣлалъ, такъ это умора! Пришелъ, знаете, къ ней и давай про свой монастырь чудеса разсказывать. Какъ ангелы на колокольню прилетаютъ и въ колокола звонятъ, какъ огонь по ночамъ свѣтитъ во всѣхъ кельяхъ, такъ что монастырь ни свѣчей, ни фотогену не покупаетъ... Какъ икона плачетъ горючими слезами... Словомъ, такихъ чудесъ наговорилъ, что старушка чуть съ ума не сошла! Напоила его чаемъ, накормила, сапоги ему дала — онъ въ лаптяхъ приходилъ къ ней — и, въ концѣ-концовъ, четвертной билетъ вынула. «Нате, дескать, отецъ святой, впередъ не забывайте, жертвую на вашу обитель святую!» Вотъ какой прокуратъ, ваше превосходительство!

— А моя-то Аннушка! почти вскрикнулъ генералъ. — Тоже чаемъ поила его...

— Поила?

— Какъ же! и ужиномъ накормила, и ночевать оставила!.. Вѣдь ты знаешь мою Аннушку, какая она! тоже вѣдь до монаховъ охотница, даромъ что молодая баба!..

И генералъ захохоталъ.

— Такъ они разъѣхались?— спросилъ онъ немного погодя.

— Совсѣмъ-съ. Я ужь и баню велѣлъ для нея изготовить.

— Какъ баню?

— Для жительства, значитъ. Здѣсь-то негдѣ-съ, а въ банѣ ей много спокойнѣе будетъ.

И потомъ, снова нагнувшись, прибавилъ шепотомъ.

— Беременна-съ! вотъ-вотъ разрѣшится должна-съ...

— Ай, ай, ай!

— Вотъ они, какія дѣла̀-то!

— Ну, что же она, раскаивается, по крайней мѣрѣ? Не думаетъ-ли къ мужу вернуться?

— Гмъ! нѐшто мужъ приметъ ее теперь! А вѣдь какая барышня-то была! Я ее еще въ дѣвушкахъ зналъ. И мужъ-то вѣдь тоже парень хорошій, образованный. Теперь участокъ у него тысячъ въ пять десятинъ-съ! Овецъ скупаетъ, саломъ торгуетъ, своя салотопня; посѣвъ большой дѣлаетъ, рогатаго товару тоже, должно быть, ста четыре головъ накупилъ, комуникацію съ Москвой имѣетъ; крупчатку построилъ — муки отличныя фабрикуетъ... Азартный человѣкъ — одно слово! Подите-же вотъ — не полюбился! А все это, я полагаю, молодость тому причиной.

— Нѣтъ, братецъ, ты не говори. Не молодость тутъ, а совсѣмъ другое кроется! Идеи новыя пошли! — замѣтилъ генералъ, тыкая себя по лбу пальцемъ. — Не знаю, до чего только все это дойдетъ! — добавилъ онъ и вздохнувъ взглянулъ на небо.

— А какая дама-то была! Осанка гордая, сама бѣлая, стройная... грудь какая была!

— Помню, помню!

— Ну, а теперь вы ее не узнаете, ваше превосходительство.

— Желалъ бы я повидать ее! Нельзя-ли, а?

— Какъ возможно, ваше превосходительство! — заго-

ворилъ Семенъ Иванычъ. — Она не покажется вамъ... помилуйте-съ! вѣдь совѣстно! Удивляюсь я, ваше превосходительство, людямъ этимъ..

— Какимъ?— спросилъ генералъ нахмурясь.—Косматымъ-то?

— Да-съ. Вѣдь послушать его, такъ три короба наговоритъ, а вѣдь между тѣмъ самый зловредный народъ-съ! Ни совѣсти въ немъ нѣтъ, ни Бога!

Генералъ искоса посмотрѣлъ на Семена Иваныча и, погладивъ подбородокъ, проговорилъ:

— Ну, братецъ ты мой, насчетъ совѣсти, скажу тебѣ, что и у вашей братьи, у торгашей... Возьмемъ хоть тебя къ примѣру...

Семена Иваныча даже передернуло.

— Ты что ни говори, а вѣдь ты кровопивецъ, хотя и разыгрываешь изъ себя сына отечества. Ты и на красный крестъ пожертвуешь, и на крейсеровъ, и колокольню выстроишь, и на какой-нибудь пріютъ отвалишь, а все-таки кровопивецъ... Ты оглянись на себя. Вотъ у тебя и мельница есть, и кабакъ, и лавка; кажется, можно было бы жить честно гражданиномъ, анъ нѣтъ...

— Это такъ точно, ваше превосходительство, — перебилъ его Семенъ Иванычъ: — даже и въ книгѣ Сираха говорится. что трудно купцу...

— Гм... Сираха-то скоро заучиваете. Посмотрѣлъ я недавно на сына нашего лавочника, что за прилавкомъ въ отцовской лавкѣ сидитъ, какъ онъ ловко мужиковъ да бабъ обираетъ... Подлецъ темный, а вѣдь съ цѣпочкой, при часахъ ходитъ. Разбойникъ, чистый разбойникъ! Въ томъ только и разница, что разбойникъ съ топоромъ грабитъ ночью, на большихъ

дорогахъ, а этотъ днемъ въ селѣ, по прилавкамъ, безъ топора, а съ аршиномъ и вѣсами... Такъ вотъ ты и разсуди, какая отъ васъ польза и какая въ васъ совѣсть!

— Это вѣрно, ваше превосходительство, это вѣрно-съ. По правдѣ сказать, мы дошли до того, что стыдно стало чего-нибудь стыдиться!

Генералъ расхохотался. Семенъ Иванычъ тоже хохоталъ во всю мочь, и не знаю, скоро ли кончился бы этотъ хохотъ, еслибъ въ комнату не вошла босоногая Анисья съ подносомъ въ рукахъ.

— Ваше превосходительство! — вскричалъ Семенъ Иванычъ, вскочивъ со стула и показывая на подносъ:— чаю не прикажете ли? Да не угодно-ли вамъ на балкончикъ, тамъ попрохладнѣе будетъ!

Генералъ, между тѣмъ, не двигался съ мѣста и не сводилъ глазъ съ красивой Анисьи.

— Что же это она у тебя босикомъ-то?—спросилъ онъ.

Анисья застыдилась.

— Ты что же въ самомъ дѣлѣ? — подхватилъ Семенъ Иванычъ.

— Да жарко больно!

— Ахъ ты дура, дура! знаешь, что генералъ въ гостяхъ, а ты подомашнему.

— Ну, ничего, сойдетъ и такъ! — оправдывалась Анисья.

— А вѣдь баба-то ничего!—говорилъ, между тѣмъ, Семенъ Иванычъ, подмигивая и высовывая кончикъ языка. — Баба ничего, кровь съ молокомъ! — И генералъ, взявъ одной рукой стаканъ, другой ущипнулъ Анисью за плечо.

— Не замайте, не балуйте!

— Тебѣ который годъ?

— Не скажу.

Генералъ снова ущипнулъ.

— Не замайте! Нѣшто старики такъ дѣлаютъ?

— Развѣ я старикъ! обидѣлся генералъ.

— А то нѣшто молоденькіе!

— Ахъ, ты дура! А ты не знаешь поговорку: «старый конь борозды не испортитъ».

— Ну, чего ужь тамъ! — стыдливо проговорила Анисья, и вышла изъ комнаты.

— Ваше превосходительство, вамъ на балкончикъ не угодно-ли? — повторялъ опять Семенъ Иванычъ.

— Пожалуй, пойдемъ, а то у тебя въ комнатахъ воняетъ чѣмъ-то.

— Дни-то все душные стоятъ!—проговорилъ Семенъ Иванычъ, и поспѣшно перетащилъ на балконъ кресло и маленькій столикъ.

Генералъ усѣлся и, отхлебнувъ чаю, поморщился.

— Что это? — спросилъ онъ.

— А что-съ? переспросилъ въ свою очередь Семенъ Иванычъ.

— Какой это чай у тебя?

— Чай обыкновенный-съ.

— Это не чай, а трава какая-то!.. попробуй-ка!

Семенъ Иванычъ попробовалъ.

— Чай, кажется, хорошій-съ...

— Ну, какой это чай! пробормоталъ генералъ и молча поставилъ стаканъ на столъ.

— Чай двухрублевый-съ,—замѣтилъ сконфуженный Семенъ Иванычъ.

— Ну, братецъ, я такого не пью.

— Можетъ, слабко налито-съ?

— Какой же слабый — черный какъ сусло!

— Такъ можетъ крѣпко-съ; разбавить не прикажете ли?

— Нѣтъ, ужь ты лучше вотъ что: дай-ка мнѣ стаканъ молока хорошаго, а ужь чаю-то я, видно, дома напьюсь!

Семенъ Иванычъ бросился въ комнату и, немного погодя, снова вернулся.

— Приказалъ, ваше превосходительство. Молоко сію минуту принесутъ-съ.

— Что это, братецъ, ты себѣ палисадничка не устроишь, цвѣтничковъ не разобьешь? Купецъ ты, а словно мужикъ живешь! Такое здѣсь прекрасное мѣстоположеніе, а ты рукъ къ нему не приложишь! Конечно, экономія вещь хорошая, но вѣдь и свиньей жить не годится. Вотъ посмотри, какой я себѣ садикъ устрою! Посмотри, что это будетъ!.. Да фонтанъ сдѣлаю.

— Ахъ, ваше превосходительство! Вы и я—большая разница. У васъ имѣніе свое собственное, а вѣдь я что? *арендатель* — больше ничего!.. Нынче здѣсь, а завтра въ другомъ мѣстѣ.

— А на сколько лѣтъ снята у тебя мельница?

— На двадцать.

— А сколько лѣтъ осталось?

— Восемь лѣтъ.

— Бездѣлица!

— При благополучіи, конечно, времени довольно. А вы изволите видѣть года-то—какіе! Урожаи плохіе... помолу мало... А не заплатишь въ срокъ *ренту* — и

въ шею! Нашего брата тоже вѣдь по головкѣ не гладятъ!

Генералу принесли кружку молока.

— Коровой попахиваетъ! — проговорилъ онъ, понюхавъ молоко. — Ну, да видно дѣлать нечего! въ гостяхъ не дома! Ахъ, у меня чистота какая на скотномъ! Вотъ пришли-ка жену свою, пусть посмотритъ, пусть полюбуется... Это вѣдь по ея части?..

И генералъ принялся уписывать молоко съ хлѣбомъ.

II.

Усадьба Діона Павловича Малахова (такъ звали генерала) была всего верстахъ въ семи отъ села Малиновки и располагалась на той-же самой рѣкѣ, на которой помѣщалась и знакомая намъ мельница Семена Иваныча. Усадьба эта состояла изъ небольшаго домика, крытаго желѣзомъ, двухъ, трехъ флигелей, конюшни, каретнаго сарая, ледника и длиннаго хлѣбнаго магазина. Все это строеніе, срубленное изъ хорошаго сосноваго лѣса, было тоже покрыто желѣзомъ и выкрашено, по казенному, дикой краской. Какъ разъ возлѣ дома протекала рѣка, но никакого садика, никакихъ цвѣтниковъ возлѣ дома не было, и вообще вся усадьба имѣла видъ казарменный, словно вновь устроенное небольшое поселеніе аракчеевскихъ временъ. Зато дорога, ведущая изъ усадьбы генерала въ село Малиновку, была весьма живописна. Дорога эта тянулась по правому, нагорному берегу рѣки Малиновки и, пролегая дубовымъ лѣсомъ, то заворачивала въ чащу его, то выбѣгала на самый

берегъ. Берега большею частію были крутые, отвѣсные, покрытые сѣтками кореньевъ и ползучихъ растеній. Тихая, спокойная рѣка ласкала ихъ своими прозрачными водами. И какъ блестѣла эта вода, озаряемая солнцемъ, и словно зеркало извиваясь въ зелени лѣса и прибрежныхъ кустовъ! Но, въ особенности, восхитительна была дорога эта весною, когда деревья начнутъ только-что распускаться, и у подножія ихъ зацвѣтутъ сначала подснѣжники, а затѣмъ фіалки и ландыши. Запахъ цвѣтовъ этихъ наполнялъ воздухъ, между тѣмъ какъ въ листвѣ деревъ и кустарниковъ звучали трели соловья и своеобразный посвистъ «пастушка». Точно роскошнымъ паркомъ идешь, бывало, по этой дорогѣ. Лѣсъ этотъ былъ самымъ любимымъ мѣстомъ для прогулокъ. Сюда аристократія села Малиновки (лѣсъ принадлежалъ къ Малиновской дачѣ) приходила пить чай, встрѣчать первое мая, собирать ландыши, фіалки, а осенью грибы; сюда же на Троицынъ день стекались и крестьянскія дѣвки и бабы завивать вѣнки. И тогда лѣсъ этотъ пестрѣлъ яркими сарафанами и платками, оглашался громкимъ пѣніемъ, звонкимъ веселымъ хохотомъ и словно стоналъ, потрясаемый этими звуками! Здѣсь-же, въ этомъ лѣсу, подъ тѣнью высокихъ деревьевъ, находили себѣ пріютъ и любящія сердца, и много, много вздоховъ, поцѣлуевъ и слезъ видѣлъ этотъ лѣсъ и бережно покрывалъ своимъ зеленымъ шатромъ. Такъ какъ тутъ же, возлѣ опушки лѣса, протекала и рѣка Малиновка, отличавшаяся обиліемъ рыбы, то сюда стекались и всѣ малиновскіе рыболовы. Пристроившись гдѣ-нибудь подъ тѣнью ивы, сидятъ, бывало, эти рыбаки и, разставивъ передъ собою удочки, лихорадочно слѣдятъ за поплав-

ками. И сколько было между ними похожихъ на того рыбака, котораго такъ восхитительно изобразила мастерская кисть Перова! Сидятъ рыбаки эти неподвижно, затаивъ дыханіе, и нѣтъ-нѣтъ, кто-нибудь изъ нихъ выхватитъ изъ воды то золотистаго линя, то серебристаго окуня, то жирнаго, мясистаго леща. А какъ восхитителенъ былъ лѣсъ этотъ ночью, когда мракъ окутаетъ его со всѣхъ сторонъ, когда онъ наполнится шелестомъ и когда среди этого мрака загорятся свѣтящіеся жучки и словно бриллíанты засверкаютъ въ молодой травѣ и весеннихъ цвѣтахъ.

Хотя усадьба Діона Павловича и не отличалась красотою и изяществомъ, но все-таки всякій другой, обладая ею, этимъ гнѣздомъ, свитымъ среди тишины степей и луговъ, считалъ бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Но генералъ Малаховъ смотрѣлъ на гнѣздо это, какъ на свою преждевременную могилу. Онъ былъ раздраженъ и, въ раздраженіи этомъ, терзался. Я сказалъ уже, что генералу Малахову было лѣтъ шестьдесятъ. Это былъ мужчина средняго роста, плотный, коренастый, съ высокой грудью и такими же плечами. Что-то монументальное проглядывало во всей его фигурѣ. Лицо у него было не суровое, но строгое; носъ средній, довольно широкій, съ раздутыми ноздрями; губы толстыя, усы щетинистые, ровно подстриженные, лобъ низкій, скулы широкія, украшенныя жирнымъ подбородкомъ, довольно важно лежавшимъ на стоячемъ воротникѣ мундира. Стригся генералъ Малаховъ подъ гребешокъ и можетъ быть поэтому только имѣлъ солдатскій видъ, словно происходилъ онъ изъ сдаточныхъ. Діонъ Павловичъ былъ крымскій генералъ, и такъ какъ поселился въ описан-

ной мѣстности не такъ давно, то прошедшее его было покрыто мракомъ неизвѣстности. Однако, нельзя было не усмотрѣть, что Діонъ Павловичъ былъ изъ числа оскорбленныхъ. Отпоровъ погоны, генералъ развернулъ мошну и, купивъ съ аукціона тысячу десятинъ земли въ описанной мѣстности, удалился отъ дѣлъ, выписалъ «Инвалидъ» и сосредоточился. За имѣніе онъ отсчиталъ все новенькими кредитными билетами съ нумерами, идущими подъ рядъ, и такими же билетами наводнилъ на первыхъ порахъ весь околодокъ. Билеты эти заставили говорить о генералѣ, какъ о новомъ Ротшильдѣ, но такъ какъ, по истеченіи нѣкотораго времени, денежные знаки эти, а равно и блестящее серебро стали исчезать и замѣняться старенькими и вдобавокъ не столь уже обильно раздавались генераломъ, то и баснословные толки о неисчерпаемыхъ богатствахъ стали умаляться. Надо сказать, что Діонъ Павловичъ, какъ и всѣ подобные ему генералы, никогда не жившіе въ деревнѣ и неимѣвшіе о сельскомъ хозяйствѣ даже и поверхностнаго понятія, купивъ имѣніе въ припадкѣ раздраженія, какъ говорится, *наскочилъ* жестоко и обрѣлъ совершенно не то, что думалъ обрѣсти въ своей новой Палестинѣ. Земля оказалась далеко не столь плодородною, каковою значилась по бумагамъ банка; лѣсъ далеко не дѣвственнымъ; заливные луга запущенными и поросшими мелкимъ кустарникомъ и назойливымъ хрѣномъ; водяная мельница съ прорванною плотиной и подгнившими сваями, а старинный барскій домъ оказался до того стариннымъ, что въ немъ не только невозможно было жить, но даже опасно было приблизиться къ нему.

Генералъ разсердился, обругалъ банкъ подлецомъ, отправился въ Саратовъ, навезъ въ имѣніе сосновыхъ брусьевъ, тёсу и досокъ; нагналъ плотниковъ, пильщиковъ и каменьщиковъ, разбилъ себѣ палатку, поставилъ въ нее походную желѣзную кровать и, сломавъ старинный барскій домъ до основанія, принялся за постройку флигеля о двухъ половинахъ, конюшни, каретника, двухъ избъ для рабочихъ, а весь лѣсъ старинной барской усадьбы перепилилъ на дрова, сложилъ въ сажонки, построилъ сажонки эти колоннами фронтомъ къ дому, а флангами къ каретнику и ледннику. Всю постройку Діонъ Павловичъ произвелъ быстро, по военному, какъ-будто воздвигалъ ее подъ огнемъ непріятеля. Пріѣхавшій съ нимъ горнистъ Щипцовъ, спавшій возлѣ палатки генерала, игралъ утромъ и вечеромъ *зорю*, рожкомъ будилъ рабочихъ, сзывалъ ихъ къ завтраку и къ обѣду. По рожку вставалъ и самъ генералъ; мгновенно вскакивалъ съ постели, шелъ къ ручью умываться, и затѣмъ, надѣвъ люстриновую съ красными кантами шинель, лично распоряжался работами. Къ осени постройка была покончена. Генералъ, отслуживъ молебенъ съ водосвятіемъ, сдѣлалъ рабочимъ обѣдъ съ жареными баранами (рога которыхъ Шипцовъ позолотилъ сусальнымъ золотомъ), и выпивъ чарку за здоровье рабочихъ, удалился въ свои апартаменты въ сообществѣ попа и дьякона. Въ тотъ же день, была пущена и мельница. По рожку Щипцова, въ ту самую минуту, когда священникъ опустилъ крестъ въ чашу съ водой, а дьячокъ Анкудинычъ затянулъ, подперевъ кулакомъ щеку: «спаси Господи люди твоя», шлюзы были подняты, колеса завертѣлись, запушились мелкими брызгами,

заговорили жернова, застучали ковши и посыпалась въ лари рукавомъ теплая мука.

Флигель выстроилъ себѣ генералъ небольшой, о двухъ половинахъ, раздѣлявшихся просторными сѣнями. Одну половину, состоящую изъ крохотной прихожей, въ которой постоянно спалъ горнистъ Щипцовъ, небольшой залы, кабинета и спальной, занималъ самъ Діонъ Павловичъ, а другую, состоявшую изъ двухъ комнатъ занимала Анна Герасимовна. Какую роль играла Анна Герасимовна въ домѣ генерала—неизвѣстно; народъ слышалъ, впрочемъ, какъ дама эта называла Діона Павловича то вашимъ превосходительствомъ, а то и старымъ колпакомъ. Послѣднее произносилось, однако, только въ припадкѣ гнѣва Анны Герасимовны и именно тогда только, когда припадокъ этотъ, достигнувъ крайнихъ предѣловъ, обыкновенно кончался отступленіемъ генерала на свою половину.

Анна Герасимовна была женщина лѣтъ 25-ти, полная, бѣлая, румяная, съ лицомъ красивымъ и весьма заманчивыми движеніями. Когда она была въ добромъ расположеніи, а въ особенности, когда у нея бывали гости, то рѣчь свою она какъ-то тянула, говорила нараспѣвъ, прищуривала глаза, и такъ плутовски поводила ими, что, глядя на глаза эти, генералъ приходилъ въ восторженное состояніе. Анна Герасимовна дома ходила большею частію въ *дезабилье*, въ блузахъ; когда-же отправлялась въ гости или къ обѣднѣ въ село Малиновку, то рядилась въ шелковыя платья и обращала на себя взоры всѣхъ охотниковъ поглазѣть на женскую красоту. Анна Герасимовна въ домѣ Діона Павловича значилась чѣмъ-то въ родѣ экономки, но, откровенно сказать, никакимъ домашнимъ хозяйствомъ

не занималась, и вся дѣятельность ея въ качествѣ экономки ограничивалась только разливаніемъ чая, и то только тогда, когда она находилась въ добромъ расположеніи; въ расположеніи-же противоположномъ она швыряла чай и сахаръ, и Щипцовъ волей-неволей принимался за это бабье дѣло. Почти цѣлый день проводила она въ своей комнатѣ, лѣниво растянувшись на кушеткѣ, или-же сидѣла за столомъ и гадала на картахъ. Она все мечтала о *суженомъ* и когда таковой картами обѣщался, то снова ложилась на кушетку, закидывала руки подъ голову и, закрывъ глаза, млѣла. Но мечты оставались мечтами, и суженый являлся только въ одномъ воображеніи. Послѣ подобныхъ мечтаній Анна Герасимовна раздражалась при видѣ Діона Павловича, называла его «старымъ», а Щипцовъ надѣвалъ фартукъ и принимался за чай.

Нечего говорить послѣ этого, что домашнее хозяйство Діона Павловича шло изъ рукъ вонъ плохо. У него не было ни порядочнаго масла, ни наливокъ, ни варенья, даже не было порядочной капусты и порядочныхъ соленыхъ огурцовъ, и, по всей вѣроятности, не будь при генералѣ Щипцова, то его превосходительству пришлось бы нерѣдко оставаться даже и безъ обѣда.

Построившись какъ слѣдуетъ и отпраздновавъ новоселье, генералъ немного успокоился, но спокойное состояніе это было непродолжительно. Такъ какъ разстроенное имѣніе не могло, конечно, приносить надлежащаго дохода, то генералъ долженъ былъ тратить собственныя свои деньги, то есть проживать капиталъ. Діонъ Павловичъ кряхтѣлъ, сердился, и съ наступленіемъ весны принялся за дѣло. Въ припадкѣ

раздраженія онъ сдѣлалъ громадный посѣвъ, но такъ какъ онъ въ хозяйствѣ понималъ мало и съ мужиками обращаться не умѣлъ, то, понятно, дѣло не спорилось. Пахари плохо пахали, сѣятели воровали сѣмена, косцы небрежно косили, жнецы и жницы небрежно жали, и, видя все это, главный прикащикъ генерала, Щипцовъ, только охалъ и разводилъ руками. Сверхъ этого, мужики, смѣтивъ съ кѣмъ имѣютъ дѣло, принялись тащить все, что только плохо лежало. Въ лѣсу начались порубки, сѣно исчезало съ луговъ чуть не цѣлыми стогами; за землю платили плохо, такъ что недоимокъ оказалось значительное количество и генералъ озлобился еще болѣе. Онъ горячился, выходилъ изъ себя, засыпалъ мѣстнаго судью жалобами; жаловался на воровство, мошенничество, на невыполненіе словесныхъ договоровъ, но такъ какъ жалобы свои онъ подтверждалъ лишь честнымъ словомъ *стараго солдата*, то и всѣ дѣла свои на судѣ проигрывалъ. Генералъ обозлился на мужика, не могъ хладнокровно говорить, и кончилъ тѣмъ, что непосредственно ни съ кѣмъ не объяснялся, а объяснялся лишь или черезъ Щипцова или черезъ Анну Герасимовну, когда та, будучи въ добромъ расположеніи, не отказывалась отъ этого.

Тѣмъ не менѣе, генералъ хозяйства нетолько не бросалъ, но напротивъ, принялся за посѣвы съ еще болѣе лихорадочнымъ рвеніемъ, всячески стараясь воротить тѣ кредитки, которыя потратилъ на улучшеніе имѣнія. Но такъ какъ всякое лихорадочное дѣяніе не можетъ принести добраго результата, то истина эта повторилась и съ генераломъ. Генералъ метался какъ угорѣлый и повсюду пропадалъ. Посѣетъ, напримѣръ, рожь — глядь, рожь пропала, а яровые у

сосѣдей великолѣпные. Генералъ бросалъ рожь, и сѣялъ одни яровые хлѣба — хвать, яровыхъ нѣтъ, а рожь, напротивъ, всѣхъ выручила. Глядя на сосѣда, получившаго большой доходъ отъ льна, Діонъ Павловичъ чуть не всю дачу свою засѣялъ льномъ, но напалъ червь, пошла засуха, — и ленъ пропалъ до тла.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ неудачъ, деревенская жизнь генерала протекала томительно. Сосѣдства не было у него почти никакого, да и врядъ ли могъ бы онъ сойтись съ какимъ-либо сосѣдомъ. Оставалось, слѣдовательно, надѣть халатъ и удовольствоваться одной молчаливой бесѣдой «Инвалида». Но и «Инвалидъ» точно насмѣхъ только раздражалъ Діона Павловича! Тамъ печаталось производство бывшихъ его подчиненныхъ; читая всѣ эти повышенія и поощренія, эту бѣготню взапуски, генералъ бросалъ газету, вскочивъ со стула, ругалъ всѣхъ и все и принимался барабанить по окну. Разлитіе желчи доходило иногда до того, что Діонъ Павловичъ бранилъ и дождь, гноившій его хлѣба, и солнце, если оно жарило, и неотвязныхъ мухъ, недававшихъ ему покоя, и вѣтеръ, и тучи. Топалъ ногами, сжималъ кулаки и, наконецъ, кончалъ тѣмъ, что принимался бранить самого себя. «И дернулъ-же меня чортъ! — кричалъ онъ, потрясая кулаками: — купить это дурацкое имѣніе, тогда какъ на проценты съ капитала я могъ бы жить себѣ припѣваючи не въ какой-нибудь дурацкой глуши, а даже въ столицѣ!» И, переносясь мысленно въ эту столицу, онъ воображалъ, что ходитъ по улицамъ, что солдаты отдаютъ ему честь, что онъ присутствуетъ на смотру, говоритъ съ генералами...

И вспомнилъ онъ тогда свое прошлое, свою военную

жизнь, свое хотя и не быстрое, но постоянное повышеніе въ рангахъ; вспоминалъ, какъ онъ когда-то командовалъ полкомъ, переходилъ Дунай, и, искоса посматривая на стройно возвышавшіяся передъ его глазами сажени дровъ, невольно увлекался и воображалъ, что стоитъ не передъ заготовленнымъ для топки матеріаломъ, а передъ полкомъ...

Въ такомъ положеніи застали генерала послѣднія военныя событія. Какъ только запахло въ воздухѣ войной, такъ съ той-же минуты генералъ Малаховъ пріободрился; онъ ожидалъ, что про него вспомнятъ; но ожиданія эти оставались только одними ожиданіями. Война началась и кончилась; безъ него переходили Дунай и Балканы; безъ него пали къ ногамъ побѣдителей Карсъ и Эрзерумъ, а онъ все оставался въ своемъ деревенскомъ домикѣ въ сообществѣ Анны Герасимовны и Щипцова, среди своего безалабернаго хозяйства, и ни единый трубный звукъ, ни единый пушечный выстрѣлъ или трескъ лопнувшей бомбы не нарушилъ его мирнаго существованія. Только съ прекращеніемъ войны и берлинскаго конгресса генералъ Малаховъ какъ будто поуспокоился и, съ нѣкоторою язвительностію посвистывая въ усы, принялся за свои обычныя занятія.

III.

Насколько былъ огорченъ генералъ Малаховъ, настолько Семенъ Иванычъ Бузыкинъ былъ, напротивъ, всѣмъ доволенъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, высокаго роста, худой, со впалой грудью и длинными

ногами. Ноги эти казались еще длиннѣе отъ тѣхъ коротенькихъ *пинжаковъ*, которые Семенъ Иванычъ постоянно носилъ, окончательно отрѣшившись отъ долгополыхъ купеческихъ сюртуковъ и сапоговъ съ бураками. Что былъ за человѣкъ Семенъ Иванычъ, т. е. къ разряду какихъ людей принадлежалъ онъ, рѣшить было трудно. Какъ хамелеонъ, онъ мѣнялся и въ мнѣніяхъ, и въ дѣйствіяхъ. Семенъ Иванычъ каралъ все: лихоимство, неправосудіе, мошенничество, пьянство, алчность, воровство, злостное банкротство, прелюбодѣяніе, а самъ на дѣлѣ продѣлывалъ все то, что каралъ, и когда это замѣчали ему, онъ говорилъ: «Ахъ, господа! это совсѣмъ не то! какъ это вы смѣшиваете! Тутъ *мотивы* совершенно другіе! Я, кажется, не такой человѣкъ!» и т. п. Человѣкъ онъ былъ малограмотный; подписывалъ не Семенъ, а *Сименъ*, но тѣмъ не менѣе, наслушавшись иностранныхъ словъ, любилъ пересыпать ими свою рѣчь. Фактъ, онъ произносилъ: *фахтъ*, рискъ — *рыскъ*, лимонъ — *алимонъ*. Солидарность, по его мнѣнію, означала *солидность;* протекція — дождливую погоду; утопія — грязь, топкое мѣсто; алхимикъ — что-то въ родѣ мошенника; оптикъ — человѣка опытнаго и т. д.

— Мельничное дѣло, да кабацкое дѣло,— говорилъ онъ: — это самая солидарная операція: не то что, напримѣръ, свиная комуникація. Я въ дѣлахъ этихъ оптикъ. Свиньи — нѣтъ хуже! Накупишь свиней, раскормишь ихъ, порѣжешь, повезешь къ Рождеству въ Москву, думаешь барыша взять — хвать, оттепель пойдетъ, протекція, и кричи: *караулъ!*

Лѣтъ восемь тому назадъ, Семенъ Иванычъ служилъ прикащикомъ у родственниковъ своихъ, довольно

богатыхъ купцовъ, имѣвшихъ нѣсколько крупчатокъ и другихъ промышленныхъ заведеній. По дѣламъ купцовъ этихъ Семенъ Иванычъ часто бывалъ въ Москвѣ, Петербургѣ и другихъ торговыхъ и промышленныхъ городахъ; видѣлъ Живокини, Садовскаго, сталкивался съ торговцами, зналъ всѣхъ мѣстныхъ помѣщиковъ и, вслѣдствіе этого, въ извѣстной степени, понатерся. Но служба эта ему надоѣла; ему захотѣлось быть самому хозяиномъ. Женившись на настоящей женѣ своей, Катеринѣ Васильевнѣ, онъ серьёзно рѣшился завести свое собственное дѣло и пожить хозяиномъ возлѣ молодой жены. Съ этой цѣлію, Семенъ Иванычъ пріѣхалъ въ село Малиновку, снялъ знакомую уже намъ водяную мельницу, открылъ на базарной площади вседневную лавку съ разными овощными, москательными и скобяными товарами, и на той же базарной площади снялъ кабакъ съ продажею питей распивочно и на выносъ. Разставивъ эти сѣти, Семенъ Иванычъ принялся торговать, и нечего говорить, что все окрестное населеніе не замедлило попасть въ эти сѣти, и путалось въ нихъ, какъ зайцы въ тенетахъ. Но Семенъ Иванычъ, несмотря на все желаніе разбогатѣть и нажиться безъ особенныхъ хлопотъ, въ дѣлѣ этомъ не успѣвалъ. Онъ повелъ жизнь не по средствамъ: нашилъ себѣ куцыхъ пинжаковъ и визитокъ; завелся лисьей шубой съ бобровымъ воротникомъ; нашилъ Катеринѣ Васильевнѣ шелковыхъ платьевъ; накупилъ вычурныхъ шляпокъ съ цѣлыми снопами цвѣтовъ; нанялъ прикащиковъ, *куфарокъ;* началъ перекидываться въ картишки, попивать водочку, ромо́къ и, вслѣдствіе всего этого, не только не богатѣлъ, но видимо достигалъ лишь про-

тивоположнаго. Онъ поживалъ себѣ въ свое удовольствіе, но въ дѣла ни онъ, ни жена не вникали. Катерина Васильевна по цѣлымъ днямъ сидѣла въ гостиной на диванѣ въ сообществѣ дамъ села Малиновки, а Семенъ Иванычъ — въ залѣ, гдѣ никогда не сходила со стола закуска, водка и вино. Общество Семена Иваныча состояло изъ Органскаго, судебнаго пристава Малинина, фельдшера Нирьюта, корреспондента газеты «Простыня» Курганова, священника, дьякона и другихъ. Всѣ эти господа проводили у Семена Иваныча цѣлые дни, пили, ѣли, играли въ картишки и вообще благодушествовали какъ нельзя лучше. На мельницу и въ кабакъ Семенъ Иванычъ заглядывалъ весьма рѣдко, поручивъ все это надзору прикащиковъ, и только посѣщалъ иногда лавку. Но и это дѣлалъ онъ не съ хозяйственной цѣлію, а скорѣй для развлеченія, для прогулки и чтобы потѣшить молодую жену. Для этого толстая лошадь Семена Иваныча запрягалась въ санки или дрожки, смотря по сезону, и расфранченная чета ѣхала въ лавку. Семенъ Иванычъ считалъ выручку, а Катерина Васильевна, усѣвшись на стулъ, принималась грызть орѣхи, карамели, жевать пряники, коврижки и проч. Завидѣвъ Семена Иваныча прибывшимъ въ лавку, учитель Органскій, приставъ Малининъ, корреспондентъ Кургановъ и фельдшеръ Нирьютъ спѣшили тоже въ лавку, и Семенъ Иванычъ, обрадованный приходомъ пріятелей, приглашалъ ихъ въ теплушку, посылалъ молодца въ *свой* кабакъ за *своей* водкой, бралъ изъ *своей* лавки колбасу, балыкъ, и попойка начиналась. Нерѣдко вся эта компанія, подвыпивъ, отправлялась къ Семену Иванычу на домъ; раскладывался карточный столъ, и пирушка,

начавшаяся въ лавкѣ, продолжалась на дому во всю ночь, и весьма часто гости, не попавъ домой, ночевали гдѣ-нибудь на гумнахъ, въ соломѣ. Проснувшись, гости съ отуманенными головами прямо изъ соломы спѣшили опять къ Семену Иванычу, и послѣдній встрѣчалъ ихъ съ распростертыми объятіями, такъ какъ и самъ чувствовалъ потребность опохмѣлиться. Завидѣвъ пріятелей, онъ выскакивалъ на крылечко и кричалъ:

— Что, какъ дѣла?

Но пріятели только молча указывали на голову и махали руками.

— Значитъ, надо того? — говорилъ Семенъ Иванычъ, щелкая себя по галстуху. — Надо клинъ клиномъ.

И они опять начинали *заклинивать*.

Во время попоекъ этихъ Семенъ Иванычъ любилъ подшучивать надъ своей супругой. Прогуливался насчетъ ея толщины, разспрашивалъ, хорошо-ли провела она ночь, отчего чувствуетъ тошноту и боль подъ ложечкой, зачѣмъ ѣстъ рѣдьку съ квасомъ. Катерина Васильевна отшучивалась, смѣялась, а Семенъ Иванычъ подмигивалъ пріятелямъ и подмигиваніемъ этимъ возбуждалъ общій хохотъ. Катерина Васильевна обзывала мужа болтуномъ, хлопала его по плечу и уходила въ свою комнату.

Иногда попойки эти кончались дракой, и Семенъ Иванычъ, никогда не дравшійся, спѣшилъ разнимать задорныхъ; но такъ какъ, потщедушію своему, онъ не обладалъ достаточной силой, то и рѣдко достигалъ умиротворенія.

— До огней дѣло дошло! — разсказывалъ послѣ Семенъ Иванычъ: — огни открывать начали!.. Вотъ, что

дѣлаетъ *она*-то! (подъ словомъ она, Семенъ Иванычъ подразумѣвалъ водку).

Однако, драки эти всегда кончались ничѣмъ, и хотя пріятели оказывались иногда съ подбитыми глазами и выщипанными волосами, но на все это не претендовали, справедливо объясняя, что въ *пьяномъ видѣ мало-ли что дѣлается, и сердиться на это довольно даже глупо.*

Съ мѣстными купцами Семенъ Иванычъ знался мало, считая всѣхъ ихъ людьми необразованными, мошенниками, кровопійцами, богатѣющими лишь по глупости мужиковъ. Купеческія мошенничества и алчныя продѣлки ихъ съ простоватыми крестьянами были любимой тэмой его разсказовъ, и надо отдать справедливость, что все это Семенъ Иванычъ разсказывалъ съ большимъ юморомъ. Водку въ кабакѣ онъ *сыропилъ* безцеремонно; муку мололъ такъ крупно, что чуть не пополамъ только дробилъ зерно; но въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было призанять деньжонокъ, Семенъ Иванычъ не пренебрегалъ никакими средствами. Онъ подпаивалъ мужика и водкой, и чаемъ, ухаживалъ за нимъ по нѣскольку дней, и, наконецъ, когда мужикъ отъ продолжительнаго пьянства положительно терялъ разсудокъ, онъ занималъ деньги, а въ обезпеченіе снабжалъ его роспиской, которую обыкновенно составлялъ въ слѣдующей формѣ: получаю отъ Герасима Еганова пятьдесятъ рублей. Сименъ Бузыкинъ. Мужичекъ свертывалъ граматку, пряталъ ее въ сундукъ и когда, по неплатежу Семеномъ Иванычемъ денегъ, росписку эту приходилось представлять ко взысканію, то крестьянинъ не мало удивлялся, что судъ отказывалъ въ искѣ по бездоказательности.

Досыта подивившись, что по другимъ роспискамъ судъ всѣмъ взыскиваетъ, а по его, крестьянина, роспискѣ не взыскалъ ничего, мужичекъ шелъ къ Семену Иванычу съ повинной головой, валялся у него въ ногахъ, плакалъ, просилъ не пустить по міру съ малыми сиротами и, въ чаяніи получить хотя когда-нибудь свои трудовыя деньги, начиналъ задобривать Семена Иваныча, дѣлался его безплатнымъ батракомъ. Понадобится-ли Семену Иванычу ѣхать въ уѣздный городъ, заимодавецъ запрягаетъ пару лошадей съ колокольчикомъ и везетъ своего должника въ городъ. Нужно-ли Семену Иванычу перевезти сѣно, онъ, заимодавецъ, ѣдетъ въ степь и перевозитъ сѣно; онъ рубитъ ему дрова, возитъ воду, работаетъ на кузницѣ, словомъ — дѣлаетъ все, чтобы только не пропали его деньги и, въ концѣ-концовъ, деньги все-таки пропадали.

Не смотря, однако, на подобныя и многія другія ухищренія, въ родѣ, напримѣръ, обвѣшиванья, обмѣриванья, утайки чужаго имущества, дѣла Семена Иваныча, благодаря его размашистой натурѣ, были весьма незавидны. Мельницу его мужички стали обѣгать, кабакъ въ Малиновкѣ появился другой, почти рядомъ съ кабакомъ Семена Иваныча; въ лавкѣ его стояло на полкахъ гораздо болѣе пустыхъ коробокъ и ящиковъ, нежели наполненныхъ товаромъ; видя все это, и народъ сталъ относиться къ Семену Иванычу недовѣрчиво. Кредиторы стали тревожить его и хотя Семенъ Иванычъ нисколько ихъ не боялся, но все-таки скандалы происходили безпрестанно, и это ему надоѣло. Надъ франтовствомъ Семена Иваныча нѣкоторые стали уже подшучивать, а рабочіе, не получавшіе по нѣ-

сколько мѣсяцевъ жалованья, отходили съ бранью. На грѣхъ появился въ Малиновкѣ другой торговецъ, Соколовъ и, снявъ на площади лавку, принялся торговать на славу. Онъ навезъ чаю, сахару, кофе, свѣчей, фотогену, икры, балыковъ, разнаго печенья и конфектъ, и окончательно увлекъ весь околодокъ. Видя все это, и друзья какъ-то стали охладѣвать къ Семену Иванычу, стали надъ нимъ подшучивать и острить. Мѣстный священникъ пересталъ его награждать просфорами; мясной торговецъ Иванъ Максимычъ пересталъ ему отпускать вдолгъ говядину и прозвалъ его *петербургскимъ желтопузикомъ;* фельдшеръ Нирьютъ увѣрялъ, что Семенъ Иванычъ страдаетъ *фебрисъ карманисъ* и проч. Къ довершенію всего, въ рѣкѣ Малиновкѣ, на которой стояла мельница, напала какая то болѣзнь на сомовъ и всѣ они, какъ шальные, полѣзли въ каузъ; мужики ловили ихъ чуть не руками и кстати сочинили, будто сомы эти плывутъ къ Семену Иванычу за деньгами, которыя онъ у нихъ позанималъ въ разное время.

Не смотря, однако, на все это, Семенъ Иванычъ не унывалъ. Продавая по секрету кое-что лишнее и занимая, по секрету же, у людей, не знающихъ его, деньжонки, иногда даже порядочными кушами, онъ продолжалъ жить по-прежнему, продолжалъ себѣ щеголять въ коротенькихъ *пинжакахъ* и визиткахъ, продолжалъ громогласно карать безнравственность и мошенничество, и, попрежнему, всякій разъ, какъ только отправлялся въ городъ, привозилъ женѣ шляпки и мантильи, и по-прежнему сражался въ картишки и попивалъ водочку. Судебный приставъ, учитель и

корреспондентъ оставались его вѣрными друзьями и видѣлись съ нимъ почти каждый день.

Однако, возвратимся къ разсказу.

IV.

Генералъ Малаховъ, не смотря на то, что поданное ему молоко пахло коровой, выпилъ таковаго кружки три и, съѣвъ при этомъ нѣсколько ломтей отличнаго мягкаго пшеничнаго хлѣба, который тоже, по мнѣнію Діона Павловича, отзывался чѣмъ-то затхлымъ, покуривалъ уже трубку (трубку онъ возилъ всегда съ собою) и, слушая разсужденія Семена Иваныча по поводу только-что умолкнувшей войны и по поводу разныхъ во-очію совершившихся геройскихъ подвиговъ, посматривалъ на Семена Иваныча не то съ сожалѣніемъ, не то съ презрѣніемъ. Онъ отрывисто попыхивалъ дымомъ, выпуская его какъ-то черезъ лѣвый уголъ рта, какъ-то нервно и торопливо прижималъ вылѣзавшій изъ трубки пепелъ и, наконецъ, не вытерпѣлъ.

— Ты меня извини, Семенъ Иванычъ, — проговорилъ онъ, наконецъ: — но тебя ей-ей смѣшно слушать. Вотъ ты говоришь: Плевна! да Плевна! А самъ вѣдь не понимаешь, что такое Плевна! Вотъ поэтому ты такъ и разсуждаешь.

— Это точно, ваше превосходительство: въ дѣлѣ этомъ я понимаю плохо, но читалъ и въ «Простынѣ»...

— Гмъ! — перебилъ его генералъ. — «Простыня»!..

— И въ «Дневникѣ» тоже, ваше превосходительство! — перебилъ его въ свою очередь Семенъ Иванычъ.

Но генералъ даже съ мѣста вскочилъ.

— Ну, что ты мнѣ толкуешь! — кричалъ онъ: — Ну, что ты мнѣ толкуешь! мало ли что тебѣ будетъ разсказывать какая-нибудь газетишка, которой и цѣна-то грошъ мѣдный, а ты вѣришь!

— Конечно... — заикнулся было Семенъ Иванычъ, но генералъ опять перебилъ его.

— Тѣ-то вотъ и бѣда-то! — проговорилъ онъ немного спокойнѣе. — Въ томъ-то и горе, что у насъ теперь всѣ писать принялись; пишутъ чортъ знаетъ что, даже не могутъ себѣ отдать отчета въ томъ, что они написали. Ты поразспроси старыхъ, боевыхъ генераловъ, тогда ты узнаешь, что за птица Плевна! Плевна, братецъ...

— Конечно-съ... — забормоталъ совершенно уже растерявшійся Семенъ Иванычъ: — Турки, дѣйствительно, послѣ ужь сдѣлали ее *солидарной*... Ну, а все-таки нельзя же совершенно отрицать... Представьте хоть къ примѣру: Дунай-рѣка, Балканъ-гора... надо тоже и черезъ нее перелѣзть...

Генералъ опять разсердился.

— Дунай-рѣка! Такъ развѣ черезъ Дунай-то мы въ первый разъ переходимъ! Ты бы вотъ, чѣмъ «Простыню» то читать, взялъ бы лучше исторію, тогда бы и узналъ... Гмъ! Дунай-рѣка! вѣдь вотъ ты опять затвердилъ... А что такое Дунай-рѣка? Что такое Балканъ-гора?..

— Да-съ... Балканъ... Шипка...

— Самъ-то ты Шипка! — передразнилъ его генералъ. — Ну, знаешь ли ты, что такое Дунай?

— Рѣка... — сконфуженно пробормоталъ Семенъ Иванычъ.

— А какая?

— Съ синими водами, говорятъ.

— Съ синими водами!.. Ты бы вотъ поразспросилъ, какъ *мы* Дунай-то переходили, какъ *мы* дрались тамъ да колотили турокъ нехристей.

— А вы развѣ тоже были тамъ?— недовѣрчиво спросилъ Семенъ Иванычъ.

— Нѣтъ, не были!— самодовольно промычалъ генералъ, но, потомъ вдругъ завротивъ рукавъ кителя почти до локтя, точно также какъ и сорочку, онъ указалъ на какой-то бѣлый шрамъ.

— Видишь?— спросилъ онъ.

— Вижу-съ.

— Ну, а вотъ это теперь!— проговорилъ генералъ и, мгновенно оправивъ рукавъ, принялся стаскивать сапогъ. Когда сапогъ былъ снятъ и нога обнажена выше колѣна, онъ снова указалъ на какое-то бурое пятно пониже колѣна, при видѣ котораго Семенъ Иванычъ даже руками развелъ, какъ-то поблѣднѣлъ и, вытаращивъ глаза, спросилъ робко:

— А это что же такое, ваше превосходительство.

— Такъ, ничего, турчанка поцѣловала!—проговорилъ генералъ.

— Гдѣ же-съ?

Генералъ взглянулъ на Семена Иваныча.

— А тебѣ хочется знать?

— Лестно было бы-съ.

— На Дунаѣ.

Семенъ Иванычъ даже задумался.

— Я вижу, братецъ, что ты и не зналъ даже, что Дунай не въ первый разъ переходятъ. Эхъ, ты дурa-голова!

Семенъ Иванычъ сконфузился, потому что дѣйствительно онъ былъ въ полномъ убѣжденіи, что до послѣдней войны никто никогда Дунай-рѣку не переходилъ. Однако, онъ сдѣлалъ видъ, какъ-будто только забылъ объ этомъ, и только попросилъ генерала разсказать ему про эту переправу, а главное,—объяснить, при какихъ обстоятельствахъ получилъ онъ тѣ раны, которыя показывалъ.

Діонъ Павловичъ успѣлъ, между тѣмъ, привести въ порядокъ свой костюмъ и, взглянувъ еще разъ на переконфузившагося Семена Иваныча, спросилъ его насмѣшливо:

— Такъ ты про прежнія переправы не зналъ ничего?

— Виноватъ, ваше превосходительство, не слыхалъ-съ! — покаялся Семенъ Иванычъ.

— Гдѣ же ты былъ передъ крымской-то кампаніей?

— Въ Моршанскѣ-съ, въ молодцахъ по хлѣбной комуникаціи.

Генералъ расхохотался.

— Ну, такъ знай, что Дунай переходится войсками не въ первый разъ, и что въ запрошлую турецкую кампанію войска наши, по распоряженію главнокомандующаго князя Горчакова, переправились черезъ Дунай въ трехъ пунктахъ одновременно. Помни, въ трехъ пунктахъ...

Семенъ Иванычъ кивнулъ головой: буду, молъ, помнить!

— Въ Браиловѣ подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго, въ Галацѣ подъ командою генерала Лидерса и въ Измаилѣ подъ командою генералъ-лейтенанта Александра Клеоновича Ушакова. Вотъ въ этомъ-то отрядѣ имѣлъ счастіе состоять и я. Составъ

войскъ генерала Ушакова былъ слѣдующій: седьмой пѣхотной дивизіи смоленскаго полка 3½ батальона, могилевскаго два батальона; витебскій и полоцкій егерскіе полки восемь батальоновъ; пятаго сапернаго батальона одна рота — итого тринадцать съ половиною батальоновъ. Двѣ бригады 3-й легкой кавалерійской дивизіи гусарскіе принца Фридриха Гессенъ-Кассельскаго и генералъ-фельдмаршала графа Радецкаго полка: шестнадцать эскадроновъ. Донской казачій № 1 Сазонова полкъ шесть сотенъ. Седьмой артиллерійской бригады батарейныя № 1 и 2 батареи по 12 орудій, легкой № 1 батареи 6 орудій и легкая № 2 батарея 12 орудій и конно-легкая № 6 батарея 8 орудій. Слѣдовательно, отрядъ нашъ состоялъ изъ 14 батальоновъ, 16 эскадроновъ, 6 казачьихъ сотенъ и 50 орудій.

— Однако, сила-то значительная была!— замѣтилъ Семенъ Иванычъ.

Генералъ вспыхнулъ.

— Зн-ачи-те-ль-на-я!— проговорилъ онъ грубо. — Я бы тебѣ далъ подъ твою команду эту значительную силу и посмотрѣлъ, какъ бы ты сталъ переправляться черезъ Дунай.

— Я бы первый, кажись, назадъ убѣжалъ.

— А! вотъ то-то и есть. Тутъ дѣло не въ силѣ, а въ храбрости, въ соображеніи! Генералъ Ушаковъ меня очень любилъ, во-первыхъ, за мою храбрость, а во-вторыхъ, за мои способности. Намъ было приказано перебраться черезъ Дунай въ ночь съ 10 на 11 марта... Наканунѣ, я даже ничего не ѣлъ.

— Все думали, ваше превосходительство?— робко спросилъ Семенъ Иванычъ.

— Все думалъ! Наконецъ, настала ночь, пробило

одиннадцать часовъ... Я иду къ генералу. — «Ваше высокопревосходительство, говорю ему, сколько ни думать, а переходить надо!» — «Надо, говоритъ. Все ли у васъ готово?» — «Все,» говорю. — «Лодки, говоритъ, готовы?» — «Готовы,» говорю. — «Ну, такъ давай переправляться.»

— А вы на лодкахъ переправлялись? — опять спросилъ Семенъ Иванычъ съ волненіемъ и не спуская глазъ съ Діона Павловича.

— Да, на обывательскихъ лодкахъ. Всего было набрано 147 лодокъ и 4 парома, а гребцами посажены солдаты и казаки. Мѣсто для переправы было выбрано съ версту пониже раздѣленія Килійскаго и Сулинскаго рукавовъ, тамъ, гдѣ Дунай съуживается саженъ на 120, не больше.

— Сто-двадцать саженъ! — вскрикнулъ Семенъ Иванычъ, даже привскочивъ со стула. — А на другой сторонѣ турки, небось?

— А на другой сторонѣ непріятельскія батареи.

— И палятъ?

— Да, палили, но мы ихъ заставили замолчать, такъ что вторые батальоны могилевскаго пѣхотнаго и полоцкаго егерскаго полковъ съ 4 орудіями легкой № 2 батареи безъ выстрѣла вышли на непріятельскій берегъ, а за ними потянулась и остальная пѣхота съ легкой артиллеріей. Вѣтеръ былъ страшнѣйшій, однимъ словомъ — такая буря, что меня вымочило до костей. Лодку, на которой я ѣхалъ съ двумя казаками-гребцами, швыряло съ волны на волну, какъ щепку. Гребцы оробѣли. — «Потонемъ!» кричатъ. — «Валяй!» говорю. — «Ей-ей утонемъ!» — «Валяй!» кричу имъ... Словомъ, такая буря, что о перевозѣ батарейныхъ

орудій нечего было и думать, тѣмъ болѣе, что паромы, назначенные для ихъ перевозки, ни къ чорту не годились.

— Вотъ страсти-то!—замѣтилъ Семенъ Иванычъ.

Но разгорячившійся уже генералъ Малаховъ не слушалъ его и продолжалъ:

— Какъ только поганцы увидали, гдѣ мы переправляемся, такъ въ ту же минуту начали собирать войска на высоты старой Тульчи и въ камыши, а по скату горы поставили батарею изъ восьми орудій. Генералъ Копьевъ быстро двигался впередъ подъ выстрѣлами этой батареи, опрокинулъ турокъ за Сомово гирло и занялъ мостъ, не давъ непріятелю времени разрушить его... Здѣсь потери наши были незначительны, но зато при штурмѣ высотъ была такая свалка, что небо казалось съ овчинку. Высоты эти дались намъ не легко, и я, кажется, даже въ гробу— и то буду помнить ихъ. Прежде всего, пошли мы на приступъ ближайшаго турецкаго редута, который тотчасъ же и взяли, но только-что двинулись мы на штурмъ другой батареи, какъ были встрѣчены картечью изъ 6 орудій и страшнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ изъ сомкнутаго укрѣпленія. Первыми бросились полковникъ Тяжельниковъ, подполковникъ Амонтовъ и капитанъ Вагнеръ, и всѣ трое были ранены. Ихъ замѣнили: капитанъ Домбровскій и штабсъ-капитанъ Петровъ. Перестроивъ полубатальоны въ ротныя колонны, они повели ихъ на штурмъ. Солдаты взлѣзли было уже на стѣну, но были отбиты. Аттака маіора Богуславлевича тоже не удалась. Войска наши залегли въ овраги и за деревья... Я поскакалъ къ генералу, но только-что успѣлъ повернуть лошадь, какъ пуля

треснула меня въ руку, но вскользь, такъ что только разорвала мясо, а кости не тронула. Я наскоро перевязалъ рану платкомъ и прилетѣлъ къ генералу весь въ крови.—«Что съ вами?— спрашиваетъ онъ меня испуганнымъ голосомъ.—Неужели, говоритъ, судьба отниметъ васъ у меня!»—«Со мной-то ничего, говорю, а вотъ съ нашими храбрецами плохо; давайте помощи», говорю. На мое счастье, черезъ Дунай только-что переправились три батальона смоленскаго пѣхотнаго полка.—«Вотъ, говоритъ генералъ, берите, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ!» Я забралъ батальоны, и бѣгомъ побѣжали на помощь. Раздалось «ура!»... и черезъ нѣсколько минутъ мы были уже въ укрѣпленіи! Я вскочилъ первымъ! Оглянулся... смотрю, кругомъ дымъ, огонь, крики раненыхъ, стоны умирающихъ, трескъ, шумъ... взглянулъ на валъ и вижу—стоитъ на валу священникъ могилевскаго полка Пятибоковъ и, осѣняя крестомъ солдатъ, воодушевляетъ ихъ словомъ... Вдругъ, бацъ! и часть креста летитъ на землю!

— Какъ! въ распятіе попало!— вскрикнулъ Семенъ Иванычъ.

Но генералъ не слушалъ.

— Я подбѣжалъ къ батюшкѣ, взялъ его за руку... и вдругъ самъ упалъ! Оказалось, что былъ раненъ въ ногу. Кровь полила ручьями, и меня чуть живаго потащили на перевязочный пунктъ... Въ девять съ половиною часовъ вечера, бой прекратился. Мы взяли девять мѣдныхъ орудій съ передками и зарядными ящиками; захватили въ плѣнъ сто человѣкъ, въ томъ числѣ начальника батареи Али-Низамъ-бея и трехъ офицеровъ; остальные люди гарнизона, въ числѣ около тысячи человѣкъ, переколоты.

— Фю! фю! фю! — сдѣлалъ только Семенъ Иванычъ.

— Послѣ штурма этого пошли наутёкъ, бросили Тульчу, бросили всѣ устроенные ретраншаменты у Исакчи и противъ Сатуновской плотины и бѣжали къ Бабадагу, а 12-го марта войска наши заняли уже Тульчу и Исакчу. Такъ, братецъ ты мой, переправились мы черезъ Дунай, и главнокомандующій князь Горчаковъ, донося объ этомъ Государю, просилъ военнаго министра повергнуть на благоусмотрѣніе его величества сочиненную имъ пѣсню и исходатайствовать разрѣшеніе пѣть ее въ войскахъ. Пѣсня эта была положена на ноты генералъ-маіоромъ Львовымъ и до сихъ поръ поется солдатами.

— Самъ главнокомандующій сочинилъ? — спросилъ Семенъ Иванычъ, насилу очнувшійся отъ впечатлѣнія, произведеннаго на него разсказомъ генерала Малахова.

— Самъ.

— Вы не знаете ея, ваше превосходительство? Я большой охотникъ до самыхъ этихъ военныхъ пѣсенъ.

— Какой же солдатъ не знаетъ этой пѣсни! — проговорилъ генералъ и подбоченясь запѣлъ:

Жизни тотъ одинъ достоинъ...

Но Семенъ Иванычъ тутъ же перебилъ его:

— Эту пѣсню и я знаю-съ! — проговорилъ онъ.

— Знаешь?

— Знаю-съ очень хорошо.

— Давай споемъ.

— Платона Васильича не пригласить ли?..

— А кто такой Платонъ Васильичъ?

— Ундеръ, у мироваго разсыльнымъ служитъ.

— Онъ умѣетъ пѣть?

— Первый, — говоритъ, — пѣвецъ въ ампеpiи.

— А онъ гдѣ?

— Да онъ и сейчасъ тутъ у меня на куфнѣ...

— Зови.

Семенъ Иванычъ, тоже любившій попѣть, стремглавъ бросился въ кухню, и, немного погодя, воротился на балконъ въ сопровожденіи Платона Васильича. Генералъ Малаховъ сидѣлъ уже верхомъ на стулѣ, какъ-будто на конѣ, и, увидавъ вытянувшагося во фрунтъ унтеръ-офицера, окинулъ его съ ногъ до головы быстрымъ взглядомъ.

— Артиллеристъ?

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство.

— Какой бригады?

— Седьмой артиллерійской бригады батарейной № 2 батареи, ваше превосходительство.

— Черезъ Дунай переходилъ?

— Имѣлъ счастіе, ваше превосходительство.

— Въ которомъ году?

— Вмѣстѣ съ вашимъ превосходительствомъ-съ.

— Въ отрядѣ...

— Генералъ-лейтенанта Ушакова, ваше превосходительство.

— Въ Тульчѣ былъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Меня помнишь?

— Какъ не помнить, ваше превосходительство!

Генералъ улыбнулся.

— Ну, а пѣть умѣешь?

— Умѣю, ваше превосходительство.

— «Жизни тотъ одинъ достоинъ» знаешь?

— Какъ не знать-съ! Наша родная пѣсня, ваше превосходительство!

— Молодецъ, люблю! — проговорилъ генералъ со слезами на глазахъ.

Пѣвцы откашлялись и запѣли:

Жизни тотъ одинъ достоинъ,
Кто на смерть всегда готовъ.
Православный русскій воинъ,
Не считая, бьетъ враговъ.
Что французы, англичане,
Что турецкій глупый строй!
Выходите, басурмане.
Вызываемъ васъ на бой.
Кровопійцы православныхъ!
Богъ накажетъ васъ чрезъ насъ.
Покровители поганыхъ!
Вѣчный стыдъ и срамъ на васъ...

— Вотъ какъ весело вы пируете! — раздался вдругъ голосъ Катерины Васильевны, вошедшей на балконъ.— Что значитъ военные-то люди, и пѣсни все военныя поютъ! И мой туда же!

— А ты какъ бы думала! — подхватилъ Семенъ Иванычъ. — Тутъ я такихъ разсказовъ наслушался, что впору бросать и мельницу и тебя и въ солдаты идти!

— Пушки-то смазывать! — перебила его Катерина Васильевна и залилась громкимъ женскимъ смѣхомъ.— Охъ, ужь ты, Аника воинъ... Проси-ка лучше гостей-то въ залу, тамъ закуску поставили... Поди, съ пѣсневъ-то проголодались.

Все это произошло такъ быстро и такъ неожиданно, что генералъ даже и опомниться не успѣлъ и какъ

сидѣлъ верхомъ на стулѣ съ поднятымъ чубукомъ и раскрытымъ ртомъ, такъ и остался въ этой позѣ, и только тогда, когда Семенъ Иванычъ подошелъ къ нему и, взявъ подъ руку, проговорилъ: — ваше превосходительство! закусить пожалуйте-съ! — онъ опомнился и всталъ со стула.

— Ахъ, виноватъ! — проговорилъ онъ, подходя къ Катеринѣ Васильевнѣ.

— Пѣсенками занимались?

— Да, старину вспомнили.

— Все еще не забыли?

— Развѣ можетъ старый солдатъ забыть свою службу? Развѣ можетъ старый боевой солдатъ превратиться въ купца, чиновника или пахаря? Правду я говорю? — спросилъ онъ, обратясь къ Платону Васильичу.

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— У тебя есть посѣвъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Лошаденка есть?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Ну, вотъ видите! Ну, какимъ онъ можетъ быть пахаремъ, онъ вѣчно будетъ героемъ.

— Героемъ, ваше превосходительство!

— Охъ, ужь герой тоже! — подхватила Катерина Васильевна, заливаясь смѣхомъ. — Вотъ жену на салазкахъ катать — это иное дѣло!..

Платона Васильича даже передернуло отъ этихъ словъ; онъ бросилъ было молніеносный взглядъ на Катерину Васильевну, хотѣлъ было сказать что-то, но, вспомнивъ, что передъ нимъ стоитъ генералъ, вытянулся въ струнку и снова окаменѣлъ.

Генералъ подошелъ къ нему и, хлопнувъ его по плечу, проговорилъ:

— Ты, братецъ, ко мнѣ заходи. Я радъ встрѣтиться съ старымъ товарищемъ и, коли желаешь, даже мѣсто дамъ и хорошее жалованье положу.

— Радъ стараться, ваше превосходительство!

— Хоть до самой смерти живи у меня, а помрешь — кости твои успокою.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше превосходительство!

— Смотри же, приходи; а теперь ступай съ Богомъ!

— Счастливо оставаться, ваше превосходительство!

И, повернувшись на одной ногѣ, Платонъ Васильичъ вышелъ.

— Хорошій служака былъ, должно быть! — проговорилъ генералъ, расправляя спину и покручивая усы.

— Еще бы! — подхватилъ Семенъ Иванычъ. — Вѣдь у него орденовъ-то во всю грудь навѣшано. Это онъ не зналъ, что вы здѣсь, а то бы расфрантился, какъ слѣдуетъ...

Разсуждая такимъ образомъ, общество перешло въ залу. На столѣ стояла водка, нѣсколько бутылокъ съ виномъ и наливкой и приличная ко всему этому закуска. Катерина Васильевна попросила генерала Малахова *прикушать* и, переваливаясь съ боку на бокъ, пошла утиной походкой въ сосѣднюю комнату къ гостьѣ своей, Надеждѣ Ивановнѣ.

Генералъ, подъ наитіемъ воспоминаній боевой жизни, сдѣлался какъ-будто и веселѣе, и развязнѣе; однако, все-таки, подойдя къ столу и посмотрѣвъ на разставленную закуску, скорчилъ какую-то не то кислую, не то презрительную гримасу и покачалъ головой.

— Водочки не прикажете ли? — проговорилъ Семенъ Иванычъ.

— Водочки-то теперь бы отлично выпить! — проговорилъ генералъ со вздохомъ. — Только, думается мнѣ, что водка-то у тебя кабацкая, сиволдай!.. а?

— Зачѣмъ же-съ! — почти вскрикнулъ Семенъ Иванычъ, наливая изъ графина двѣ рюмки: — водка хорошая, нарочно для вашего превосходительства посылалъ.

Генералъ взялъ рюмку и, чокнувшись съ Семеномъ Иванычемъ, выпилъ.

— Ну, что-съ, какъ на вашъ вкусъ? — спросилъ Семенъ Иванычъ, съ ужасомъ замѣчая, что генералъ морщился и моталъ головой.

— Гадость! сивуха!

— Удивительно-съ, а вѣдь съ графскаго завода...

— Гмъ! Вотъ это-то меня и бѣситъ, что водка съ графскаго завода, а точно такая же мерзость, которою угощаетъ народъ какой-нибудь заводчикъ прощалыга!

И генералъ началъ разсматривать закуску.

— А это что за звѣрь? — спросилъ онъ, указывая на селедку.

— Это сельдь королевская-съ.

— Ха, ха! Королевская!... похоже, нечего сказать!

— Сельдь лучшая-съ; перваго улова.

Генералъ взялъ въ ротъ кусочекъ и тутъ же выплюнулъ его на полъ.

— Не хороша-съ?

— Конечно, гадость! Ахъ, у меня-то сельди! что за прелесть... Я прямо изъ Питера отъ Елисѣева выписываю. Конечно, дорого, но зато хорошо. Дорого, да мило — дешево, да гнило, говоритъ русская посло-

вица, и совершенно вѣрно. Ну, а это что такое? — добавилъ генералъ, указывая на семгу.

— Семга тающая.

— Отъ Санина, небось, выписалъ?

— Точно такъ-съ.

— У него все таетъ! А это?

— Это русскій честеръ прозывается... саратовскій, въ Саратовѣ выдѣлываетъ г. Ладошинъ.

— Воображаю! — и генералъ, отковырнувъ кусочекъ, положилъ его въ ротъ.

— Этотъ сыръ публика очень одобряетъ-съ! — продолжалъ, между тѣмъ, Семенъ Иванычъ, желавшій хоть чѣмъ-нибудь угодить генералу, но, увидавъ, что генералъ выплюнулъ и сыръ, поспѣшно предложилъ ему колбасы, добавивъ, что колбаса отличная отъ Ниденталя.

— Зазнался онъ, братецъ, твой Ниденталь! — говорилъ, между тѣмъ, генералъ, отплевываясь отъ ладошинскаго сыра, однако все-таки отрѣзалъ ломтикъ колбасы, понюхалъ, сомнительно покачалъ головой, откусилъ и тутъ же выплюнулъ.

— Нехороша-съ? — спросилъ Семенъ Иванычъ, окончательно уже сконфуженный.

— Дрянь! — отвѣтилъ генералъ и даже вздохнулъ. — Развѣ можно покупать это въ Саратовѣ. Не только въ Саратовѣ, даже въ Москвѣ и то порядочныхъ торговцевъ нѣтъ. Конечно, для тебя и Шабаловскій и Чуркинъ лучше всякаго Елисѣева, потому что какой же у тебя вкусъ можетъ быть... вкусъ у тебя грубый... Ну, а я, грѣшный человѣкъ, на этотъ счетъ избалованъ. Посмотри, какія у меня сельди, какой сыръ.. А вѣдь отъ твоихъ угощеній околѣть можно.

Въ это время часы, висѣвшіе въ углу залы, зашипѣли, затрещали, а, немного погодя, съ какими-то вздохами стали бить двѣнадцать часовъ.

— Ба! ужь двѣнадцать! — проговорилъ генералъ.— Экъ, я какъ засидѣлся! пора и ко дворамъ.

— Такъ ничего и не закусите, ваше превосходительство?

— Да нечего, братецъ; я бы радъ радостью...

— По крайности, хоть бы выпили на дорожку-то... наливочки хоть бы, что ли.

— А наливка у тебя какая?

— Вишневка-съ.

— Нѣтъ, то есть какая, домашняя?

— Домашняя-съ... у меня жена молодецъ по этой части.

— Дай-ка.

Семенъ Иванычъ поспѣшилъ налить двѣ рюмки, изъ которыхъ одну поднесъ генералу, а другую взялъ самъ. Генералъ чокнулся и отхлебнулъ.

— Вотъ что хорошо, то хорошо! — проговорилъ онъ и залпомъ выпилъ рюмку. — Отличная наливка. О-отличная!..

Семенъ Иванычъ словно воскресъ. Лицо его просіяло, и онъ предложилъ генералу выпить еще.

— Можно, можно, съ удовольствіемъ.

И, выпивъ еще рюмку, генералъ Малаховъ еще разъ похвалилъ наливку и сталъ собираться домой.

— Катенька! Катенька! — крикнулъ Семенъ Иванычъ, подбѣжавъ къ двери, въ которую ушла Катерина Васильевна. — Катенька! его превосходительство домой собираются, иди проводить.

Катерина Васильевна вышла.

— Что мало погостили? — спросила она.

— Помилуйте, какое же мало! первый часъ. А вы все съ своей гостьей бесѣдуете? — спросилъ генералъ, посматривая на Катерину Васильевну масляными глазками.

— Нельзя же...

— А она въ горѣ, говорятъ?

— Ну, это еще горе небольшое.

— Вы думаете, что жалѣть нечего?

— Жалѣютъ хорошихъ людей, а дурныхъ жалѣть не стоитъ.

— Очень жаль, что я ее не видѣлъ. Прошу васъ передать ей мой поклонъ.

— Буду кланяться.

— Передайте ей, что сегодня я на нее сердитъ...

— За что это?

— А за то, что по ея милости я былъ лишенъ вашего пріятнаго общества! — проговорилъ генералъ, строя глазки и пожимая руку Катерины Васильевны.

— Я понимаю эти самыя слова ваши, больше ничего, какъ за насмѣшку...

— И ошибаетесь.

— Вамъ и безъ меня весело было! Вишь какія пѣсни пѣли... Мы съ Надеждой Ивановной заслушались даже...

— А она слышала?

— Конечно, слышала...

— И похвалила?

— Какъ же не похвалить такихъ пѣсельниковъ!..

И Катерина Васильевна засмѣялась.

— А вотъ, и ты подтянула бы, еслибы съ нами была! — замѣтилъ Семенъ Иванычъ.

— Я солдатскихъ пѣсенъ не играю.

— Ну-съ, до свиданья! — проговорилъ генералъ и, пожавъ еще разъ руку Катерины Васильевны, протянулъ Семену Иванычу указательный палецъ правой руки. — До свиданья, братецъ. Ко мнѣ когда-нибудь.

И генералъ, въ сопровожденіи Семена Иваныча, вышелъ изъ комнаты.

— А гдѣ-же та-то, а? — спросилъ генералъ, выходя въ сѣни и подмигнувъ глазомъ.

— Кто такая-съ?

— Кухарка-то, а?

— Въ куфнѣ, должно...

— Крикни-ка! вели подсадить...

Семенъ Иванычъ бросился къ кухонной двери и, отворивъ ее, крикнулъ:

— Анисья! подь-ка сюда! Подсади-ка генерала-то, — прибавилъ онъ вышедшей изъ кухни Анисьѣ.

— Некогда мнѣ... ну васъ!..

Генералъ подскочилъ и снова ущипнулъ ее за плечо.

— Плутовка!

— Да ну васъ!.. защипали совсѣмъ

И стыдливо закрывъ лицо фартукомъ, убѣжала въ кухню.

— Аппетитная, чортъ возьми! — проговорилъ генералъ: — а, что, какъ?

— Ничего-съ, мягкая...

Немного погодя, онъ былъ уже на крылечкѣ дома.

— Подавай! крикнулъ кто-то.

Генералъ оглянулся и увидалъ передъ собою вытянувшагося во фронтъ Платона Васильича. Старыя дрожки съ трескомъ подкатили къ крыльцу; Платонъ Васильичъ подскочилъ къ генералу, взялъ его подъ

руку, свелъ бережно съ крылечка, усадилъ на дрожки и, совершивъ все это, отскочилъ въ сторону и снова вытянулся, не спуская глазъ съ генерала.

— Спасибо.

— Радъ стараться, ваше превосходительство!

Дрожки загремѣли, застучали, засвистали, переѣхали черезъ мостикъ, спугнули дремавшихъ утокъ, съ шумомъ бросившихся въ воду, чуть было не отдавили хвостъ лежавшей на дорогѣ собакѣ и, завернувъ за уголъ амбара, скрылись изъ вида.

V.

Немного погодя, генералъ поднялся на гору и, поворотивъ направо, поѣхалъ по дорогѣ, ведущей къ лѣсу и пролегавшей по нагорному берегу рѣки. Выбравшись на гладкую дорогу, кучеръ свиснулъ, помахалъ въ воздухѣ кнутомъ, и клячи, словно проснувшись, затрусили пободрѣе. Генералъ прислонился къ спинкѣ дрожекъ, поджалъ подъ себя одну ногу и только было собрался вздремнуть немного, какъ увидалъ впереди небольшую толпу расфранченныхъ дамъ, съ бѣлыми платочками на головахъ, шедшихъ, какъ видно, въ лѣсъ. Дамы эти были тѣ самыя, которыхъ мы видѣли уже въ церковной оградѣ, и которыя такъ жаждали узнать причину размолвки, происшедшей между Органскимъ и Надеждой Ивановной.

При видѣ дамъ, генералъ встрепенулся, пріосанился, уперъ лѣвую руку въ бокъ, сдвинулъ на-бекрень форменную фуражку и, начавъ правой рукой крутить усы, шепнулъ кучеру подобрать возжи и тронуть

лошадей. Дрожки загремѣли, и немного погодя, генералъ догонялъ уже дамъ.

— Пусти! крикнулъ кучеръ во все горло.

Генералъ чуть не ахнулъ отъ стыда, услыхавъ этотъ крикъ. Давъ кучеру незамѣтнымъ образомъ пинка въ шею, онъ обругалъ его бабой и объявилъ, что порядочные кучера кричатъ не «пусти», а *берегись* или *пади*, но дураковатый кучеръ все-таки ничего не понялъ и, подъѣхавъ къ дамамъ, опять таки, но только гораздо громче, прокричалъ:

— Пусти! задавлю!

И крикомъ этимъ такъ переполошилъ прогуливавшихся дамъ, что онѣ ахнули, взвизгнули и разсыпались въ разныя стороны.

Генералъ улыбнулся, приказалъ ѣхать шагомъ и обратился къ дамамъ.

— Испугались?—спросилъ онъ, пріятно улыбаясь и снимая фуражку.

— Какъ же не перепугаться! чуть не задавили!

— Куда это вы идете?

— Въ лѣсъ!—прозвенѣло нѣсколько голосовъ.

— Вѣроятно, подышать чистымъ воздухомъ?—спросилъ генералъ, обращаясь то въ ту, то въ другую сторону, такъ какъ разбитая дамская колонна шла уже по правую и по лѣвую сторону дрожекъ.

— И воздухомъ подышать, и насчетъ ландышей тоже...

— Здѣсь купаться хорошо!—замѣтилъ генералъ.— Берега покрыты лѣсомъ, дно песчаное.

— Можетъ быть, и купаться вздумаемъ.

— Вы будете походить на русалокъ. А вы пообѣдали, mesdames?

— Конечно; натощакъ не гуляютъ!

— Такъ вамъ купаться нельзя.

— Почему это? — спросили дамы очень серьезно.

— Потому что послѣ обѣда купаться вредно.

— Это такъ дохтора говорятъ, а на самомъ дѣлѣ этого ничего нѣтъ.

Генералъ, между тѣмъ, покручивая усы, разсматривалъ дамъ, а дамы шли себѣ, не подаривъ генерала ни единымъ взглядомъ. Генералъ смѣтилъ, что статья тутъ неподходящая, и началъ уже подумывать объ отступленіи, какъ вдругъ, взглянувъ впередъ, увидалъ шедшаго ему на встрѣчу чернаго, кудряваго мужчину въ фуражкѣ на-бекрень и съ папиросой въ зубахъ. Молодому человѣку этому было, повидимому, очень жарко. Онъ разстегнулъ жилетъ и, снявъ сюртукъ, несъ его на рукахъ между тѣмъ, какъ лицо его было покрыто потомъ. Увидавъ молодаго человѣка, генералъ сдѣлалъ дамамъ подъ козырекъ и закричалъ кучеру: пошелъ!

Немного погодя, онъ подъѣзжалъ къ молодому человѣку, который, завидѣвъ генерала, мгновенно бросилъ папироску, мгновенно же натянулъ на себя сюртукъ и, отскочивъ въ сторону, комически вытянулся и приложилъ два пальца къ козырьку фуражки. Давъ генералу поровняться, онъ закричалъ во все горло:

— Здравія желаю, ваше превосходительство!

Генералъ съ достоинствомъ кивнулъ головой и, отъѣхавъ немного, спросилъ кучера:

— Это кто?

— Учитель Органскій.

Узнавъ, что то былъ Органскій, генералъ заинтересовался, оглянулся назадъ и увидалъ, что Органскій стоялъ уже на колѣняхъ передъ хохотавшими дамами

и, растопыривъ руки, какъ-будто преграждалъ имъ дорогу въ лѣсъ.

Генералъ крикнулъ снова: трогай! и вскорѣ, въѣхавъ въ лѣсъ, скрылся отъ дамскихъ взоровъ.

— Развѣ можно такъ смѣяться! — говорили между тѣмъ дамы, обращаясь къ Органскому.

— Кто смѣется? когда? допрашивалъ Органскій.

— Развѣ это не насмѣшка, что вы генералу сдѣлали на караулъ?

— Напротивъ, это знакъ уваженія! Но дѣло не въ томъ. Скажите: куда это вы? далéко ли, и за чѣмъ?

— Нѣтъ, вы-то далеко ли ходили?

— О! меня не спрашивайте!

— Это почему?

— Васъ это не можетъ интересовать.

— Почему васъ не было у обѣдни?

— Потому что меня не было и въ Малиновкѣ.

— Гдѣ же вы были?

— Богъ мой! какое любопытство! Сколько лѣтъ смѣются надъ женскимъ любопытствомъ, а вы все-таки продолжаете. Когда же вы исправитесь?

— А вотъ когда вы намъ разскажете, гдѣ были.

— Извольте, я удовлетворю ваше любопытство. Я удилъ рыбу.

— Неправда! неправда! закричали дамы, и захлопали руками.

— Божусь.

— Гдѣ же удочки?

— Онѣ остались на берегу.

— А рыба?

— Она осталась въ рѣкѣ.

Дамы опять захохотали и опять захлопали руками.

— Ну-съ. А вы куда идете? — спросилъ Органскій.

— Вы это сами можете видѣть.

— Я вижу, что вы идете. Но куда, зачѣмъ, для чего — мнѣ неизвѣстно.

— Гуляемъ.

— А смѣю предложить вамъ прогулку по лѣсу?

— Мы туда и идемъ.

— И я могу васъ сопровождать?

— Этого нельзя запретить, замѣтила одна изъ дамъ, очень довольная, что Органскій идетъ съ ними (Органскій вообще былъ кавалеромъ и большимъ любезникомъ). — Лѣсъ созданъ для всѣхъ.

— А для любящихъ сердецъ въ особенности! — подхватилъ Органскій и взглянулъ при этомъ на бѣлокурую дѣвушку, съ любовью смотрѣвшую на него.

Всѣ пошли въ лѣсъ.

— Вы что-то сегодня очень веселы?—спросила жена волостнаго писаря, пристально вглядываясь въ Органскаго.

— Излишняя веселость, также какъ и чрезмѣрное уныніе, говорятъ, вредны; но изъ двухъ золъ я предпочелъ веселость. E duobis malis minimum eligendum est.

— Мы по-французски не понимаемъ.

— Это не по-французски, а по-латыни.

— Сейчасъ видно, что учитель.

— Да-съ. Но скоро имъ не буду, потому что хочу составить себѣ совершенно иное curriculum vitae.

Послѣднія слова еще болѣе раздразнили любопытство дамъ, но какъ ни старались онѣ вызвать Органскаго на откровенность, онъ на всѣ разспросы отвѣчалъ только шутками, и дамы оставались въ томъ же не-

доумѣніи, въ какомъ были и прежде. Разговаривая такимъ образомъ, онѣ вошли въ лѣсъ и разсыпались въ разныя стороны собирать ландыши. Органскій тоже занялся этимъ, не упуская изъ виду ту бѣлокурую дѣвушку, на которую онъ поглядывалъ прежде. Это была дѣвушка лѣтъ 16-ти, съ свѣжимъ, румянымъ личикомъ, голубыми глазками и немного вздернутымъ носикомъ; звали ее Соничкой. Какъ только Органскій замѣтилъ, что Соничка осталась одна, онъ поспѣшилъ къ ней.

— Наконецъ-то,—проговорилъ онъ: — наконецъ-то я могу хоть нѣсколькими словами перекинуться съ вами.

— Здравствуйте! — прошептала дѣвушка.

— Сегодня вы изъ рукъ вонъ какъ интересны!

— Я все одна и та же.

— Нѣтъ, сегодня щечки ваши такъ разгорѣлись, что такъ и манятъ поцѣловать ихъ.

— Гдѣ вы были?— спросила дѣвушка.

— И вы тоже допрашиваете! Я вамъ сказалъ уже, что рыбу удилъ.

— Не вѣрю я. Вы что-то расфрантились.

— Я предвидѣлъ, что встрѣчу васъ. Мнѣ сердце шепнуло.

— И сердце ваше болтаетъ такъ же, какъ и вы сами!

— Понятное дѣло. Qualis rex, talis grex! — говоритъ пословица.

— Я этого не понимаю, вы со мной попроще говорите...

— Извольте: каковъ попъ, таковъ и приходъ.

И потомъ вдругъ, взявъ Соничку за руку, онъ спросилъ шепотомъ и озираясь во всѣ стороны:

— Послушайте. Когда же моя любовь получитъ награду?

Дѣвушка вздохнула.

— Вы все пустяки говорите... смѣетесь только!

— Но вѣдь вы дали мнѣ слово.

— Я забыла.

— А помните, на пасху во время заутрени?

— Мнѣ тогда спать хотѣлось; можетъ быть, въ просонкахъ я вамъ и сказала какую-нибудь глупость.

— Но я люблю васъ.

— Не вѣрю я вамъ! — проговорила со вздохомъ Соничка.

— Почему?

— Потому что вы любите другую.

— Нѣтъ, съ той я покончилъ... Вчера мы съ ней разошлись.

— Все равно, вы любили, а любить два раза нельзя.

— Ахъ, Боже мой! Это даже слишкомъ мало.

— А по моему много.

И снова вздохъ вырвался изъ груди Сонички. Органскій взялъ ее за руку.

— Ну, ради Бога, хоть одинъ поцѣлуй.

— Перестаньте, пожалуйста! пустите!

— Нѣтъ, я васъ не пущу!

И силой притянувъ къ себѣ Соничку, онъ обнялъ ее и осыпалъ поцѣлуями.

Вскорѣ они присоединились къ дамамъ, у которыхъ были уже въ рукахъ огромные букеты ландышей.

— А знаете ли что? — заговорили онѣ, обращаясь къ Органскому: — хорошо бы теперь на лодкѣ покататься.

— За чѣмъ-же дѣло стало!

— Гдѣ-же лодка?

— Лодка есть и здѣсь не далеко!

— Ахъ! какъ это хорошо!

Немного погодя, компанія сидѣла уже въ лодкѣ, и Органскій, взявъ весла, выѣхалъ на рѣку. День былъ восхитительный. Солнце хотя и пекло, но жаръ настолько умѣрялся сыростью отъ воды, что особенной тягости общество не ощущало. Всѣ были веселы. Разговорамъ и смѣху не было конца. Сидя на носу лодки и широко размахивая веслами, Органскій запѣлъ:

Ахъ, по морю
Ахъ, по морю...
— Ахъ, по морю, морю синему,
По синему, по хвалынскому...

подхватили дамы хоромъ и пѣснь загремѣла по лѣсу.

Плыветъ лебедь,

запѣлъ Органскій.

Плыветъ лебедь съ лебедятами

подхватили опять дамы, но на этотъ разъ чей-то звучный и густой басъ загудѣлъ аккордами, сливая и какъ бы связывая въ одно тонкіе женскіе голоса.

Всѣ оглянулись и увидали неподалеку судебнаго пристава Малинина.

Съ засученными панталонами и босой стоялъ онъ въ водѣ и удилъ рыбу.

— Важно! хорошо! — кричалъ онъ и разразился громкимъ смѣхомъ. — Ну, что же вы стали, валяйте смѣлѣе, и я подтяну.

— А! дружище! — крикнулъ Органскій.—Что, много наудилъ?

— Леща поймалъ.

— Нечего сказать, много! садись-ка лучше съ нами.

— Что! Али грести усталъ?

— Извѣстно, вдвоемъ-то легче.

— Можно! — проговорилъ приставъ.

Лодка подъѣхала, и онъ какъ былъ босикомъ съ засученными панталонами, такъ и сѣлъ въ лодку, совершенно переконфузивъ стыдливо покраснѣвшихъ дамъ.

— Что же сапоги-то? — спросилъ Органскій.

— Чортъ съ ними! Послѣ подъѣдемъ, возьму.

И, усѣвшись рядомъ съ Органскимъ, Малининъ взялъ у него одно весло.

— Ну, валяй, вмѣстѣ. Разъ, два, разъ, два...

И лодка полетѣла такъ шибко, что у дамъ даже сердце замерло.

— Да! — заговорилъ вдругъ приставъ, обращаясь къ Органскому: — слышка-ть ты, пріятель!

— Ну? — спросилъ Органскій.

— Ты гдѣ это сейчасъ былъ-то?

Дамы вдругъ насторожили уши, словно ихъ кольнулъ кто.

— И мы ужь спрашивали, да не сказываетъ! — вскрикнули онѣ въ одинъ голосъ.

— Не говоритъ?

— Не говоритъ.

— Ты что же не говоришь? а? Сказывай...

— Что же мнѣ сказать! — отвѣтилъ Органскій и ударилъ весломъ.

— Ну, коли онъ не говоритъ, такъ я скажу вамъ! — прибавилъ приставъ.

— Говорите.

— Онъ у генерала Малахова былъ. Къ Аннѣ Герасимовнѣ ходилъ.

— Къ Аннѣ Герасимовнѣ? — вскрикнули дамы.

— Къ ней, къ ней! — И потомъ, обратясь къ Органскому, добавилъ, грозя пальцемъ: — смотри, узнаетъ генералъ, онъ тебѣ ноги поломаетъ!

— Такъ! такъ! — подхватили дамы.— Генералъ — къ обѣдни, а онъ — къ ней!

— Ну, вотъ!

— Такъ вотъ почему вы и въ церкви-то не были сегодня. А давно вы познакомились съ Анной Герасимовной?

— Еще-бы, давно ужь, — говорилъ приставъ.— Подъ видомъ монаха, ночевалъ даже у нея, отъ генерала рублевку получилъ за это.

И приставъ разразился хохотомъ.

— Такъ вотъ оно что! — вскрикнули дамы. — Ну, теперь все понятно! все, все...

И веселый, звонкій хохотъ раздался на лодкѣ. Хохоталъ тоже и учитель Органскій. Только одна Соничка какъ-то вспыхнула и быстро отерла навернувшуюся нескромную слезу.

VI.

Между тѣмъ, Катерина Васильевна, проводивши генерала Малахова, снова воротилась къ своей гостьѣ, Надеждѣ Ивановнѣ, и сѣла на стулъ возлѣ чайнаго стола, на которомъ шипѣлъ самоваръ.

— Чайку еще хотите?

— Нѣтъ, благодарю.

— Что такъ мало?

— Благодарю... не до чая мнѣ...

— Стоитъ такъ сокрушаться! — замѣтила Катерина Васильевна.

И, наливъ себѣ чашку чая, стала тянуть его вприкуску.

— Какже не сокрушаться, когда вся жизнь разбита... хоть бы умереть поскорѣе!

— Вотъ это отлично! нечего сказать!.. желать смерти, когда вы въ тягостяхъ!

— Рожу — еще хуже будетъ! Развѣ мнѣ легко будетъ смотрѣть на ребенка и знать, что, кромѣ позора и нищеты, я ничего не въ силахъ дать ему...

— Не все въ бѣдности жить будете. Не все же горе терпѣть!.. Вы еще молоды, жизнь ваша впереди...

— Какая жизнь!.. Что вы говорите!.. Все распалось! Очутилась я среди хаоса, съ ребенкомъ на рукахъ... Того-ли я искала!..

— Мужа бы бросать не слѣдовало, душенька, Надежда Ивановна, — замѣтила Катерина Васильевна. — Хоть сердитесь на меня, хоть нѣтъ, а я завсегда скажу вамъ это.

— Да если я его видѣть не могла!

— Пожили бы, глядишь — и обтерпѣлись бы! Любовь вдругъ не дается, а коли ежели и бываетъ такая любовь, то, пожалуй, лучше бы ее и не было. Вотъ вы полюбили вдругъ-то — что же вышло? Сами говорите, что только горе одно. Нѣтъ, какъ тамъ ни толкуйте, а на что-нибудь да требуется Господнее благословеніе... видно, безъ него-то нельзя! Конечно, женщина я необразованная, не то что вы, а все-таки разсуждаю, что какъ-бы плохъ ни былъ законный

мужъ, а все-таки лучше хорошаго любовника. Особливо въ наше время... ужь такъ они нынче набаловались! такъ набаловались! А кабы вы не бросили мужа, глядишь бы, и законныя дѣти пошли, а дѣти много счастья приносятъ!

— Хорошо говорите вы; да сдѣлать-то я такъ не смогла! Не могла я переломить себя, не въ силахъ была привыкнуть къ мужу, а тутъ встрѣтился Органскій... Ахъ, если-бы вы только знали, Катерина Васильевна, какой онъ былъ тогда хорошій, честный! какъ говорилъ! Мой мужъ казался и неучемъ, и глупымъ въ сравненіи съ нимъ.

— А посмотрите, какъ этотъ глупый-то дѣла свои повелъ... Богатѣетъ не по днямъ, а по часамъ...

— Счастье не въ деньгахъ!

— Такого-то вишь форсу задаетъ, что мое почтенье! Теперь вишь у него француженка живетъ... похитилъ, говорятъ.

— Похитилъ! — перебила ее Надежда Ивановна. — Похитилъ за пять тысячъ въ годъ!

— Я даже не знаю, почему вы его такимъ глупымъ сочли. Вѣдь и вашъ-то возлюбленный не ахти какія звѣзды съ неба хваталъ. Тоже вѣдь не доучился вишь. Въ одномъ случаѣ только вашъ мужъ поступилъ глупо: плохо смотрѣлъ за вами!

— Какъ же надо было смотрѣть ему?

— Больше наблюденія слѣдовало имѣть, а главное не пускать къ себѣ въ домъ этихъ самыхъ мужчинъ молодыхъ. Очень ужь они подлый народъ, и безъ надзора сестрѣ нашей даже не устоятъ противъ нихъ. Будь надзоръ за вами—и ничего бы этого не было, а то помилуйте: жена молодая, а онъ пріятеля въ домъ

пустилъ, а подлецамъ этимъ и на руку. Я и сама до смерти боюсь этихъ самыхъ нынѣшнихъ подлецовъ... очень ужь они озорничать стали!..

— Ну, что бы вы сдѣлали, еслибы именно такого полюбили?

— Да что, я съума что ли сошла?

— Ну, а еслибы?

— Нѣтъ, я такого не полюбила-бы, потому что отъ такого человѣка, окромѣ насмѣшекъ, нечего и ожидать!

— А еслибы ваше сердце потребовало любви? Еслибы оно поставило васъ въ такое положеніе, что мужу пришлось бы измѣнить?

— Еслибы пришлось мнѣ измѣнить мужу, такъ я бы совершенно по другому сдѣлала. Во-первыхъ, я въ свои *предметы* выбрала бы не нахала какого-нибудь, а человѣка скромнаго. Вѣдь и промежъ скромныхъ попадаются мужчины... красивые! А во-вторыхъ не стала бы этимъ своимъ поведеніемъ огорчать мужа, а дѣлала бы это тайно.

— По вашему, стало быть, лучше обманывать мужа?

— Извѣстное дѣло, наша сестра должна скромность соблюдать. Ужь если такой грѣхъ случился, то, извѣстно, невпримѣръ лучше дѣлать это аккуратно.

— Да развѣ это честно?

— Ужь невпримѣръ честнѣе, чѣмъ открыто дѣлать. Господи! страмота какая! Да у меня, кажись, и языкъ-то не повернулся-бы про свою слабость мужу передавать. Это даже грѣхъ великій; все одно, что человѣка убить! Конечно, теперь на все это по другому смотрятъ, по модному, а по старому такой законъ былъ: если жена мужняя съ кѣмъ-нибудь зна-

кома, то чтобы соблюдать стыдливость и скромность... Да вотъ чего же лучше! Вы знаете вѣдь госпожу Краюхину?

— Да, слышала.

— Ну, вотъ вамъ. Посмотрите, какъ съ мужемъ прекрасно живетъ! въ мирѣ, въ согласіи, не нарадуются другъ на дружку, живутъ открыто, всѣ у нихъ бываютъ! а мужъ-то и не подозрѣваетъ, что у жены предметъ есть, и что даже дѣти всѣ предметнины, а не его.

— Ахъ, все это вы не то говорите! — съ какимъ-то воплемъ заметалась Надежда Ивановна. — Ну, да я все поправлю! — добавила она рѣшительно.

Катерина Васильевна удивленно взглянула на Блинову.

— Какъ же это вы поправите? — спросила она, сомнительно покачивая головой.

— Да такъ. И мужъ будетъ счастливъ, и я.

— Прощенье что-ли просить хотите?

— Да, прощенье.

— И вы думаете, что онъ васъ проститъ?

— Проститъ непремѣнно, я знаю это.

Катерина Васильевна опять покачала головой.

— Ну, Богъ знаетъ, — проговорила она. — Нѣтъ, теперь вы дѣла своего не поправите! сначала бы умнѣе надо было-бы дѣлать!

— Поправлю, все поправлю.

— Вы теперь ужь въ мужѣ ненависть къ себѣ поселили. Теперь ужь скрыть нельзя...

И, помолчавъ немного, Катерина Васильевна спросила таинственно:

— А скоро ожидаете?

— Почемъ я знаю!

— По моему, должно быть скоро...

— Можетъ быть, и скоро.

Катерина Васильевна вздохнула и, посмотрѣвъ на истомленное и желтое лицо Надежды Ивановны, только головой покачала.

Въ это время дверь отворилась, и въ комнату вошелъ Семенъ Иванычъ.

— Жена! Надежда Ивановна! — проговорилъ онъ, обращаясь къ бесѣдовавшимъ. — Да что это вы все здѣсь сидите! Генералъ уѣхалъ давно... пожалуйте въ залу... Тамъ повеселѣе будетъ, а здѣсь и темно, и пахнетъ... Пожалуйте-съ!

Всѣ перешли въ залу.

— Надежда Ивановна! закусить чего не прикажете-ли? Прошу покорно, вотъ сыръ, сельдь, колбаса отличная отъ Нидентала, семга тающая... хереску, наливочки, можетъ, выкушаете?

— Нѣтъ, я ничего не хочу.

— Хошь чего-нибудь, душенька! — попросила Катерина Васильевна, отрѣзавъ себѣ кусокъ колбасы.

— Благодарю, не хочу.

— Ну, жена! — говорилъ между тѣмъ Семенъ Иванычъ, обнимая и цѣлуя жену. — Генералъ всю нашу хлѣбъ-соль такъ раскорилъ, что надо бы хуже, да некуда.

Катерина Васильевна разсмѣялась.

— Ишь ты! въ людяхъ-то разборчивый какой! — проговорила она: — а дома-то одной рѣдькой да капустой питается. Небось, у Анны-то Герасимовны не очень разлакомится!

— За то наливку твою расхвалилъ очень. Отличная,—

говоритъ, — наливка! и двѣ рюмки выпилъ. Надежда Ивановна! дозвольте васъ хваленой наливочкой попросить.

— Право, не хочу.

Семенъ Иванычъ даже рукой махнулъ.

— Господи Боже мой! — проговорилъ онъ съ отчаяніемъ: — да что же это, съ кѣмъ же мнѣ выпить-то! Ну, коли такое дѣло, такъ хошь мнѣ дозвольте за ваше здоровье выпить.

— Кушайте, я вамъ очень благодарна.

— Эхъ! — проговорилъ Семенъ Иванычъ, наливъ рюмку и взявъ ее въ руки.— Хошь-бы пришелъ кто, а то одному какъ-то того... зазорно...

— Куда-же дѣвались друзья-то ваши? — спросила Надежда Ивановна.

— Чортъ ихъ знаетъ! согрѣшилъ, грѣшный! Словно сквозь землю провалились. Жена! выпей хошь ты со мной!

— Отстань.

— Да выпей, пожалуйста; для компаніи...

— Убирайся, не хочу.

Семенъ Иванычъ помоталъ головой.

— Вотъ, Надежда Ивановна, смотрите! — проговорилъ онъ: — какова жена-то у меня! Никакого уваженія къ мужу не имѣетъ. Эхъ! придется, видно, въ одиночку выпить! Ну-съ, Надежда Ивановна, за ваше здоровье... желаю вамъ отъ души, дай Богъ!

И Семенъ Иванычъ выпилъ, крякнулъ, поставилъ рюмку на столъ и, посматривая на графинъ, добавилъ:

— Развѣ еще одну рюмочку протащить! Гмъ! И *шанкà* только эта самая *розонбé!* выпьешь одну, сейчасъ на другую позоветъ, а тамъ и на третью.

И Семенъ Иванычъ, наливъ рюмку водки, только было хотѣлъ ее выпить, какъ Катерина Васильевна, смотрѣвшая въ окно, удержала его за руку.

— Постой, не пей! — проговорила она. — Вонъ твой пріятель идетъ.

— Кто такой? — даже вскрикнулъ отъ радости Семенъ Иванычъ.

— Василій Тимоѳеичъ.

— А! Тимоѳеичъ! другъ любезный! Иди скорѣй! — кричалъ уже Семенъ Иванычъ, высунувшись въ окно.

VII.

Пожавъ руку Семену Иванычу и раскланявшись съ дамами, Кургановъ бросился въ кресло и, вынувъ платокъ, сталъ помахивать имъ на лицо.

— Что, али угорѣлъ? На-ка, выпей-ка! — приставалъ къ нему съ рюмкой Семенъ Иванычъ.

— Погоди! Мнѣ не до выпивки! Я такъ сегодня взволнованъ и разстроенъ...

— А вотъ выпьемъ, и все пройдетъ.

— Ну, давай что-ли! Вѣдь я знаю, что отъ тебя не отвяжешься.

И, выпивъ рюмку, Василій Тимоѳеичъ закусилъ селедкой.

— Это просто ни на что не похоже! — говорилъ онъ, вытирая ротъ салфеткой и швырнувъ ее на столъ. — Просто хошь и не пиши ничего!

— А ты что-же, опять стихи какіе-нибудь настрочилъ?

— Какіе стихи! Статейку я небольшую написалъ и отправилъ ее въ «Простыню»...

— Что-же, не напечатали?

— Напротивъ, напечатали.

— Такъ чего-жь тебѣ еще! Покажи-ка статью-то.

— Показать-то я, пожалуй, покажу, — проговорилъ Василій Тимоѳеичъ, вытаскивая изъ боковаго кармана сложенный нумеръ газеты.—Только все-таки я очень взволнованъ. Хотите прочесть, Надежда Ивановна? статья эта немножко до васъ относится.

— Вотъ какъ! Нѣтъ, ужь лучше вы сами прочтите. Говорятъ, авторы лучше читаютъ свои произведенія.

Слово «авторъ» весьма пріятно прозвучало въ ушахъ Василія Тимоѳеича; онъ усѣлся весьма спокойно въ кресло и заложилъ ногу на ногу.

— Для бо́льшаго эффекта,— проговорилъ онъ, обращаясь весьма развязно къ обществу: — позвольте прочесть вамъ предварительно статью въ рукописи.

— Ну, что-жь, читай.

Василій Тимоѳеичъ снова засунулъ руку въ боковой карманъ сюртука и, вытащивъ оттуда бумажку, началъ читать:

«Село Малиновка. Не разъ уже наша пишущая братія описывала тѣ ужасы, которыми обставлена жизнь нашихъ сельскихъ учителей. Но всякое лишнее слово объ этомъ, кромѣ пользы, конечно, ничего не принесетъ. Побуждаемый этимъ желаніемъ, сообщу нѣкоторыя данныя о той обстановкѣ, которою окружена частная жизнь нашего школьнаго учителя, всѣми уважаемаго педагога г. О—го. Представьте себѣ комнату или, лучше сказать, кануру въ шесть квадратныхъ аршинъ, съ двумя крошечными окошками и съ поломъ, половицы котораго ходятъ подъ ногами, какъ фортепіанныя клавиши подъ руками виртуоза,

и вы будете имѣть весьма слабое понятіе о квартирѣ нашего учителя. Кровати нѣтъ, и потому приходится спать на соломѣ. Вся мебель состоитъ изъ одного столика и двухъ стульевъ допотопной работы. Удивляюсь, какъ до сихъ поръ общество не обратитъ на это своего вниманія. Какъ до сихъ поръ земство, или хоть полиція не заставитъ отвести учителю помѣщеніе, приличное его должности. Подобное же помѣщеніе занимаетъ и учительница наша, Надежда Ивановна Х., которое отдѣляется отъ квартиры учителя лишь одной досчатой перегородкой, съ выглядывающими изъ щелей клопами. Весна стоитъ у насъ благодатная; всходы хлѣбовъ превосходные, а солнечные дни и часто перепадающіе дожди даютъ надежду на обильную жатву. Невольно вспомнишь стихи поэта:

Золото, золото падаетъ съ неба.
Дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ.
— Полноте, дѣти, его мы сберемъ;
Только сберемъ золотистымъ зерномъ
Въ полныхъ амбарахъ душистаго хлѣба!»

— Молодецъ! ай, да, дядя Тимоѳеичъ! — вскрикнулъ Семенъ Иванычъ и, наливъ двѣ рюмки водки, предложилъ тостъ за здоровье корреспондента.

Василій Тимоѳеичъ поблагодарилъ, и, выпивъ водку, снова усѣлся въ кресло и развернулъ газету «Простыня»,

— А вотъ теперь позвольте прочесть ту же статью въ печати, каковою появилась она на столбцахъ нашей мѣстной газеты.

— Читай, читай!

«Село Малиновка. Не разъ уже наша пишущая братія описывала скромную обстановку, окружающую

жизнь нашихъ сельскихъ учителей, но всякое правдивое слово, касающееся этой жизни, хотя бы оно и было 20 разъ сказано, кромѣ пользы, конечно, ничего не принесетъ. Побуждаемый этимъ желаніемъ, сообщу нѣкоторыя данныя о той обстановкѣ, которою окружена частная жизнь нашего школьнаго учителя, всѣми уважаемаго педагога г. — го. Представьте себѣ маленькую, но уютную комнатку съ двумя окнами, въ которыхъ весело играютъ лучи солнца; небольшой столъ и два стула — и вы будете имѣть понятіе о квартирѣ нашего учителя. Общество, земство и полиція неусыпно слѣдятъ за тѣмъ, чтобы учитель ни въ чемъ не нуждался. Подобное-же помѣщеніе занимаетъ и учительница наша, Надежда Ивановна X., которое отдѣляется отъ квартиры учителя прочной перегородкой. Весна стоитъ у насъ благодатная. Всходы хлѣбовъ превосходные, а солнечные дни и часто перепадающіе дожди подаютъ надежду на обильную жатву. Заговоривъ про дожди, невольно вспомнишь стихи поэта:

«Золото, золото падаетъ съ неба.
Дѣти кричатъ и бѣгутъ зя дождемъ,
Много сберемъ мы различнаго хлѣба,
Въ сроки подушныя тоже внесемъ!.»

Докончивъ чтеніе, Василій Тимоѳеичъ залился самымъ веселымъ и добродушнымъ смѣхомъ, между тѣмъ какъ Семенъ Иванычъ говорилъ громко:

— Ну, братъ, воля твоя, а печатная-то статья много лучше твоей.

Катерина Васильевна отнеслась къ чтенію Курганова безразлично, за то Надежда Ивановна взглянула на дѣло совершенно иначе.

— Кто же просилъ васъ писать обо мнѣ! — проговорила она, обращаясь къ Василію Тимоѳеичу.

— Никто-съ, — отвѣчалъ онъ сконфуженно, замѣтивъ по лицу Надежды Ивановны, что она недовольна появленіемъ въ печати ея имени.

— Прежде чѣмъ писать, вы бы меня спросили, будетъ ли мнѣ это пріятно.

— Да вѣдь я про васъ лично ничего и не написалъ; я только хотѣлъ описать вашу квартиру! — оправдывался Кургановъ.

— А къ чему вы меня учительницей назвали! — прибавила она, вся вспыхнувъ. — Неужели вамъ неизвѣстно, что учительницы въ школѣ здѣшней не полагается, а слѣдовательно не полагается для нея и квартиры. Если же я и занималась въ школѣ съ мальчиками, то дѣлала это потому только, что желала облегчить трудъ г. Органскаго. Впрочемъ, вамъ такъ хорошо извѣстны мои отношенія къ г. Органскому, что говорить объ нихъ будетъ лишнимъ. Я удивляюсь только одному, что вы такой добрый человѣкъ, а поступили со мной такъ неделикатно.

— Извините меня, Надежда Ивановна, но вѣдь я отнесся сочувственно.

— Оставьте меня въ покоѣ, я ничьихъ симпатій не ищу.

И, подойдя къ Катеринѣ Васильевнѣ, она прибавила:

— Позвольте мнѣ полежать въ вашей спальнѣ, душенька Катерина Васильевна, у меня что-то голова кружится.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе, отдохните!

— За фершаломъ не послать ли? — спросилъ Семенъ Иванычъ.

— Бога ради, не посылайте: пройдетъ и безъ него.

И Надежда Ивановна оставила залу.

— Что, братъ, наскочилъ съ ковшомъ на брагу!— проговорилъ Семенъ Иванычъ, когда Надежда Ивановна скрылась за дверью.

— Мнѣ кажется, что тутъ совершенно нечѣмъ было обижаться!— замѣтила Катерина Васильевна.

Василій Тимоѳеичъ только плечами пожалъ.

— Потому что про ея житье-бытье съ Органскимъ и безъ газетъ уже всякій очень хорошо знаетъ и понимаетъ!— продолжала она, усаживаясь на диванъ, какъ можно покойнѣе. — Всѣмъ, кажется, извѣстно, какъ она осрамила своего мужа; а кромѣ того, ничего худаго про нее и не говорится въ газетѣ, а говорится только, что квартира ея рядомъ съ квартирой учителя. И въ стихахъ тоже описываются одни только дожди и всходы хлѣбовъ... обиднаго ничего нѣтъ!

— Что правда, то правда!— замѣтилъ Семенъ Иванычъ, подходя къ столу съ закуской. — Ай да жена, молодецъ!.. Разсудила какъ слѣдуетъ... Правду говорю я, дядя Тимоѳеичъ?

— Правду.

— Вѣдь жена молодецъ у меня?

— Молодецъ.

— Такъ давай же выпьемъ за ея здоровье!

Семенъ Иванычъ налилъ двѣ рюмки: одну взялъ самъ, а другую подалъ Василію Тимоѳеичу.

Выпили.

— А теперь знаешь, что сдѣлаемъ, дружище!— проговорилъ Семенъ Иванычъ, хлопнувъ по плечу Василія Тимоѳеича.

— Что такое?

— Мнѣ что-то страсть какъ въ гости идти захотѣлось. Пойдемъ къ Органскому.

— Ну, вотъ выдумалъ еще!— проговорила Катерина Васильевна. — Пойдешь къ нему и опять къ обѣду не вернешься!

— Нѣтъ, нѣтъ, сходимъ, сходимъ! — затараторилъ Семенъ Иванычъ. — Мы скоро вернемся, къ обѣду непремѣнно.

— Пожалуй, сходимъ.

— Только постой, я визитку сниму и надѣну пиджакъ!— перебилъ его Семенъ Иванычъ. — А то вѣдь у него грязь такая, что весь выпачкаешься.

— Что же ты, по полу валяться что ли будешь?— замѣтила Катерина Васильевна.

— У другаго на полу-то чище, чѣмъ у него на стульяхъ, да на столахъ.

И Семенъ Иванычъ вышелъ въ другую комнату.

— Зачѣмъ вы идете туда?— томно проговорила Катерина Васильевна, дѣлая глазки Василію Тимоѳеевичу.

Василій Тимоѳеичъ подсѣлъ къ ней.

— А вы этого не желаете?— спросилъ онъ, взявъ ея руку.

— Конечно, мнѣ одной скучно.

— Вы не одни, у васъ есть гостья.

— Она теперь не въ духѣ и съ ней мнѣ скучно... Зачѣмъ вы пишете? Вы обличитель?

— Да.

— Вы всѣхъ обличаете?

— Я обличаю только порокъ! — отвѣтилъ Кургановъ, и пыхнулъ дымомъ папироски прямо въ лицо Катеринѣ Васильевнѣ. — Вы читаете когда-нибудь газету?

— Какую газету?

— «Простыню» читаете?

— Это въ которой объявленія-то печатаются. Это вы сочиняете объявленія?

Василій Тимоѳеичъ даже обидѣлся, но, принявъ въ соображеніе малограмотность дамы, вскорѣ успокоился.

— Объявленій я не сочиняю,—замѣтилъ онъ:—мое дѣло обличать. Читали вы мое обличеніе про Краюшкину?

— Однако, васъ надо опасаться!—проговорила съ улыбкой Катерина Васильевна.

Василій Тимоѳеичъ самодовольно улыбнулся.

— Вы думаете?—спросилъ онъ и пожалъ руку.

— Да.

— Почему?

— Вы озорникъ! — Катерина Васильевна опять сдѣлала глазки и прибавила: — Вы и меня, пожалуй...

— Нѣтъ, я васъ не *обличу*, а *облеку* въ божественную мантію...

— Ну, мерси!

И Василій Тимоѳеичъ, потянувъ къ себѣ Катерину Васильевну, страстно поцѣловалъ ее въ губы.

— Позвольте! — прошептала она и вслѣдъ затѣмъ спросила громко. — А скоро вы меня опишете?

— Постараюсь поскорѣе.

Въ это время вошелъ въ комнату Семенъ Иванычъ. Онъ успѣлъ уже снять визитку и махнулъ по направленію къ женѣ.

— Ну, идемъ! крикнулъ онъ.—Я и водочки захва-

тилъ съ собой, а то теперь бѣдняга-то чай стосковался совсѣмъ.

— Ну, пойдетъ теперь, значитъ, пьянство! — замѣтила Катерина Васильевна. Но Семенъ Иванычъ, вмѣсто отвѣта, только мигнулъ опять, глядя на жену.

VIII.

Надежда Ивановна была женщина лѣтъ двадцати, средняго роста, съ весьма симпатичнымъ лицомъ, пепельнаго цвѣта волосами и большими черными глазами, окаймленными длинными, густыми рѣсницами. Что-то располагающее проглядывало не только въ наружности Надежды Ивановны, но даже въ ея движеніяхъ и въ ея рѣчи. Стоило разъ взглянуть на нее, и казалось уже, что вы давнымъ-давно знакомы съ ней, давнымъ-давно связаны съ ней самыми тѣсными узами дружбы. Несмотря на неудачно сложившуюся жизнь ея, никто изъ порядочныхъ людей не смѣлъ никогда осудить ее. Даже и въ этомъ жалкомъ положеніи она возбуждала только однѣ симпатіи.

Надежда Ивановна была дочь весьма небогатыхъ помѣщиковъ. Отецъ ея служилъ казначеемъ въ полку, которымъ когда-то командовалъ Діонъ Павловичъ. Сколотилъ небольшой капиталецъ, вышелъ въ отставку и, купивъ себѣ маленькое имѣніе, принялся за хозяйство. На второй или на третій годъ послѣ покупки имѣнія, у него родилась дочь, и Иванъ Артемьичъ (такъ звали отца Надежды Ивановны) былъ на верху блаженства. Но вскорѣ послѣ родовъ жена его умерла, оставивъ его вдовствовать съ маленькой дочкой на рукахъ.

Иванъ Артемьичъ на первыхъ порахъ растерялся, плакалъ какъ ребенокъ, но, убѣдившись, что слезами горю не поможешь, пріискалъ для дочери старушку няню и принялся за работу. Всѣ свои симпатіи онъ сосредоточилъ на дочери и ради ея не зналъ ни устали, ни даже болѣзни. Состояніе Ивана Артемьича было весьма ограниченное. Онъ имѣлъ всего-навсего четыреста десятинъ и ни копѣйки свободнаго капитала, такъ какъ все оставшееся отъ покупки заложеннаго имѣнія онъ употребилъ на устройство усадьбы и на покупку всего необходимаго для хозяйства. На сколько хозяйство ганерала Малахова, ввѣренное надзору солдатъ, шло безтолково и безпорядочно, на столько хозяйство Ивана Артемьича дышало разсудительностью и порядкомъ. Домъ его былъ небольшой, всего въ четыре комнаты, но за то онъ тонулъ въ зелени сада и невольно манилъ взоры каждаго прохожаго. Садикъ этотъ насадилъ Иванъ Артемьичъ собственными руками. Самъ ухаживалъ за молодыми деревцами, самъ поливалъ ихъ, и подъ неусыпнымъ надзоромъ его деревца росли также быстро и стройно, какъ росла его Надя. Когда маленькой Надѣ минуло одиннадцать лѣтъ, садъ былъ уже въ полной силѣ и красѣ.

Надя любила этотъ садикъ. Она устроила въ немъ клумбы, засадила ихъ цвѣтами и съ дѣтской наивностію любовалась ими. Выростая въ деревнѣ, въ одиночествѣ, Надя любила это одиночество, и ей было даже скучно и неловко, когда пріѣзжали къ нимъ гости. Въ лѣтнюю пору, едва только востокъ загорался лучами восходящаго солнца, Надя поспѣшно вскакивала съ своей постельки, осторожно прокрадывалась мимо спавшей няни и, набросивъ на себя легонькое платьеце,

бѣжала вонъ изъ дома. Она и сама не замѣчала, какъ солнце выкатывалось на самую средину неба и какъ она далеко заходила въ лѣсъ. Полной свободой пользовалась Надя. Правда, была у нея, кромѣ старушки няни, такая же старушка гувернантка, обучавшая ее музыкѣ и другимъ наукамъ; правда, приходилъ къ ней три раза въ недѣлю приходскій дьяконъ преподавать Законъ Божій; но старикъ Иванъ Артемьичъ на науки налегалъ не слишкомъ. Лѣтомъ онъ говорилъ бывало: «дайте ребенку побѣгать, порѣзвиться; лѣтній воздухъ на всю жизнь даетъ человѣку здоровье!» А зимой: «погодите, говорилъ, лѣто придетъ, лѣтомъ и дни длиннѣе, достанетъ на все времени, и на ученье и на игры!» И старикъ, глядя на подроставшую дочь, восхищался. И дѣйствительно было чѣмъ восхищаться. Бѣгая въ цвѣтахъ, она и сама выглядѣла цвѣточкомъ. Лицо ея дышало свѣжестью; розовыя щечки горѣли живымъ румянцемъ, черные глаза блестѣли словно угольки, а пепельные, нѣжные, какъ шелкъ, волосы завивались на лбу локонами. И вся она была такая милая, рѣзвая, добрая, что даже сердиться нельзя было на нее. Бывало, и сшалитъ что-нибудь, и напроказитъ, и слѣдовало бы выговоръ сдѣлать ей, а какъ взглянешь на это веселое, доброе, смѣющееся личико, такъ и не скажешь ничего. Ее всѣ любили. Любилъ отецъ, любила гувернантка, любилъ дьяконъ, няня старуха, любила дворня, любили мужички и бабы деревенскія.

Такъ шли годы за годами, и Надѣ минуло 14 лѣтъ. Старикъ-отецъ еще усерднѣе принялся за дѣло. Занявъ у сосѣда, купца Блинова, 1,000 рублей, онъ накупилъ быковъ, накупилъ плуговъ, нанялъ годовыхъ

рабочихъ и сталъ уже самъ пахать землю (наемная пахата ему не нравилась). Въ первую-же весну онъ дѣйствительно такъ раздѣлалъ землю, какъ только раздѣлываютъ ее на огородахъ. Проѣзжая мимо пашни этой, крестьяне только руками разводили: сроду не видали они такой обработки. Отъ хорошей раздѣлки земли слѣдовало ожидать и хорошаго урожая, и дѣйствительно, хлѣбъ взошелъ на славу, а осенью по уборкѣ оказалось, что амбары Ивана Артемьича чуть не ломились отъ зеренъ. Наѣхали купцы, раскупили хлѣбъ, и Иванъ Артемьичъ поспѣшилъ уплатить долгъ. Съ удвоенной энергіей принялся старикъ за дѣло, работалъ какъ волъ; вставалъ съ утренней зарей, уходилъ изъ дому и только съ вечерней зарей возвращался. Бодрый и неутомимый хлопотунъ поспѣвалъ повсюду. Онъ самъ отпускалъ сѣмена, самъ слѣдилъ за посѣвомъ; въ обѣдъ отправлялся на выгонъ, осматривалъ свое стадо, заглядывалъ въ конюшню, на скотный дворъ, на огородъ, а тамъ опять въ поле на посѣвъ. Весна была благодатная. Набѣгутъ тучки, оросятъ землю питающей влагой, а потомъ опять солнце, и начнетъ это солнце прогрѣвать своими лучами увлаженную дождемъ землю, и земля словно въ парникѣ нагрѣвалась, быстро поднимались изъ теплой, рыхлой земли молодые всходы, быстро росли, и не прошло двухъ недѣль, какъ земля заколыхалась уже свѣжей зеленью хлѣбовъ. Иванъ Артемьичъ былъ въ восторгѣ. Радовалась и Надя, окидывая взоромъ эти сочные бархатные посѣвы. «Благодать!» восклицалъ Иванъ Артемьичъ. «Благодать!» повторяли мужички и всѣ до единаго, отъ малаго до великаго, благословляли эту благодать.

Но не долга̀ была эта всеобщая радость. Когда хлѣбъ сталъ колоситься, вдругъ налетѣла градовая

туча, бѣлая какъ серебро, остановилась надъ полями Ивана Артемьича, разразилась бурей, грозой, градомъ и въ какихъ-нибудь десять минутъ разрушила всѣ мечты. И куда только дѣлась эта сочная зелень полей! словно ея и не было никогда! Градъ ее переломалъ, исковеркалъ, замялъ въ грязь, затопталъ, и, окончивъ это дѣло, затихъ. Иванъ Артемьичъ былъ въ полѣ. Забившись подъ телегу, онъ выжидалъ конца, и когда градъ кончился, словно сумасшедшій поскакалъ домой, но и дома не много нашелъ утѣшенія. Въ домѣ раздавался плачъ: плакала Надя, плакала гувернантка, плакала и старая няня. Оказалось, что въ окнахъ не уцѣлѣло ни одного стекла, всѣ комнаты засыпаны градомъ, и холодный вѣтеръ свисталъ въ нихъ, гуляя на просторѣ. Въ саду было еще печальнѣе: молодыя деревья съ прямыми, сочными, словно лакомъ покрытыми штамбами, стояли съ поломанными вѣтками, съ исщипанной корой, и не было на нихъ ни одного плода, ни одного листочка даже; клумбы цвѣтовъ были изрыты; кустарникъ поломанъ; плетень опрокинутъ. Взглянувъ на это, Иванъ Артемьичъ всплеснулъ руками и зарыдалъ какъ ребенокъ. Всѣ многолѣтніе труды его пропали.

На другой день, собрались сосѣди, выразили сожалѣніе, поблагодарили Господа, что бѣда миновала ихъ, выпили, пообѣдали и разъѣхались.

Ждать дохода было нечего. Иванъ Артемьичъ коечто пораспродалъ. Продалъ нѣсколько свиней, овецъ, двѣ коровы, трехлѣтка жеребчика, котораго онъ прочилъ было въ приданое дочери, и на вырученныя деньги вставилъ стекла въ рамы, поправилъ сорванныя крыши и плетни и держалъ домашій расходъ.

Подошелъ, между тѣмъ, августъ, надо было сѣять рожь, надо было добыть сѣмянъ. Скрѣпя сердце, поѣхалъ Иванъ Артемьичъ опять къ Блинову, занялъ у него сто четвертей ржи и засѣялъ поля. Осень опять порадовала Ивана Артемьича; озими вышли великолѣпныя, и обрадованный Иванъ Артемьичъ занялся подготовкой земли къ весеннему посѣву. Настала зима, и скучно потянулись коротенькіе дни и длинныя ночи. Иванъ Артемьичъ посжался; вмѣсто обычныхъ трехъ кушаньевъ къ обѣду, сталъ готовить только два; порѣзалъ свиней, гусей, индѣекъ, утокъ, но оставилъ себѣ очень мало, а все отправилъ въ городъ, продалъ и на вырученныя деньги купилъ чаю, сахару и проч. Вмѣсто жукова табаку, сталъ курить дешевый мусатовскій, вина не пилъ никакого. Но помѣщику, у котораго имѣніе заложено, много заботъ, много дыръ, которыя требуется затыкать. Самой емкой дырой является банкъ или общество, въ которомъ заложена земля. — 1-е января и 1-е іюля самыя страшныя числа въ году. Съ приближеніемъ роковыхъ чиселъ этихъ сердце заемщика обливается кровью. Наступили рождественскіе праздники: Иванъ Артемьичъ опять отправился къ Блинову, и опять перехватилъ на уплату процентовъ, а кстати и на покупку сѣмянъ къ веснѣ. Скучно потянулись зимніе дни, только и была одна отрада, — Надя. Засядетъ, бывало, съ ней старикъ въ дурачки играть, и вечеръ проходилъ незамѣтно; а то попроситъ поиграть на фортепіано, а самъ, закуривъ трубку, начнетъ ходить изъ угла въ уголъ, да ломать себѣ голову, какъ бы концы съ концами свести.

Наконецъ, подошла и весна. Прилетѣли грачи; на прутикахъ скворечень запѣли скворцы; зазвенѣли въ

воздухѣ жаворонки; солнышко засвѣтило; подулъ вѣтеръ съ теплой стороны, показались проталинки, загремѣли овраги ручьями; зимній путь рушился, вскрылась рѣка, сшибла нѣсколько мельницъ и плотинъ, — и Иванъ Артемьичъ ожилъ. Ожила и Надя. Ей хоть и минуло 16 лѣтъ, но сердце оставалось все тоже юное, дѣтское, увлекающееся. Она успѣла уже побывать въ полѣ и наслушаться жаворонковъ; успѣла сходить на рѣку и посмотрѣть, какъ бушующая рѣка, ломая оковы, громоздила льдины одну на другую; она успѣла уже покататься на лодкѣ по обширному разливу рѣки; успѣла побывать въ лѣсу и нарвать букетъ изъ синихъ подснѣжниковъ и, глядя на эти первые весенніе цвѣты, эти первые вѣстники наступающаго благоуханія, радовалась какъ ребенокъ. Подошелъ и свѣтлый праздникъ Христовъ. Началось крашеніе яицъ, подготовленіе пасхи, куличей, окороковъ; развѣшиваніе вымытыхъ и накрахмаленныхъ оконныхъ занавѣсокъ; перетираніе картинъ и портретовъ; выставили одну раму, и свѣжій воздухъ ворвался въ комнату. Послышалось чириканье воробьевъ, осыпавшихъ сосѣдній кустъ бузины, лай собаки, и Надя отъ восторга всплеснула руками!

Святая недѣля прошла, а съ Ѳоминой начался сѣвъ. Иванъ Артемьичъ пригласилъ священника, отслужилъ въ амбарахъ молебенъ съ водосвятіемъ, окропилъ сѣмена, и работа закипѣла. Закишѣло поле тружениками-пахарями, покрылось ими словно муравьями, посыпались на землю вѣеромъ зерна, и неболѣе какъ въ недѣлю посѣвъ былъ конченъ. Засвѣтило солнце, пошли перемочки, и посѣянное, частой щеткой, полѣзло изъ земли. Начало весны было опять благопріятное, но

затѣмъ наступила засуха,—и все погибло; погибли даже озими, столь много обѣщавшія и осенью и весной. Иванъ Артемьичъ упалъ духомъ, махнулъ рукой и пересталъ ѣздить въ поля, а между тѣмъ, 1-е іюля было уже не за горами; подходилъ новый срокъ платить проценты, а надежды на урожай исчезли. Въ окрестностяхъ пошли ярмарки; народъ потянулся обозами; кому надо было колеса купить, кому лопаты; кому понуждилось лишнихъ овецъ продать или коровенку; кому обмѣнять лошадь или купить новую, а кому и просто охота пришла на людей посмотрѣть и себя показать. Понадобились деньги и рабочимъ Ивана Артемьича; стали они одинъ по одному приходить къ нему, подъѣхалъ и Гусевъ, торговецъ краснымъ товаромъ, у котораго, на грѣхъ-то, Иванъ Артемьичъ зимой еще набралъ въ долгъ рублей на сто товара. Начали всѣ эти люди приходить въ переднюю, кланяться, просить денегъ. Что тутъ дѣлать! Будь имѣніе не заложено, все бы можно было жить, а тутъ отъ думы отъ одной даже голова трещитъ. Ломалъ, ломалъ себѣ голову Иванъ Артемьичъ и порѣшилъ, наконецъ, ѣхать къ Блинову съ предложеніемъ купить у него десятинъ сто земли.

Блиновъ былъ простой мужикъ, но только по наружности, а не по душѣ, такъ какъ мужичьей доброты и честности онъ не имѣлъ. Съ малолѣтства занимаясь тарханствомъ и обманами, онъ купилъ десятинъ триста земли и сдѣлался 2 гильдіи купцомъ. Питаясь одной требухой да кашей, купецъ этотъ не замедлилъ разбогатѣть до того, что въ описываемое время имѣлъ уже тысячъ до четырехъ десятинъ земли, которая и примыкала какъ разъ къ дачѣ Ивана Артемьича.

Жилъ купецъ Блиновъ на хуторѣ, въ грязной избѣ, окруженной свиными хлѣвами и разными плетневыми дворишками, распространявшими зловоніе на далекое пространство. Всякій, незнавшій на хуторъ этотъ дороги, могъ розыскать его чутьемъ, какъ собаки розыскиваютъ падаль. Стоило только версты на три приблизиться къ хутору, поднять носъ, потянуть въ себя воздухъ,—и вонь указывала путь! Какъ и всѣ купеческіе хутора, такъ и этотъ былъ построенъ на самомъ неудобнѣйшемъ мѣстѣ изо всего участка; дѣлается это съ тою цѣлію, чтобы не занимать постройками такой земли, которая могла бы идти въ сдачу. Прямо передъ хуторомъ былъ прудъ, образовывавшійся отъ скопленія весенней воды. Стоячая вода эта отъ времени, конечно, портилась, сдыхалась, какъ говорятъ, начинала тоже распространять зловоніе, а въ іюнѣ мѣсяцѣ пересыхала. На этомъ-то хуторѣ, запахъ котораго доносился иногда до самой усадьбы Ивана Артемьича, и прозывавшемся «Вонючимъ», проживалъ купецъ Блиновъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, Блиновъ отъ покупки у Ивана Артетьича ста десятинъ земли отказался, а предложилъ ему занять у него еще рублей тысячу или болѣе. Иванъ Артемьичъ сначала отказался, справедливо соображая, что новый заемъ еще болѣе спутаетъ его, но такъ какъ деньги были необходимы, а Блиновъ совершенно резонно доказалъ, что продажею ста десятинъ кому-либо другому Иванъ Артемьичъ будетъ въ состояніи нетолько расплатиться съ Блиновымъ, но даже погасить часть банковскаго долга, то кончилось тѣмъ, что Иванъ Артемьичъ согласился съ

приведенными доводами и занялъ у обязательнаго сосѣда еще тысячу рублей.

Подъѣзжая къ своей усадьбѣ, онъ увидалъ бѣжавшую къ нему навстрѣчу Надю. Надя вспрыгнула на дрожки и объявила отцу великую новость! Новость эта состояла въ томъ, что, отправившись за ягодами, она встрѣтила въ лѣсу охотившагося молодого человѣка, собака котораго такъ напугала ее, что она даже вскрикнула и выронила изъ рукъ корзинку съ ягодами. Затѣмъ она познакомилась съ этимъ молодымъ человѣкомъ, который и оказался не кѣмъ другимъ, какъ сыномъ Блинова. Онъ только-что пріѣхалъ изъ Москвы и выпросилъ у нея позволеніе явиться къ нимъ.

IX.

Блиновъ, дѣйствительно, не замедлилъ визитомъ и на другой-же день послѣ встрѣчи съ Надей, подлетѣлъ на лихомъ киргизскомъ конѣ къ крыльцу Ивана Артемьича. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати съ небольшимъ, плотный, высокаго роста, съ свѣжимъ, румянымъ лицомъ, голубыми глазами, только-что пробивавшимся надъ пухлыми губами, усиками и рѣдкими бѣлыми зубами. Словомъ, это былъ типъ шустраго русскаго парня, попорченнаго Москвой. Войдя въ переднюю и приказавъ доложить о себѣ, онъ бойко разстегнулъ ремень съ наборомъ, сбросилъ суконную поддевку и, оставшись въ черномъ, модномъ сюртукѣ, развязно вошелъ въ маленькую залу, гдѣ и встрѣтился лицомъ къ лицу съ Надей.

Молодой Блиновъ только-что кончилъ курсъ къ какомъ-то коммерческомъ учебномъ заведеніи, въ которое былъ опредѣленъ отцомъ тотчасъ же по введеніи всеобщей воинской повинности, до тѣхъ же поръ неотлучно состоялъ при отцѣ, вникая въ хозяйство. Знакомство съ домомъ Ивана Артемьича молодому человѣку пришлось по вкусу. Дня черезъ два, онъ пріѣхалъ опять, просидѣлъ почти цѣлый день; съигралъ на фортепіано не безъ ошибокъ какую-то польку, а черезъ недѣлю явился снова, всякій разъ принося съ собою запахъ отцовскаго хутора. Въ концѣ-концовъ, всѣ эти поѣздки кончились тѣмъ, что молодой человѣкъ объявилъ однажды своему отцу, что онъ влюбленъ въ Надю, и что если отецъ не устроитъ свадьбы съ ней, то онъ пуститъ себѣ пулю въ лобъ. Старикъ Блиновъ перепугался, заложилъ тележку и отправился къ Ивану Артемьичу.

Переговоры шли довольно долго и кончились, однако, тѣмъ, что старикъ Блиновъ отдѣлилъ сыну двѣ тысячи десятинъ земли, обѣщалъ выстроить новую усадьбу и съ сыномъ вмѣстѣ не жить, а предоставить молодымъ жить совершенно отдѣльно и самостоятельно. Условія эти немного помирили Ивана Артемьича съ дѣломъ, и такъ какъ молодой Блиновъ былъ не дуренъ собой и нравился Надѣ, то кончилось тѣмъ, что свадьба была сыграна, и Надежда Ивановна Коршунова сдѣлалась купчихой Блиновой.

Впредь, до постройки усадьбы, молодые оставались въ домѣ Ивана Артемьича, который, окончательно помирившись съ судьбой, даже началъ находить, что лучшей партіи для Нади нельзя было ожидать. Молодой человѣкъ былъ богатъ, красивъ собой, довольно

образованъ, въ Надю влюбленъ по-уши, наконецъ, сосѣдъ, такъ что Ивану Артемьичу даже и разлучаться не придется съ дочерью. Надя тоже была счастлива. Она ласкала мужа, восхищалась его подарками, каталась съ нимъ на прекрасныхъ рысакахъ и даже начала учить его французскому языку. Домикъ Ивана Артемьича оживился; въ деньгахъ нужды не было; пошли вечеринки, обѣды, завтраки, стали навѣщать гости, и зима прошла незамѣтно. Съ наступленіемъ весны, молодой Блиновъ принялся за постройку усадьбы. Мѣсто было живописное. Лѣсъ, рѣка, а главное, тѣмъ было хорошо, что изъ оконъ будущаго дома, какъ на ладони, виднѣлась усадьба Ивана Артемьича; даже видно было, какъ старикъ съ трубкою во рту и въ халатѣ выходилъ на свое крылечко.

Сдѣлавшись самостоятельнымъ, Вася (такъ звали Блинова) принялся за хозяйство. Онъ началъ торговать хлѣбомъ, скупалъ пшеницу, льняное сѣмя, горохъ; устроилъ контору и завалилъ ее разными образчиками въ мѣшечкахъ и узелкахъ и конторскими книгами. Въ конторѣ занимались постоянно два конторщика и бухгалтеръ. Стали получаться конверты, открытыя письма и телеграммы. Съ утра и до вечера въ контору приходили обледенѣлые мужики въ тулупахъ, стучали смерзшимися лаптями, приносили съ собою холодъ и хлѣбъ въ мѣшечкахъ и узелочкахъ и продавали его Васѣ. Раза два въ теченіе зимы Вася, вмѣстѣ съ женой, съѣздилъ въ Москву, но въ Москвѣ она видѣла Васю только тогда, когда они отправлялись въ театръ; остальное же время она сидѣла одна въ номерѣ гостиницы, а Вася уѣзжалъ по коммерческимъ дѣламъ. Раза два онъ возвращался домой

пьянымъ; Надя пожурила его за это, но успокоилась, когда Вася увѣрилъ ее, что пилъ поневолѣ, что въ коммерческихъ дѣлахъ нельзя обойтись безъ кутежа. Въ Москвѣ Вася продавалъ скупленный у мужиковъ хлѣбъ и возвращался домой.

Съ наступленіемъ весны, Вася еще усерднѣе занялся дѣлами. Въ контору къ нему опять стали приходить мужики; кто приходилъ снять землицы, кто травки подъ покосъ. Приходили какіе-то уполномоченные отъ обществъ, снимали выгоны, паровища для всего общества; приходили и рваные мужички *подъ работы* наниматься: паръ метать, луга косить; приходили иногда толпы бабъ и дѣвокъ. Не рѣшаясь войти въ контору, онѣ долго толкались, говорили одна другой: «ну, иди, что-ль, чего боишься», наконецъ входили всѣ вдругъ гуртомъ, сморкались въ пестрые фартуки, скалили бѣлые зубы и просили какихъ-то ерлычковъ за работы. Вася цѣлые дни проводилъ внѣ дома. То онъ на пахотѣ, то на посѣвѣ, то на покосѣ, а когда пришла страдная пора, онъ пропалъ совершенно.

Надя цѣлые дни проводила опять въ саду, но иногда ходила на гумно и удивлялась, что молотьба хлѣба производилась у мужа совсѣмъ не такъ, какъ у отца. Тамъ хлѣбъ молотили или цѣпами, или лошадьми, а здѣсь дымили паровыя машины, черный дымъ валилъ изъ трубъ, и хлѣбъ чистымъ зерномъ самъ уже сыпался обильно въ подвѣшенные мѣшки. Нѣмецъ-машинистъ въ засаленномъ пиджакѣ, съ заправленными за сапоги панталонами и съ лицомъ, выпачканнымъ сажей, суетился вокругъ паровика и кричалъ на мужиковъ: *эй, ты, собачій сынъ!* а на бабъ: *эй, ты,*

собачья дочь!..» Не нравились Надѣ эти дерзкія слова; никогда не слыхала она прежде на гумнѣ отца ничего подобнаго. Случалось, что въ минуты подобнаго раздумья къ ней подходилъ Вася, весь покрытый пылью и мякиной, и совѣтовалъ идти домой. Изрѣдка пріѣзжалъ къ нимъ старикъ Блиновъ съ хуторскимъ запахомъ, пилъ чай и удалялся съ сыномъ въ контору, гдѣ обыкновенно и бесѣдовалъ съ нимъ подолгу. Разъ какъ-то Надя не вытерпѣла, подошла къ двери и подслушала разговоръ ихъ. Оказалось, что старикъ дѣлалъ выговоръ сыну, что не такъ онъ ведетъ хозяйство, что дѣйствовать такъ размашисто нельзя, что всѣ эти конторы, бухгалтеры и паровики съ нѣмцами до добра не доведутъ; но Вася тутъ же грубо и дерзко оборвалъ отца. И видѣла Надя въ щелку, какъ Вася съ раскраснѣвшимся лицомъ и съ какими-то злыми глазами объявилъ отцу, чтобы онъ въ чужія дѣла не вмѣшивался, что онъ, Вася, и *самъ* съумѣетъ справиться съ дѣлами, что онъ *самъ* не глупѣе его, *самъ* держитъ всѣхъ въ своихъ рукахъ, и потому учить его нечего! А въ доказательство того, что дѣла его идутъ блестящимъ образомъ, Вася указалъ на свои барыши, при видѣ которыхъ старикъ Блиновъ даже ахнулъ отъ восторга. Надя даже испугалась! Больше всего не понравилась ей грубая рѣчь, съ которой обратился сынъ къ отцу, и эти злые глаза Васи, такіе злые, какими она никогда не видала ихъ.

И стала Надя молча наблюдать за мужемъ. Ей страннымъ показалось, что никто не любилъ его. Домашняя прислуга и рабочіе не уживались: поживутъ мѣсяцъ другой и уйдутъ. Не разъ слышала Надя, какъ мужики, выходя изъ конторы съ деньгами въ рукахъ, на что-то ворчали и говорили часто: «Нешто

такъ дѣлаютъ, такъ дѣлать нельзя!»—а выйдя на дворъ, принимались кричать и грозить мировымъ. Видѣла Надя, что Вася все чаще и чаще возвращался домой раздраженнымъ, съ злыми, бѣгающими глазами и блѣдными губами. Надѣ казалось страннымъ, что рѣдкій мужикъ, встрѣчавшійся съ нимъ, кланялся Васѣ, тогда какъ, бывало, отцу ея кланялись всѣ и, снявъ шапку, долго кивали улыбающимся лицомъ. Точно такъ же и въ церкви: никто, бывало, не поздоровается съ нимъ, никто не дастъ ему дороги, и стоитъ Вася въ углу церкви, насупивъ брови, и, словно волкъ, изподлобья посматриваетъ на всѣхъ. Рѣдкая недѣля проходила, чтобы Васѣ не приносили отъ мироваго повѣстокъ. Разъ какъ-то никого, кромѣ Нади, не было дома; пришелъ разсыльный, и, передавъ ей повѣстку, просилъ расписаться и отдать ее мужу. Надя расписалась, но каково же было ея изумленіе, когда, прочтя повѣстку, она узнала, что Васю вызываютъ въ судъ по обвиненію въ мошенничествѣ. Надя разсердилась на мироваго, но все-таки перепугалась. Когда мужъ возвратился, Надя передала ему повѣстку и просила успокоить ее, но, вмѣсто успокоенія, Вася раскричался на жену и запретилъ ей разъ навсегда принимать эти глупыя бумажонки. Заинтересованная этимъ, Надя стала подсматривать, куда кладутся приносимыя повѣстки, и, замѣтивъ, что онѣ принимаются бухгалтеромъ и кладутся подъ сукно конторскаго стола, выжидала, когда всѣ уходили изъ конторы, и читала. Изъ нихъ она узнала, что Вася вызывался въ судъ то по дѣламъ объ обмѣрахъ, то по дѣламъ о неразсчетѣ рабочихъ, то по обвиненію въ кормленіи людей мясомъ палыхъ барановъ, то по обвиненію въ оскорб-

ленiи дѣйствiемъ и т. п. Не разъ обо всемъ этомъ говорила Надя отцу, но старикъ только качалъ головой, объясняя эти поступки *сложностiю хозяйства*. И вотъ Надя стала замѣчать, что Вася какъ-будто измѣнился. Весь погруженный въ свои дѣла, въ свою контору и конторскiя книги и счеты, онъ какъ-то холоднѣе сталъ къ ней относиться. Раза четыре уже побывалъ онъ въ Москвѣ, нѣсколько разъ ѣздилъ въ губернскiй городъ и никогда не бралъ ее съ собою. Однажды какъ-то, когда Васи не было дома, она услыхала въ конторѣ сдержанный смѣхъ конторщиковъ. Она тихонько подошла къ двери и узнала, что Вася поѣхалъ не въ Москву, а въ уѣздный городъ, и не по коммерческимъ дѣламъ, а въ *арестантскую* отсидѣть двухнедѣльный срокъ по приговору судьи.

X.

Въ такомъ-то смутномъ состоянiи находилась все еще дѣтская головка Нади, когда, однажды весной, возвратившись изъ города, Вася привезъ своего прiятеля Органскаго. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, смуглый, черный, какъ цыганъ, съ кудрявой головой, съ суровой наружностiю, густыми бровями и такой же бородкой. Средняго роста, но плотно сложенный, онъ выглядѣлъ какимъ-то крѣпышемъ, словно какъ изъ чугуна былъ отлитъ. Вася привезъ съ собою Органскаго, чтобы тотъ обучилъ конторщика итальянской бухгалтерiи, а отчасти и для того, чтобы дать хотя на время кусокъ хлѣба прiятелю, не имѣвшему ни занятiя, ни мѣста. Вася встрѣ-

тился случайно съ Органскимъ въ какомъ-то трактирѣ, и, узнавъ о бѣдственномъ его положенiи, пригласилъ его къ себѣ погостить. При видѣ Органскаго, Надя даже смутилась: такой онъ былъ суровый и страшный. А въ особенности не понравились ей его глаза, словно пронизывавшiе человѣка и смотрѣвшiе прямо въ зрачки тому, съ кѣмъ говорилъ. Надя нѣсколько разъ силилась выдержать этотъ взглядъ, переглядѣть его, но всякiй разъ смущалась и опускала глаза. Органскому отвели комнату въ мезонинѣ, окна котораго выходили въ садъ; дали ему постель, бѣлье, и гость, поселившись въ этой комнатѣ, зажилъ такъ свободно, какъ-будто и не вѣсть съ которыхъ поръ жилъ въ домѣ Васи. Комната Органскаго была какъ разъ надъ гостиной, и Надя, сидя въ гостиной, не разъ слышала, какъ Органскiй, широко шагая и топая каблуками, насвистывалъ или напѣвалъ что-нибудь. Однажды, она видѣла даже его на лѣстницѣ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, и когда Органскiй замѣтилъ ее, то, нисколько не сконфузившись, проговорилъ: «Надежда Ивановна пошлите, пожалуйста, ко мнѣ человѣка; мнѣ умыться надо, а его никакъ не дозовешься!» И Надя пошла и розыскала человѣка. Иногда онъ по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ своей комнаты и въ такихъ случаяхъ приказывалъ, чтобы обѣдъ и ужинъ приносили ему наверхъ; иногда же, никому не сказавшись, уходилъ и пропадалъ по нѣскольку дней.

Органскiй былъ сынъ какого-то мелкаго чиновника, получавшаго жалованья три рубля въ мѣсяцъ. Несчастный чиновникъ этотъ съ большимъ семействомъ жилъ въ крайней бѣдности, а потому Органскiй еще съ самаго дѣтства терпѣлъ крайнюю нужду, безпре-

станныя лишенія, иногда голодъ и холодъ, и съ самаго дѣтства началъ уже раздражаться. Когда ему минуло десять лѣтъ, онъ поступилъ въ губернскую гимназію и принялся за ученіе, предполагая хоть въ немъ найти исходъ изъ того невыносимаго положенія, въ которомъ онъ находился. Гимназія, въ которую онъ попалъ, отличалась строгостію и порядкомъ. Во всѣхъ комнатахъ, во всѣхъ корридорахъ были вывѣшены инструкціи, какъ ученики должны держать себя въ гимназіи и внѣ ея, кому должны кланяться на улицахъ и т. д. Инструкціи эти, въ видѣ маленькой брошюрки, ученики обязаны были постоянно имѣть въ боковомъ карманѣ мундирчика на тотъ предметъ, чтобы, въ случаѣ какой-либо неисправности со стороны ученика, начальство гимназіи даже на улицѣ имѣло возможность указать ученику тотъ пераграфъ инструкціи, который имъ нарушенъ. Органскій, какъ-то разъ забывшій застегнуть три пуговицы мундира и имѣвшій несчастіе встрѣтиться на улицѣ съ директоромъ, былъ немедленно остановленъ и отправленъ въ карцеръ на три часа (за каждую пуговицу по часу). Поступокъ этотъ раздражилъ Органскаго, но онъ затаилъ это чувство и безпрекословно высидѣлъ назначенный ему срокъ. Директоръ гимназіи этой, чехъ, плохо говорившій по-русски, коверкавшій ударенія, требовалъ, однако, чтобы дѣти, произнося латинскія слова, удареній не коверкали и за каждое неправильно сдѣланное удареніе оставлялъ безъ обѣда. Большая часть учителей была, конечно, тоже изъ чеховъ и отличалась тою же строгостію. Ни ласковаго слова, ни доброй улыбки не видали серьезно вытаращенные на учителя дѣтскіе глазенки. Строгость и аккуратность — вотъ что было

только написано на лицахъ этихъ педагоговъ. Тяжко было и Органскому, хотя онъ и не былъ избалованъ нѣжностію отца и матери. Сшивъ себѣ мундирчикъ, онъ даже съ какой-то радостью влетѣлъ въ корридоры гимназіи; но, увидавъ въ корридорахъ строгія лица начальства, услыхавъ странную русскую рѣчь, въ которой поминутно слышалось вмѣсто *прошу́ — прѐшу* и т. п., увидавъ слезы мальчугановъ, приговоренныхъ къ наказанію, сердце Органскаго сжалось и ребяческая радость исчезла мгновенно. Ему показалось страннымъ, что даже во время перемѣны, даже на улицѣ не позволялось дѣтямъ ни порѣзвиться, ни посмѣяться. Ему какъ-то показалось не то страннымъ, не то натянутымъ, что въ церкви, во время богослуженія, выстраивали гимназистовъ вдоль боковыхъ стѣнъ церкви, а посрединѣ, между двумя этими колоннами, на разостланномъ коврѣ торжественно стоялъ директоръ, имѣя позади себя немного поодаль инспектора. И, не смѣя пошевельнуться, Органскій стоялъ словно одурѣлый и не молился.

Мѣсяца черезъ два или черезъ три послѣ поступленія Органскаго въ гимназію, его чуть было не выгнали. Исторія состояла въ слѣдующемъ. Какъ-то разъ, во время перемѣны, когда въ классѣ не было начальства, Органскій сталъ бороться съ товарищемъ (родственникомъ самого классного наставника); во время борьбы, товарищъ Органскаго разбилъ оконное стекло и свалилъ вину на Органскаго. Но когда Органскій сталъ оправдываться и объявилъ классному наставнику, что стекло разбито не имъ, а его противникомъ, и что наказаніе онъ перенесетъ напрасно, незаконно; то наставникъ ударилъ Органскаго по щекѣ. На совѣтѣ было

положено исключить Органскаго и, только благодаря просьбамъ какого-то вліятельнаго человѣка, наказаніе это было замѣнено другимъ. Несмотря на все это, Органскій принялся за ученіе со всѣмъ усердіемъ, только латинскій языкъ не давался ему, да какъ-то плохо понималъ онъ трудныя для дѣтскаго мозга задачи Малинина и Буренина. По цѣлымъ ночамъ ломалъ онъ свою голову надъ этими задачами и никакъ не могъ понять ихъ; желчный же учитель математики даже и вникнуть не хотѣлъ, что ученикъ не въ состояніи понять то, что понимаетъ онъ.

Подъ вліяніемъ этой обстановки и по мѣрѣ того, какъ Органскій росъ и мужалъ, въ немъ росло и мужало раздраженіе. Онъ хотѣлъ было даже бѣжать изъ этой гимназіи и перейти въ реальное училище, но, сообразивъ, что путь изъ этого училища не столь обезпеченъ, рѣшился терпѣть до конца. Его поддерживало самолюбіе, онъ гордился, что носитъ мундиръ классической гимназіи, и, поощряемый этимъ самолюбіемъ, шелъ дальше. Такъ шло время и, наконецъ, онъ былъ переведенъ въ шестой классъ. Органскій былъ въ восторгѣ и на радостяхъ, зазвавъ къ себѣ товарищей, устроилъ выпивку и, напившись пьянымъ, пошелъ купаться. На грѣхъ встрѣтился ему директоръ. Замѣтивъ, что Органскій шелъ съ разстегнутымъ мундиромъ и что отъ него пахло виномъ, директоръ созвалъ совѣтъ, и Органскій былъ исключенъ изъ гимназіи за дурное поведеніе. Органскій ахнулъ и въ ту же минуту увидалъ себя между небомъ и землей.

Попьянствовавъ съ горя, Органскій принялся искать себѣ мѣста, но какъ ни бился, а болѣе пятнадцати

рублей въ мѣсяцъ нигдѣ не давали. Раздраженіе его достигло крайнихъ размѣровъ. Оборванный, голодный, онъ переходилъ изъ одного трактира въ другой и питался чуть не подаяніемъ. Онъ училъ дѣтей грамотѣ, былъ одно время актеромъ, писалъ статьи въ газеты, и, наконецъ, дошелъ до того, что всякаго стоявшаго выше ненавидѣлъ, а всякаго стоявшаго ниже презиралъ. Онъ потерялъ вѣру въ себя, сдѣлался цинникомъ и даже похвалялся этимъ цинизмомъ.

Съ пріѣздомъ Органскаго, жизнь въ домѣ Васи немного измѣнилась. Желая щегольнуть передъ ничего неимѣвшимъ пріятелемъ, Вася распорядился, чтобы обѣдъ приготовлялся получше, чтобы къ 12 часамъ подавалась непремѣнно водка и закуска; когда пріѣзжалъ Иванъ Артемьичъ, составлялся даже преферансъ... Вскорѣ послѣ чая, подавалась опять закуска и водка, которая и не сходила со стола вплоть до ужина. Въ карты играли по маленькой, но Органскій игралъ такъ счастливо, что постоянно былъ въ выигрышѣ. Органскій и Вася выпивали умѣренно, но все-таки къ концу вечера какъ-то всегда выходило такъ, что глаза у обоихъ разгорались, лица покрывались румянцемъ, а разговоры оживлялись настолько, что часто переходили въ споры и продолжались далеко за полночь.

Въ первые дни пріѣзда Органскаго, Вася затаскалъ его по полямъ и лугамъ. Онъ возилъ его съ собой повсюду, на пахоту, на овчарню, въ лѣсъ, на скотный дворъ; показывалъ то мѣсто, гдѣ собирался запрудить рѣку и построить крупчатку; водилъ его по амбарамъ, сушилкамъ; но скоро Органскому все это надоѣло, и онъ объявилъ Васѣ, что шататься съ нимъ больше не намѣренъ и что съ завтрашняго же дня займется

итальянской бухгалтеріей. Вася предоставилъ пріятелю распоряжаться временемъ, какъ онъ хочетъ, а самъ опять принялся за свое хозяйство и возвращался домой только къ обѣду да вечеромъ.

Итальянская бухгалтерія, однако, двигалась весьма медленно. Нѣсколько разъ принимался Органскій заниматься ею съ бухгалтеромъ, но всякій разъ бросалъ занятія при самомъ началѣ и уходилъ въ свою комнату, ложился на кровать, бралъ какую-нибудь книгу и въ такомъ положеніи лежалъ до обѣда.

Однажды какъ-то Вася загналъ съ луговъ пять лошадей. Обстоятельство это сильно его раздражило; онъ ругалъ мужиковъ, кричалъ, шумѣлъ, а когда явились хозяева лошадей этихъ, то онъ чуть не исколотилъ ихъ и объявилъ, что до тѣхъ поръ не возвратитъ лошадей, пока не принесутъ ему десять рублей штрафа. Мужики упали на колѣна, просили помиловать и объявили, что у нихъ не только нѣтъ десяти рублей, но даже и рубля нѣтъ. Вася посовѣтовалъ имъ занять и объявилъ снова, что безъ десяти рублей лошадей не отдастъ. Когда мужики объявили, что десяти рублей имъ никто не повѣритъ, то бывшій тутъ же Органскій вынулъ изъ портъ-моне выигранныя имъ въ карты деньги, отсчиталъ десять рублей и, отдавъ ихъ мужикамъ, вышелъ изъ комнаты. Вася взялъ деньги и приказалъ возвратить лошадей мужикамъ. Все это видѣла Надя, и какъ-то неловко сдѣлалось ей за мужа.

Эта, повидимому, ничтожная сцена много измѣнила взглядъ Нади на Органскаго. Онъ уже не казался ей страшнымъ, грубымъ и невѣжей; напротивъ, она стала находить въ немъ много добраго, а странности и безцеремонность стала приписывать просто дурному вос-

питанію. Она даже пришла къ такому заключенію, что бѣдному человѣку, какимъ былъ Органскій, и не слѣдовало иначе держать себя въ домѣ богатаго Васи, такъ какъ въ противномъ случаѣ Вася этотъ непремѣнно бы зазнался.

Измѣнился и Органскій въ мнѣніяхъ своихъ о Надѣ. Шляясь по сосѣднимъ деревнямъ и селамъ, онъ узналъ о Надѣ много хорошаго. Она была извѣстна всему околодку; ее помнили еще ребенкомъ, помнили дѣвушкой и, наконецъ, знаютъ ее и женой Блинова. Изъ разсказовъ было видно, что всѣ ее любили, что у нея доброе и любящее сердце, что прежде она много дѣлала добра; всѣ жалѣли, что въ мужья ей достался такой аспидъ, хуже котораго нѣтъ во всемъ околодкѣ. Слѣдствіемъ всего этого было, что Органскій какъ-то рѣже сталъ отлучаться изъ дома и большую часть дня проводилъ съ Надей. Верстахъ въ десяти отъ усадьбы Блинова былъ помѣщикъ, который имѣлъ порядочную библіотеку; познакомившись съ нимъ, Органскій бралъ у него книги и читалъ Надѣ вслухъ. Сначала чтенія эти не нравились Надѣ, но мало-помалу она начала интересоваться и дошла до того, что даже сама стала читать по ночамъ. Они прочли много русскихъ и переводныхъ романовъ, и воображеніе Нади разыгрывалось все болѣе и болѣе. Однажды, Органскій прочелъ ей «Антона Горемыку»; повѣсть произвела на Надю тяжелое впечатлѣніе. Ей было жаль несчастнаго Антона, она чуть не плакала надъ судьбою этого несчастнаго крестьянина, но Органскій отрезвилъ ее. Онъ описывалъ ей положеніе современнаго Антона-Горемыки, его обстановку, его трудъ, его отношенія къ купцу-землевладѣльцу, къ кабаку, къ покупщику

хлѣба, къ волостному писарю, попу, мѣстному торгашу, и набросалъ картину, полную правды и красокъ.

Эти постоянныя чтенія и бесѣды съ глазу на глазъ сблизили ихъ настолько, что между ними, наконецъ, не замедлило завязаться нѣчто въ родѣ дружбы. Разговоры начали принимать болѣе интимный характеръ. Они стали прогуливаться по саду, по лѣсу, примыкавшему къ дому, по полямъ, заходили иногда въ крестьянскія избы. Надя даже не подозрѣвала, что жизнь крестьянина далеко не такъ радужна, какою казалась ей до сихъ поръ; что сухари съ квасомъ, которыми она когда-то восхищалась въ дѣтствѣ, можно ѣсть только отъ голода; что пахарю на загонѣ далеко не такъ весело, какъ это казалось, что ему недосугъ любоваться солнышкомъ, которое только печетъ его; что ему некогда прислушиваться къ пѣнію жаворонковъ и смотрѣть на перебѣгающихъ зайчиковъ, такъ какъ онъ долженъ думать о томъ, чтобы всю работу произвести своевременно. Надѣ было совершенно ново, когда узнала она, что крестьянская женщина, которую видѣла она въ церкви, на покосѣ, подъ качелями, на базарѣ, далеко не такъ счастлива, какъ это ей казалось. Говорилъ много Органскій и про купцовъ, и, слушая его, въ ея головѣ обрисовался образъ Васи, этого представителя молодаго, образованнаго купечества. Она даже испугалась. Ко всему этому присоединилась и слѣдующая исторія, весьма много повліявшая на судьбу Нади. Какъ-то, въ одиннадцать часовъ ночи, загорѣлся амбаръ у Васи: подъ амбаромъ нашли солому и нѣсколько коробокъ спичекъ. Пожаръ былъ затушенъ при началѣ, но поджогъ все-таки былъ ясенъ. За открытіе поджигателя Вася

обѣщалъ много денегъ. Онъ кричалъ, шумѣлъ, грозилъ виновнаго сгноить въ Сибири, сбилъ съ ногъ полицію и слѣдователей; но все было напрасно, и виновникъ остался не открытымъ; одна только Надя открыла его, сознавая въ душѣ, что виновникомъ былъ самъ Вася.

Такъ шло время, и дружба между Органскимъ и Надей начала принимать иной видъ. Не разъ Органскій, сидя съ Надей и разговаривая съ нею, началъ засматриваться на ея нѣжную шею, на ея бѣлыя, маленькія руки, на ея изящно, но просто убранные волосы, и огонь разливался по всѣмъ его жиламъ. Онъ быстро вставалъ тогда съ мѣста, оставлялъ Надю и пропадалъ на нѣсколько дней. Надѣ невыносимо скучно было въ это время. Привыкнувъ быть всегда съ Органскимъ, слушать его, говорить съ нимъ, она рѣшительно не знала, что ей дѣлать. Она начала сердиться на него за его отсутствіе, начала упрекать его. Органскій молчалъ и только изподлобья, нахмуривъ брови, смотрѣлъ на Надю. Прошло еще съ недѣлю. Какъ-то разъ Надя получила модный журналъ и, увидавъ въ немъ русскій костюмъ, пришла въ восторгъ отъ него. Надя принялась за работу и дня черезъ три уже явилась въ гостиную въ новомъ костюмѣ; Вася пришелъ въ восторгъ, а Органскій не спускалъ глазъ съ нея. Онъ любовался ея волновавшеюся грудью, ея станомъ, перевитымъ лентой, ея маленькой ногой.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, когда схлынулъ жаръ, Надя отправилась къ отцу пѣшкомъ показывать костюмъ и пригласила съ собой Органскаго. Этотъ шагъ былъ рѣшительнымъ въ жизни Нади.

Неизвѣстно почему, но и Органскій и Надя, возвра-

щаясь отъ Ивана Артемьича, какъ только отдалились отъ усадьбы, почувствовали какую-то неловкость. Они были совершенно одни. Высокая рожь стѣной возвышалась по обѣимъ сторонамъ извивавшейся дороги; ни людскаго голоса, ни грома телеги не было слышно. Все кругомъ словно замерло, притаилось, прислушивалось къ шагамъ шедшихъ по дорогѣ. Надѣ даже жутко сдѣлалось. Она готова была воротиться назадъ и попросить отца дать имъ лошадь, но не воротилась потому только, что постыдилась Органскаго. Они шли подъ руку, и чувствовала Надя, какъ дрожала рука Органскаго, какъ дрожалъ онъ самъ, и дрожь эта наэлектризовывала ее. Сумерки становились все гуще и гуще; уже не зеленой, а темной массой возвышалась рожь по бокамъ дороги; ни усадьбы Ивана Артемьича, ни усадьбы Блинова за сумерками не было видно. Они были на срединѣ пути и кругомъ никого. Органскій остановился. Кровь хлынула ему въ голову, въ глазахъ забѣгали огоньки, голова закружилась, въ вискахъ застучало и, не будучи въ силахъ владѣть собою, онъ обнялъ Надю...

Съ тѣхъ поръ, Надю узнать было нельзя; она точно переродилась. Веселость ея пропала, брови сдвинулись, глаза смотрѣли вдумчиво, и то, что занимало и радовало ее наканунѣ, въ настоящую минуту точно опостылѣло. На Васю было ей тяжело смотрѣть: изъ добраго, простаго русскаго парня онъ преобразился въ какого-то плантатора. Она начала избѣгать его и только въ Органскомъ видѣла идеалъ честности. Перемѣны этой Вася, однако, не замѣчалъ; весь погруженный въ хозяйственныя хлопоты и занятый, сверхъ того, постройкой крупчатки, онъ продолжалъ прово-

дить день внѣ дома, а возвратившись домой, исправно пилъ, ѣлъ и затѣмъ ложился спать. Отъ одного только Ивана Артемьича не ускользнула перемѣна Нади, и, глядя на дочь и на Органскаго, онъ какъ-будто догадывался, въ чемъ дѣло. Старикъ почти каждый день сталъ навѣщать дочь и, къ великой досадѣ Органскаго, проводилъ съ нею цѣлые дни. Онъ даже однажды рѣшился замѣтить Васѣ, что онъ слишкомъ уже предается хозяйству, что напрасно оставляетъ жену одну, что она безъ него скучаетъ; но Вася только расхохотался и объявилъ, что нельзя же ему быть вѣчно возлѣ жены, что у него есть дѣла и что, сверхъ того, Надя вовсе на одна, а съ Органскимъ, который и читаетъ ей, и гуляетъ съ нею.

Такъ прошло еще съ недѣлю. Органскій смѣтилъ подозрѣнія Ивана Артемьича и держалъ себя на-сторожѣ. Онъ сталъ говорить старику, что деревня ему надоѣла, что онъ надняхъ уѣзжаетъ въ городъ, что получилъ хорошее мѣсто. Иногда, еще издали завидѣвъ Ивана Артемьича, Органскій или вовсе уходилъ изъ дома, или же шелъ въ контору, и выходилъ только къ обѣду, а пообѣдавъ, снова исчезалъ. За то когда оставался съ Надей наединѣ, когда онъ былъ убѣжденъ, что ничей подозрительный глазъ не наблюдалъ за нимъ, онъ весь предавался страсти.

Надя спрашивала себя: что ей дѣлать? Честно ли будетъ съ ея стороны, если она не откроетъ мужу своей любви къ Органскому? Честно ли будетъ скрыть это предъ мужемъ и притворяться въ любви къ нему? Затѣмъ она спрашивала, виновата ли она? Выходя замужъ за Васю, она видѣла въ немъ одно, а теперь

другое. Зачѣмъ Вася тогда же не показалъ себя такимъ, какимъ онъ былъ на дѣлѣ?

Кончилось тѣмъ, что Надя убѣжала изъ дома мужа, оставивъ ему письмо, въ которомъ откровенно и подробно объявила о причинѣ побѣга.

Побѣгъ Нади произвелъ на Васю совершенно своеобразное впечатлѣніе. На первыхъ порахъ онъ хотѣлъ было скакать въ Малиновку, за косы притащить домой Надю, засадить подъ замокъ и томить голодомъ и жаждой. Онъ былъ не огорченъ, а взбѣшенъ и въ порывѣ бѣшенства придумывалъ казни и замѣнялъ ихъ одну другою! Затѣмъ, онъ самъ осѣдлалъ лошадь и, осыпая ее ударами нагайки, полетѣлъ къ Ивану Артемьичу. Объявивъ ему о случившемся, онъ, дрожа отъ гнѣва, такъ накричалъ и нашумѣлъ, что старикъ долженъ былъ скрыться и только этимъ заставилъ Васю оставить его домъ. Послѣ того, Вася полетѣлъ къ отцу. Старикъ Блиновъ, выслушавъ сына, нимало не удивился случившемуся; объявилъ, что все это нынче въ модѣ, что все это онъ предвидѣлъ. «Мужикъ долженъ искать мужичку, — говорилъ онъ: — а ты полѣзъ къ господамъ! Женился бы на какой-нибудь попроще, и никакихъ бы этихъ пакостей не было, потому что жену простую можно всегда держать въ страхѣ!» Въ заключеніе старикъ посовѣтовалъ сыну на все это *плюнуть*, а чтобы окончательно утѣшить Васю, передалъ ему векселя Ивана Артемьича. При видѣ векселей этихъ Вася даже задрожалъ отъ радости и на другой же день представилъ ихъ ко взысканію.

Совершенно иначе повліяло случившееся на Ивана Артемьича. Сначала онъ долго не вѣрилъ этому, но когда убѣдился, что Надя, которую онъ такъ недавно

еще няньчилъ на рукахъ, бросила мужа и убѣжала къ Органскому, онъ захворалъ. Старческій организмъ не вынесъ...

По смерти его, Надя вступила во владѣніе имѣніемъ, но оказалось, что оно было до того обременено долгами, что въ ту же зиму было продано съ аукціона и куплено Васей.

XI.

Поселившись въ селѣ Малиновкѣ, въ качествѣ сельскаго учителя, съ жалованьемъ въ размѣрѣ тридцати рублей въ мѣсяцъ, Органскій не съумѣлъ поладить. На другой-же день его пріѣзда, къ нему пришли старики поздравить съ новосельемъ. Органскій послалъ за водкой, напился съ ними и кончилъ тѣмъ, что первый свалился подъ столъ. Тѣмъ не менѣе, онъ съ жаромъ принялся за дѣло. По звуковому методу онъ вскорѣ добился того, что дѣти поняли азбуку и стали разбирать печатное. Нагляднымъ преподаваніемъ онъ далъ имъ понятіе о томъ, что такое земля, планеты, кометы и спутники. Растолковалъ, почему бываетъ день и ночь, почему бываютъ лунныя и солнечныя затменія; гдѣ востокъ, западъ, сѣверъ и югъ, что называется сушей и водой, и такъ съумѣлъ занять и заинтересовать дѣтей, что они даже съ охотой стали посѣщать школу. Вспомнивъ то тяжелое впечатлѣніе, которое произвели на него строгіе педагоги гимназіи, вспомнивъ ихъ сухой начальническій тонъ и весь вредъ, происходившій отъ этого, Органскій поставилъ себя къ дѣтямъ въ дружескія отношенія, добился ихъ любви. Онъ всматривался и изучалъ ха-

рактеръ каждаго мальчика отдѣльно, степень его физическаго здоровья, его способностей и, соображаясь со всѣмъ этимъ, руководилъ мальчикомъ такъ или иначе. Занимаясь съ дѣтьми, онъ снова переживалъ свою школьную жизнь и каждый свой шагъ регулировалъ тѣми впечатлѣніями и выводами, которые дѣтская еще головка его вырабатывала, глядя на холодныхъ педагоговъ. Онъ по себѣ зналъ, что первые шаги эти имѣютъ вліяніе на всю жизнь человѣка, и что если пугнуть ребенка, только-что поднявшаго ногу, чтобы сдѣлать шагъ, то онъ можетъ упасть и убиться.

Но всѣ эти благія начинанія были непродолжительны. Что было причиной этого, неустойчивость-ли Органскаго или переѣздъ къ нему Надежды Ивановны, но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ Органскій къ дѣлу охладѣлъ. Пріѣздъ Надежды Ивановны поразилъ его; онъ никакъ не ожидалъ такой развязки своего романа, но чувство еще свѣжей, неостывшей любви, а впослѣдствіи, и небольшое наслѣдство Надежды Ивановны мирили его съ этимъ новымъ положеніемъ. Онъ отвелъ Надеждѣ Ивановнѣ комнатку въ своей квартирѣ и, выдавъ ее за свою родственницу, зажилъ самымъ пріятнымъ образомъ. Онъ свелъ знакомство съ аристократіей села Малиновки: съ Семеномъ Иванычемъ, Катериной Васильевной, священникомъ, судебнымъ приставомъ, фельдшеромъ и корреспондентомъ Кургановымъ, и незамѣтно отдалился отъ школы. Пошли пирушки, картишки, попойки, и Органскій все чаще и чаще приходилъ домой въ самомъ веселомъ настроеніи. Надежда Ивановна, при видѣ такимъ Органскаго, смѣялась, косматила ему кудря-

вые волосы и, подведя къ зеркалу, заставляла его любоваться собой. Вмѣстѣ съ этимъ она и журила его, говорила, что такъ часто *кутить* нехорошо, но Органскій увѣрялъ, что все это онъ дѣлаетъ потому только, что ему надо сойтись съ людьми, отъ которыхъ зависитъ его судьба. Видя, что Органскій часто сталъ манкировать своими обязанностями, ограничивался бóльшею частію, подобно бывшимъ своимъ педагогамъ, задаваніемъ уроковъ *отъ сихъ* и *до сихъ*, а иногда и вовсе не являлся въ классъ, Надежда Ивановна начала помогать Органскому и вмѣсто него заниматься съ дѣтьми.

Надежда Ивановна повела дѣло это серьезнѣе Органскаго и цѣлые дни проводила среди своихъ маленькихъ друзей. Утромъ она занималась съ ними въ школѣ, а послѣ обѣда уходила въ лѣсъ, въ поля, въ луга, знакомила ихъ съ ботаникой и естественной исторіей. По праздникамъ, она ходила съ ними въ церковь, а послѣ объясняла, что такое литургія и что именно изображаетъ собою. Получивъ поверхностное образованіе, она сознала, что ей и самой приходится учиться. Но она не испугалась этого. Продавъ кое-что изъ имущества отца, она накупила себѣ новѣйшихъ руководствъ русскихъ и иностранныхъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, выписала два-три дѣтскихъ журнала и принялась все изучать не съ тѣмъ жаромъ, съ какимъ хватался за все Органскій, а съ терпѣніемъ и усидчивостью. Надежда Ивановна купила даже за пятьдесятъ рублей плохонькое фортепіано и съ помощію этихъ клавикордовъ стала обучать дѣтей церковному пѣнію, такъ что къ Рождеству хоръ ея весьма стройно пропѣлъ обѣдню и концертъ. Все это

не ускользнуло отъ наблюдательности и прозорливости русскаго мужика, и вотъ эти мужики, сразу понявшіе Органскаго, поняли и Надежду Ивановну.

Между тѣмъ положеніе Органскаго дѣлалось все хуже и хуже. Жалованья не хватало, и онъ безцеремонно сталъ тащить принадлежавшее Надеждѣ Ивановнѣ. Сначала онъ дѣлалъ это тайно, украдкой, но когда Надежда Ивановна, замѣтившая исчезновеніе нѣкоторыхъ вещей, стала все припрятывать и запирать, то Органскій сталъ уже требовать отъ нея «субсидіи». Прежде онъ бралъ у нея въ займы, а потомъ прямо сталъ говорить, что онъ не можетъ содержать на получаемое имъ жалованье и себя, и ее, и что она обязана помогать ему. Надежда Ивановна продавала что-нибудь и отдавала деньги Органскому. Онъ не переставалъ увѣрять ее въ любви, но въ душѣ начиналъ тяготиться ею. Все чаще и чаще онъ началъ пропадать изъ дома, а иногда возвращался только тогда, когда выходили деньги, и только за тѣмъ, чтобы снова заручиться ими. Въ одну изъ попоекъ онъ поссорился съ волостнымъ писаремъ, и послѣдствіемъ ссоры этой было то, что на другой же день «начальство» явилось къ Органскому на квартиру и потребовало отъ него *видъ* Надежды Ивановны. Трудно сказать, чѣмъ бы кончилась эта исторія, еслибы Надежда Ивановна въ тотъ же день не поспѣшила къ волостному писарю. Писарь этотъ былъ изъ чиновниковъ и потому ходилъ съ кокардой. Кое-какъ упросила она его дать ей время на выправку *вида*, подарила 10 рублей, обѣщала выхлопотать видъ поскорѣе и съ слѣдующей же почтой написала Васѣ письмо, въ которомъ просила его о высылкѣ ей свидѣтельства.

Вася письмо это разорвалъ и отвѣтилъ женѣ, что онъ не только не вышлетъ ей просимаго свидѣтельства, но, напротивъ, черезъ полицію вытребуетъ ее къ себѣ и заставитъ ее быть горничной у проживающей у него француженки. Письмо это такъ разстроило Надежду Ивановну, что она слегла въ постель и прохворала недѣли двѣ.

Наконецъ, имущество Надежды Ивановны окончательно исчезло, надо было даже продать фортепіано, а Органскій не переставалъ требовать денегъ. Дѣло дошло до того, что дѣйствительно нечего было ѣсть, и вотъ въ эту-то самую минуту произошелъ тотъ *скандалъ*, которымъ начался настоящій разсказъ.

XII.

Домикъ, въ которомъ жилъ учитель Органскій, имѣлъ видъ длиннаго флигеля. Онъ былъ крытъ соломой и съ лицевой стороны имѣлъ крылечко съ вывѣской «Малиновская сельская школа». По бокамъ крылечка были палисаднички, обнесенные частоколомъ и густо заросшіе кустами акаціи и сирени. Частоколъ этотъ не поспѣвали поправлять, потому что чуть ли не каждый прохожій, для защиты себя отъ нападенія собакъ, изобиловавшихъ въ селѣ Малиновкѣ, вытаскивалъ изъ него палку. Флигель этотъ стоялъ на базарной площади села, неподалеку отъ кабака и лавки Семена Иваныча, и обширными сѣнями раздѣлялся на двѣ равныя половины. Одну половину занимало училище, а другую, перегороженную на двѣ небольшія комнатки, учитель Органскій. Изъ корреспонденцій

Курганова мы уже знаемъ, что квартира Органскаго имѣла самый печальный видъ. Тѣмъ не менѣе она все-таки не была такъ ужасна, какъ описалъ ее Кургановъ: по примѣру другихъ корреспондентовъ, увлекся и онъ. Двѣ комнаты, предназначенныя для учителя, были дѣйствительно небольшія, но половыя доски ничуть не ходили подъ ногами, подобно клавишамъ, а равно и клопы не выглядывали изъ щелей. Мебели почти не было никакой, это правда, но виновникомъ этого было не общество крестьянъ села Малиновки, а самъ Органскій. Базарная площадь, на которой находилось училище, было самымъ веселымъ и бойкимъ мѣстомъ села. Здѣсь находились ряды и гостиный дворъ, въ которомъ по базарнымъ днямъ происходила торговля краснымъ товаромъ; нѣсколько навѣсовъ для торговли, производящейся съ возовъ; лавка овощныхъ, колоніальныхъ, бакалейныхъ и скобяныхъ товаровъ Соколова; такая же лавка Семена Иваныча; два кабака съ продажею вина распивочно и на выносъ, и два трактира «Плевна» и «Константинополь», съ продажей питей только распивочно. Въ патріотическихъ заведеніяхъ этихъ какъ крестьяне села Малиновки, такъ и населеніе окрестныхъ деревень и хуторовъ пропивали не только то, что можно было пропить, но даже и то, что пропивать не слѣдовало. Въ этихъ кабакахъ и трактирахъ производилось все: пьянство, кража, драки, буйство, картежная игра, мошенничество, уговоры на крупныя преступленія и проч. Здѣсь открыто практиковался развратъ въ самыхъ грязныхъ и отвратительныхъ видахъ, завлекались дѣвушки, распутничали женщины, развращалась молодежь. Переходя изъ одной лавки въ другую, изъ

одного кабака въ другой, изъ «Плевны» въ «Константинополь», толпа, распѣвая пѣсни, съ гармониками и балалайками, теряла, наконецъ, всякое сознаніе. А что производилось ночью, когда тьма окутывала своимъ черным покрываломъ и эти кабаки, и эти прилегавшія къ площади гумна, огороды и конопляннники — невозможно передать.

Но не для однихъ крестьянъ базарная площадь села Малиновки служила мѣстомъ *развлеченій*. Сюда въ базарные дни стекались окрестные жители и другихъ сословій. Здѣсь можно было встрѣтить и почтеннаго купца, покупавшаго у обезумѣвшаго отъ вина мужичка его трудовой хлѣбъ, и щеголеватыхъ купеческихъ сынковъ въ поддевкахъ, перетянутыхъ наборными ремнями, пріѣхавшихъ посмотрѣть на деревенскихъ красавицъ, и купеческихъ прикащиковъ съ бѣгающими, волчьими глазами и съ нагайками въ рукахъ, и всю аристократію села Малиновки. Вся эта компанія начинала свои кутежи сначала въ лавкахъ, въ *теплушкахъ*, а когда головы достаточно разгорячались, компанія переходила въ «Плевну» и «Константинополь», куда, на «чашку чая», приглашались и деревенскія красавицы. Ловкіе трактирщики обдѣлывали дѣла свои какъ нельзя чище. Купчики здѣсь въ одну ночь оставляли по нѣскольку радужныхъ, а въ слѣдующіе дни занимались придумываніемъ, какъ бы вернуть эти радужныя изъ другихъ источниковъ. Они обсчитывали рабочихъ, перерывали старыя бумаги, разъискивали оплаченныя росписки безъ платежныхъ надписей и подавали ихъ ко взысканію. Они взыскивали неустойки за несвоевременный платежъ за землю и т. п. И только тогда, когда прокученныя радужныя

возвращались назадъ,— успокоивались. На этой же площади, въ этихъ же трактирахъ и кабакахъ, ловили кліентовъ и мѣстные адвокаты. Всѣ они ходили по площади съ уставами подъ мышками, а такъ какъ въ Малиновкѣ была и камера мироваго судьи, то, конечно, въ кліентахъ недостатка не было. Адвокаты эти, или какъ прозвалъ ихъ народъ, *брехуны,* бродя изъ одного заведенія въ другое, подраздѣлили ихъ даже на инстанціи. Такъ, кабакъ, стоявшій на берегу оврага, принадлежалъ къ первой инстанціи, кабакъ Семена Иваныча, какъ болѣе обширный и крытый желѣзомъ — ко второй, а трактиры «Плевна» и «Константинополь» составляли третью, высшую инстанцію. Начавъ выпивку въ кабакѣ возлѣ оврага и оставшись ею недовольными, они апеллировали въ заведеніе Семена Иваныча, а затѣмъ, найдя и тамъ какое-нибудь упущеніе, переносили свои дѣла въ «Плевну» или «Константинополь». И все это, въ концѣ-концовъ, завершалось дракой, глядя на которую, трактирщики съ хохотомъ замѣчали: «Что-жь тутъ подѣлаешь! коли люди, которые законы подъ мышками носятъ, и тѣ дерутся, такъ намъ, темнымъ людямъ, подавно можно!»

Среди этой-то площади, пропитанной постоянно запахомъ спирта, помѣщалась малиновская сельская школа, къ которой и направились въ данную минуту Семенъ Иванычъ съ бутылкой и колбасой въ карманѣ, и Кургановъ съ нумеромъ газеты «Простыня». Въ сѣняхъ ихъ встрѣтилъ кривой сторожъ.

— Григорій Иванычъ дома? — спросилъ его Семенъ Иванычъ.

— Дома, только-что пришелъ.

Обстоятельство это какъ-будто удивило Семена Иваныча.

— Какъ, откуда? — вскрикнулъ онъ.

— На лодкѣ, никакъ катался съ кѣмъ-то!

— А ночевалъ-то онъ дома?

— Дома. А чуть свѣтъ уходилъ и вотъ передъ вами только вернулся.

Удивленіе Семена Иваныча возросло еще болѣе, когда, войдя въ квартиру учителя, онъ увидалъ его нетолько не тоскующимъ (Семенъ Иванычъ думалъ, что послѣ разлуки Органскаго съ Надеждой Ивановной, онъ непремѣнно будетъ тосковать), но, напротивъ, веселымъ и вдобавокъ расфранченнымъ и надушеннымъ. Семенъ Иванычъ даже развелъ руками.

— Что это! что я вижу!—кричалъ онъ, повертывая Органскаго и оглядывая съ ногъ до головы.— Ужь не наслѣдство ли какое получилъ?

— Fortes fortuna juvat! Я, други мои, нашелъ, что философъ Антеномъ, пренебрегавшій земными благами, ходившій въ рубищѣ съ сумою и костылемъ,— говоря, что «только порока долженъ стыдиться человѣкъ!» — вралъ немилосердно. Человѣкъ долженъ быть одѣтъ и стыдиться наготы!..

Но Семенъ Иванычъ, все это время внимательно разглядывавшій костюмъ Органскаго, вдругъ неистово замахалъ руками.

— Да вѣдь сюртукъ-то мой! и жилетка моя! — кричалъ онъ.

Органскій и Кургановъ разразились хохотомъ.

— Откуда ты досталъ все это? Вѣдь платье у меня въ шкафу и ключъ у меня въ карманѣ.

И въ доказательство Семенъ Иванычъ вынулъ изъ кармана ключъ и показалъ его Органскому.

— Я уже сказалъ тебѣ, что fortes fortuna juvat!..

— Да чортъ тебя знаетъ, что ты тамъ болтаешь!

— Это значитъ, братецъ, что храбрость города беретъ. А дѣло сдѣлалось очень просто. Приличный костюмъ мнѣ былъ необходимъ, а такъ какъ ты единственный человѣкъ, платье котораго сшито какъ-будто по моей мѣркѣ, то я вчера вечеромъ затесался къ тебѣ, вызвалъ Анисью, крѣпко обнялъ ее, расцѣловалъ, назначилъ ей сегодня свиданіе въ кустахъ за мельницей и уговорилъ снабдить меня твоимъ сюртукомъ и жилетомъ. Насчетъ же ключа ты совралъ, потому что вчера ты забылъ положить ключъ въ карманъ и оставилъ его въ замкѣ.

Кургановъ снова расхохотался, а Семенъ Иванычъ, раздраженный поступкомъ Анисьи, снова замахалъ руками.

— Ну, постой же! — кричалъ онъ, поблѣднѣвъ какъ полотно. — Постой, ужо́ я задамъ Анисьѣ! научу ее, какъ по шкапамъ лазить да возлюбленныхъ своихъ въ мои сюртуки наряжать...

— Не задашь ты ничего! — перебилъ его Органскій. — Я увѣренъ, что когда ты узнаешь причину, побудившую меня воспользоваться простоватостью твоей Анисьи, то простишь все и ей и мнѣ, тѣмъ болѣе, что я могу хоть сейчасъ же возвратить тебѣ твое платье, если ты не согласишься продать мнѣ его.

— Какъ продать? — изумленно вскрикнулъ Семенъ Иванычъ.

— Конечно, какъ? — за деньги.

— А когда деньги отдашь?

— Хоть сейчасъ.

— Откуда же ты возьмешь ихъ?

— Изъ кармана.

— А у тебя въ карманѣ денегъ не оставалось? — спросилъ Кургановъ, снова захохотавъ и обращаясь къ Семену Иванычу.

Семенъ Иванычъ поспѣшно ощупалъ всѣ свои карманы и, осмотрѣвъ свой портмонэ, проговорилъ:

— Нѣтъ, деньги при мнѣ.

— Жаль! а было бы очень эффектно купить у тебя твой сюртукъ на деньги, забытыя въ карманѣ того же сюртука!

Сторговались за двадцать рублей; Органскій вынулъ щегольской портмонэ, не торопясь открылъ его и, вынувъ пачку денегъ, отсчиталъ деньги Семену Иванычу.

— Ну, а теперь спрыснемъ покупку!—проговорилъ Органскій.

— Вотъ что дѣло, то дѣло! замѣтилъ Семенъ Иванычъ: — а я кстати водку и закуску принесъ.

Семенъ Иванычъ выпилъ.

— А мы-то съ дуру,—проговорилъ онъ, немного погодя: — думали, что человѣкъ въ горестяхъ находится, утѣшенія ожидаетъ...

— Отчего же я буду въ горестяхъ! Въ чемъ меня утѣшать! Ужь не въ томъ ли, что моя Дульцинея меня оставила! Шутники вы только, посмотрю я на васъ, господа! Точно Надежда Ивановна жена мнѣ! У насъ съ ней былъ просто pactum nudum, т. е. договоръ необязательный. Жилъ я съ нею, пока жилось, а надоѣли другъ другу—и разошлись!

— Куда же она-то дѣнется?—спросилъ Семенъ Иванычъ.

— О боги!—воскликнулъ Органскій:— свѣтъ такъ великъ и просторенъ, что жаловаться на тѣсноту нельзя; сверхъ того у нея есть мужъ, она можетъ и къ нему возвратиться. Но главнѣе всего, она ничего не потеряла, разставшись со мной, а, напротивъ, выиграла. Въ послѣднее время и даже вчера еще дѣла мои были такъ плохи, что мы питались лишь однѣми акридами и у меня не было ни сюртука, ни жилетки.

— Такъ, значитъ, все кончено, вы разстались?

— Разстались, чтобы никогда болѣе не сходиться!

И, перемѣнивъ тонъ, онъ добавилъ:

— Да что ты меня, братецъ, разспрашиваешь! Вѣдь она у тебя и, вѣроятно, тебѣ извѣстны уже подробности. Мнѣ теперь жить съ нею не приходится, потому что я женюсь.

Извѣстіе это словно громомъ поразило и Семена Иваныча, и Курганова. Они даже вскочили съ мѣстъ!

— Какъ, женишься?

— Извѣстно какъ: привезу невѣсту въ церковь, повѣнчаюсь и потомъ буду съ нею законносожительствовать.

— Врешь!

— Такъ вотъ онѣ откуда, деньги-то,—замѣтилъ Кургановъ.

— Совершенно вѣрно изволили сказать.

— На комъ же?—спросили въ одинъ голосъ Семенъ Иванычъ и Кургановъ.

— На...—проговорилъ было Органскій, но вдругъ остановился.

— Ужь не на Соничкѣ ли?—спросилъ Семенъ Ива-

нычъ.—Ты что-то въ послѣднее время пріударялъ за нею.

— Ну, вотъ!—перебилъ его Кургановъ.—Откуда же у Сонички деньги возьмутся!

— И то правда; такъ на комъ же?

— Нѣтъ, надо васъ помучить!—шутилъ Органскій.

— Отецъ родной! не мучь, ради Бога.

— Сказать?

— Скажи, не мучь.

— На деньгахъ!—замѣтилъ Кургановъ.

— Нѣтъ-съ, —перебилъ его Органскій:—на Аннѣ Герасимовнѣ!

И, увидавъ изумленныя лица Семена Иваныча и Курганова, громко захохоталъ.

— Не ожидали?

— На генеральской-то?

— Да, на генеральской Аннѣ Герасимовнѣ.

— Когда же ты успѣлъ?

Органскій захохоталъ.

— Я давно знакомъ съ нею.

— Гдѣ же ты познакомился?

— Какъ, гдѣ? У тебя же въ лавкѣ и даже при тебѣ.

— Какое же это знакомство!—возразилъ Семенъ Иванычъ. — Развѣ это знакомство—сказать два, три слова...

— Нѣтъ, не два, три слова... Я встрѣчался съ нею на базарѣ, а потомъ былъ и у нея. Она угощала меня водкой, чаемъ, жаловалась на скуку, высказала свое намѣреніе покинуть генерала и косвенно намекнула, что у нея есть и свои средства, на которыя она можетъ жить хорошо, ни въ чемъ не стѣсняясь; что въ

помощи генерала она нисколько не нуждается, тѣмъ болѣе, что дѣла генерала Малахова очень плохи и денегъ у него нѣтъ.

Все это Органскій разсказалъ съ нѣкоторыми ужимками и закатываніемъ глазъ, видимо копируя Анну Герасимовну.

— И генералъ тебя видѣлъ?—спросилъ Семенъ Иванычъ.

— Вотъ простота-то!—вскрикнулъ Органскій, всплеснувъ руками.—Конечно, все это дѣлалось тайно отъ его превосходительства, и являлся я къ Аннѣ Герасимовнѣ тогда только, когда его не было. Точно тоже случилось и сегодня...

— Да, онъ былъ сегодня у меня...

— И у обѣдни,—перебилъ его Органскій:—мнѣ еще вчера дала знать объ этомъ Анна Герасимовна. Сегодня я сдѣлалъ ей предложеніе и получилъ согласіе. Возвращаясь домой, я встрѣтилъ генерала и даже имѣлъ честь прокричать ему: «здравія желаю, ваше превосходительство!»

Органскій выпилъ рюмку водки, откусилъ кусокъ колбасы и, предложивъ то же самое сдѣлать и гостямъ, продолжалъ:

— Ну-съ, теперь я разсказалъ вамъ все и приглашаю васъ въ трактиръ вспрыснуть надлежащимъ образомъ мою женитьбу.

Предложеніе было принято съ удовольствіемъ, компанія, допивъ оставшуюся въ бутылкѣ водку, направилась было къ двери, какъ вдругъ въ комнату влетѣлъ какой-то мастеровой въ рваной поддевкѣ и съ испитымъ лицомъ и, обратясь къ Органскому, крикнулъ:

— Слушайте-ка! Скоро вы мнѣ за сапоги рубль двадцать отдадите?

— Я говорилъ тебѣ придти за деньгами въ субботу.

— Мало-ли я субботъ-то ходилъ,—перебилъ его запальчиво сапожникъ:—свои-то сапоги истопталъ всѣ... Извольте отдать.

— Денегъ нѣтъ, — оборвалъ Органскій.

— А на водку есть деньги? — перебилъ его мастеровой, указывая на пустую бутылку и все болѣе и болѣе возвышая голосъ.—На что-же это похоже! Рубля двадцати копѣекъ отдать не можете... Нѣтъ, больше ходить я къ вамъ не буду... а коли такое дѣло, такъ извольте передать мои деньги церковному старостѣ на свѣчи... Пущай за мое спасенье горятъ передъ иконами святыми... Вотъ что-съ!..

Органскій не смутился однако этой рѣчью, онъ хладнокровно вынулъ изъ кармана кошелекъ, отсчиталъ рубль двадцать копѣекъ и, передавъ ихъ Семену Иванычу, проговорилъ:

— На-ка вотъ... Въ слѣдующее воскресенье возьми цѣлый пукъ свѣчей и пусть ихъ горятъ за его «спасенье!»

Мастеровой хотѣлъ было схватить деньги, но Семенъ Иванычъ сунулъ ихъ въ карманъ, и вся компанія, посмѣиваясь и подшучивая надъ растерявшимся мастеровымъ, отправилась въ трактиръ...

XIII.

Пророчество Катерины Васильевны относительно Семена Иваныча исполнилось въ совершенной точности,—

Семенъ Иванычъ къ обѣду не вернулся. Надежда Ивановна тѣмъ временемъ успѣла переселиться въ баню и, не смотря на то, что ей очень не здоровилось, устроилась въ новомъ помѣщеніи довольно удобно, насколько, по крайней мѣрѣ, это было возможно. Передбанникъ превратился въ маленькую пріемную комнату, а самая баня въ спальную. Съ помощью скамеекъ и тюфяка была устроена постель, а на полкѣ разставлены книги, самоваръ и двѣ чашки съ отбитыми ручками. На стѣнѣ, у изголовья кровати, блестѣлъ образокъ въ серебряной вызолоченной оправѣ, единственная цѣнная вещь, уцѣлѣвшая у Надежды Ивановны. Образокъ этотъ былъ для нея особенно дорогъ, такъ какъ постоянно висѣлъ надъ кроватью Ивана Артемьича и даже въ минуту смерти лежалъ на груди умиравшаго.

Устроивъ такимъ образомъ новое свое жилище, Надежда Ивановна присѣла на кровать, опустила голову и рѣшительно не знала, что ей дѣлать и за что приняться. Мысли одна другой мрачнѣе врывались въ ея больную голову, но обдумать что-нибудь она положительно была не въ состояніи.

Въ это время дверь скрипнула, и въ баню вошла Катерина Васильевна.

— Душенька, Надежда Ивановна! — проговорила она. — Что это вы здѣсь однѣ сидите, пойдемте чайку вмѣстѣ напьемся.

Но Надежда Ивановна, вмѣсто отвѣта, закрыла лицо руками, и рыданія огласили комнату. Катерина Васильевна подсѣла къ ней.

— Что это вы все плачете, душенька!—проговорила она съ участіемъ и не сводя глазъ съ рыдавшей. —

Такъ надрывать себя негодится; да и плакать совершенно не объ чемъ, потому что потеря ваша такая, объ которой и плакать не стоитъ, а, напротивъ того, утѣшаться даже надо и благодарить Бога, что привелъ Господь развязаться...

— Развѣ я это оплакиваю?—проговорила Надежда Ивановна.

— Тогда ужь я не понимаю, изъ-за чего же всѣ эти слезы! Значитъ, и плакать нечего... Богъ дастъ поправитесь, займетесь дѣломъ какимъ и заживете безъ печали... Вотъ я вамъ разскажу, душенька, про одну свою знакомую, госпожу Грачеву. Тоже съ ней вотъ случилось такое горе, какъ и съ вами, только тамъ не предметъ игралъ роль, а мужъ законный. Вдова она была, имѣла состояніе хорошее и человѣкъ восемь дѣтей. Надо бы жить да покойнаго мужа благодарить, а она, намѣсто того, возьми, да и выдь замужъ за втораго, да еще выбрала-то бѣднаго, да молодаго человѣка. Повѣнчались, свадьбу отправили и зажили. На мужа своего не налюбуется, бывало: и обнимала-то, и цѣловала-то его поминутно... Обула, одѣла съ ногъ до головы, часы золотые съ цѣпочкой купила, енотку, перстень—брилліантовый одинъ, а другой съ изумрудомъ, сигарочницу серебряную... Однако, парень-то былъ не промахъ. Вещи-то принять принялъ, а сверхъ того рѣшился обобрать женушку на̀чисто. Что же! Не прошло года, какъ она купила ему восемьсотъ десятинъ земли, а когда родилось у нихъ дитё, такъ и деньги всѣ, какія были, передала мужу: очень ужь, значитъ, рада была. И что же вышло, душенька, какъ бы вы думали? Вѣдь бросилъ, мерзавецъ, жену-то! такъ-таки и бросилъ безъ куска хлѣба.

Тутъ только опомнилась эта самая госпожа, когда съ дѣтьми своими очутилась безъ всего. Поплакала, поплакала да и принялась за дѣло. Теперича она занимается шитьемъ бѣлья. Дѣтей, которыя побольше-то, размѣстила какъ слѣдуетъ, а съ малыми живетъ своими трудами. Ну, и я была у нея, видѣла, какъ она живетъ. Квартирка небольшая, а чистенькая, веселенькая... ничего! Спрашиваю ее: «Какъ живете, душенька?»—Она даже перекрестилась.—«Живу я, говоритъ, душенька, слава Богу, лишняго, говоритъ, не имѣю, а въ кускѣ себѣ не отказываю!» И дѣточки тоже, посмотрѣла я, одѣты чистенько, и сапожки и все такое какъ слѣдуетъ и тоже въ гимназію ходятъ. Такъ-то вотъ, душенька моя, Надежда Ивановна, вотъ и вы какъ поправитесь, да какъ приметесь за дѣло и вы тоже успокоите себя! Пойдемте же, душенька,—проговорила она, поднимаясь и взявъ за руку Надежду Ивановну.—Будетъ вамъ печалиться-то. Пойдемте-ка чайку напьемся, а то и мнѣ одной скучно будетъ; я смерть какъ не люблю одна чай пить.

Самоваръ дѣйствительно былъ уже готовъ и, испуская облака пара, пыхтѣлъ на столѣ въ залѣ.

— Ужь я такъ и знала, что Семенъ Иванычъ ни къ обѣду, ни къ чаю не воротится!—проговорила Катерина Васильевна, усѣвшись на диванъ и заваривая чай.—Удивляюсь я, душенька, какое только удовольствіе находятъ мужчины въ этой водкѣ. У насъ, напримѣръ, рѣдкій день меньше четверти ведра выходитъ!

— У васъ хоть при гостяхъ выходитъ столько,—замѣтила Надежда Ивановна: — а есть люди, которые въ одиночку постольку выпиваютъ.

— Знаю я, про кого вы говорите...

— Не онъ одинъ, здѣсь всѣ такъ пьютъ.

— Нѣтъ, не говорите, душенька. Ужь больше его, кажется, никто не пьетъ. И какъ только не обопьется человѣкъ! Я, признаться, всегда за мужа боюсь, когда онъ свяжется съ нимъ; человѣкъ онъ слабый, грудными болями страдаетъ... долго ли до грѣха! Вотъ и сейчасъ, я только виду не показываю, а вѣдь страсть какъ боюсь, какъ бы тамъ чего не случилось!

— Да вы бы послали за нимъ!

— И въ самомъ дѣлѣ, пошлю-ка Анисью; она баба ловкая, живо все разузнаетъ.

И проговоривъ это, Катерина Васильевна крикнула кухарку, которая и не замедлила явиться.

— Послушай-ка, Анисьюшка, я чтой-то объ Семенѣ Иванычѣ безпокоюсь очень, сбѣгай-ка ты къ учителю, да узнай-ка, умненько только, чтобы тебя мужъ не видалъ: что они тамъ дѣлаютъ?

Лицо Анисьи, какъ только услыхала она, что ее посылаютъ къ Органскому, въ ту же минуту прояснилось, глаза забѣгали, и она уже бросилась было приводить въ исполненіе приказаніе хозяйки, какъ Катерина Васильевна остановила ее.

— Постой ка, погоди-ка! — проговорила она. — Тамъ съ ними Кургановъ, такъ ты вотъ что сдѣлай: попроси кого-нибудь, чтобы къ тебѣ вызвали его, и скажи ему, что Катерина Васильевна, молъ, очень объ Семенѣ Иванычѣ безпокоится, прислали, молъ, узнать объ немъ и очень, молъ, имъ скучно... слышишь, скажи, скучно, молъ, имъ... Отъ него и узнай все, только смотри, чтобы тебя никто не видалъ... тихонько...

— Слушаю-съ! — крикнула Анисья и вышла изъ комнаты.

Немного погодя, она торопливо проходила уже мимо оконъ дома. На ней былъ пестрый шалевый платокъ, накинутый на голову и прихваченный у подбородка булавкой, яркій ситцевый сарафанъ, а на ногахъ полусапожки.

— Посмотрите-ка, расфрантилась какъ! — почти вскрикнула Катерина Васильевна, глядя на кухарку. — И сарафанъ новый, и платокъ новый.

— Счастливый народъ! — замѣтила Надежда Ивановна. — Ихъ все утѣшаетъ, утѣшаетъ даже возможность пройти по базарной площади и побывать въ лавкѣ!..

Между тѣмъ, солнце давно уже закатилось; пригнали стадо коровъ; съ ревомъ разсыпалось оно по улицамъ, наполняя воздухъ запахомъ парнаго молока. Забѣгали хлопотливыя бабы съ прутиками въ рукахъ, заскрипѣли ворота. Огромный рыжій бугай (быкъ) съ отвислымъ зобомъ, широкимъ, кудрявымъ лбомъ и острыми рогами, шелъ, косясь, стороной. Опустя голову, онъ ревѣлъ глубокой октавой, подходилъ къ телегамъ, опрокидывалъ ихъ, рылъ ногами землю и подхватывалъ бороны. Вслѣдъ за коровьимъ стадомъ появилось и стадо овецъ. Рысью, толкая другъ друга и прыгая другъ на друга, стадо это влетѣло въ улицу и, встрѣтясь съ собакой, вдругъ остановилось и, выпуча глаза, принялось топать ногами. Черная, густая пыль поднялась надъ селомъ, издали можно было подумать, что село горитъ.

Въ особенности замѣтна была прохлада на мельницѣ Семена Иваныча. Такъ какъ мельница находилась

поодаль отъ села Малиновки, то ни запахъ навоза, ни запахъ другихъ нечистотъ до нея не доходилъ. Окруженная кустами разныхъ породъ, она благоухала запахомъ черемухи, ландышей и другихъ цвѣтовъ. Сумерки сгущались все болѣе и болѣе; на темно-голубомъ небѣ вспыхнуло уже нѣсколько звѣздъ; на востокѣ загорѣлся багровый мѣсяцъ и, высунувшись до половины изъ-за горы, остановился. Въ кустахъ отрывисто перекликались соловьи и, какъ-бы убѣдившись, что всѣ они находятся по своимъ мѣстамъ и что голоса у всѣхъ въ исправности, огласили воздухъ могучими трелями. Заслыша увлекающія трели эти и словно наперекоръ крыловской баснѣ, встрепенулись и лягушки, и подняли такой концертъ, какъ-будто ихъ палками колотили, заставляя кричать громче. Онѣ прыгали другъ на друга, ныряли вглубь и, снова вдругъ показавшись на поверхности, растопыривали лапы и, какъ-будто окаменѣвъ въ такомъ положеніи, опять принимались орать. Даже выпь, крикомъ своимъ наводящій на суевѣрныхъ людей страхъ, и тотъ не могъ угомонить этотъ неистовый концертъ.

Въ комнатахъ сдѣлалось совершенно темно. Катерина Васильевна зажгла фотогеновую лампочку и принялась было за вязанье чулка, какъ въ дверяхъ показалась Анисья.

— Ну, что? — спросила ее Катерина Висильевна.

— Видѣла-съ, — отвѣтила Анисья улыбаясь.

— Гдѣ они?

— Они не у Органскаго.

— Гдѣ же?

— Да сначала въ трактирѣ «Плевнѣ» были, а сейчасъ въ «Константинополѣ».

— Пьяные?

— Есть-таки. Учитель угощаетъ. И потомъ, немного помолчавъ, Анисья прибавила: — Пожалуйте-ка ко мнѣ на минуточку.

— Что такое? — спросила Катерина Васильевна.

— Пожалуйте-ка.

— Да что за секреты, говори здѣсь.

— Нѣтъ, пожалуйте.

— Фу! какая ты надоѣдливая! — проговорила Катерина Васильевна и лѣнивой походкой направилась въ смежную комнату, въ которую поспѣшила удалиться кухарка.

— Ну, что такое?

Анисья притворила дверь и, наклонившись къ уху хозяйки, прошептала:

— Вѣдь учитель-то женится...

— Что ты говоришь!

— Вотъ тѣ Христосъ, женится! ей-богу! Мнѣ трактирщикъ Меркулъ Егорычъ сказывалъ. Женится, — говоритъ,—и по тому самому случаю всѣхъ угощаетъ. Тамъ и приставъ, и фершалъ, и Александръ Васильичъ, всѣ какъ есть. Я смотрѣла въ окно и видѣла. На столѣ у нихъ полведерная бутыль, колбаса, селедки, закуски разныя... Сколько вишь денегъ у него! полонъ бумажникъ! А сейчасъ встрѣтились мнѣ и матушка, и фершалиха, и жена волостнаго, и Соничка, и дьяконица. Всѣ ужь прослышали, что учитель женится, и пошли смотрѣть, какъ онъ тамъ пируетъ...

— Вотъ тебѣ разъ! На комъ же онъ женится-то?

— На Аннѣ Герасимовнѣ.

— На генеральской?

— На самой на ней.

— Быть не можетъ!

— Вѣрно.

Въ это время въ залѣ послышался голосъ Курганова, здоровавшагося съ Надеждой Ивановной.

— Спросите хошь Василія Тимоѳеича, онъ пришелъ, кажись.

Заслышавъ эти слова, Катерина Васильевна поспѣшила въ залу. Кургановъ хотя и не былъ пьянъ, но по всему было видно, что выпилъ и онъ не мало. Лицо у него было совершенно багровое, волосы взъерошенные.

— Это возмутительно! — кричалъ онъ.— Я этого не допущу и сегодня же опишу всю эту грязную исторію! да, я обличу ихъ! обличу!

— А вы, въ самомъ дѣлѣ, очень взволнованы!.. — не безъ ироніи замѣтила Надежда Ивановна.

Катерина Васильевна расхохоталась.

— Вотъ онъ, хмѣль-то, какъ дѣйствуетъ! — проговорила она. — Иной во хмѣлю пѣсни поетъ, другой съ кулаками лѣзетъ, а вотъ мой Семенъ Иванычъ, такъ тотъ сейчасъ на крышу; ей-богу! Залѣзетъ на крышу и давай изъ ружья палить!

Покуда она говорила, Кургановъ стоялъ посреди комнаты со сложенными на груди руками и сурово смотрѣлъ на Катерину Васильевну.

— Ну-съ, еще что будетъ? — спросилъ онъ гробовымъ голосомъ.

— Да ничего больше.

— Ну-съ, ничего и не надо.

— А мнѣ и подавно! А вы вотъ что лучше разскажите: весело ли гуляли? много ли выпили?

Кургановъ тяжело вздохнулъ и снова запустилъ руки въ волоса.

— Выпили много, даже очень много! — проговорилъ онъ, опускаясь въ кресло. — Но было ли весело?—это вопросъ другой. Другимъ было весело, но мнѣ...

Онъ не докончилъ, и, круто повернувшись къ Надеждѣ Ивановнѣ, почти вскрикнулъ:

— Ну, Надежда Ивановна! Органскаго вашего я возненавидѣлъ!

Надежда Ивановна вдругъ поблѣднѣла и вздрогнула.

— Послушайте, Василій Тимоѳеичъ, — проговорила она: — когда человѣкъ пьянъ, то онъ обязанъ не показываться въ общество. Зачѣмъ вы оскорбляете меня, называя Органскаго моимъ?

Кургановъ на минуту растерялся, но вслѣдъ за тѣмъ бросился передъ Надеждою Ивановной на колѣни и, схвативъ ея руку, сталъ осыпать ее поцѣлуями.

— Я подлецъ! — вопилъ онъ: — это вѣрно! я оскорбилъ... это такъ! Святая! Но знаешь ли ты, чистое созданіе, что дѣлаетъ твой Органскій? онъ женится!..

Мертвая блѣдность покрыла лицо Надежды Ивановны, но она молчала.

— Да, женится... и на комъ! На любовницѣ генерала Малахова!

Катерина Васильевна, какъ-будто ничего не зная, всплеснула руками, а Надежда Ивановна только презрительно улыбнулась.

— Что-жь, — проговорила она твердымъ и спокойнымъ голосомъ: — я увѣрена, что они будутъ счастливы... Анна Герасимовна женщина разсудительная, съ характеромъ и, навѣрное, исправитъ Органскаго. У нея

есть деньги, денегъ этихъ она мужу не отдастъ, но заставитъ его работать. Работать онъ можетъ, способностей у него отнять нельзя, только надо сперва отрезвить его. Я даже полагаю, что кромѣ Анны Герасимовны никто въ этомъ не успѣетъ, а она сдѣлаетъ... Поэтому я и говорю, что выборъ его удаченъ.

Съ этимъ согласилась и Катерина Васильевна, разумѣется, впрочемъ, съ своей точки зрѣнія.

— Анна Герасимовна,— говорила она: — денегъ Органскому не отдастъ, а когда деньги въ рукахъ у жены, то это все одно, что у нея въ рукахъ возжи отъ лошади. Когда у жены есть деньги, а у мужа ни гроша, то сдѣлайте одолженіе... Чуть что не такъ, его можно вышколить за мое почтеніе, а коли не захочетъ покориться, такъ вѣдь и въ шею недолго вытолкать!

Тѣмъ не менѣе, извѣстіе это все-таки не могло не подѣйствовать на Надежду Ивановну.

Посидѣвъ еще немного, она ушла въ свою баню, и тамъ, не раздѣваясь, упала на постель. Тутъ она дала волю слезамъ своимъ. То было рыданіе оскорбленнаго самолюбія, оскорбленной, разбитой жизни. И никто не слышалъ этихъ рыданій, кромѣ закопченныхъ стѣнъ бани, маленькаго образочка, висѣвшаго надъ изголовьемъ кровати, да того крошечнаго существа, которое билось подъ сердцемъ рыдавшей!

Между тѣмъ совершенно иное происходило въ домѣ Бузыкина. Не смотря на то, что пробило 12 часовъ ночи, Семена Ивановича все еще не было, и потому въ гостиной на небольшомъ диванчикѣ сидѣли только Катерина Васильевна и Кургановъ. Кургановъ давно уже успѣлъ успокоиться и забыть Органскаго. Въ

углу на ломберномъ столѣ помѣщалась закуска: сыръ и колбаса, графинъ съ водкой и бутылка съ наливкой. Кургановъ пропустилъ уже двѣ, три рюмки водки, и потому мрачное настроеніе его исчезло. Напротивъ, улыбка играла на его устахъ и, нѣжно поглядывая на Катерину Васильевну, онъ держалъ ее за руку.

— Вамъ, мужчинамъ, нельзя вѣрить! — говорила томно Катерина Васильевна.

— Почему это?

— Потому-что у васъ одна подлость на умѣ.

— И вамъ не грѣхъ говорить это!

— Грѣшно лгать, а говорить правду никакого грѣха не составляетъ.

— И вы думаете, что вы правду говорите?

— Конечно, правду... Попробуй-ка наша сестра ласку какую-нибудь сдѣлать мужчинѣ...

— Что же будетъ? — спросилъ Кургановъ нѣжно, смотря прямо въ глаза Катеринѣ Васильевнѣ и поглаживая ея руку.

— Сами знаете...

— Нѣтъ, не знаю.

— Конечно, знаете... — говорила Катерина Васильевна, потупляя глаза.

— Ей-богу не знаю.

— Начнете разные пустяки говорить... хвастаться... въ особенности подъ пьяную руку, а это очень даже непріятно для женщины, потому-что изо всего этого могутъ большія непріятности произойти.

— Развѣ вы замѣтили во мнѣ болтливость?

— Языкъ безъ костей, извѣстное дѣло.

— Нѣтъ, я не такой, — проговорилъ Кургановъ и,

обнявъ правой рукой Катерину Васильевну, слегка потянулъ ее къ себѣ.

— При началѣ вы всѣ такъ говорите! — шептала Катерина Васильевна.

— Я — нѣтъ! — увѣрялъ Кургановъ.

— Ну, смотрите-же, чтобы по чести было... а то очень даже нехорошо...

Немного погодя, Кургановъ возвращался домой. Желая сократить путь, такъ какъ онъ чувствовалъ непреодолимое желаніе поскорѣе лечь въ постель и заснуть, онъ пошелъ не улицей, а задами, для чего пришлось ему пройти нѣкоторое разстояніе узкой тропой, извивавшейся по кустамъ, окружавшимъ мельницу.

XIV.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго, на усадьбѣ генерала Малахова происходило нѣчто, выходившее изъ ряда обыкновеннаго. У задняго крыльца дома стояло нѣсколько телегъ, нагруженныхъ разнымъ имуществомъ: подушками, перинами, сундучками, картонками и проч., у самаго же крыльца дожидалась пустая телега, на которую нѣсколько солдатъ взваливали большой зеленый сундукъ, окованный желѣзомъ. Анна Герасимовна въ утренней блузѣ и съ растрепанной головой, стояла подбоченясь на крылечкѣ и упрашивала солдатъ осторожнѣе обращаться съ сундукомъ. Повсюду происходила суета; солдаты перебѣгали изъ флигеля во флигель; при встрѣчѣ, о чемъ-то шептались и, пошептавшись, поспѣшно расходились. Самъ

генералъ Малаховъ, въ форменной шинели на красной подкладкѣ, быстро шагалъ изъ угла въ уголъ по залѣ. Подходилъ повременамъ къ окну и, побарабанивъ по стеклу, снова принимался шагать. Онъ былъ видимо озабоченъ и разстроенъ. По сдвинутымъ бровямъ его и по складкѣ на лбу можно было тотчасъ же догадаться, что генералъ что-то соображалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не могъ сообразить. Нетерпѣніе и досада проглядывали во всѣхъ его движеніяхъ. Онъ былъ золъ. Изрѣдка сжималъ онъ кулакъ, грозилъ имъ кому-то, стискивалъ зубы, скрипѣлъ ими, но потомъ вдругъ, какъ бы опомнясь, пряталъ поспѣшно руку въ карманъ и снова углублялся въ соображенія.

— Щипцовъ! — крикнулъ онъ вдругъ.

Дверь изъ передней мгновенно распахнулась, и въ комнату влетѣлъ Щипцовъ.

— Позови Аннушку!

Щипцовъ сдѣлалъ направо кругомъ и скрылся, а генералъ, въ ожиданіи Анны Герасимовны, еще скорѣе зашагалъ по комнатѣ. Анна Герасимовна не замедлила явиться и, войдя въ комнату, почтительно остановилась у двери.

— Ну, какъ! Не раздумала? — спросилъ генералъ нетвердымъ голосомъ.

— Чего же мнѣ раздумывать, ваше превосходительство!

— Развѣ тебѣ плохо было жить у меня?

— Я вами очень благодарна, ваше превосходительство. Я на васъ не жалуюсь. Жизнь моя была спокойная...

— Зачѣмъ же ты уходишь? Отъ добра добра не ищутъ.

— Конечно, не ищутъ, ваше превосходительство... но вѣдь вы ужь люди пожилые!

— Гм... но я достаточно бодръ, однако, достаточно крѣпокъ... Ты сама знаешь, что ежели въ случаѣ чего...

— Разумѣется, ваше превосходительство, вы слава Богу; но вѣдь сами изволите знать, въ смерти и животѣ Богъ воленъ.

— Но вѣдь ты достаточно обезпечена! еслибы я даже и умеръ, все-таки у тебя всегда кусокъ хлѣба будетъ...

— Конечно, я завсегда должна молить Бога за васъ; кусокъ у меня точно есть, но все-таки сами знаете, ваше превосходительство, женщинѣ съ непокрытой головой нельзя оставаться; все лучше, когда голова покрыта.

— Но не могу же я, наконецъ, жениться на тебѣ!

— Кто же говоритъ про это; я очень понимаю и очень хорошо знаю себѣ цѣну... Но вѣдь и я тоже человѣкъ, и мнѣ тоже хочется пожить, какъ люди живутъ, честно, скромно, своимъ домомъ...

— Смотри, хуже не сдѣлай. Человѣкъ онъ ненадежный, пьяница!

— Кто нынче не пьетъ, ваше превосходительство! — смиренно проговорила Анна Герасимовна. — Это вы, точно, мало кушаете, а то вѣдь даже и генералы нѣкоторые кушаютъ... Только разума пропивать не слѣдуетъ...

— А! вотъ въ томъ-то и дѣло-то! А женихъ твой даже и разсудокъ пропилъ. Что онъ съ этой несчастной Надеждой Ивановной сдѣлалъ?

— Надежда Ивановна сами очень много виноваты

въ своей судьбѣ. Ужь если имъ тошно было съ мужемъ жить, такъ хоть, по крайности, равнаго бы себѣ человѣка пріискали...

Генералъ прошелся раза два по комнатѣ и снова остановился передъ Анной Герасимовной.

— Подумай! — проговорилъ онъ дрожащимъ уже голосомъ.

Анна Герасимовна молчала.

— Подумай, Аннушка, какъ бы башмаки на лапти не промѣнять. Вѣдь мнѣ жаль тебя... Тоже вѣдь не мало вмѣстѣ прожили... лѣтъ десятокъ будетъ, чай...

— Съ Петрова одиннадцатый пойдетъ! — проговорила вздохнувъ Анна Герасимовна.

— То-то и дѣло! — замѣтилъ генералъ и, обнявъ Аннушку, прильнулъ губами къ ея лбу. — Вѣдь въ эти десять лѣтъ я привыкъ къ тебѣ, полюбилъ тебя, а ты вотъ покидаешь меня.

И слезы брызнули изъ глазъ генерала. Онъ поспѣшно отеръ ихъ платкомъ, сѣлъ на стулъ и, посадивъ къ себѣ на колѣни Анну Герасимовну, обнялъ ее.

— Конечно, — продолжалъ онъ: — молодому человѣку перемѣнить женщину ничего не стоитъ, а вѣдь я человѣкъ пожилой, для меня перемѣнить женщину, да еще такую, къ которой привязался, не легко. Понимаешь ли ты это?

Анна Герасимовна молчала и въ раздумьѣ покручивала концы своего платка.

— Останься-ка, Аннушка! — заговорилъ снова генералъ. — Давай-ка жить попрежнему, какъ прожили десять лѣтъ. Право, подумай-ка, Аннушка. Будь хозяйкой надъ моимъ добромъ... ничего не пожалѣю я

для тебя, только не уѣзжай... понимаешь ли? вѣдь я люблю тебя, люблю...

Анна Герасимовна вздохнула и встала.

— Подумай-ка, оставайся! Вели-ка опять сундуки на мѣсто поставить... а? такъ что ли?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, мнѣ и самой очень жалко бросать васъ, а видно дѣлать нечего.

У генерала сердце словно оборвалось.

— Это твое послѣднее слово?

— Пора и объ душѣ подумать... Цѣлую жизнь прожить въ грѣхѣ не приходится.

— Такъ ты уѣзжаешь?

— Да, не держите меня, отпустите...

— А я думалъ, что ты мнѣ глаза закроешь...

— Что закрывать ихъ! — проговорила она со вздохомъ. — Коли Господь часъ нашлетъ, такъ они и сами закроются.

Генералъ еще разъ обнялъ Анну Герасимовну и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

— Ужь вы мнѣ позвольте на вашихъ дрожкахъ до Малиновки доѣхать, а то на подводахъ-то присѣсть негдѣ.

— Возьми!

— Благодарю покорно.

Аннушка вышла изъ залы. Долго ходилъ генералъ изъ угла въ уголъ, наконецъ, удалился въ кабинетъ, сѣлъ въ кресло и закрылъ лицо руками. Такъ прошло съ полчаса. Наконецъ, дверь въ кабинетъ отворилась, и на порогѣ показалась Анна Герасимовна. На ней былъ уже бурнусъ, волосы тщательно причесаны и на головѣ небольшой фуляровый платочекъ.

— Прощайте, ваше превосходительство! — прогово-

рила она. — Благодарю васъ покорно за всѣ ваши благодѣянія, желаю вамъ быть здоровымъ!

И, подойдя къ генералу, она поцѣловала его въ губы.

— Аннушка! — вскрикнулъ генералъ.

— Бѣлье ваше я все счетомъ передала Щипцову...

— Такъ ты ѣдешь?

— Да-съ, лошади готовы...

Немного погодя, мимо окна проѣхали три нагруженныя телеги, позади которыхъ на генеральскихъ дрожкахъ ѣхала Анна Герасимовна. Генералъ подскочилъ къ окну, перекрестилъ нѣсколько разъ Аннушку, помолился самъ на образа и, опустившись въ кресло, изо всей силы ударилъ кулакомъ по столу.

Почти весь день генералъ былъ самъ не свой. Онъ ничего не пилъ и ничего не ѣлъ; впрочемъ, еслибы онъ даже и захотѣлъ поѣсть, то его желаніе осталось бы неудовлетвореннымъ, такъ какъ, по случаю проводовъ Анны Герасимовны, всѣ были навеселѣ и совершенно забыли про существованіе генерала. Одиночество давило его; онъ не зналъ, что ему дѣлать; онъ скучалъ, тосковалъ, и потому каждый пойметъ радость генерала, когда на дрожкахъ, отвозившихъ Анну Герасимовну и вернувшихся домой, онъ увидалъ пріѣхавшаго Семена Иваныча. Пріѣхалъ Семенъ Иванычъ по настоятельному требованію Катерины Васильевны и бывшихъ у нея въ гостяхъ знакомыхъ намъ дамъ. Онѣ, какъ только узнали о прибытіи въ Малиновку Анны Герасимовны, такъ немедленно командировали Семена Иваныча провѣдать, какъ подѣйствовала разлука эта на генерала.

Какъ только увидалъ генералъ прибывшаго Семена Иваныча, такъ даже выскочилъ къ нему навстрѣчу.

— А! отецъ родной!—кричалъ онъ:—вотъ спасибо, вотъ не ожидалъ-то! пойдемъ, пойдемъ!

— Воспользовался случаемъ, — говорилъ, между тѣмъ, Бузыкинъ, спрыгнувъ съ дрожекъ: — увидалъ въ Малиновкѣ ваши дрожки и подумалъ: дай навѣщу генерала...

— И отлично сдѣлалъ! пойдемъ, пойдемъ!

Войдя въ залу, онъ вдругъ остановился.

— Слышалъ? — спросилъ онъ.

— Что такое?

— Про Аннушку-то?

— Слышалъ, ваше превосходительство. Такая, можно сказать, низкая неблагодарность!

— И на кого промѣняла, а?

— Удивительное дѣло-съ! Мы съ женой не мало-таки дивились...

— И ты помяни мое слово, — перебилъ его генералъ: — что пьяница ее оберетъ и потомъ выгонитъ вонъ.

— Они въ аренду землю сняли-съ, — проговорилъ Семенъ Иванычъ таинственно.

Извѣстіе это удивило генерала.

— Какъ? кто? — спросилъ онъ.

— Анна Герасимовна-съ, у г. Морозова 800 десятинъ сняли и контрактъ ужь совершили у *нотаріуса* (Бузыкинъ такъ произносилъ это слово).

— Я этого не зналъ.

— Они все это тихонько дѣлали. Никому не говорили.

— Такъ вотъ зачѣмъ она въ городъ-то ѣздила! —

почти вскрикнулъ генералъ. — А вѣдь мнѣ сказала, что ей съ лекаремъ посовѣтоваться надо...

— Отличный участокъ-съ! рѣдкостный участокъ сняли-съ! И хуторъ есть, и овецъ головъ съ пятьсотъ... и дешево!

Новость эта еще пуще огорчила генерала. Ему какъ-то обидно было узнать, что Аннушка обманывала его и тайно отъ него дѣйствовала заодно съ Органскимъ.

— Однако, что-жь это я! — спохватился онъ вдругъ. — Соловья баснями не кормятъ! — И, обратясь къ двери, — крикнулъ: эй, Щипцовъ!

Щипцовъ влетѣлъ.

— Давай-ка намъ чаю. Ромъ есть?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ну, коли нѣтъ, такъ давай сливокъ. Живо!

Щипцовъ исчезъ.

— Овдовѣлъ, братецъ, я! — съ улыбкой проговорилъ генералъ. — А? что скажешь?

Семенъ Иванычъ только головой помоталъ.

— А все-таки, братецъ, скверно безъ женщины! Теперь пойдетъ такой безпорядокъ, что Боже упаси. Вѣдь у нея все на рукахъ было... понимаешь-ли, все!..

— Другую надо, ваше превосходительство! — скромно замѣтилъ Семенъ Иванычъ.

— Гмъ... другую! Это легко сказать, братецъ: а гдѣ ее найдешь?

— Найти-то почему же не найти-съ! Найти даже очень можно-съ.

— Опять вѣдь я и привыкъ къ ней. Десять лѣтъ прожили вмѣстѣ! ты сообрази это! Вѣдь это не шутка! Вѣдь она ко мнѣ дѣвчонкой поступила, какъ есть дѣвчонкой, босикомъ пришла даже! Помню, какъ бы-

вало, заворотивъ рубашенку выше пуза, по лужамъ бѣгала.

— Конечно-съ, привычка много значитъ-съ.

— Щипцовъ! — крикнулъ генералъ.

— Чего изволите, ваше превосходительство?

— Трубку! а что̀ чай—скоро?

— Сію минуту, ваше превосходительство.

Щипцовъ набилъ трубку, подалъ ее генералу, зажегъ бумажку и, когда генералъ закурилъ, снова исчезъ.

— Конечно, — заговорилъ генералъ, выпуская изо рта дымъ кольцами: — конечно, хоть и жаль мнѣ Аннушку, очень жаль, а все-таки безъ женщины въ домѣ нельзя, особливо холостому.

— Никакой даже нѣтъ возможности! — рѣшительно проговорилъ Семенъ Иванычъ.

— Придется поискать.

— А вамъ молодую надо, ваше превосходительство?

— Зачѣмъ мнѣ, братецъ, молодую! Такъ лѣтъ двадцати пяти, шести...

— У меня есть одна на примѣтѣ-съ...

— Женщина? — спросилъ генералъ.

— Вдова-съ.

— Съ дѣтьми, небось?

— Нѣтъ-съ, у нея дѣтей никогда даже не было.

— Это хорошо! какихъ лѣтъ?

— Лѣтъ двадцати пяти.

— И ловкая?

— Ловкая, шустрая... Съ малыхъ лѣтъ все въ господскихъ домахъ жила, поэтому и навострилась... И шить, и бѣлье схирать, ц кушанье изготовить, и ва-

ренья наварить, и разнаго этого соленья... все умѣетъ дѣлать!

— А! — промычалъ генералъ, и опять выпустилъ нѣсколько колецъ дыму.

— Да вы ее знаете, ваше превосходительство. У меня видѣли-съ.

Генералъ даже съ мѣста привскочилъ.

— А! это кухарка-то твоя?

— Она самая-съ.

— А какъ она насчетъ поведенія?

— Насчетъ поведенія она ничего-съ.

— Да вѣдь она у тебя живетъ?

— Я могу и уступить-съ, она мнѣ и не нужна даже... да, по правдѣ сказать, и жена ревнуетъ.

Генералъ расхохотался.

— А ты женѣ-то не измѣнялъ, а?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я насчетъ этого... ни-ни! вотъ даже ни на эстолько! — И Бузыкинъ указалъ кончикъ пальца.

— Такъ ли? — спросилъ генералъ.

— Я бы сказалъ, ваше превосходительство.

Генералъ снова захохоталъ.

— А какъ ее зовутъ... эту... ну, ту?

— Анисьей.

— Да, да, Анисьей, помню! Такъ ты говоришь, что она ловкая? — И генералъ опять передернулъ плечами.

— Ловкая-съ.

— Я это замѣтилъ.

И, пыхнувъ раза два дымомъ, генералъ проговорилъ:

— Это я подумаю, подумаю, и завтра же дамъ отвѣтъ. А дорога она?

— Ну, чего тамъ! Пятишницу въ мѣсяцъ дадите и довольно съ нея.

— А та двадцать получала!

— Ну, вотъ, изволите-ли видѣть! вѣдь это разница!

— Еще бы! — проговорилъ повеселѣвшій генералъ. — А подарковъ сколько! страсть!

Вошелъ Щипцовъ и принесъ на подносѣ два стакана чаю.

— А что же хлѣба-то? — спросилъ генералъ.

Щипцовъ вытаращилъ глаза и молчалъ.

— Хлѣба, что же? — переспросилъ генералъ.

Но Щипцовъ, вмѣсто отвѣта, только мигнулъ глазомъ, «нѣтъ, дескать». Генералъ понялъ.

— Ну-ка, бери стаканъ, — проговорилъ онъ. Затѣмъ спросилъ: — Такъ ты говоришь, ее зовутъ Анисьей?

— Точно такъ, ваше превосходительство!

— Гм... Анисья! такъ и запишемъ!

Генералъ задумался, покрутилъ усы и воинственно прибавилъ:

— И прррпишемъ!

— Это самое главное, ваше превосходительство!

Семенъ Ивановичъ взялъ стаканъ и поставилъ его на столъ.

Чай, какъ и слѣдовало ожидать, былъ несравненно хуже того, которымъ угощалъ Бузыкинъ у себя дома генерала Малахова, и именно хуже по той причинѣ, что генералъ всю необходимую провизію выписывалъ не отъ Елисѣева, а покупалъ, въ видахъ экономіи, просто-напросто у заѣзжавшихъ торгашей. Оттого чай у него отзывался соленой рыбой, рыба сальными свѣчками, а свѣчи одновременно и рыбой и чаемъ.

Все это, однако, не мѣшало генералу расхваливать чай, восхищаться его букетомъ, и за неимѣніемъ другаго угощенія наливать имъ желудокъ Семена Ивановича.

— А я вамъ еще газетку привезъ! — проговорилъ, наконецъ, Семенъ Ивановичъ, не знавшій какъ отдѣлаться отъ угощенія, и вынулъ при этомъ изъ кармана номеръ «Простыни».

— Какую газету?

— «Простыню»-съ, отличная мѣстная газета.

— Воображаю! — проговорилъ генералъ и захохоталъ во все горло.

— Тутъ про васъ есть статейка.

— Про меня!—удивленно спросилъ генералъ и словно испугался...—Что-же можно написать теперь про меня. Развѣ можетъ быть воспоминанія изъ моей прошлой боевой жизни... О переходѣ черезъ Дунай!

— Вотъ прочтите-ка.

— Давай, давай, это любопытно.

И взявъ газету замѣтно дрожавшими руками, онъ надѣлъ очки и прочелъ указанную Семеномъ Иванычемъ статейку слѣдующаго содержанія:

«Село Малиновка. Иногда и наша скромная сельская жизнь не лишена трогательныхъ сценъ. Сообщаю только-что видѣнную картинку съ натуры. По случаю праздника, я былъ у обѣдни и видѣлъ одного изъ нашихъ прихожанъ, а именно: генерала Малахова. Убѣленный сѣдинами, онъ стоялъ впереди всѣхъ, окидывая изрѣдка ласковымъ взоромъ тѣснившихся около крестьянскихъ мальчиковъ; когда же по окончаніи обѣдни генералъ направился къ выходной двери, то крестьяне невольно раздвоились и, образовавши широкій

корридоръ, съ чувствомъ благоговѣнія смотрѣли на маститаго героя. Послѣ обѣдни генералъ Малаховъ осчастливилъ своимъ присутствіемъ церковнаго старосту купца Бузыкина, у котораго изволили кушать утренній чай. *Кургановъ.*

Генералъ былъ видимо счастливъ.

— Однако, — проговорилъ онъ, спрятавъ газету въ карманъ: — газетки-то у васъ того... либеральничаютъ!.. изъ красныхъ, изъ красныхъ!..

— Почему это-съ?

— Да какъ-же! — хвалить генерала, который, такъ сказать, «не у дѣлъ», заброшенъ... Либерально, либерально... какъ это цензура пропустила, удивляюсь! А кто такой этотъ Кургановъ?

— Письмоводитель у мироваго...

— Слогъ хорошій, гладко написано...

— Онъ пишетъ много-съ. Даже стихи сочиняетъ.

— Вотъ какъ?

— И можетъ написать на какой вамъ угодно случай! Разъ какъ-то, — заговорилъ Семенъ Ивановичъ, — шилъ онъ мнѣ чехолъ на ружье... Ну, конечно, при этомъ выпивку устроили... Я и говорю ему: Василій Тимоѳеичъ, — а его Василіемъ Тимоѳеичемъ зовутъ, — можешь ты, братецъ, по этому самому случаю стихи сочинить. — Могу, говоритъ. — Катай! говорю. Онъ это сейчасъ вскочилъ, взялъ бумагу, карандашъ и наваляль:

Василій Тимоѳеичъ
Ружейный шьетъ чехолъ,
А рядомъ *ерофеичъ*
Поставилъ онъ на столъ.
Онъ медленно тачаетъ,

Но очень быстро пьетъ,
И самъ того не знаетъ,
Когда чехолъ сошьетъ!!..

При послѣднемъ стихѣ генералъ запрокинулся на спинку кресла и закатился гомерическимъ хохотомъ. Лицо его побагровѣло, животъ колыхался, онъ махалъ руками, закашлялся и только изрѣдка произносилъ: «ой, умру! ой умру... пощади!»—но Семенъ Ивановичъ не щадилъ и тоже въ свою очередь, закрывъ лицо руками, хохоталъ до слезъ.

Вечеромъ генералъ повелъ Семена Ивановича по своему хозяйству. Проходя передней мимо торчавшаго въ вытяжку Щипцова, генералъ сказалъ:

— Ну, вотъ что: мы теперь идемъ походить немного, а ты покуда распорядись закуской. Поставь намъ водочки и вина...—И, потирая руки, генералъ добавилъ:— послѣ прогулки-то оно недурно будетъ! А, какъ ты думаешь? вѣдь не дурно будетъ послѣ моціона закусить, а?

Семенъ Ивановичъ, только и помышлявшій о томъ, какъ-бы скорѣе выпить и закусить и чувствовавшій, что у него отъ голода начинаетъ подводить животъ, поспѣшилъ согласиться съ мнѣніемъ генерала. Надѣвъ засаленныя замшевыя перчатки и взявъ въ руки толстую трость, на концѣ которой былъ прикрѣпленъ миніатюрный скребочекъ, генералъ въ сопровожденіи Семена Ивановича вышелъ на крыльцо.

— Вотъ здѣсь, — проговорилъ онъ, махнувъ рукой: — я хочу разбить садъ... Посмотри, что это будетъ такое! Я уже написалъ въ Петербургъ, чтобы мнѣ прислали планъ сада... Здѣсь будетъ фонтанъ, здѣсь гротъ... Это мѣсто все засадится хвойными деревьями... Тутъ

будутъ ели, сосны, кедры... а здѣсь газоны... Ты понимаешь, что значитъ газонъ...

— Газонъ... Это фонарь газовый, ваше превосходительство.

Генералъ захохоталъ...

— Ахъ ты дура, дура... Ха, ха, ха! фонарь газовый!.. Ха, ха, ха, газонъ! газонъ значитъ трава, лугъ. Вотъ что значитъ газонъ... Помни это... Итакъ, братецъ, здѣсь будутъ газоны, а по газону мѣстами клумбы съ цвѣтами... Это я понимаю, это не то что у тебя, гдѣ подъ самыми окнами—чортъ знаетъ какіе бурьяны растутъ.

Разговаривая такимъ образомъ, они проходили то мѣсто, которое назначалось подъ англійскій садъ и которое покуда представляло изъ себя какой-то пустырь, съ ямами, курганами (на мѣстѣ этомъ когда-то стоялъ знаменитый барскій домъ), грудами разсыпавшагося кирпича и цѣлымъ лѣсомъ репейника и полыни. Немного погодя они были уже на водяной мельницѣ, но и на мельницѣ царилъ тотъ-же безпорядокъ, какъ и повсюду. Прудъ былъ прорванъ еще весной и такъ какъ исправить плотину никто не позаботился, то воды въ пруду не было, и онъ представлялъ изъ себя какую-то грязную лужу, среди которой хрюкали двѣ, три свиньи. Вонь отъ пруда этого шла ужасная, такъ что дышать этимъ воздухомъ не было почти никакой возможности. Не смотря, однако, на все это, генералъ говорилъ не умолкая, корилъ мельницу Семена Ивановича и выставлялъ на видъ достоинства своей. Онъ хвалилъ камни, снасти и, указывая на нихъ, совѣтовалъ Семену Ивановичу все это подробно разсмотрѣть, замѣтить и примѣнить къ своей мель-

ницѣ. Онъ заставлялъ его спускаться подъ колеса, далъ ему аршинъ, принуждалъ его съ точностію вымѣрять колеса и требовалъ непремѣнно размѣры эти записать въ книжечку, чтобы не забыть, и прибавилъ, что Семенъ Ивановичъ самъ скажетъ ему *спасибо* да еще большое, что научилъ его уму-разуму. Семенъ Ивановичъ, продѣлавъ все это, вылѣзъ наконецъ изъ-подъ колесъ и былъ, что называется, чортъ-чортомъ. Потъ катилъ съ него ручьями; самый лучшій его пиджакъ былъ покрытъ мучной пылью и выпачканъ саломъ и дегтемъ; новые сапоги, которые онъ только-что надѣлъ въ первый разъ, оказались всѣ въ грязи, а самыя лучшія панталоны съ ланпасомъ — разодранными на колѣнкахъ. Семенъ Ивановичъ чуть не ахнулъ, увидавъ все это, между тѣмъ какъ генералъ продолжалъ просить:

— Запиши, запиши непремѣнно...

— Я запишу-съ, — отвѣчалъ Семенъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, запиши, запиши сейчасъ-же, самъ ты скажешь мнѣ спасибо. Запиши, запиши...

И только когда онъ лично убѣдился, что все записано вѣрно, безъ ошибокъ, онъ повелъ Семена Ивановича на скотный дворъ, покрытый непроходимымъ навозомъ, на конюшню, въ которой стояло три клячи, только-что отвезшія Анну Герасимовну, — въ каретный сарай съ знаменитыми дрожками и ободранными санями, изъ которыхъ съ громкимъ кудахтаньемъ вырвалась, словно съумасшедшая, курица; водилъ его и по другимъ хозяйственнымъ заведеніямъ и только часовъ въ восемь вечера они возвратились домой.

Закуска стояла уже на столѣ. Тутъ была какая-то мутная водка съ лимонными корочками, побѣлѣвшими

отъ времени, бутылка хересу съ надписью «хересъ сухой высокій», тарелка съ рѣдькой, нарѣзанной ломтями, и засохшій круглый голландскій сыръ, оставшійся отъ Пасхи.

— А! вотъ и закуска!— почти вскрикнулъ генералъ, съ наслажденіемъ потирая руками. — Давай-ка, давай-ка... выпьемъ-ка да закусимъ. — И генералъ налилъ двѣ большихъ рюмки водки, указалъ на одну изъ нихъ Семену Ивановичу, а другую самъ взялъ.

— Ну-ка, чокнемся.

— За ваше здоровье, ваше превосходительство, — проговорилъ Семенъ Ивановичъ раскланиваясь.

— Спасибо.

Чокнулись.

— Ну что, какъ на твой вкусъ...

— Великолѣпная!— отвѣтилъ Семенъ Ивановичъ и поспѣшилъ поскорѣе закусить рѣдькой, такъ какъ чувствовалъ, что проглотилъ что-то въ родѣ фотогена...

— А! тото вотъ и есть!— говорилъ, между тѣмъ, генералъ; но, понюхавъ водку, незамѣтно поставилъ ее на столъ.— Это, братецъ, чичеринская — пшеничная изъ Тамбова... прелесть что за водка.

И потомъ, замѣтивъ, что Семенъ Ивановичъ съ жадностію напалъ на рѣдьку и на черный хлѣбъ, генералъ остановилъ его.

— Да что ты на рѣдьку-то навалился, братъ, словно какъ ты никогда не видалъ ее, —проговорилъ онъ, ухвативъ его за руку, вооруженную вилкой... Вотъ... что ѣшь... сыръ!.. Попробуй-ка, совѣтую... это не чета твоему Ладошинскому-то!.. отъ Елисѣева, братецъ... попробуй, попробуй, попробуй... на-ка вотъ тебѣ ножикъ... попробуй.

Семенъ Ивановичъ взялъ ножикъ, но, какъ ни старался онъ отрѣзать хотя самый незначительный кусочекъ, окаменѣлый сыръ только вертѣлся, выскальзывалъ изъ-подъ ножа и, наконецъ, выскользнулъ такъ, что вырвался изъ рукъ и съ громомъ покатился по полу, въ кабинетъ генерала.

— Нѣтъ, ты все-таки попробуй, попробуй!..— говорилъ между тѣмъ генералъ и, наливъ себѣ рюмку хересу, выпилъ его залпомъ.— Попробуй, сыръ замѣчательный... такого у Санина не найдешь, братецъ...

Семенъ Ивановичъ сбѣгалъ за сыромъ и, принеся его, отковырнулъ кое-какъ кусокъ...

— Ну выпей еще.

Семенъ Ивановичъ выпилъ и закусилъ.

— Ну что, какъ?

— Отличный, ваше превосходительство.

— А я такъ, братецъ, предпочитаю русскую закуску! — говорилъ, между тѣмъ, генералъ, насаживая на вилку нѣсколько ломтей рѣдьки. Что можетъ быть лучше рѣдьки!..

— Съ квасомъ еще хорошо, ваше превосходительство. Натереть этакъ на терочкѣ, да картофельцу туда, лучку зеленаго.

— Ты любишь?

— Очень-съ!— отвѣтилъ Семенъ Ивановичъ, потерявшій всякую надежду на болѣе существенное кушанье.

— Такъ это мы, братецъ, сейчасъ скомандуемъ.

И, подойдя къ двери, генералъ крикнулъ Щипцову:

— Щипцовъ! бѣги въ людскую, натри намъ рѣдички, покроши туда вареного картофельцу, лучку

зеленаго потолки, разведи все это кваскомъ и тащи сюда. Понялъ?

— Понялъ, ваше превосходительство.

— Ну, маршъ! или нѣтъ, постой... А, что, братецъ, какъ ты на счетъ яишенки помышляешь? — спросилъ генералъ, обратясь къ Семену Ивановичу и прищуривая лѣвый глазъ.

Семенъ Ивановичъ даже съ мѣста привскочилъ отъ удовольствія.

— Съ ветчинкой-бы... отлично-съ, — проговорилъ онъ и тоже подмигнулъ.

— Ветчина есть? — спросилъ генералъ.

— Никакъ нѣтъ-съ!

— И безъ ветчины отлично, ваше превосходительство! — поспѣшилъ подхватить Семенъ Ивановичъ, боясь какъ-бы по неимѣнію ветчины, не было отложено распоряженіе о яичницѣ.

— Ну, валяй и яичницу!—проговорилъ генералъ и, подойдя снова къ столу, налилъ себѣ рюмку хересу, а Семену Ивановичу водки. Давай-ка, выпьемъ пока.

Чѣмъ больше Семенъ Ивановичъ пилъ водку, тѣмъ менѣе отзывалась она фотогеномъ, и онъ наконецъ до того принюхался къ этому запаху, что когда Щипцовъ торжественно поставилъ на столъ чашку съ тертой рѣдькой, разведенной квасомъ, водки въ графинѣ уже не было. Однако гостепріимный хозяинъ, замѣтивъ пустоту въ графинѣ, немедленно приказалъ снова наполнить его и, когда графинъ былъ поданъ, бесѣдовавшіе принялись за ужинъ. За рѣдькой послѣдовала яичница, состряпанная къ особому удовольствію Семена Ивановича на огромнѣйшей сковородѣ, а часамъ къ одиннадцати вечера ужинъ кончился. Такъ какъ

Семенъ Ивановичъ и изъ втораго графина выпилъ почти половину водки, то ничего нѣтъ удивительнаго, что, вставши изъ-за стола, онъ чувствовалъ, что въ головѣ его происходитъ что-то неладное, и потому поспѣшилъ домой. Генералъ принялся было оставлять его ночевать, но Семенъ Ивановичъ рѣшительно отказался и отправился пѣшкомъ домой.

Но когда генералъ остался одинъ, онъ снова вспомнилъ объ Аннушкѣ, и тяжелый вздохъ вырвался изъ его груди. Тоска снова овладѣла имъ. Мысль, что онъ одинъ, что онъ брошенъ, что Аннушка его, можетъ быть, именно въ эту самую минуту находится въ объятіяхъ Органскаго, до того овладѣла имъ, что онъ рѣшительно упалъ духомъ. Вспомнилъ онъ телеги, нагруженныя сундуками, перинами и разнымъ хламомъ; вспомнилъ прощаніе съ нимъ Аннушки, почувствовалъ на губахъ своихъ послѣдній поцѣлуй ея... и чувство тоски и одиночества закралось въ его душу. Онъ прошелъ въ ея комнату. Луна ярко освѣщала ее; но увы, она была пуста. На полу, блѣднымъ свѣтомъ, рисовалась оконная рама; генералъ безсмысленно посмотрѣлъ на это отраженіе, зачѣмъ-то перешагнулъ черезъ него, вздохнулъ и пошелъ опять на свою половину. Щипцовъ, сидя на конникѣ и опустя голову на грудь, храпѣлъ, и только одинъ этотъ храпъ нарушалъ могильную тишину, которая царила въ домѣ.

— Аннушка! Аннушка! —шепталъ генералъ, какъ-бы призывая ее, какъ-бы умоляя придти къ нему, но Аннушки не было, и генералъ, сидя на креслѣ, поникъ головой.

XV.

Не весело было и Надеждѣ Ивановнѣ. Всѣ эти дни тоска томила ее. Она не знала, что ей дѣлать, не въ томъ смыслѣ, чтобы не могла найти себѣ занятія, а просто не знала, что дѣлать ей вообще съ жизнью. Закопченная, тѣсная баня какъ-будто давила и безъ того уже придавленное сердце ея. Иногда заходила она къ Катеринѣ Васильевнѣ, но это общество мало облегчало ея страданія. Катерина Васильевна утѣшала ее по-своему и, попрежнему, никакъ не могла сообразить настоящаго горя Надежды Ивановны. Ей все казалось, что весь сыръ-боръ горитъ отъ того только, что Надежда Ивановна потеряла Органскаго, и только въ этой мысли она почерпала свои уговариванья и утѣшенія. Тогда Надежда Ивановна, наслушавшись гнусныхъ утѣшеній, снова оставляла Катерину Васильевну и возвращалась къ себѣ.

Нѣсколько разъ приходили къ ней дамы села Малиновки. Онѣ приходили разодѣтыми по-праздничному и, входя въ баню, словно остерегались, какъ-бы не запачкать свои лучшія платья. Онѣ тоже утѣшали Надежду Ивановну, каждая по-своему, и ни одна, конечно, не напала на настоящую боль. Онѣ и не воображали, что въ этой боли Органскій — ничто, и что Надежда Ивановна столько же думала объ немъ, сколько и объ нихъ. Утѣшенія свои онѣ кончали всегда тѣмъ, что Богъ милостивъ, что ее Онъ утѣшитъ, не оставитъ, а Органскаго накажетъ. Затѣмъ онѣ вставали, цѣловали Надежду Ивановну и уходили.

У Бузыкиныхъ Надежда Ивановна почти каждый разъ встрѣчала Курганова. Онъ читалъ Катеринѣ Васильевнѣ стихи и пилъ съ Семеномъ Иванычемъ водку. Иногда рѣчь заходила и объ Органскомъ, и изъ разговоровъ этихъ Надежда Ивановна узнала, что Органскій ѣздилъ въ городъ за покупками, что привезъ двухспальную кровать, раздѣланную подъ орѣхъ, и двѣ вѣнчальныя свѣчи съ золотомъ, лентами и бѣлыми цвѣточками жасмина — эмблемою чистоты и невинности. Но все это не только не волновало Надежду Ивановну, но просто не занимало. Она даже пропустила мимо ушей, что общество крестьянъ села Малиновки отказало Органскому отъ учительскаго мѣста; что Органскій, узнавъ про это, расхохотался, вышелъ къ собравшимся старикамъ и объявилъ, что въ должности этой онъ теперь нисколько не нуждается и потому плюетъ имъ въ бороды больше вчерашняго. Про Органскаго вообще разсказовъ было очень много, онъ былъ героемъ дня, но Надежда Ивановна сплошь и рядомъ уходила, не дослушавъ до конца.

Однажды, зайдя къ Бузыкинымъ вечеромъ и услышавъ въ залѣ голосъ Органскаго, она остановилась въ сосѣдней комнатѣ.

Органскій былъ одѣтъ франтомъ. Стоя посреди комнаты, передъ диваномъ, на которомъ сидѣли Семенъ Иванычъ, Катерина Васильевна и Кургановъ, и замѣтно рисуясь, онъ разсказывалъ имъ про снятый въ аренду участокъ. Разсказывалъ, какъ онъ пьянствовалъ съ помѣщикомъ трое сутокъ, и какъ, наконецъ, ему удалось обойти землевладѣльца и за полцѣны снять участокъ въ аренду. Разсказывалъ, что онъ уже перебралъ у Анны Герасимовны болѣе двух-

сотъ рублей, что всѣ деньги эти онъ уже размоталъ, но надѣется отобрать отъ нея всѣ вообще капиталы и сдѣлаться современемъ человѣкомъ вполнѣ самостоятельнымъ. А когда онъ разсказалъ, что у Анны Герасимовны денегъ шесть тысячъ слишкомъ, и что всѣ деньги эти заключаются въ новенькихъ кредитныхъ билетахъ, даже не бывшихъ въ обращеніи, а только перешедшихъ изъ рукъ генерала Малахова и затѣмъ нырнувшихъ въ сундукъ Анны Герасимовны, то вся компанія разразилась такимъ дружнымъ смѣхомъ, что Надежда Ивановна даже вздрогнула и, никѣмъ не замѣченная, вышла изъ дома.

Когда Органскій пошелъ домой и былъ уже возлѣ мельницы, Надежда Ивановна остановила его.

— Послушайте, Органскій!— проговорила она: — я хочу поговорить съ вами.

Органскій остановился и поклонился Надеждѣ Ивановнѣ.

— Можете вы удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ?

— Сколько вамъ угодно.

— Послушайте, я не знаю, что дѣлать мнѣ съ собой... Я нахожусь въ такомъ ужасномъ состояніи, что голова моя рѣшительно не въ состояніи что-нибудь сообразить. Что мнѣ дѣлать? Не подумайте, что я хочу просить васъ о возвратѣ любви вашей. Дайте мнѣ простой совѣтъ: что мнѣ съ собой дѣлать?

Органскій видимо смутился.

— Вѣдь нельзя же мнѣ идти къ мужу!—продолжала Надежда Ивановна.—Я не могу жить съ нимъ, даже еслибы онъ и принялъ меня. Вы видѣли его отвѣтъ на мое письмо; вамъ извѣстно намѣреніе его вытре-

бовать меня къ себѣ и сдѣлать горничной проживающей у него француженки.

— Подлецъ!—глухо прошепталъ Органскій.

— Отца у меня нѣтъ, состоянія нѣтъ, скажу вамъ больше, у меня нѣтъ вѣры... Прошлое мое разбито, а будущее само собой разрушилось! Послушайте... Вы когда-то многому учили меня. Многое указали мнѣ, о существованіи чего я даже и не подозрѣвала. Вы изобразили мнѣ жизнь такою, какова она есть на самомъ дѣлѣ; докончите-же картину жизни и укажите мнѣ цѣль ея.

— Надежда Ивановна!—проговорилъ Органскій.—Вы больны, займитесь прежде своимъ здоровьемъ, помните, что только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ быть здоровая душа. Итакъ, начните съ этого.

— И только?—почти съ воплемъ спросила Надежда Ивановна.

— Нѣтъ, не только. Вспомните тѣ цѣли, которыя когда-то обоихъ насъ одушевляли...

— Я помню ихъ!—почти вскрикнула Надежда Ивановна.—Онѣ были такъ честны, такъ святы...

— Послушайте,—перебилъ ее Органскій дрожащимъ голосомъ:— я не устоялъ. Во мнѣ оказалась подлая, грошевая душенка, а русская водка довершила остальное. Къ несчастію, вы были свидѣтельницею того, что я спился. Остановить меня вы были не въ силахъ, потому что слишкомъ много прощали мнѣ. Но я все-таки оставилъ вамъ наслѣдство, хотя и пропилъ ваше. Наслѣдство мое заключается въ томъ, что я поселилъ въ васъ любовь къ ближнему. Будьте учительницей. Ваше сердце, полное самоотверженія, укажетъ вамъ, что вы должны дѣлать. На поприщѣ этомъ женщина

можетъ сдѣлать многое. Соберите вокругъ себя дѣтей, этихъ чумазыхъ крестьянскихъ ребятишекъ, которые такъ полюбили васъ, и займитесь ими. Я знаю, какъ вы занимались ими, и заранѣе радуюсь за васъ и за нихъ. Я заранѣе пророчу вамъ успѣхъ, потому что чувства, которыя связывали васъ и птенцовъ этихъ, весьма похожи на тѣ святыя чувства, которыя существуютъ между матерью и дѣтьми!

— Да, это правда, это такъ... Благодарю васъ! — могла только проговорить взволнованная Надежда Ивановна и крѣпко пожала Органскому руку. — Прощайте. —

Словно тяжелое бремя скатилось съ души Надежды Ивановны; она легко вздохнула, приложила руку къ сердцу и почувствовала, что сердце это не замирало, а радостно билось. Она почти веселая воротилась домой.

На другой-же день она отправилась къ волостному старшинѣ и предложила свои услуги въ качествѣ учительницы на мѣсто Органскаго. Въ волостномъ правленіи, по случаю какой-то сходки, всѣ старики были налицо. Старики, какъ только услыхали о предложеніи Надежды Ивановны, такъ въ ту-же минуту приняли ее съ радостью и сдѣлали ее учительницей малиновской сельской школы. Надежда Ивановна словно переродилась, и опять сдѣлалась такою, какою была, только-что пріѣхавши въ Малиновку; она почувствовала въ себѣ силу и не боялась уже будущаго. Съ нетерпѣніемъ ждала она завтрашняго дня, когда должна была уже переѣхать въ домъ сельской школы, и не подозрѣвала даже, что именно этотъ-то завтрашній день и разрушитъ всѣ ея мечты.

Не успѣлъ Семенъ Иванычъ, отправляясь къ генералу Малахову, выбраться изъ села Малиновки и до-

ѣхать до знакомаго уже намъ лѣса, какъ къ крыльцу его дома съ громомъ колокольчиковъ и бубенчиковъ подлетѣлъ тарантасъ, въ которомъ сидѣлъ становой. Ловко сбросивъ съ себя шинель и взявъ подъ мышку портфель, онъ вошелъ на крылечко и скрылся въ дверь, ведущую въ домъ Бузыкиныхъ. Все это видѣла Надежда Ивановна изъ окна своей бани, и сердце ея дрогнуло.

Немного погодя, становой съ портфелемъ подъ мышкой, вышелъ изъ дома и направился по тропочкѣ, ведущей къ банѣ. Скрипнула дверь передбанника, задребезжали шпоры, и, нагнувшись чуть не въ три погибели, становой вынырнулъ изъ двери и очутился лицомъ къ лицу съ Надеждой Ивановной. Она приняла его стоя.

— Здравствуйте! — проговорилъ становой, подавая ей руку.

— Здравствуйте.

— Что это? — проговорилъ становой, оглядывая баню и въ безпорядкѣ лежавшіе узлы. — Вы, кажется, переѣзжать собираетесь?

— Да, я мѣсто получила, здѣсь же въ Малиновкѣ... Меня учительницей сдѣлали,—проговорила она дрожащимъ голосомъ и силясь улыбнуться: — такъ вотъ я и уложилась. — Завтра классы начнутся, я и хочу сегодня перебраться...

— А у меня къ вамъ дѣло есть, Надежда Ивановна.

— Что такое? — И она приложила руку къ сердцу.

Становой подошелъ къ столу, щелкнулъ маленькимъ замочкомъ портфеля и началъ рыться въ бумагахъ.

— Скорѣе, ради Бога! — чуть не вырвался изъ

груди стонъ Надежды Ивановны, но она подавила этотъ стонъ и стояла блѣдная, какъ смерть.

— Васъ мужъ требуетъ къ себѣ.

Словно оборвалось что-то въ сердцѣ Надежды Ивановны.

— Мужъ? — прошептала она.

— Да, мужъ.

— Но вѣдь я не могу ѣхать... Я больна... Вы сами видите, въ какомъ я положеніи...

Становой посмотрѣлъ на нее.

— А скоро вы думаете поправиться?

— Я не знаю...

Становой задумался.

— Въ такомъ случаѣ, — проговорилъ онъ, немного погодя: — я попрошу васъ дать мнѣ подписочку, что, по болѣзни, вы не можете сейчасъ же явиться къ мужу, но что, по выздоровленіи, явитесь немедленно.

— Извольте.

Становой взялъ подписанную бумагу, засыпалъ ее пескомъ, сунулъ въ портфель и снова щелкнулъ замочкомъ.

— Ну-съ, до свиданья.

— Прощайте.

— Ахъ, — не безъ досады проговорилъ становой: — а мнѣ еще въ Ольшанку скакать надо: — мертвое тѣло, женщина какая-то повѣсилась...

— Повѣсилась? — спросила Надежда Ивановна.

— Да, повѣсилась. Ну-съ, прощайте. Выздоравливайте скорѣе, хворать нехорошо; въ ваши лѣта не хворають.

И становой вышелъ, а немного погодя, снова загремѣли колокольчики и бубенчики, и тарантасъ скрылся.

— Что же теперь? — прошептала какъ-то растерянно Надежда Ивановна. — Приходится опять разбираться!...

И она принялась машинально развязывать узлы.

Когда, часа черезъ полтора послѣ описаннаго, Катерина Васильевна пришла въ баню провѣдать *постоялку*, то она даже руками всплеснула, взглянувъ на лицо несчастной Надежды Ивановны. Въ ту же минуту она послала за фельдшеромъ, который и не замедлилъ явиться. Фельдшеръ осмотрѣлъ больную, пощупалъ пульсъ, выслушалъ сердце и, объявивъ, что *все пустяки*, сбѣгалъ за лавровишневыми каплями, съ достоинствомъ накапалъ въ рюмку 23 капли и далъ принять ихъ Надеждѣ Ивановнѣ.

Но, часа два спустя послѣ визита фельдшера, съ сердцемъ Надежды Ивановны случилось что-то такое столь ужасное, что она въ испугѣ вскочила съ постели и прибѣжала къ Катеринѣ Васильевнѣ.

— Что съ вами, душенька? — вскрикнула та.

— Страшно, страшно мнѣ! — прошептала Надежда Ивановна и испуганными глазами начала обводить комнату.

— Вы что, душенька? Ищете что ли чего?

— Воды дайте мнѣ...

Весь этотъ день пробыла Надежда Ивановна у Катерины Васильевны: она боялась бани, боялась низенькихъ дверей, боялась черной закоптѣлой комнатки, а, главное, боялась одиночества.

Вечеромъ, распростившись съ Катериной Васильевной, собиравшейся къ Аннѣ Герасимовнѣ на *балъ*, Надежда Ивановна пошла домой. Со страхомъ подошла она къ своей банѣ, осмотрѣла ее, отворила ни-

зенькую дверь и, согнувшись, вошла въ передбанникъ. Тамъ было темно. Ужасъ овладѣлъ бѣдной женщиной, она остановилась... — «Чего же я боюсь?» — подумала она: — точно маленькая я, темноты испугалась! Войду въ комнату, зажгу лампу, и страхъ пройдетъ!» И дрожавшею рукою она ощупала дверь, нашла скобку и, поспѣшно распахнувъ дверь, вошла въ баню. Въ банѣ тоже было темно, и ужасъ еще болѣе овладѣлъ Надеждой Ивановной. — «Куда я спички положила?» — шептала она... И бросилась ощупывать скамью, окна, полокъ и по мѣрѣ того, какъ она не находила коробки со спичками, чувствовала, что силы окончательно покидаютъ ее. Она готова была бѣжать вонъ изъ бани, какъ вдругъ рука ея, торопливо бѣгавшая по столу, ощупала спички... Силы какъ-будто возвратились... Она вздохнула и зажгла лампу. — «Ну, вотъ теперь и нестрашно!» — прошептала она, сѣла на кровать и невольно взглянула на образокъ. Долго и съ мольбой смотрѣла она на темный ликъ, окаймленный металлическимъ сіяніемъ, какъ бы ожидая отъ него помощи, но образокъ не помогъ ей. Неподвижными глазами смотрѣлъ онъ на страдавшую женщину и словно не понималъ этихъ страданій!... «Свѣчу зажечь развѣ!» — подумала она и, розыскавъ гдѣ-то восковой огарокъ, зажгла его, прилѣпила къ образку и упала передъ нимъ на колѣна... Но изъ этого вышло одно только, что ликъ сдѣлался какъ-будто еще темнѣе, а оправа еще ярче заблестѣла своей позолотой. Дрожь пробѣжала по тѣлу ея. Она вспомнила становаго, вспомнила подписку и выбѣжала изъ бани.

Какъ только очутилась она на воздухѣ, такъ въ ту же минуту порѣшила идти къ Органскому, раз-

сказать ему про визитъ становаго, про подписку и посовѣтоваться, что ей дѣлать. Она не шла, а бѣжала по направленію къ училищу, но въ училищѣ сказали ей, что Органскій переѣхалъ уже на квартиру. Она разузнала, гдѣ его квартира, и побѣжала туда, но на квартирѣ ей объявили, что Органскій еще съ утра ушелъ къ невѣстѣ. Она побѣжала туда, но, увидавъ въ окно, что Органскій былъ у Анны Герасимовны не одинъ и что тамъ сидѣли и судебный приставъ, и Кургановъ, и фельдшеръ, войти не рѣшилась, и пошла домой. На половинѣ дороги ей встрѣтились расфранченныя дамы: онѣ шли на вечеръ къ Аннѣ Герасимовнѣ. Съ удивленіемъ посмотрѣли онѣ на бѣжавшую Надежду Ивановну, спросили ее, куда она такъ торопится, но Надежда Ивановна, неслыхавшая даже вопроса, пробѣжала мимо, ничего не отвѣтивъ...

Такъ добѣжала она до дома священника. Яркій огонекъ вырывался изъ окна и, словно раскаленная сабля, вонзался въ землю. Надежда Ивановна даже остановилась, добѣжавъ до этого луча, преграждавшаго ей дорогу...

— Къ нему развѣ зайти! — подумала она. — Да, конечно... отчего же нѣтъ... конечно... Развѣ онъ не можетъ пособить мнѣ, если не совѣтомъ, то хоть словомъ утѣшенія...

И она вошла въ домъ. Священникъ встрѣтилъ ее ласково, посадилъ на диванъ и предложилъ чаю, но Надежда Ивановна отъ чаю отказалась и молча смотрѣла на священника. Онъ сидѣлъ противъ нея, сложивъ на животѣ пухлыя руки и повертывая большими пальцами то въ одну, то въ другую сторону!

— Вотъ тоска меня гнететъ, батюшка! — хотѣла

было проговорить Надежда Ивановна, но почему-то раздумала и не сказала ни слова, а батюшка, чтобы прервать молчаніе, говорилъ:

— Народъ неблагодарный здѣсь, сударыня, ужасно неблагодарный... въ прежнемъ приходѣ много мягче былъ народъ... Тамъ бывало какія работы подомашности, вкругъ дома, изъ одного уваженія дѣлали, а здѣсь не повѣрите ли, ни у кого топора не выпросишь дровецъ нарубить.

И снова повертѣвъ пальцами священникъ, вздохнулъ и замолчалъ, а Надежда Ивановна, безсмысленно глядя на его сапоги, за голенища которыхъ были заправлены нанковые шаровары, думала: — «Отчечо же они не носятъ панталонъ поверхъ сапогъ?»

— Гулять изволили? — спросилъ батюшка.

— Да...

— Ночь отличная! — подхватилъ священникъ: — свѣтлая, лунная... Разъ этакъ, въ лунную ночь, по лѣсу пришлось мнѣ ѣхать... Свѣтло, хорошо было... ѣду себѣ, смотрю, а возлѣ самой дороги на сучкѣ дѣвка виситъ... Я думалъ перва—сарафанъ какой-нибудь, подошелъ, а это дѣвка съ распущенной косой... У меня даже волосъ дыбомъ сталъ, мурашки по тѣлу пробѣжали...

— Что же, она повѣсилась? — спросила Надежда Ивановна.

— Такъ точно-съ. А другой разъ, зимой было дѣло, какъ разъ на другой день Крещенья... За сѣномъ въ степь ѣздилъ. Запоздалъ какъ-то и тоже ночью возвращаться пришлось. Лунная такая, свѣтлая ночь была, на замерзшаго человѣка наѣхалъ... лежитъ себѣ бѣдняжка свернувшись, и снѣжкомъ его запорошило...

Не повѣрите ли, лошадь даже испугалась, фыркнула и бросилась въ сторону... Я потолкалъ, потолкалъ его... Нѣтъ, не проснулся... бѣдняга... уснулъ вѣчнымъ сномъ могилы...

Надежда Ивановна вздрогнула, схватилась за сердце и, простившись съ батюшкой, снова выбѣжала на улицу.

Ночь была лунная, свѣтлая, на небѣ ни одного облачка. Это была одна изъ тѣхъ ночей, которыя, серебристымъ блескомъ обливая окрестность, превращаютъ ее въ какую-то сказочную картину царства тѣней и свѣта.

Надежда Ивановна пошла по дорогѣ, ведущей къ лѣсу, отдѣляющему село Малиновку отъ усадьбы генерала Малахова. Дойдя до лѣса, она остановилась, посмотрѣла кругомъ и даже улыбка обрисовалась на ея губахъ. «Ну, вотъ, — прошептала она: — здѣсь не страшно; прохожу до разсвѣта, а утромъ пойду къ Органскому и посовѣтуюсь съ нимъ. Какъ хорошо здѣсь, какъ свѣтло!» И Надежда Ивановна принялась любоваться картиной. Она стояла на дорогѣ, пролегавшей по нагорному берегу рѣки. Вправо виднѣлось село Малиновка, мельница Семена Иваныча, окутанная громадными ветлами, влѣво лѣсъ, раскинутый по полугорью, а спереди — луга съ извивавшейся лентой рѣки. Соловьи оглашали окрестность. Все было тихо, все какъ-будто внимало этой музыкѣ ночи. Рѣка горѣла серебристымъ блескомъ и неподвижныя воды ея, точно зеркало, отражали въ себѣ прилегавшіе берега. Въ ней опрокидывались и лѣсъ, и синее небо съ серебрянымъ кругомъ луны.

Насмотрѣвшись вдоволь на все это, Надежда Ива-

новна пошла по дорожкѣ, углублявшейся въ лѣсъ. Въ лѣсу тоже царствовала тишина, только тѣни были больше подъ зеленымъ шатромъ его, да воздухъ былъ какъ-то сырѣй и прохладнѣй. Въ густой травѣ блестѣли свѣтящіеся жучки; словно какая-то волшебница убрала лѣсъ бриллiантами. И вспомнила опять Надежда Ивановна свое дѣтство, вспомнила прожитую жизнь, вспомнила выданную становому записку, и снова мрачныя мысли ворвались въ ея голову. Она шла тихо и не замѣчала даже, какъ все дальше и дальше углублялась въ лѣсъ. Наконецъ, она остановилась, стала прислушиваться, и сердце ея замерло. Вопросъ: что дѣлать?—какъ страшный призракъ, вновь возсталъ передъ нею и сжалъ ей сердце. Надежда Ивановна вздрогнула, провела рукой по головѣ, пощупала сердце и пошла дальше. И, по мѣрѣ того, какъ углублялась она въ это царство тѣни, мысли ея путались, перемѣшивались. Неужели ѣхать къ мужу, неужели сдѣлаться горничной? А нагайка? И вдругъ вопль вырвался изъ груди ея, голова закружилась, сердце замерло, и она, чтобъ не упасть, прислонилась къ стволу дерева. Силы ее оставили, голова продолжала кружиться. Прямо надъ нею спускался сучекъ дерева, она могла даже достать его рукою. Она подняла руку, ухватилась за сучекъ и въ ту же минуту словно что-то вспомнила, и улыбка исказила лицо ея...

XVI.

Недѣли черезъ двѣ послѣ описаннаго, состоялось бракосочетаніе Органскаго съ Анной Герасимовной,

вскорѣ послѣ котораго молодые переѣхали на хуторъ и принялись за хозяйство. Какъ только совершился обрядъ вѣнчанія, такъ въ ту же минуту Анна Герасимовна вступила въ права законной супруги и сразу подобрала мужа въ руки. Она объявила ему, что если онъ будетъ продолжать вести себя попрежнему, то пусть идетъ себѣ, куда ему угодно, и что она теперь, когда *голова ея покрыта,* отлично обойдется и безъ него. Денегъ она мужу не давала и въ скоромъ времени такъ вышколила Органскаго, что онъ безъ спроса не смѣлъ даже отлучаться съ хутора. Генералъ Малаховъ тоже успокоился; въ прикащики нанялъ себѣ извѣстнаго намъ Платона Васильича, съ которымъ пѣлъ когда-то «Жизни тотъ одинъ достоинъ», а экономкой сдѣлалъ тоже извѣстную намъ Анисью. Жалованья полагалось ей не 20 рублей въ мѣсяцъ, какъ получала Анна Герасимовна, а всего 5 рублей, полфунта чаю въ 60 коп. и 2 фунта сахару; относительно же отсыпнаго генералъ назначилъ ей: одинъ пудъ муки ржаной, одинъ пудъ пшеничной и полмѣры пшена. За эту плату Анисья дѣлала все и всюду поспѣвала. Она мочила, солила, варила варенья, дѣлала наливку и даже совѣтовала генералу расчесть кухарку.

— На что ее, ваше превосходительство! — говорила она: — для вашей милости я и сама вамъ обѣдъ изготовлю.

— Ты съумѣешь ли?

— Эка хитрость какая! я бы и прачку-то совѣтовала вамъ расчесть.

— Неужто и бѣлье сама мыть хочешь?

— Да что! хуже ея что-ли выстираю; на одного-то на васъ нѣшто много времени надоть!

И дѣйствительно, генералъ вскорѣ уволилъ и кухарку и прачку, и все дѣло ихъ передалъ Анисьѣ. Онъ не зналъ, какъ благодарить Семена Иваныча за рекомендацію. Онъ и пилъ и ѣлъ въ сласть; въ домѣ его все отличалось порядкомъ. Расторопная Анисья поспѣвала всюду, и дѣло кипѣло у нея въ рукахъ; но за то полевое хозяйство, которымъ завѣдывалъ Платонъ Васильичъ, шло изъ рукъ вонъ плохо. Земля обработывалась дурно, хлѣбъ убирался несвоевременно и небрежно, плотина на мельницѣ все еще оставалась незапруженною, съ рабочими онъ не умѣлъ справляться: кричалъ, ругался, а дѣло все-таки не спорилось. Но когда Платонъ Васильичъ встрѣчался съ генераломъ, то за нѣсколько шаговъ еще останавливался, вытягивался въ струнку и, приложивъ руку къ козырьку, встрѣчалъ и провожалъ его глазами. Иногда генералъ Малаховъ важно подходилъ къ нему и, тоже сдѣлавъ подъ козырекъ, спрашивалъ:

— Ну, что, все ли благополучно?

— Все, слава Богу, ваше превосходительство.

— Хлѣбъ свезенъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Рожь посѣяна?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— А мельницу запрудили?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Ну, спасибо.

— Рады стараться, ваше превосходительство.

Въ то самое время, когда оканчивается настоящій разсказъ, небо застилается быстро бѣгущими сѣдыми тучами и дождь льетъ какъ изъ ведра. Ненастье это продолжается уже нѣсколько дней и сложенные въ

копны рожь, пшеница, овесъ и ячмень промочены насквозь. Хлѣбъ начинаетъ проростать; снопы покрылись мѣстами зеленью тронувшихся зеренъ; зловѣщіе грибы-поганки и дождевики цѣлыми кучами покрываютъ землю; на сжатыхъ поляхъ стоятъ болота воды; по дорогамъ нельзя ѣздить, вязнутъ лошади и колеса. Съ ужасомъ смотрятъ всѣ на небо и на поля, и съ ужасомъ помышляютъ о погибшихъ трудахъ. А сѣрыя тучи все летятъ и летятъ съ запада на востокъ, извергая потоки воды... Пролетитъ одна туча, окатитъ поля водой, а слѣдомъ за нею ползетъ другая.

Генералъ Малаховъ стоитъ на крыльцѣ и со злобой смотритъ то на тучи, то на поля съ гніющимъ хлѣбомъ.

— Лей, лей, подлецъ! — кричитъ онъ. — Лей, лей, вотъ такъ! прибавь еще! Ты думаешь, у генерала денегъ нѣтъ — врешь, подлецъ, еще есть!

И сбѣгавъ въ кабинетъ, онъ принесъ окованную желѣзомъ шкатулку и, поднявъ ее, закричалъ снова:

— Вотъ она, смотри, подлецъ, вотъ...

Но генералъ вралъ, ибо въ шкатулкѣ, точно, были деньги, но только не теперь, а когда-то!

Какъ-то разъ корреспондентъ Кургановъ, зайдя на хуторъ къ Органскому, разговорился съ нимъ про Надежду Ивановну и про ея смерть.

Органскій захохоталъ.

— Это, братецъ, нынче въ модѣ!.. — проговорилъ онъ. — Вотъ недавно одному моему пріятелю надоѣло застегиваться и разстегиваться... Обозлился человѣкъ «Да что же это такое, — говоритъ онъ: — скоро ли этому конецъ будетъ!» взялъ револьверъ да и всадилъ себѣ пулю въ лобъ!

Надежда Ивановна похоронена не на кладбищѣ, а возлѣ, но все-таки на могилѣ ея кто-то поставилъ крестъ, который и стоитъ до сихъ поръ, напоминая собою тяжелую исторію бѣдной женщины.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА.